

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

instituteofhistory.ru

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Дагестан
1941-1945 гг.

Воспоминания

instituteofhistory.ru

Махачкала – 2015

УДК 93/94
ББК 63.2(2Рос-Даг)
Д-

Издание осуществлено по решению ученого совета
Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН и
при поддержке РГНФ (проект №...)

Редакционная коллегия: Мирзабеков М.Я. (отв. редактор), Далгат Э.М.,
Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М.

Рецензенты:
Османов А.И., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Каймаразов Г.Ш., доктор исторических наук, профессор

Составители: Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М., Амирханова М.М.

Д Детство, опаленное войной. Дагестан.1941 – 1945 гг. Воспоминания. /
ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2015. – с.

ISBN

Цель настоящего издания – сохранить бесценные свидетельства о суровых и тяжелейших событиях военной поры – воспоминания тех, кто в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. были детьми. Как они жили, как трудились рядом со взрослыми, стараясь приблизить Победу, о чем мечтали, как любили свою Родину.

В издании имеются развернутое введение и приложения, куда включены фотографии военных и первых послевоенных лет, примечания с краткими пояснениями основного текста.

Книга рассчитана на специалистов по истории Дагестана и Северного Кавказа, студентов гуманитарных факультетов вузов, практических работников, широкий круг читателей.

УДК 93/94
ББК 63.2(2Рос-Даг)

ISBN

©
©
©
©

Дети и война: 70 лет спустя

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. явилась суровым испытанием для всех народов Советского Союза, потребовала мобилизации всех их сил и возможностей советских людей для разгрома врага и достижения Победы. В годы войны народы нашей страны проявили массовый ратный и трудовой героизм, беззаветную любовь к своей Родине. Никогда еще история не знала таких примеров массового героизма и самопожертвования, никогда еще патриотизм народа не проявлялся с такой яркой силой. Весомый вклад в достижение победы над врагом внесли и дагестанцы.

История Великой Отечественной войны – это одна из наиболее активно и плодотворно разрабатываемых проблем. В региональной и общероссийской историографии имеются обобщающие труды, монографии, научные статьи, диссертации, посвященные этапам и событиям войны, мемуары непосредственных участников сражений, тружеников тыла.

И все же, тема войны нуждается в дальнейшей углубленной разработке, особенно в связи с 70-летием Победы наших народов в Великой Отечественной войне. Изучение ее истории призвано показать величие народного подвига и способствовать усилению патриотического воспитания подрастающего поколения.

Издание документальных сборников свидетельств участников и очевидцев должно не только активизировать научную разработку истории Великой Отечественной войны, но и способствовать удовлетворению интереса общества к событиям сурового военного времени. Новым, не нашедшим отражения в дагестанской исторической литературе направлением, является подготовка и издание вспоминаний детей военной поры. Исключительно важно посмотреть и оценить события суровых лет войны глазами детей. Важность оперативной и безотлагательной подготовки такого издания была обусловлена тем, что поколение тех, кто в годы войны были детьми, в недалеком будущем будет потеряно, а с ними уйдут в небытие их воспоминания о военном детстве, о трудной, вместе с тем насыщенной событиями и примерами героизма, самопожертвования и бесконечной любви к Родине повседневности.

Историография Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. насчитывает немалое количество описаний судеб детей, рожденных в довоенные и военные годы. И даже те, кто не соприкоснулся напрямую

с боевыми действиями, своим трудом и помощью взрослым тоже приняли участие в войне и внесли свою посильную лепту в дело Победы.

Сегодня о поколении «детей войны» говорят на всех уровнях государственной власти. «Дети войны» совершили подвиг – они выжили в тяжелейших условиях военного времени. Они были лишены детства и юности, многие из них остались сиротами и воспитывались в детских домах в тяжелые военные и послевоенные годы, были лишены возможности учиться. Но, несмотря на это, они выросли достойными людьми. «Дети войны» сохранили историческую правду о войне: они помнят голод, холод, труд наравне со взрослыми. Эту правду нужно популяризовать и передавать молодому поколению, так как патриотизм немыслим без исторической преемственности.

По Федеральному Закону «О государственной социальной помощи детям войны» (2008 г.) «ребенок войны – лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, которому на время окончания (2 сентября 1945 г.) Второй мировой войны было меньше 18 лет». Известно, что в среднем ребенок начинает осознавать себя как личность с 3 – 4-х лет. С этого возраста сохраняются первые яркие впечатления об окружающем мире. Но осознанные воспоминания откладываются в возрасте постарше. Поэтому наша исследовательская группа пришла к выводу, что в издание войдут воспоминания тех, кто родился с 1927 по 1945 годы, т.е. кому на начало войны исполнилось 14 лет (трудоспособный возраст) и менее, и кто родился в период войны. Правда, и это ограничение в какой-то мере условно. С одной стороны, на наш взгляд, мы не посчитали вправе отказаться от привлечения воспоминаний тех, кто, приписав себе несколько лет, будучи, по существу еще подростком, ушел на фронт и испытал все тяготы взрослой фронтовой жизни. С другой стороны, мы понимаем, что те, кто родился на завершающем этапе войны, скорее всего, сохранили в памяти о военных годах то, что рассказывали им старшие. Нам пришлось иметь дело не только с непосредственными очевидцами событий военных лет, но и с их детьми, внуками, а иногда и правнуками, которые записали наиболее яркие эпизоды из рассказов своих родителей, дедушек, бабушек и т.д. Интервьюирование современных детей и подростков своих (пра)бабушек и (пра)дедушек, которые были в годы войны детьми, ознакомление с их воспоминаниями, помогли им прочувствовать тяжелые факты Великой Отечественной войны через призму восприятия ее такими же детьми, как они сами. Таким образом, фактическое наполнение событий войны личностными переживаниями близких людей позволит современной молодежи

глубже понять события войны и сохранить их в народной памяти, передать из поколения в поколение.

Сегодня в республике проживают десятки тысяч дагестанцев – «детей войны» – 1927 – 1945 годов рождения, чье детство прошло в военные и первые послевоенные годы. И пока еще есть реальная возможность провести опросы, беседы, анкетирование, осуществить аудио и видеозапись, наладить почтовую переписку и собрать воспоминания этих людей.

Работа, проделанная группой исследователей – высококвалифицированных научных сотрудников, руководствующихся методом строго научного историзма, объективности в изучении и оценке исторических явлений, событий и фактов социально-исторических процессов в многонациональном регионе, будет способствовать углубленному и объективному изучению и осмыслению истории Дагестана в годы Великой Отечественной войны, актуализации этой истории для современного поколения, внесет позитивный вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Публикация воспоминаний детей военных лет представляет большой научный интерес и имеет актуальное практическое значение. Это впервые предпринимаемая в дагестанском историко-исследовательском и историографическом сообществе попытка восполнить пробелы в освещении наиболее тяжелых страниц истории Дагестана 1941 – 1945 гг. полезным, ярким материалом для создания многоаспектной реконструкции социально-экономического, социополитического и социокультурного пространства.

Сегодня возрастает внимание к человеку в истории, к историко-культурному измерению прошлого. Вместе с тем растет значение источников личного происхождения для исторических исследований. Воспоминания – это источник личного происхождения. В опубликованных автобиографическая, социальная, этнографическая, социально-психологическая и, конечно, историческая информация, которая отсутствует в официальных документах и в источниках другого типа и вида. Источники личного происхождения, и это вполне относится к нашему случаю, позволяют изучать конкретные исторические личности на фоне той среды и той эпохи, к которым они принадлежат. Воспоминания детей военной поры позволяют увидеть живую картину прошлого – тяжелой войны, горя и страданий, нужды, недоедания, недосыпания, и в то же время ощущения сопричастности к великому подвигу народов всей страны. Можно сказать, что это «история снизу», раскрывающая, как люди разного положения, знания, кругозора переживали на себе это важное историческое событие. Увидеть войну глазами детей, это значит увидеть микроскопические

формы бытия, накопить множество фактов истории повседневности суровых военных лет. В то же время, эти эпизоды, «кусочки жизни» можно понять лишь в определенном историческом контексте. А это, в свою очередь потребовало от нас, коллектива составителей, хорошего знания событийной канвы, в русле которой строятся воспоминания, знания исторической литературы, посвященной событиям Великой Отечественной войны, а также знания широкого круга исторических источников.

В разных регионах Российской Федерации издано немало научно-популярных трудов на эту тему. Сборник «Детство, опаленное войной» (Искитим, 2010) содержит интересную и разноплановую информацию об искитимцах, чье детство выпало на годы Великой Отечественной войны. Инициатором выпуска такого альманаха стал Совет ветеранов города, а воплотили задуманное в жизнь сотрудники редакции «Искитимской газеты». Они собирали информацию о детях войны, встречались с ними, записывали их воспоминания. Итогом этой работы стали 20 полноценных зарисовок и очерков об их земляках.

В книге «Самый памятный день войны. Письма-исповеди» (М.: Вече, 2010) опубликованы письма-воспоминания, присланные читателями в ответ на обращение газеты «Комсомольская правда» в 1961 и 1965 гг. В каждом – рассказ о самом памятном дне или событии войны. В сборник также вошли письма тех, кто в войну был ребёнком, чудом выжил в оккупации, был «сыном» или «дочерью» полка. Люди в письмах «снимали тяжесть с души», стремясь зафиксировать и донести до других свою боль утрат, гордость и радость за Победу. Рассказы рядовых участников событий создают картину поистине народной войны, народных страданий и всенародного подвига.

С большим интересом читается вышедший в 1988 г. в Москве сборник публицистических рассказов Э. Максимовой «Дети военной поры».

В 2007 г. при кафедре новейшей истории России Северо-Осетинского государственного университета создана поисковая группа, в которую вошли студенты исторического факультета, а также школьники с. Дур-Дур и Дзуарикау. Группа занимается сбором воспоминаний ветеранов войны, тыла, детей войны, проводит поисковую работу, привлекая методы устной истории. О внимании к устной истории, к истории повседневности говорит и опубликованная этой группой небольшая книга «Я вспоминаю: свидетельства детей Великой Отечественной» (Составители: Хубулова С.А., Хабдиева Л.Ч., Милостивая Н.Ю., Кочиева Е.Х. Владикавказ: ИПО СО-

ИГСИ, 2010). В издании приведены факты и свидетельства, которые, по мнению составителей, «никогда в исследованиях не публиковали и просто замалчивали», о которых не упоминалось в открытой печати.

Сборник «Великая Отечественная война в историческом знании и народной памяти. Материалы региональной научно-практической конференции. 20 – 21 октября 2010 г.» (Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010) содержит материалы конференции, проведенной на базе исторического факультета Ставропольского государственного университета при поддержке РГНФ (проект № 10-01-03417г-р).

Большой интерес у специалистов и широкого круга читателей вызвала монография Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945)» (Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013). В исследовании, выполненном при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00127а), определяются границы частной жизни как предмета изучения, рассматриваются особенности ее отражения в исторических источниках. Значительное внимание уделено семейным отношениям, любви, дружбе, жилищному и религиозному вопросам в жизни советского человека, а также практике использования свободного времени в 1941 – 1945 гг. Работа написана на основе различных источников официального и личного происхождения, включая записанные самими авторами интервью с очевидцами и участниками событий.

В 2011 г. в цикле «Живая история. Повседневная жизнь человечества» вышла рассчитанная на специалистов и широкий круг читателей книга Б.Н. Ковалева «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации». В ней представлен богатый и уникальный материал, раскрывающий панораму реальной жизни и мотивы поведения людей в условиях оккупации.

В разные годы сотрудниками Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН) были подготовлены документальные публикации: Так, в 1995 г. – «Дагестан в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Сборник документов и материалов». Составители: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И. (Махачкала, 1995); в 2005 г. – «Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы)» – Исправленное и дополненное издание. Составители: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. (Махачкала, 2005). Еще раньше,

в начале 60-х гг. прошлого столетия, вышли в свет сборники воспоминаний: «Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Воспоминания участников» (Махачкала, 1960) и «Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий» (Махачкала, 1962). Составители: Блюмфельд О.А., Кичев, М.И., Мелешко А.Г. Эти издания к настоящему времени стали библиографической редкостью.

Сборник «Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий» (Махачкала, 1962) содержит более 100 отдельных воспоминаний партийных и советских работников, железнодорожников и портовиков, промышленных рабочих и колхозников, учителей и работников науки из гг. Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт, Дербент, сел Хунзахского, Кахибского, Ботлихского, Гунибского, Акушинского, Левашинского, Лакского, Ахтынского, Касумкентского, Докузпаринского и других районов Дагестанской АССР. Воспоминания отражают самоотверженную работу тружеников тыла – строительство оборонительных сооружений, сбор средств в фонд обороны Родины, заботу о раненых, о детях-сиротах, о семьях фронтовиков, о том, как отразилась война на деятельности сферы культуры, образования, науки, искусства. В рассказах очевидцев говорится о том, как своим напряженным трудом дагестанцы, в том числе представители молодежи, в то суровое время приближали заветную Победу.

В небольшой книжке А.В. Путерброт «Вести с войны. Очерки» (Махачкала, 1967) в двенадцати очерках-рассказах воспроизведены героические подвиги дагестанцев на фронтах Великой Отечественной войны.

Задача сохранности документов 1941 – 1945 гг. обозначилась еще в ходе войны. 22 января 1943 г. ЦК ВКП (б) рекомендовал местным партийным организациям создать комиссии по истории Великой Отечественной войны. При Дагестанском обкоме ВКП (б) такая комиссия была создана под председательством Г.А. Аликберова (секретарь обкома по агитации и пропаганде). В состав комиссии входила уже упомянутая выше А.Т. Путерброт. Комиссия проделала огромную работу по сбору документов о фронтовиках-дагестанцах, выпуску листовок и фотоматериалов. Часть этих документов, сохранившихся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, вошла в сборник архивных документов «Верю в нашу победу» (авторы-составители Р.И. Джамбулатова и Д.С. Эмиров), изданном в Махачкале в 1986 г. В сборник, наряду с письмами, вошли документы, публикации из газет «Правда», «Красная звезда», «Дагестанская правда». Письма были как с фронта, так и от тружеников тыла: колхозников, рабочих, интеллигенции, молодежи, пионеров и школьников. Высо-

кая эмоциональная наполненность, гражданский пафос писем с фронта и на фронт, очерков, зарисовок, стихов во многом определили и характер книги.

В 2000 г. к 55-летию Победы в дагестанском издательстве «Юпитер» вышла книга М.Д. Бутаева «Фронтовые треугольники», в которую автор-составитель включил письма с фронта, сохранившиеся в государственном (ЦГА РД) и семейных архивах. В том же году и в том же издательстве была издана научно-популярная работа Г.Ш. Каймаразова «Немеркнущий подвиг народа», рассчитанная не только на историков, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей. В книге освещается история героической борьбы и самоотверженного труда народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны, излагаются факты о вкладе молодежи, школьников в оборонную, образовательную, культурно-просветительную работу, работу в сфере здравоохранения. В книге Муртазалиева О.М. «40 лет ТОКСу» (Махачкала, 2011) рассказывается о бесценной поисковой работе, которую ведут краеведы-следопыты (ТОКС) Дагестана по поиску героев-дагестанцев, защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны, а также героев-афганцев и героев локальных событий в связи с военными действиями в соседней Чеченской республике, по увековечиванию их подвигов.

В 2013 г. в махачкалинском издательстве «Эпоха» вышла книга «Был такой город. Махачкала: Воспоминания» (авторы проекта Анохина С.А., Санаева П.О.). Сами авторы-составители рассматривают издание как «альтернативную официальной и официозной истории историю детских впечатлений, семейных и бытовых подробностей повседневной жизни горожан». Есть в книге и воспоминания, относящиеся к военным и первым послевоенным годам. Рассказы горожан иллюстрированы фотографиями и документами (от читательского билета до метрики о рождении, гашеных марок и открыток с махачкалинским штампом) из семейных, государственных архивов и музейных фондов.

Если дать обобщенную характеристику упомянутой научно-популярной литературы, то ее можно разделить на две основные группы: литература советского и постсоветского периодов. В первой группе изданий просматривается идеологическая направленность, обусловленная изначальной идеологической заданностью и идеологической «выдержанностью». Кроме того в изданиях этого периода упор делался не на личность, а на событие (в нашем случае, Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.), определялся строгий выбор тем и сюжетов, существовали закрытые зоны,

темы, отношения, личности, связи и т.д., присутствовали недомолвки и недосказанность. Вместе с тем издания советских лет, выполненные добросовестно и скрупулезно, необычайно информативны. Часть изданий постсоветского времени (особенно первых лет) носила публицистический характер. Однако, изданных отдельных монографий, документальных публикаций, посвященных воспоминаниям детей войны, пока немного.

Наличием ряда школ и течений, различной глубиной освещения проблем характеризуется зарубежная историография, которая накопила немалое количество трудов по истории Второй мировой войны. Историография США, Великобритании, Франции, Германии и других стран-участниц военных действий, несомненно, уделяет внимание изучению Второй мировой войны, стремится показать в первую очередь свою страну и действия своих вооруженных сил. Историки из нейтральных стран, как правило, ограничиваются общим кратким обзором войны, ее связью с другими событиями того периода. В этих странах, как США и Англия, значительный интерес к Великой Отечественной войне объясняется ее воздействием на ход и итоги Второй мировой войны в целом, а также на послевоенное устройство мира. Стоит отметить, что в изданных в этих странах работах большое место отводится характеристике внешней политики стран, вопросам ленд-лиза и пр. Важной темой англо-американской литературы об истории вооруженных сил Советского Союза, их истории, организации, состоянии и, главное, действиях в войне с Германией.

В то же время «частная» история, положение мирного населения до последнего времени не были столь интересны зарубежным историографам. Правда, данная тема разрабатывалась немецкими историками. Так, в книге А. Лемана «Плен и возвращение на родину. Немецкие военнопленные в Советском Союзе» освещаются вопросы пребывания немецких пленных в лагерях. Проблема военнопленных рассматривается и в книге К. Штрейта «Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные 1941 – 1945 гг.». В то же время, с середины 1980-х гг. историография ФРГ занимается реанимацией нацистского мифа о превентивном характере войны Германии против СССР (Э. Топич. «Война Сталина» и др.).

Зарубежная историография, к которой с 1991 г. можно отнести историографии бывших республик Советского Союза, также активно разрабатывает различные аспекты истории периода Великой Отечественной войны. Война сохраняет значение важнейшего «места памяти» практически на всем постсоветском пространстве. Так, в Институте истории Украины Национальной академии наук Украины существует отдел истории Укра-

ины периода Второй мировой войны. Украинские историки формируют альтернативные прежним оценки войны и дефиниции, криминализируя советский период истории или сопоставляя советский и нацистский режимы (идея «двух оккупаций»), формируя новые комплексы «жертв» и «оккупантов». В 2008 – 2009 гг. состоялось 12 «круглых столов» для разработки концепции формирования национальной памяти в контексте «истории Украины во Второй мировой войне», «восстановлении доброго имени Степана Бандеры». Пересмотр прежних оценок и интерпретационных моделей выразился уже в самом отказе от прежнего наименования войны как «Великой» и «Отечественной». Чаще всего в качестве альтернативы ему используется название «Вторая мировая война», стали употребляться также понятия «советско-немецкая» или «советско-нацистская война». Очевидно, что для части авторов указанная смена понятий обусловлена стремлением подчеркнуть отказ от прежней исследовательской парадигмы. С этим связана и идеализация лиц, сотрудничавших с противником в годы войны, нередко рассматриваемых в качестве новых национальных героев.

Практически на всем постсоветском пространстве начался настоящий бум устно-исторических исследований. Нередко они формировались как своеобразная альтернатива «официальной» историографии, позволявшие «услышать» те социальные группы, голоса которых прежде не были слышны на страницах работ советских историков – «восточных рабочих», военнопленных, женщин, детей. В последние годы возрастает значимость виртуального пространства и новых форм презентации исторических знаний, что сопровождается созданием специализированных порталов, сайтов, баз данных и электронных архивов, содержащих крупные блоки информации по истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Сегодня, с расширением информационных возможностей, открывается огромное поле деятельности для исследователей, растет интерес историков к проблемам «истории снизу». Этот процесс находит отражение в изданиях последних лет городов и регионов (<http://war.evporiia-history.info/people/detskie-vospominaniya-o-voine.php>), отдельных школ, сайтах публикации документов (к примеру, специальный сервис – <http://www.docme.ru/doc/117488/vospominaniya-detej--opalennyh-vojnoj>), литературных сайтах. Так, например на сайте «Проза.ру» – крупнейшем русскоязычном портале, посвященном современной прозе, размещено более 200 воспоминаний детей войны из различных уголков бывшего СССР, как и на <http://www.litcetera.net/> и др. Стоит отметить, что есть отдельные сайты, посвященные именно воспоминаниям о военных годах, в частности,

сайт «Помним о детстве, опаленном войной» (<http://timos.ucoz.ru>), портал ассоциации благотворительных организаций России «Дети Великой Отечественной войны», сайт Международного интернет-конкурса «Страница семейной славы 2014» (<http://pobeda.vif2.ru>), сайт «Опаленное детство», на котором собраны воспоминания еврейских детей. На сайте http://dalizovut.narod.ru/okkup/gl_detey.htm представлены воспоминания детей Харькова об оккупации, о детях военных лет рассказывает сайт Владимирской региональной общественной организации «Дети войны».

В социальных сетях Интернета равнодушными гражданами страны также ведется работа по сбору фотографий и воспоминаний «детей войны» с целью их актуализации. Только в сети «Фейсбук» есть более пяти групп по данной тематике. Они по фактологическому наполнению неравнозначны, но можно только приветствовать данную инициативу. Так, Наталия Силаева из г. Томска инициировала в 2014 г. социальный проект «Дети войны», целью которого было создание сборника воспоминаний тех, кто в Великую Отечественную войну был ребенком.

26 февраля 2015 г. в программе «Доброе утро» на Первом канале телевидения был анонсирован первый фильм документального проекта «Прививка от фашизма», посвященного «детям войны», Евгения Александровича Латий¹. В фильме использована отечественная и немецкая кинохроника, рассказывается об оккупации и освобождении Орловской области в годы Великой Отечественной войны. Своими воспоминаниями о событиях тех лет поделились орловцы – ветераны и «дети войны». Их рассказы и легли в основу документального фильма. Свою работу авторы адресовали подрастающему поколению. Они считают, что историю Второй мировой войны можно выучить по учебникам, однако ее уроки станут понятны только из личного общения с участниками событий военных лет. Один из авторов фильма «Прививка от фашизма» Александр Ильин подчеркнул: «Как нам кажется, «дети войны» могут найти общий язык с современными подростками. Мы должны на генетическом уровне донести следующим поколениям свою ненависть к фашизму и нацизму, чтобы уроки Второй Мировой войны были усвоены всеми».² В планах создателей проекта – передать 15 тысяч дисков с записью фильма в учебные заведения региона в целях патриотического воспитания подрастающего поколения.

¹ Автор и шеф-редактор программы «Документальный детектив», автор и руководитель проекта «Детективные истории», автор и руководитель проекта «Спецрасследование».

² : Первый канал презентовал в Орле ленту «Прививка от фашизма». [Электронный ресурс]. Сайт «Первый канал новостей Смоленска и Смоленской области»// URL: http://smvesti.ru/news/sobitiya/777_perviyi-kanal-prezentoval-v-orle-lentu-quotprivi.html (Дата обращения 27.02.2015).

Хотя «дети» и «война» – понятия несовместимые, но реальность тех суровых годов была такова, что дети жили и трудились рядом со взрослыми и своим посильным трудом старались приблизить Победу. Они приближали ее, работая в поле, на военном заводе, на фабрике, в госпитале.

К сожалению, сегодня молодое поколение, да и не только оно, мало знает об истории своей страны, в том числе об истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. А ведь свидетелей событий военных лет с каждым годом становится все меньше и меньше, и если сейчас не записать воспоминания их очевидцев, то они исчезнут вместе с людьми, не оставив заслуженного следа в истории. Именно в сохранении этих бесценных свидетельств составители сборника воспоминаний видели свою основную задачу.

Публикация воспоминаний детей военных лет в преддверии празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.:

- будет способствовать объективному и всестороннему освещению экономических, общественно-политических и социально-культурных процессов в Дагестане в годы войны;

- позволит противостоять фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.;

- привлечет внимание общественности, как к истории Великой Отечественной войны, так и к категории тех людей, детство которых пришлось на военные годы;

- будет содействовать усилению патриотического воспитания подрастающего поколения, прививая ему умение уважать память своего народа, быть внимательными к старшему поколению, любить свою Родину.

На наш взгляд, сбор воспоминаний детей военных лет, работа над ними и выход их в свет помогут повысить творческую и социальную активность молодых людей, пробуждая у них чувство ответственности за судьбу страны и народов Дагестана.

Публикация воспоминаний дагестанских детей военной поры – представителей разных этносов и социальных слоев городского и сельского населения многонационального Дагестана – это впервые предпринимаемая в дагестанском источниковедении и историографии попытка восполнить пробелы в освещении истории Дагестана 1941 – 1945 гг., т.е. новое направление, еще не нашедшее отражения в дагестанской исторической литературе. Нами было выявлено значительное количество фактического материала, который обрабатывался с учетом своеобразия такого региона, как Дагестан (этническая и языковая пестрота, культурно-исторические

традиции, естественно-географические условия, в частности сильно изрезанный рельеф его горной зоны с преобладанием мелких населенных пунктов). В научный оборот вовлечены новые, ранее недоступные исследователям и читателям документальные свидетельства. Составителями были привлечены материалы периодической печати прошлых лет, отдельные публикации эпистолярного жанра, мемуарной литературы, в которых сохранились воспоминания тех, чьи детские годы совпали с военными годами. Довольно широко привлекались и ресурсы Интернета.

Событиям Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. посвящено огромное количество воспоминаний. Они принадлежат государственным деятелям, крупным военачальникам, офицерам среднего звена, деятелям культуры и т.д. Правда, региональная историография относительно бедна такими публикациями. Значительно меньше в отечественной историографии в целом получил отражение взгляд на войну «из окопа», «от станка», «из полей» и т.п. Но, тем не менее, народная память хранит свою правду о войне. Такую правду несут и воспоминания детей военных лет.

Как живые исторические свидетельства воспоминания детей военных лет способны восстановить множество сведений, которые не отразились в других видах источников и могут иметь существенное значение для исторической реконструкции событий Великой Отечественной войны. При этом надо учитывать, что сведения, сообщаемые в них, нуждаются в постоянной проверке. Нам приходилось проверять некоторые событийные факты. При этом оговоримся, что факты, касающиеся личной жизни, невозможно проверить, потому, что они больше нигде не зафиксированы.

Нужно помнить о том, что воспоминания отражают личность человека и исторического сознания общества в момент их написания, а не в момент описываемых событий. На публикуемых воспоминаниях сказалось и то, что авторы руководствовались не только личными впечатлениями, но и своим современным пониманием событий.

Воспоминания имеют характер массового источника, а воспоминания, предложенные вниманию читателей, можно отнести к группе по социальным признакам. В советский период делались попытки приобщить к мемуарному творчеству «простых трудящихся», сформировать у них ощущение сопричастности к знаменательным событиям современной им эпохи. При сборе воспоминаний для настоящего издания мы воспользовались методами, применявшимися в советской мемуаристике. В частности, мы обратились к анкетному методу сбора воспоминаний. Хотя мы понимаем, что сегодня вопросники уходят в прошлое: грамотные люди в состоянии

сами изложить свои мысли, все же, по нашему мнению, разработанная анкета-вопросник, ставшая своеобразной профессиональной подсказкой, в определенной мере облегчила работу тем, кто писал воспоминания. Правда, проявилась и отрицательная сторона анкетного метода, когда некоторые интервьюеры оказались ограниченными вопросами, предложенными в анкете. На основе разработанной анкеты нами собраны сведения о населенном пункте, в котором проживал опрашиваемый на начало войны, о жизни в условиях военного времени, включая ведение хозяйства, о деятельности самого опрашиваемого (учеба в школе, игры, участие в трудовой деятельности), о детских играх в годы войны, о детских игрушках, о том, чем дети помогали фронту и взрослым, об эвакуированных из оккупированных районов, о самых ярких воспоминаниях периода войны, о налаживании мирной жизни, о дальнейшей судьбе респондентов.

У каждого из публикуемых воспоминаний небольшой объем – от двух до двенадцати страниц. Темноословность особенно отличает тех, кто не привык к литературной обработке воспоминаний педагогов и, конечно, научных работников. Кто-то в силу профессионального подхода, вполне могут конкурировать с исследовательскими статьями.

Зачастую в воспоминаниях отсутствовали точные хронологические даты описываемых событий, им порой присуща некоторая хаотичность изложения материала, смещение его во времени и пространстве. Но все это меркнет перед искренним выражением чувств, эмоций теми, кто поведал нам о своем военном детстве в условиях сурового времени.

В современной отечественной историографии исследователи используют новые подходы при изучении и публикации исторических источников. С учетом этого мы строили свою работу. Прежде всего, речь идет об антропологическом подходе в истории (основатель структурной антропологии К. Леви-Строс). Антропологический подход позволил усилить внимание к народной культуре, роли женщины в истории, семье и, наконец, к повседневной жизни.

Не обойтись сегодня и без герменевтического подхода (М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер, П. Риккер), согласно которому мир прошлого можно понять, только вживаясь в него, сопереживая, сочувствуя. С учетом этого подхода воспоминания рассматриваются как исторические источники, через которые приходит понимание того, как люди ощущают себя в семье, коллективе, обществе, государстве.

Последнее время в зарубежной, да уже и в отечественной, историографии, растет интерес к изучению истории повседневности. Конечно,

бытовая сторона жизни общества и раньше присутствовала в исторических трудах российских и дагестанских авторов. Правда, то, что касается региональной историографии, это было скорее дополнением к социально-экономической, общественно-политической, культурной истории многонационального края.

Попытка определить историю повседневности как своего рода новую исследовательскую программу была сделана *Alltagsgeschichte* – германской историей повседневности (А. Людтке). Сторонники истории повседневности считают, что история должна начинаться «снизу», с тех, кто жил и страдал, кто назывался маленьким человеком. Мы посчитали, что можно взять на вооружение то, что история повседневности существенно раздвигает источниковую базу исследований за счет макроисторических подходов и синтеза работы с различными группами источников, т.е. позволяет не только вводить в исследования материалы местных архивов, но и реконструировать индивидуальные биографии, использовать аудиовизуальные средства, устную историю, этнографические источники, посредством чего можно оживить историю.

Сегодня читатель, не поспевая за быстро меняющейся политической конъюнктурой, испытывает весьма устойчивый интерес к документу, к историческому источнику, позволяющему ему самому вынести суждение о том, что происходило в нашей недавней истории. Удовлетворению этой потребности и должны послужить публикации исторических документов, в том числе источников личного происхождения, коими являются воспоминания.

Работа с воспоминаниями, письмами, иллюстративным материалом превратилась в своего рода конкретно-историческое исследование, выходящее за рамки обычных публикаций документов. А это в свою очередь создает свою специфическую источниковую базу для новых исторических исследований. В целом, нам думается, что собранные и изданные воспоминания детей военных лет – очевидцев событий Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – обретут большую ценность для исследователей и будут весьма интересны широкому кругу читателей.

В издание вошли некоторые документы из уже упоминавшихся ранее документальных публикаций по истории Дагестана в годы Великой Отечественной войны («Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.» (Махачкала. 1995) и «Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы)». (Махачкала. 2005), несколько воспоминаний из издания «Дагестан в годы Великой

Отечественной войны. Воспоминания участников событий». (Махачкала. 1962). Как нам думается, внимание читателей привлекут письма школьников бойцам Красной армии, выявленные нами в фондах Центрального государственного архива РД при содействии его сотрудников. Эти материалы объединены в рубрике «Документы и публикации газет рассказывают...».

Сборник снабжен фотографическими материалами из семейных архивов, музейных экспозиций, а также некоторых изданий. Нам представляется, что без этого показ событий истории периода войны будет страдать существенной неполнотой. Фотографии, с одной стороны, мы рассматриваем как иллюстративный материал, а с другой, как общественное явление, ведь в них находят отражение мироощущение, предметы быта и поведения людей, нравы, ритуалы, обычаи. При работе с фотографиями была осуществлена идентификация изображения с письменным сопровождением, что указывало на органическую связь собственно фотодокументов и письменной документации. В настоящем издании опубликовано около ... фотодокументов, выступающих в двух качествах – документальном и художественном. Сегодня фотодокументы необходимо наделить функцией исторического источника и активно вовлекать их в научно-исторический оборот.

В государственных и ведомственных архивах, личных фондах и коллекциях отложился огромный массив фотодокументов. Очень большая работа по систематизации и упорядочению хранения фотоматериалов, в том числе относящихся к периоду Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. и первым послевоенным годам, была проделана сотрудниками ГКУ «Центральный государственный архив Республики Дагестан». Именно благодаря этой работе существенно обогатилось фотоматериалом настоящее издание (около 90 фотографий). Несколько интересных фотографий для публикации в сборнике воспоминаний предоставил МКУ «Музей истории города Махачкалы». В издании воспроизведено более 90 фотографий из личных фондов и коллекций.

Сборник воспоминаний снабжен подстрочными примечаниями, в которых даны пояснения конкретного места основного текста, необходимые для глубокого понимания читателем. Примечания, авторство которых в основном принадлежит составителям (Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М.), по содержанию носят научный характер, включают в себя расшифровку некоторых имен, событий и связывают содержание воспоминаний с реальной действительностью, укладывая их в определенный исторический

контекст. Использование подстрочных примечаний продиктовано тем, что составителям было очень важно, чтобы читатель непременно прочитал их. Надеемся, что объем отдельных примечаний, вынесенных под строку, не будет служить помехой при восприятии читателем основного текста.

При подготовке научного издания большое внимание авторами уделено вопросам орфографии, редактуры. Причем последняя осуществлялась аккуратно, деликатно, тактично, дабы не пострадала оригинальность самих текстов.

Мы искренне благодарны за консультационную помощь в ходе подготовке воспоминаний к изданию доктору исторических наук, профессору, член-корреспонденту РАН, советнику РАН Османову А.И. и доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института ИАЭ ДНЦ РАН Каймаразову Г.Ш. Большую помощь в сборе воспоминаний оказали сотрудники Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доцент кафедры истории Отечества Дагестанского государственного технического университета, кандидат исторических наук Алиева А.Х., доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства Омарова Г.А., сотрудники Дагестанского государственного института повышения квалификации педагогических кадров, кандидат исторических наук, доцент филиала Южного федерального университета в г. Кизляре, руководитель отряда ТОКС Бабаюртовского района РД Амангулова Р.С., Председатель Совета ветеранов Гергебильского района РД Магомедов Б.А., редакция газеты «Рассвет» Тарумовского района РД, редакция республиканской газеты «Орленок-Дагестан» и другие.

Таким образом, в настоящем издании практически впервые осуществлена публикация воспоминаний дагестанцев-детей периода Великой Отечественной войны. В этих воспоминаниях получила отражение жизнь страны и республики в условиях сурового военного времени, что должно способствовать формированию объективной картины героических и трагических событий Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

*Мирзабеков М.Я., доктор исторических наук, профессор,
Каймаразова Л.Г., кандидат исторических наук,
Лысенко Ю.М., кандидат исторических наук.*

О войне мы знали по письмам и по беженцам

Абакарова Галина Гасайниева
родилась в 1937 г. в Махачкале.

В нашей семье было восемь детей, а я – вторая по старшинству. Моя мама – донская казачка, жила в Хасавюрте, в совершенстве знала кумыкский, аварский языки, вышла замуж в 17 лет, когда отец украл её и увез в Ботлих. Мой отец, Абакаров Гасайни Абакарович, служил в правоохранительных органах в должности комиссара милиции¹.

В начале войны меня отправили в село Гиба Акушинского района, к бабушке отца. Жизнь в селе была сложной, еду вполне хватало, голода я не помню. Сравнивая сегодня, как жила в этом селе и в некоторых других частях Дагестана, можно сказать, что тогда я чувствовала себя «как у Христа за пазухой». Основной продукцией в этом районе составляли мед, масло, мамалыга², урбеч³, картофель. Электричество в Гиба отсутствовало, во всяком случае, в домах. Сельчане в основном пользовались керосиновыми лампами. Полы в сельских домах были глиняными. Водопровода в селе не было, поэтому купаться и стирать (для стирки выдавали щелочь) ходили на речку. Женщины в селе носили бархатные платья, штаны и чухте⁴.

Игрушки и шитья сами, свои ми руками и кукол мы стерили из глины. Основными играми для нас, девочек, были салки, класейки. Помогая взрослым, дети возили грузы на ишаке, собирали стручковый горох в поле. Честно говоря, тогда мы были далеки от религии, как в селе, так и в городе.

Тогда был один радиорепродуктор на все село. По нему взрослые слушали новости с линии фронта. О войне мы, дети, в основном знали по письмам с фронта и беженцам, которые доходили и до села, где мы жили. Моя мать входила в женсовет, где собирали помощь для беженцев.

1 Гасайни Абакаров – заместитель министра Внутренних дел Дагестана, в годы Великой Отечественной войны был полковником, впоследствии стал генералом (Р.М. Магомедов. Они тоже сражались за Родину // Народы Дагестана. 2015. № 5 (электронный ресурс: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/33/stat/oni_toje_srajalis_za_rodinu/). Дата обращения 14 февраля 2015 г.).

2 Мамалыга – круто заваренная каша из кукурузной муки. По виду отличается от других каш. Режется ниткой или деревянным ножом. Популярна у народов Кавказа.

3 Урбеч – густая жидкая масса темно-коричневого цвета, получаемая из растертых каменными мельничными кругами поджаренных или просто высушенных семян конопли, льна, подсолнуха или абрикосовых косточек. Для приготовления сладкого блюда урбеч смешивают с медом и растопленным сливочным маслом. В традиционной кухне народов Дагестана урбеч используется в жидком виде обычно с чаем, им приправляют каши, в остуженном виде намазывают на хлеб. Урбеч – питательное средство для поддержания сил, при лечении болезней.

4 Чухта – традиционный головной убор замужней женщины у народов Кавказа, шапочка, плотно закрывающая волосы, обычно с мешком волосником, спускающимся на спину. (<http://dic.academic.ru>. Дата обращения 19 января 2015 г.).

В 1944 г. я пошла в школу. Это было уже в Махачкале, и это была наша краснознаменная школа № 13¹. Тогда обучение, как в сельской школе, так и в городской, было отдельным. Нужно сказать, что школы во время войны работали в принципе непрерывно и без смен. Школьная форма была единой, нам ее выдавали по талонам (отличительными могли быть только манжеты). Многих из своих преподавателей я помню и сейчас, по прошествии стольких лет! Это Нина Санириловна Сапогова, «строгая мама» Софья Андреевна Григорьянц, Дина Анисимова, Ижаков Борис Адольфович, Эмулевская Клавдия Капитоновна – учительница по физике, которая, несмотря на то, что все школы Махачкалы занимались по задачку Знаменцева, давала нам задания повышенной сложности из задачника Демидова. Старшеклассников в школах тогда было мало, потому что многие ребята из 10-х классов уходили на фронт².

Запечатлелся в моей памяти и День Победы – день всеобщего ликования, радости и в то же время скорби. Тогда весь город вышел на улицы.

Мы жили рядом с Гамзатом Цадасой³, Данияловыми. Напротив нашего «военного дома» находился «правительственный». А еще я помню, что,

1 В 1940 г. на январской конференции учителей школа № 13 г. Махачкалы получила переходящее Красное знамя.

2 Учителя, выпускники и старшеклассники школы № 13 г. Махачкала начали свой боевой путь в первые дни войны. Многие из них не вернулись с полей сражений. Это Лукьянов Я.Т. (директор школы в 1940 – 1941 гг.), Вдовухин Е., Володин П., Кочетков В., Месковский А., Поршнева В., Шейников Б., Зубенко В., Кравченко И., Насибулин Р. и другие. В годы войны в здании школы размещался военный госпиталь.

*Лишь ночью классы затихают,
Живые тени здесь встают,
Они о прошлом вспоминают
И нам покоя не дают...
Здесь тени видели немало
Страдания раненных бойцов.
Под окнами ее скривили
Телеги бледных мертвецов...
Но многих возвращала к жизни
Она в суровые те дни.
Ее уход, заботу, ласку
Навек запомнили они.*

(Выпускник гимназии Бирюков Андрей).

Из воспоминаний бывшей ученицы Клавдии Ивановны Савченко: «Я училась в школе № 13 во время войны. Здание школы отдали под госпиталь. Учились мы в полуподвальных помещениях, а домашние задания выполняли при свете коптилок. Писали на газетах между строчками, т.к. не было тетрадей. Учебников не хватало. Одним учебником пользовались 5 – 6 учеников. Но, несмотря на все эти трудности, мы учились хорошо и жили дружно. Кроме того, ходили в госпиталь, размещавшийся в наших классах, помогали ухаживать за ранеными, писали письма их родным, выступали с концертами». Эти воспоминания перекликаются со строками стихотворения, сочиненного выпускником гимназии Бирюковым Андреем:

*А после тяжких испытаний
Лишений, голода, войны
Она работала на славу
И стала гордостью страны.*

(Выпускник гимназии Бирюков Андрей).

Электронный ресурс: http://makhachkala13.dagschool.com/stranici_istorii.php. Дата обращения 21 февраля 2015 г.

3 Гамзат Цадаса (1877 – 1951) – аварский советский поэт, Народный поэт Дагестана (1934), Лауреат Сталинской премии второй степени (1951). Отец поэта Расула Гамзатова и академика Гаджи Гамзатова.

правда, уже позже, в студенческие годы, в нашем доме жил медведь по имени «Машка».

В 1959 г. я поступила в Дагестанский госуниверситет, на иностранный факультет. В группах было по 12 человек. Стипендия составляла 22 рубля. Спортсменам давали талоны для питания в столовой. Я активно занималась спортом (фехтованием, легкой атлетикой, баскетболом), входила в сборную Союза. С 1953 г. ездила на соревнования в Ригу, Тбилиси, Москву, занимала лидирующие места.

Помню, как первая в 1953 г. вышла в город в брюках. Тогда в городе не носили косынок. Главной улицей была улица Буйнакская, где собиралась в основном вся молодежь города, а спортивная жизнь протекала рядом со стадионом «Динамо».

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет.*

Мы не понимали, что такое война

Абдулаев Магомед Дадаевич,
родился в 1935 г. в с. Батлаич Хунзахского района
Дагестанской АССР

Наше селение расположено на плато, окруженном горными вершинами. Оно со всех сторон продуваемо ветрами. До войны в нем насчитывалось более 200 хозяйств. Сельчане разводили крупный рогатый скот, овец, выращивали картошку, сеяли ячмень, пшеницу. Что интересно, я не помню ни одного фруктового дерева. Зимой бывало очень холодно, ни у кого не было печи в нынешнем понимании. Топили кизяком и соломой. Как люди сохраняли огонь для разжигания очага – это целая история. Смотрели и ждали пока у соседа или вообще у кого-нибудь появится дым, а потом шли к нему просить лучинки или зажжённый кизяк. Кстати, ходили со своим кизяком. Быстро прибежали домой и ртом раздували угольки, пока не разгорался огонь.

В нашей семье было 4 человека. Наш отец – Дадаев Абдула (1898 г.р.), был ветеринарным врачом. Образование он получил в Средней Азии (точно не помню, в какой республике) и приехал в родное село с дипломом ветеринара. Мать – Индухова Патимат (1906 г.р.) была домохозяйкой. Она умела хорошо шить: шила телогрейки, брюки, рубашки, платья. Этим зарабатывала на еду. Сестра была старше меня на 5 лет, училась в школе. А я бегал с друзьями по селу. Бабушек и деда по отцу я не помню. Зато хорошо помню дедушку по матери. Он был очень строгим. Работал сельским судьей. Замечательно играл на пандуре, пел песни.

Хорошо запомнил день, когда в селе узнали о начале войны. Меня охватило какое-то непонятное, тягостное чувство. На годекане царила непривычная тишина. Обычно там бывало очень шумно: громкие разговоры, смех. А в этот день никто не разговаривал, хотя народу там было больше, чем обычно. Напрягая желваки, мужчины подолгу думали о чем-то и молчали. А у некоторых стариков в глазах были слезы, женщины плакали, не скрывая слез. Мы, мальчишки, не понимали ничего. Я прибежал домой, а там, смотрю, мама плачет. Спрашиваю, почему она плачет, а она говорит «Рагъ» («Война»). Что такое «рагъ», мы не понимали. В нашем понимании это означало, драка между мальчишками. Потом мы начали узнавать подробности. Нам объяснили, что Германия (немцы) напала на нашу Ро-

дину. И все равно нам не было до конца это понятно. А потом, когда мужчины-односельчане, близкие, родственники начали уходить на войну, и, прощаясь с ними, все село плакало, мы стали осознавать, что произошло что-то очень страшное.

Шло время. Я пошел в школу. Вот тогда-то я и стал понимать, что такое «война». А потом начали приходиться повестки о смерти воевавших на фронте сельчан («похоронки»), и очень часто в разных домах был траур.

Из нашего села на фронт ушли 162 человека. Из них домой вернулись 75 – кто без рук, кто без ног, кто без глаз, с боевыми пулями в теле, со множеством ранений и, конечно же, с боевыми наградами – орденами и медалями.

Из моих родственников на фронт ушли 8 человек. Пятеро из них погибли на фронтах войны, а трое вернулись. На сегодняшний день у нас в селе не осталось ни одного участника Великой Отечественной войны.

Я помню, как дядя (брат мамы), работник МВД, читал моей маме письмо от брата, который ушел на фронт. Мама плакала, да и он сам украдкой вытирал глаза.

Как стало трудно! Один раз в сутки ели хлеб или хинкал, кашу. И то не досыта. Иногда, даже скорее редко, готовили мясо. Мука была из ячменя,

с. Батлаич Хунзахского района до войны

пшеницы. В огородах сажали только картошку. Кто мог, держали корову, овец, и это спасало от голода. У некоторых были куры, гуси. Стирала вручную, без мыла. У многих не было сменного белья, одежды. Дом отапливали кизяком или соломой, дров не было и негде было их взять, у нас не росли деревья. В доме только одну комнату освещала керосиновая лампа. И в эту комнату собирались все, в том числе и гости. В этом шуме очень трудно было делать уроки и, к тому же, плохо было видно, когда приходилось читать и писать (днем мы играли).

Пожалуй, единственное, чем мы могли тогда помочь родителям – достать огонь и выгнать корову.

Слово «колхоз» для нас в то время не было понятным, но мы знали, что он есть. Взрослые, в том числе дети с 10 – 12 лет, были чабанами, доярками, пахали землю, собирали урожай. Мы помогали убирать картошку. После сбора урожая зерновых мы ходили собирать колосья, из которых делали снопы. Это тоже была наша посильная помощь.

В 1942 г. я и мои сверстники пошли в школу. В селе была 7-летняя школа. До первого снега ходили босиком. Берегли одну единственную пару обуви из овчины. У кого в семье было много детей, в школу ходили по оче-

Дом офицера Гаджиява, построенный по проекту дома хунзахского хана. в годы войны здесь располагался фельдшерский пункт и жили приезжие учителя.

реди, передавая друг другу обувь. О том, что в этой обуви и одежде было тепло, и речи не может быть. Еле добежали до школы и обратно.

Уроки проходили в классах, также отапливаемых кизяком. Больше всего мы любили физкультуру. Хотели быть сильными, чтоб защищать Родину. С 4-го по 10-й класс сдавали экзамены. Во время экзаменов нам давали кусочек хлеба и суп. Если проваливали экзамен, то оставляли 3 года подряд в том же классе, а если и на четвертый год не могли сдать, то уходили в колхоз работать чабанами. Учебников было очень мало. Тетрадей тоже почти не было. Писали мы на полях газет, старых книг. Чернила делали из сожженных зерен. Если бы сейчас показали, какие у нас были чернильницы, современная молодежь не могла бы поверить. В школе не было библиотеки, да и книг тоже не было. Я не помню ни пионерской, ни комсомольской организации, только в средней школе в соседнем селе знали, что такие организации есть, но что они делали, для чего были созданы, мы тогда не знали.

Я хорошо помню всех своих учителей. Для нас они были идеалами, кумирами. Конечно, их уже нет в живых, кроме одного – Гимбатова Магомедрасула Гимбатовича. Он из селения Хуизах. Преподавал нам в 10-м классе логику.

У нас в селе работало радио, но, сколько было радиоточек, я не помню. У моего дедушки тоже было радио (судья как-никак). Работало оно, конечно же, не целый день.

Взрослые читали районную газету «Торей».

В нашем селе был медпункт, в доме наших родственников, в последующем – моего тестя. Фельдшером была приезжая русская – Раиса. К сожалению, фамилию и отчество уже не вспомню. Она была из Воронежа.

Любимой нашей игрой была русская лапта. Из обрезков ткани мы шили круглый по форме «мяч» и наполняли его свечной черствью. Играли только в солнечный день, так как наш мяч при намокании превращался в тяжелый «камень». Другая игра «буртИн тИл» называлась. «ТИл» – это палка, бита длиной около метра, а «буртИн» – это маленький деревянный кусочек, заостренный с обоих концов. Играли две команды. Битой ударяли по острому концу деревяшки, она подпрыгивала, и тогда со всей силой били по ней, чтоб отлетела как можно дальше, не давая ей упасть на землю. Иногда бывало так, что деревяшка была в воздухе долго, это зависело от количества участников и умения команд играть слаженно.

Игрушек у нас никаких не было. Только самодельное что-то. Девочки сами шили кукол или делали их из веточек, имеющих форму рогатки.

Одевали их в самодельную одежду. До окончания войны, да и некоторое время после нее, мы не знали такого праздника, как Новый год, и не отмечали его.

Кто бы знал, как я ждал дядю (родной брат мамы) с войны, хотел сообщить об этом маме, обрадовать её! Но не суждено было сбыться моей мечте. Единственный, кого мы встречали из близких родственников, это капитан медицинской службы Шахшаев Магомедрасул. Он мне подарил свои погоны, и я их носил с гордостью! Вскоре он умер. Но я до сих пор чувствую его тепло. Помню, как он прижимал меня к себе и рассказывал о войне, о том, как он воевал, как лечил наших воинов и т.д.

Героями того времени для нас были разведчики-партизаны, позже об их подвигах мы смотрели кинофильмы. Показывали кино очень редко и то после войны. Названия фильмов я уже не помню. Во всех фильмах героев мы делили на «наших» и «ихних, чужих», т.е. немцев. Потом в качестве героев появились матросы, летчик Гастелло, молодогвардейцы и другие герои военных лет.

Во время летних каникул мы, как могли, помогали. Пахали землю, управляли быками, которые тащили плуг. Плуг направляли женщины. Чтобы быки, волю не портили борозду, мы должны были крепко держать их в границах борозды. Бывало, что быки одним махом головы отбрасывали нас на несколько метров. Но мы не сдавались и снова вступали в «бой». Обидно, что хотя работали мы почти наравне со старшими, нас сегодня не считают участниками тыла. К ним относятся те, кто родился до 1932 г. включительно. И они получают надбавку к пенсии. А мы нет. Вот как!

В те годы в наше село приезжали русские, а, может, украинцы. Некоторые приезжали семьями. Они жили, как одна семья. У них были такие же дети, как мы. Из-за незнания русского языка, мы не понимали, что они говорят и особо не общались, но зато играли вместе. Язык игр мы хорошо улавливали. Помню Костю, Сашу, Диму. Мы не обижали их. Делились тем, что у нас было (если только было). Я не помню, когда они уехали и куда. Точно знаю, что они были из Украины. Как сложилась их судьба, тоже не знаем, к сожалению. Надеялись, что все у них было и будет хорошо.

Очень яркие воспоминания остались у меня об окончании войны. Дело было так. По утрам мать меня отправляла выгонять корову в стадо. Пастух до вечера пас их в поле, а мы каждый вечер встречали коров. Пастухами были женщины, иногда их заменяли мы, 3 – 4 мальчика. И вот однажды таким утром одна женщина кричит другой: «Йо, Салимат! Победа! Люди говорят что «Литерги чІван раҒула, Билинги бахъун раҒула» («Гитле-

ра убили и Берлин взяли»). А у Салимат муж не вернулся с фронта. Я со всех сил побежал домой сообщить матери радостную весть. Сначала она испугалась, а потом обняла, поцеловала меня и заплакала, сказав, что брат обязательно вернется. Но он не вернулся, пропал без вести. Мать ждала его почти до самой своей смерти. Говорила: «А вдруг вернётся! На все воля Аллаха!».

Потом мы часто собирались на годекане возле старших, особенно, когда приходили участники войны, и слушали их рассказы о войне, а тыловики рассказывали о своих трудностях в военные годы. С большим интересом мы слушали рассказы о защитниках Ленинграда. Одним из них был наш сельчанин Газимирзоев Гимбат. Рассказывал, в каких тяжелых условиях воевали, что его товарищам приходилось есть мясо собак, как варили кожаные ремни и ели.

Мы слушали, затаив дыхание, боясь пропустить даже одно слово, потом рассказывали об услышанном дома, на улице. Однажды мы играли на улице и видим – идет кто-то, в шинели, вещмешок за спиной. Приблизившись, мы увидели, что у него нет одной ноги. Он улыбнулся нам и пошел дальше. А мы – за ним, чтобы посмотреть, в какой дом он войдет. Такой молодой парень вернулся с фронта без ноги! Как же нам было его жалко!

Мы, мальчишки 10 – 12 лет, понимали, что война кончилась, и мы победили. Мы были уверены в том, что все вернутся домой. Но вернулись не все... Во многих домах был траур. А мы бегали поблизости от этих домов, и нам иногда доставалась халва или кусочек лепешки от родственников, которые поминали погибших.

Батлайчины. Начало 1950-х гг.

К началу 1950-х гг. жизнь стала меняться. Мы постепенно узнавали чувство сытости. Стал пополняться «гардероб», зимой нам доставалась верхняя одежда, правда с заплатками. Колхозники начали получать мясо, зерно, картошку за трудодни, могли кое-что продавать на базаре и за вырученные деньги покупать самое необходимое.

После окончания средней школы я учился в педучилище, работал учителем начальных классов, 3 года отслужил в рядах Советской армии, окончил филологический факультет пединститута, потом исторический факультет ДГУ. 50 лет жизни отдал обучению и воспитанию подрастающего поколения. Недолго проработал директором, завучем школы. Теперь нахожусь на заслуженном отдыхе.

Наше село сохранилось полностью, отстроены новые дома. Работает средняя школа, детский сад. Очень печально, что молодежь уходит из села. Когда я работал председателем сельсовета, в селении проживало более тысячи человек, а сейчас – около пятисот.

P.S. Никогда не забуду до самой смерти:

Первое – голод.

Было время, когда ложились спать голодными. Были дни, когда во рту не было ни крошки еды, от голодной смерти спасала картошка (ели даже мелкую, зеленую, горькую), крапива («кввали», «тин», не знаю как по-русски, тоже ели).

Второе – холод.

Зимой было очень холодно (или, может, нам тогда так казалось из-за голода), у нас не было теплых вещей и очень странно, как это мы не болели и выжили.

Тогда была настоящая дружба, уважение друг к другу, патриотизм, взаимовыручка, терпение. Умели радоваться, веселиться. И времени хватало на всё!

Рассказать и написать можно было бы о многом.

Спасибо организаторам этого проекта за предоставленную возможность еще раз вспомнить детство, родных и близких. Думаю, подрастающему поколению это поможет осознать, как счастливо они живут, сравнить наше прошлое и настоящее, оценить все это, любить своих близких, родных и, конечно же, нашу Родину!

*Материал предоставлен Газалиевой З.,
Дагестанский институт повышения квалификации педагогических кадров.*

Мы мечтали о мирной жизни и чистом небе над головой

Абдуллаева Аминат Шахболатовна, родилась в 1939 г.
в с. Мужукай Бабаюртовского района Дагестанской АССР

Когда началась война, я еще была совсем маленькой. Помню нашу дружную семью: отец, мать, сестра и я. Отец ушел на фронт. С войны он так и не вернулся, а для меня он навсегда стал героем. Заботы о нас легли на мамины плечи. Тогда многие голодали, но мама нам голодать не давала. Она работала, как могла, и в поле, и по дому, и окопы рыла. Мы, дети, помогали ей: таскали воду из канавы для стирки, стирали, белили, ухаживали за домашней скотиной, собирали колоски на полях и разные лекарственные растения. Когда пришло время, я пошла в школу. Учиться было трудно, а в школу бегали босиком. Я навсегда запомнила моих учителей Биймурзу Яхьяевича и Рабият Магомедовну.

Когда я выросла, вышла замуж. Всю свою жизнь я посвятила семье. У меня девять детей и много внуков. Какое счастье, что они не испытали то, что пережили мы в своем военном детстве! Пусть над их головой небо всегда будет мирным и чистым!

*Материал предоставлен Амангуловой Р.С.,
отряд ТОКСа Бабаюртовского района РД.*

Голодная смерть настигала многих

Абдулмеджидов Магомед Меджидович, родился в 1931 г.
в с. Гергебиль Гүнибского района Дагестанской АССР

Перед войной в селении насчитывалось 240 хозяйств. Наша семья состояла из родителей, дедушек с отцовской и материнской стороны, а также четырех братьев матери и сестры, родившейся уже после войны. Мои родители и другие взрослые сельчане работали в колхозе. Надо отметить, что наш дедушка был репрессирован как кулак, и его скот был передан колхозу, а это ни много, ни мало – 550 овец, 13 голов крупного рогатого

скота, 18 лошадей. Я помогал взрослым в поле, саду, а еще ухаживал за прабабушкой, которая дожила до 117 лет.

О том, что началась война, я узнал от односельчан. На войну ушёл двоюродный брат отца – Гамзат, не вернувшийся с поля боя. Мамин же двоюродный брат, Магомед, сын Муртазали, вернулся с войны, но с больной ногой. Отец также служил в армии, но в Грузии, от него приходили и письма и фотографии.

Питались мы в то время очень скромно, основу нашего питания составляла кукуруза. Но она была не у всех, бывали в те годы и случаи смерти людей от голода. Я помню умиротворенных в те годы людей. Были такие, кто побирался, просил еду. Помню, что некоторые перемалывали зерна кукурузы вместе с кочерыжками, чтобы мякоти было побольше. Случалось, что при жарке эта масса всплывала и сгорала, потому что собственно муки в ней было немного.

Мы все мечтали о скором окончании войны. Наша мама помогала фронту тем, что вязала теплые носки бойцам, садила рыть окопы, участвуя в строительстве оборонительных сооружений.

В годы войны я как раз учился в школе. Помню своего первого учителя Камиля из с. Кудали, а также учителей: Бабулазул Гибата и Бугавулазул Шамсудина. Тетрадей у нас не было, не было и чернил, их мы делали сами, сжигая собачью шерсть, кукурузу, и из образовавшегося пепла изготавливали чернила. В то тяжелое время у нас не было игрушек, играли мы в альчики и другие подобные игры.

До 1944 г. в селении не было больницы или медпункта, больным приходилось выезжать в участковую больницу ГЭС¹, а тяжелобольных увозили в с. Гуниб. В 1944 г., с созданием Гергебильского района, была открыта районная больница.

Об окончании войны мы узнали от радостных односельчан. В послевоенные годы жизнь сельчан потихоньку начала налаживаться. В 1950 г. я был призван в армию, там получил специальность штукатура, по которой затем и работал.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Перевод с аварского – Амирханова М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

¹ Имеется ввиду Гергебильская гидроэлектростанция.

Быстрее бы закончилась война...

Агабалаев Юнус Агабалаевич,
родился в 1937 г. в с. Зухрабкент Сулейман-Стальского района
ДАССР

Когда началась война, детей в нашей семье было пятеро: три сестры, брат и я. Хозяйство было практически натуральным. На огороде выращивали почти все овощи (картофель, огурцы, зелень, морковь), и даже злаки. Содержали различную живность: коров, овец, кур. Хлеб выпекали сами. Но еды все равно не хватало, времена были трудными. Дом отапливали дровами, а освещали керосиновыми лампами. Родители работали в колхозе, выращивая пшеницу. А я, когда подрос, то помогал им пахать землю, собирать дрова, пасти коров и овец и т.д. Играли мы редко, некогда нам было играть, а если и играли, то главной игрушкой был тряпичный мяч.

На фронт ушел воевать мой дядя. Помнится мне, как собравшись всей семьей, читали его письма. В них дядя называл населенные пункты, которые они освободили от врагов. Вот отвоеван еще один город, еще одна деревня – и так, постепенно, наша Родина освобождалась от оккупантов и начинала «дышать» и жить другой жизнью, не «под фашистом». Я каждый раз ждал известий, куда наступают войска, какая часть родной земли станет свободной после ожесточенной схватки с врагом. А как я ждал, что мой дядя вернется с фронта живым и сам мне все это расскажет! Мы с замиранием сердца ждали любых новостей с полей сражений. Ярким и запомнившимся событием для меня стало известие о снятии блокады Ленинграда.

Фронту наша семья и жители Зухрабкента помогали, чем могли. Помню, как собирали и отправляли в фонд обороны яйца. Наши местные рукодельницы, славившиеся своими вязаными изделиями, изготавливали жилетки, варежки, носки для солдат.

В конце войны я пошел в школу, где проучился до 4 класса. Учиться было нелегко в эту трудную пору. Достаточно сказать, что два – три учебника приходилось на 40 учеников. Помню учителей нашей школы – Агаханова Керимхана, Алимова Гамзата, Сейфудинова Абдурагима. Они «вкладывали в нас душу», старались, работали, не покладая рук, для того, чтобы мы стали грамотными и могли продолжить образование.

Об окончании войны нам рассказали те, у кого было радио, и ощущения у меня в этот момент были такими, что не передать и словами. Радость, смех, слезы, гордость за свою Родину, армию, близких, которые участвовали в приближении дня Победы.

*Материал предоставлен Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и
Амирхановой М.М.. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Кто-то родом из детства. Я – из войны...

Адисова (Азизова) Кульсим Амановна,
родилась 13 января 1935 г. в с. Кара-Тюбе Ачикулакского района
Дагестанской АССР

В начале войны в нашем ауле был колхоз. Сельчане, которые работали в колхозе, сеяли пшеницу, выращивали хлопок, виноград.

Наша семья была небольшой: бабушка Зияда (мать моего папы), папа Аман Азизов, мама Джумазиет, я и сестренка. Тогда мне было шесть лет, а сестре Таисии 3 – 4 годика.

*Воспитанники детского дома № 4. г. Грозный.
Средний в верхнем ряду Азизов Кайтарбий, в центре директор Никошина З.Н.*

Я помню, когда началась война, старшие родственницы очень плакали. А вскоре папа добровольцем ушел на фронт.

Какие напряженные дни начались для мирных сельчан! Хозяйством заниматься времени не было, взрослые целый день пропадали на работе. Уставшие, голодные возвращались лишь к вечеру. Я оставалась с сестрой дома и нянчилась с ней. После занятий в школе ходила с мамой в поле убирать хлопок, с бабушкой работала на винограднике, так как не хватало рабочих рук. Пайки, которые мы получали на работе, приносили домой для Таисии. Игрушек у нас с сестрой практически не было. Нам некогда было играть. Мы были

*Воспитанники детского дома № 4.
г. Грозный*

«взрослыми» детьми, и нам приходилось работать, как взрослым. Несмотря на тяжелое время и работу в колхозе, мы учились.

В годы войны в ауле работала школа. В школу я пошла в 1942 году. У меня была тряпичная сумка из разных лоскутков, которую мне сшила бабушка. В нее я клала чернильницу, перо, одну тетрадь, карандаш и «Букварь» на ногайском языке. Моими учителями были известные ногайские педагоги Зеид Кайбалиев, Муса Курманалиев.

Радио в нашем доме тогда не было. Я помню репродуктор, установленный возле клуба. Мы с бабушкой и мамой часто ходили и слушали новости по этому репродуктору.

Как я мечтала, чтобы папа вернулся домой, и мы зажили, как прежде! Мой папа в моей детской памяти остался настоящим героем, который защищает нас от врагов.

Одним из самых ярких воспоминаний моего военного детства было следующее. В 1943 г. мой папа Аман был ранен, лечился в госпитале. Потом приехал на побывку домой. Сколько было радости в нашей семье! Нам казалось, что он с нами теперь навсегда, что уже никуда не уедет. Когда он был рядом, нам казалось, что мы, как за каменной стеной. Но его снова

забрали на фронт. А в 1944 г. в нашей семье родился маленький братик – Кайтарбий.

А какими трудными были первые послевоенные годы! Эти голодные, холодные послевоенные годы... От тифа умерла мама. Нас забрали в детский дом. На том, чтобы нас отправили в детский дом, настоял Муса Курманалиев, потому что бабушка уже была в пожилом возрасте. Случилось, что как-то в детском доме потеряли нашего братика Кайтарбия. Но Зинаида Николаевна Никошина – директор детдома, приложила немало сил, чтобы отыскать его. И его нашли. Никошина перевела его в наш детский дом. И больше мы никогда не расставались.

Здесь, в детском доме № 4 города Грозный, мы пошли в школу. Я окончила ремесленное училище по специальности «токарь». Была направлена в Караногайский район, село Карагас в МТС. Здесь я повстречала свою судьбу – Адисова Зиявдина. Мы вырастили семерых детей. Среди них есть врачи, учителя, предприниматели.

Сестра Таисия окончила Дагестанский государственный женский педагогический институт им. Гамзата Цадасы. Работала учителем математики. Брат Кайтарбий работал сварщиком в совхозе им. К. Маркса. Но, к сожалению, мои сестра и брат не дожили до 70-летия Победы.

Сейчас мне 80 лет. Я на заслуженном отдыхе, ветеран труда.

И если меня спрашивают про мое детство, я отвечаю словами Галины Бедновой: «Кто-то родом из детства... Я – из войны...»

Народная мудрость гласит: «Счастлив тот человек, у которого счастливая старость». Мое счастье – это мои дети, внуки и правнуки». Мой старший внук Абдул-Галим Адисов награжден Орденом Мужества, он участник первой чеченской компании.

Я всем желаю здоровья, счастья, мирного неба. Чтобы дети никогда не знали войны. А мы, старшее поколение, не вправе забывать о той страшной войне: от эха войны не уйти...

Материал предоставлен Зарманбетовой К. и Зарманбетовой Н.З. (школьный краевед), МКОУ Карагасская СОШ им. К.Ш. Кидирниязова

Я мечтал о том времени, когда кончится война

Адуев Ибрагим Карамгомедович,
родился 1928 г. в с. Унцукуль Унцукульского района
Дагестанской АССР

Я родился в многодетной семье, где было шестеро детей: три сына и три дочери. Из бабушек и дедушек в живых была только одна бабушка.

С 1933 г. по начало 1940-х гг. в селе шла коллективизация земель, создавались колхозы. В колхозы передавались поля, сады, скот. Сами сельчане жили довольно бедно.

Хотя с того времени минуло много лет, я помню, как до нас дошла весть о начале войны. Тогда радио было в райцентре. Его можно было слушать на площади и в клубе. Так вот, в сельском клубе по радио мы и услышали озвученное враз ставшим известным на всю страну диктором Ю.В. Левитаном сообщение о нападении на нашу Родину фашистской Германии. На меня обрушилось не только известие о начале войны, но и личные переживания за моего старшего брата, Адуева Магомеда, 1915 года рождения, который в июне 1940 г. был призван на военную службу Буйнакским городским военкоматом. Ему оставалось слушать совсем немного (его забирали на один год).

Я со слезами на глазах побежал к матери, рассказал ей о настигшем нас горе, и мы, обнявшись, вместе заплакали.

Потом, когда по радио выступал И.В. Сталин, объявляя о начале войны, на сельской площади собрался весь джамаат. Люди слушали, затаив дыхание.

Из моих родственников многие ушли на фронт. Ушел на войну мой дядя Мухастанов Магомед (погиб). Воевали в Красной армии мой двоюродный брат Омардибир, дядя по отцовской линии Абдулхаликов Магомед. Я хорошо запомнил письмо от моего брата Магомеда. Он писал, что Латвия и Литва освобождены от фашистов, и идут бои за Эстонию. Писал, что днем они сидят в окопах, и над ними летают немецкие самолеты, а ночью идет подготовка к защите от нападения врага.

Навсегда запомнилось, как мы жили в условиях военного времени. Каждой семье был отведен приусадебный участок в 15 соток. На этих участках сеяли кукурузу. Готовили из кукурузной муки, пшеничной муки мы

и не видели. У нас оставалось 25 овец, 2 – 3 скотины (крупный рогатый скот) и один осел. Мясо у нас водилось. В общем, мы не голодали.

В доме у нас был камин, который топили дровами, а керосиновые копилки освещали жилье с наступлением темноты. Спичек не было. Сохраняли золу в теплом виде до утра, а потом снова разжигали из нее огонь. Для этого использовали кремень и какое-то растение (ччуги). Это растение долго мяли в вате, пока из него не выходил сок, после чего вата хорошо загоралась.

Мы, чем могли, старались помогать взрослым, ну и, конечно, фронту. Для воинов Красной армии собирали деньги, теплую одежду, отправляли посылки.

Работать я начал рано: с 16-ти лет – телефонистом в узле связи села, а с апреля 1944 г. – учителем начальных классов в местной школе. Тогда я и сам был учеником 9-го класса, но из-за отсутствия учителей мне доверили преподавание в начальных классах.

Сначала в нашем селе была только начальная школа, потом открылась неполная средняя школа. Русский язык преподавался с 4-го класса. В середине 1940-х гг. открылась школа-интернат, куда приезжали дети из маленьких сел, где была только начальная школа. В то же время начала активно работать комсомольская организация. Не скажешь, что молодежь шла туда охотно, иногда вступала в ее ряды вопреки желанию родителей (из-за их религиозных убеждений). Комсомольская организация следила за учебой, проводила культурные мероприятия, способствовала развитию художественной самодеятельности. Мы разучивали песни на русском языке, танцевали русские народные танцы.

В сельской школе работали русские учителя. Я помню двух учительниц – Марию и Лену. Отчеств их, к сожалению, сейчас не вспомню. Да тогда в селах между собой их часто называли просто по именам. Точно не перепутаешь ни с кем. Они меня любили, как они говорили, им нравились мои голубые глаза. Кто знает, может, они напоминали им их близких из родных мест? Эти замечательные педагоги сделали очень многое для того, чтобы мы стали культурнее и образованнее. Само общение с русскими учительницами делало нас грамотнее, мы духовно обогащались.

В нашем селе в годы войны жили эвакуированные с Украины. Их было немного. Жили они у нас довольно долго, их приютили разные семьи. После окончания войны все они вернулись в свои родные места.

В свободное от учебы и работы время мы, дети, играли. Правда, игрушек у нас не было. Помню, как играли в игру «Третий – лишний», бегали наперегонки.

Запомнил и то, как впервые встречал Новый год. Это было в 1946 году. Тогда я работал воспитателем и старшим пионервожатым в нашем детском доме для сирот № 39, в котором воспитывались дети, родители которых погибли на войне.

В годы войны в Унцукуле работала районная больница, построенная в 1928 г. Это здание сохранилось и по сей день. Сейчас в нем располагается районная поликлиника.

Популярностью у сельчан пользовалась сельская газета «Колхозник», она выпускается до сих пор, но уже под названием «Садовод». Читали и республиканскую газету «Красное знамя» на аварском языке. Из газет и по радио узнавали новости с фронта и тыла и ждали окончания войны.

Я мечтал о том времени, когда кончится война. Тогда я обязательно получу высшее образование, а потом создам свою семью.

Были у нас свои герои, герои нашего времени. Для меня это были И.Н. Кожедуб,¹ Г.К. Жуков².

Кроме того, я гордился своими родственниками, которые воевали на фронтах Великой Отечественной. Среди них мой двоюродный брат Дибирмагомедов Омардибир. Как он рвался на фронт! Помню, что в первый раз его в армию не взяли. Он прибежал очень расстроенный к моему отцу, чтобы поделиться своими переживаниями по этому поводу. Потом он просился на войну снова и снова. Забрали его то ли с третьей, то ли с четвертой попытки. Демобилизовали Омардибира в 1944 г. С войны он вернулся весь израненный. Встречали его со слезами на глазах. Он болел, был прикован к постели и вскоре умер.

Другие мои родные-фронтовики погибли на войне. Мой брат, Адуев Магомед, воевал в составе войск, сражавшихся за Ленинград, блокада которого продолжалась 900 дней и ночей. В августе 1944 г. он принимал участие в Выборгской операции³ Красной армии против финских войск, угрожавших Ленинграду захватом с севера. В ходе этих боевых действий мой брат пропал без вести.

В моей памяти военных годов отступление фашистов, освобождение захваченных врагом городов и деревень и, конечно, День Победы, были самыми яркими воспоминаниями. Об окончании войны мы тоже узнали по

1 Кожедуб Иван Никитович – летчик-ас времен Великой Отечественной войны, наиболее результативный летчик-истребитель (64 победы), трижды Герой Советского Союза, маршал авиации.

2 Жуков Георгий Константинович – выдающийся советский военачальник, маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, министр обороны СССР (1955 – 1957).

3 Речь, видимо, идет о Выборгско-Петрозаводской операции (10 июня – 9 августа 1944 г.) – наступлении советских войск в Карелии в 1944 г. в ходе Советско-финской войны 1941 – 1944 гг. с целью ликвидации угрозы Ленинграду, идущим из Мурманска в центральные районы СССР коммуникациям, а также выведения Финляндии из войны. Операция проводилась силами Ленинградского и Карельского фронтов при поддержке Балтийского флота и Ладожской военной флотилии.

радио. Радостное сообщение озвучил все тот же Левитан, голос которого за эти годы стал по-настоящему родным. Все плакали...

Уже после войны, в 1948 г. я окончил Первое Дагестанское педагогическое училище, отслужил в армии (1949 – 1950 гг.), получил звание капитана. В 1953 – 1958 гг. работал секретарем райкома комсомола. В 1958 г. окончил трехгодичную партийную школу при Дагестанском обкоме КПСС, а в 1965 г. – Северо-Осетинский государственный педагогический университет имени Коста Хетагурова (Г. Орджоникидзе). Преподавал географию и историю в средней школе. В 1968 – 1983 гг. заведовал организационным отделом Унцукульского райкома КПСС, с 1983 по 1985 гг. работал в Унцукульском райисполкоме, с 1985 по 1988 гг. был председателем райкома профсоюза работников сельского хозяйства Унцукульского района. Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе.

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

*Андаляльский детский дом. Продовольственный склад. 1950 г. Фотоальбом № 35. Л. 21
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Мы трудились на трудовом фронте

Встретилась я с ветеранами тылового фронта из с. Шушия Айдиевой Ханичей и Буттаевым Исой. Воспоминания даются им нелегко. Горько вспоминать эти годы. И Ханича, и Иса начали работать в колхозе с девяти лет. Сегодня они вспоминают, как чабановали в таком раннем возрасте, участвовали в рытье окопов, в субботнике на КОРе¹. Вспоминают, как огромное количество людей умирало от голода и разных болезней. Но могли ли они сдаваться, проявлять малодушие, когда перед ними был фронт, когда на подвиги звала сама Родина?! О помощи, которую оказывали новолакцы фронту, я узнала и из воспоминаний ныне покойного Гасана Гафурова из селения Чаравали:

«...Мужчины все ушли на фронт, работать в колхозе было некому. Вся работа легла на хрупкие плечи женщин. Работали за двоих с мыслью: «Все для фронта!». Основной доход колхоза раз в год отправляли в помощь фронту. Вязали для фронтовиков носки, рукавицы. Собирали овечьи шкуры. Готовили для отправки вяленое мясо. Собрали серебро в количестве два с половиной килограмма. Собрали серебряные браслеты и серебряные пояса.

Понимая, как тяжело нашим землякам на фронте, писали письма, стараясь поднять их боевой дух. В 1944 г. нас депортировали на земли чеченцев-аккинцев. Пришлось нам на первых порах очень тяжело. В эти же годы стали возвращаться с фронтов защитники Отечества. Практически все они были инвалидами.

Помню, как радостно встречали Победу. Восстанавливали разрушенное хозяйство после войны. Через такие трудности пришлось пройти и нам на трудовом фронте!».

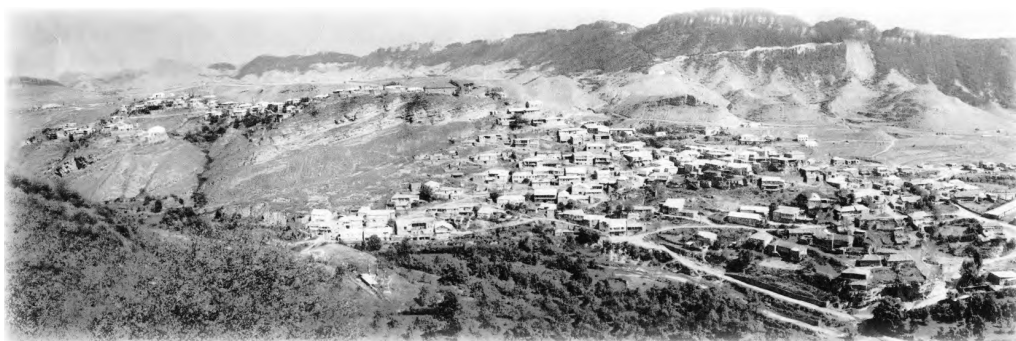
*Материал предоставлен Мусаевой А.Ш. и Маграмовой П.К.
(руководитель краеведческого кружка), МБОУ «Шушинская СОШ»*

¹ КОР – Канал им. Октябрьской революции – был одним из важнейших объектов водохозяйственного строительства. Реконструкция КОРа началась 16 ноября 1944 г. и состояла в его расширении, армиривании и спрямлении отдельных участков. На канале работали представители 16 районов и двух городов республики. На многих участках не было жилых помещений для размещения строителей. Приходилось жить в наспех сооруженных землянках. Строители выполнили гигантскую работу, в основном с помощью мускульной энергии, вынудив около 350 тыс. кубометров земли. 27 декабря 1944 г. по каналу пошла вода. Работа по реконструкции канала продолжалась и в начале 1945 г. коллектив работников Канала им. Октябрьской революции, включившись во всеоюзное социалистическое соревнование, завоевал одно из первых мест в СССР. Ему было присуждено переходящее Красное Знамя Наркомзема СССР и денежная премия в размере 30 тыс. рублей. (Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Махачкала: Дагестанское государственное книжное издательство. 1963. С. 191 – 192).

старшая сестра, которая работала учительницей младших классов в школе с. Леваша. Муж сестры заведовал районным отделом народного образования. Поскольку они все время были заняты на работе, и у них не получалось уделять мне достаточное внимание, то меня определили в интернат. Так я и жил – то у сестры, то в интернате. Жилось там трудно. Питание было довольно скудным: на день выдавался кусок хлеба – 400 грамм, а также, да и то не всегда, давали кашу. После уроков многие дети ходили по полям (дело было осенью) и собирали остатки картошки и капусты, чтобы подкормиться. Из Леваша меня перевезли в с. Урахи к тете, а оттуда, через некоторое время – в с. Усиша к другой сестре, которая работала воспитательницей.

В с. Усиша был хороший детский дом. Там нас неплохо одевали: зимой выдавали теплую одежду, летом – легкую, летнюю, мы получали обувь. Кормили в усишинском детском доме тоже хорошо, особенно в дни праздников (1 мая, 7 ноября, Новый год), когда устраивали праздничные обеды. Мне запомнилось, как встречали Новый год. В актовом зале устанавливали большую елку. Ее украшали яблоками, конфетами, орехами, морковками. На новогоднее мероприятие собиралось все село. Люди веселились, пели, танцевали. В этот момент, мы, дети, забывали, что где-то идет война, рвутся снаряды, убивают людей. Потом, когда праздник заканчивался, тем, кто хорошо учился, разрешали разбирать елку. Как мы ждали этого момента! Это был настоящий «пир на весь мир». Вот уж когда мы могли полакомиться елочными гостинцами!

Мы постоянно ощущали заботу со стороны государства, со стороны районного и сельского руководства. Парторгом колхоза работал тогда Омаров Гази, участник Гражданской войны. Он оказывал большую помощь детскому дому продуктами, дровами. Недалеко от села был густой лес. Омаров

с. Урахи

выделял колхозный транспорт для доставки дров в детдом. Регулярно интересовался, какая со стороны колхоза нужна помощь. Постоянную заботу детский дом ощущал и со стороны районного отдела народного образования, которым заведовала Сулейманова (мать Зумруд Сулеймановой, которая в наши дни работала министром культуры республики). Она приходила в детский дом, проверяла санитарное состояние, интересовалась, как нас кормили, контролировала учебный процесс.

У нас был замечательный директор, прекрасная учительница по русскому языку – пожилая русская женщина (мне казалось тогда, что ей было лет 70), которая жила при школе. Если к ней приходили ребята, то она их угощала всем, что у нее было – фруктами, овощами, конфетами.

Из воспитателей мне запомнился один (к сожалению, не помню его имени) из с. Муги. Он очень хорошо о нас заботился. Живя в детдоме, мы по мере сил помогали фронту: собирали колоски и шиповник. Особенно ценился крупный черный шиповник, нам говорили, что он очень полезен фронтовикам. Дети помогали местному колхозу: собирали сено на полях и складывали его в стога. Иногда мы даже оставались ночевать в поле – так уставали... Мы любили играть, и игры были в основном с военным уклоном, по типу «Зарницы». Помню, как в 1944 г. в качестве воспитателей в детский дом прислали двух молодых офицеров, демобилизованных с фронта по ранению. Хотя сказывались их боевые раны, и, порой, мы видели, как им трудно, они много сил положили на наше воспитание.

Когда я окончил третий класс, то меня и несколько ребят отправили в Буйнакск на летние каникулы в санаторный детский дом. Это было поощрение за отличную учебу. Отправили нас туда на три месяца, но в усишинском детском доме сменилось руководство, и о нас... забыли. Мы прожили в нем целый год. Как нам понравился этот детский дом! Там очень хорошо кормили, одевали, организовывали прогулки в лес, экскурсии на железную дорогу, в город. Из Махачкалы в Буйнакск приезжал кукольный театр. На нас произвело огромное впечатление его посещение. Рядом с детским домом был большой черешневый сад. Нас отправляли собирать урожай и разрешали лакомиться замечательными сладкими ягодами.

Недалеко от детдома располагалась воинская часть. Мы, мальчишки, бегали туда. Все там нам было интересно. Мы залезали на танки, на пушки, собирали стреляные гильзы. Из этих гильз мы делали свистки.

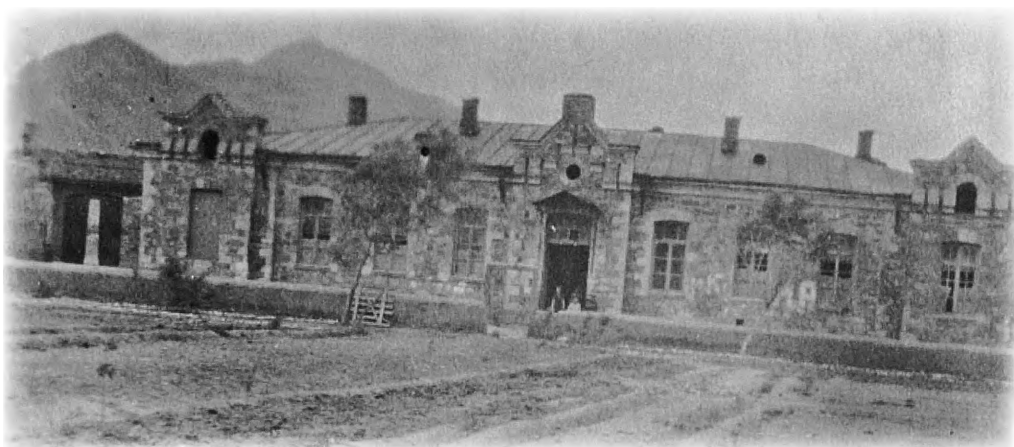
Еще у нас было такое интересное занятие. Мы собирали большие гвозди, бежали к железнодорожным путям, дожидались проходящего поезда, клали эти гвозди на рельсы. После того как поезд проезжал по ним, они

*Ахтынский детский дом
№ 1. Внешний вид
мужского корпуса.
Фотоальбом № 37. Л. 7.
© ЦГАРД, Махачкала,
2015*

*Воспитанники интерната
горцев г. Каспийска с
воспитателем Аслановым.
Третий справа во втором
ряду Алиев Б.Г. 1950 г.*

*Ахтынский детский дом № 1. Женский корпус. Фотоальбом № 37. Л. 2.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Алиев Б.Г. с друзьями. 1952 г.

расплющивались. Мы их точили и делали ножи. Очень хорошие ножики получались, скажу я вам!

Как-то в детдоме у нас случилась такая история. Это было в 1945 г., сразу после войны, когда в городе привольно чувствовали себя разного рода жулики и воришки. Под спальню мальчиков в детдоме была отведена большая комната. Моя кровать находилась примерно посередине. Когда я ложился спать, то вещи, в том числе и штаны, в кармане которых лежал заветный ножик, вешал на спинку кровати. Другие мальчики поступали так

же. Я спал довольно чутко, готовый в любой момент защитить свое сокровище.

Однажды ночью я проснулся от каких-то звуков. Открыв глаза, я увидел в спальне двух посторонних мужчин. Один возился у открытого окна, а другой в этот момент стягивал со спинки кровати мои штаны. Я вскочил: «Дядя! Отдай штаны!». Тот, что-то проворчав, направился к окну. Тут я уже во весь голос закричал: «Дядя! Отдай мои штаны!». Своими криками я перебудил ребят. Все повскакивали со своих кроватей, стали кричать. Не-

Внутренний двор Касумкентского детского дома. Фотоальбом № 46. Л. 3.

© ЦГАРД, Махачкала, 2015

прошенные гости кинулись к окну. Они уже успели собрать наши вещи и завязали их в большой узел. Узел был настолько велик, что не пролез в окно. Пришлось им бросить узел, а самим спасаться бегством. Так я, сам того не осознав, спас наше имущество!

*Сотрудники Избербаишского школьного детского дома. 1947 г.
Фотоальбом № 44. Л. 29. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

На следующий год за нами из усишинского детского дома приехал завуч и забрал нас. Но мы уже никак не хотели снова привыкать к «сельской жизни», считая себя «городскими парнями». Я говорил ребятам вернуться обратно в Буйнакск. И мы собрали — нас было трое. Один — Абуков Муртуз — мой друг из с. Муги. Другой — отец — из окрестностей с. Инчхе. Мы пошли пешком. Так дошли до с. Муги, где жила тетя Муртуза. Она отругала Муртуза и дальше с нами его не отпустила. А мы пошли вдвоем... Добрались до Сергокала, приобширившись к какому-то обозу и заночевав в пещерах, потом двинулись дальше до Избербаша. В пути мы встретили какого-то парня, который где-то наловил курину, распотрошил ее, приготовил еду и накормил нас. Подкрепившись, мы продолжили путь. Когда мы дошли до села моего приятеля, то оказалось, что в этот день из армии вернулся его отец. Даже трудно слова и описать, какая это была теплая встреча! Перед нами стоял стройный, симпатичный мужчина, в военной форме, со смеющимися глазами... Мой спутник остался дома, а меня посадили на поезд, который шел в Махачкалу.

Тогда в Махачкале в Женском учительском институте училась моя сестра. Мне не стоило особого труда найти ее. Я объяснил, не вдаваясь в подробности, что еду в Буйнакский детский дом, и она купила мне билет на поезд до Буйнакска. В Буйнакском детдоме меня приняли, и меня стала опекать девушка (ей было лет девятнадцать) по имени Патя. Тут снова приехал за мной завуч детдома из Усиша. Я никак не соглашался возвра-

щаться. И тут, к моему изумлению, Пятя вызвалась поехать с нами. Мы приехали в Усиша. После того, как я окончил пятый класс, Пятя вернулась в Буйнакск, а нас, шесть воспитанников детского дома отправили в интернат горцев в г. Каспийск, где я и окончил среднюю школу.

Директором каспийского интерната был Григорий Ефимович Моисенко. С особой теплотой я вспоминаю воспитательницу Валентину Константиновну, которая хотела меня усыновить и отправить учиться в Суворовское училище. Но я отказался. В интернате мне очень нравилось: там прекрасно кормили (в нашем рационе были даже красная рыба и черная икра), работало большое количество разных кружков, регулярно проводились спортивные мероприятия. Моей особой любовью были занятия в аэроклубе. Я мечтал стать летчиком. Но не вышло. Меня «забраковали» из-за плохого зрения. Интернат оказал большое влияние на становление меня как человека, в нем мне дали хорошее образование и воспитание. После его окончания я поступил в Дагестанский педагогический институт им. С. Стальского на исторический факультет. Я и сегодня с самыми добрыми чувствами вспоминаю каспийский интернат, из которого вышли три министра, один генерал, я – доктор исторических наук, и много-много воспитанников, ставших впоследствии замечательными специалистами. Я всем сердцем благодарен всем воспитателям детских домов и интернатов, которые в тяжелую военную годину не жалели времени и душевной теплоты для нас – детей-сирот.

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г и, Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Из доклада секретаря Дагестанского обкома ВКП (б)

А.М. Алиева на XXIII пленуме обкома

«О состоянии мерах улучшения работы школ республики»

5 февраля 1945 г.

И в дни Великой Отечественной войны в сложных условиях в республике проделана значительная работа по народному образованию...

Введено раздельное обучение мальчиков и девочек в городах Махачкале, Дербенте и Хасавюрте. Осуществляется военно-физическая подготовка учащихся в 1 – 4 классах и допризывная военная подготовка в 5 – 10 классах.

Широкие массы трудящихся республики в годы войны оказывают большую материальную помощь школам. На средства колхозов и силами колхозной общественности выстроены и расширены школьные здания в Кулинском, Хивском, Новолакском, Лакском, Цумадинском и других районах. В Лакском, Кулинском, Ахтынском, Гунибском и др. районах республики выделено большое количество продуктов для организации горячих завтраков. Оказана большая помощь нуждающимся детям одеждой и обувью.

В дни Отечественной войны школами и учительством республики проделана большая работа по обучению и воспитанию подрастающего поколения. За успешную и самоотверженную работу 32 учителя Дагестана награждены орденами и медалями Советского союза.

...С 1944-45 учебного года закон о всеобщем обязательном обучении распространен и на детей семилетнего возраста...

Война принесла страдания и тяготы не только взрослым, но и детям. Немецко-фашистские изверги оставили тысячи детей сиротами и беспризорными, расстреляли их отцов, матерей, разрушили их родные очаги.

В это тяжелое военное время наше государство находит и средства, и материальные ресурсы для того, чтобы воспитывать, заботливо растить всех детей, лишившихся родных и крова. Родина пригрела, накормила и одела их, вернула им радость детства.

Исключительная забота партии и правительства о детях выражается, прежде всего, в расширении сети детских домов. В 1940 г. в Дагестане было только 7 детдомов с контингентом 608 воспитанников. За годы войны сеть детских домов стала быстро расти: в 1944 г. их было 17 с охватом 2479 детей. В настоящее время в республике 28 детских домов с охватом 3510 детей. Только в период прошедшего недавно месячника по усилению помощи семьям фронтовиков открыто 11 детских домов. Кроме того, в период месячника открыто 48 колхозных детских домов, в которых воспитывается более 1000 детей фронтовиков.

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6200. Л. 57 – 67. Подлинник.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С.294 – 295, 297

Воспоминания о войне никогда не сотрутся из моей памяти

Алиева Аминат Чамсулвараевна, родилась в 1936 г.
в с. Ванашимахи Сергокалинского района Дагестанской АССР

Алиева А. Ч.

Да, память о войне, о Великой Отечественной войне, я сохраню навсегда, хотя с того времени прошло много и лет, и выросло поколение, которое знает о ней по фильмам, по книгам, по устным рассказам дедов, да уже и прадедов. Раны, нанесенные страшной войной, не зажили, они напоминают о тяжелейших днях и доблестных подвигах наших отцов и дедов, ушедших на фронт, об их мужестве и преданности Родине. Та война еще многие годы будет тревожить память, а перед глазами будут стоять наши отцы, братья, сестры, отдавшие свои жизни во имя Великой Победы. Нет ни одной семьи, которую не затронула война...

Первыми поселенцами на территории нашего села были урахинцы, выходцы из с. Урахи. Село расположено в предгорье

Сергокалинского района, на расстоянии 7 км от райцентра Сергокала. Со всех сторон оно окружено горами, есть родник, над которым зимой поднимает пар, а летом, наоборот, вода становится холодной. Родник назвали «Думжул шин» («Горячая вода»).

Перед началом войны в селении насчитывалось 110 хозяйств. Была мечеть, при которой детей обучали Корану. Во время войны мечеть была отдана под колхозный склад.

К началу войны семья наша состояла из отца – Алиева Чамсулвары, мамы – Алиевой Умажат, брата Ибрагима (15 лет), сестры Мариям (14 лет), брата Магомед (3 месяца) и меня, Аминат (5 лет).

Когда началась война, я была маленькой девочкой, но хорошо помню гремевшую на все село песню «Вставай, страна огромная, вставай на

смертный бой!»! Тогда и стар, и млад уходили на фронт добровольцами. Ушел на фронт добровольцем и мой отец – Алиев Чамсурвара, оставив на иждивении нашей матери четверых несовершеннолетних детей.

Мой отец был участником первой мировой и Гражданской войн. Когда он попал на фронт Великой Отечественной войны, ему было 50 лет. Я помню, как отец прискакал на коне из райцентра, переоделся, и стал быстро собираться. Я побежала к двоюродной сестре и сказала ей, что папу забирают в армию. Та только что вернулась из пекарни. Она заметалась по дому, схватила три чурека, вареное мясо, собрала сумку и пошла на проводы моего отца. Я плакала, когда он уезжал и прощался со всеми.

Я помню письмо моего отца с фронта. Он писал маме: «Умажат, сегодня, когда фашисты хотят поработить наш народ, наше государство нуждается в помощи и поддержке коммунистов. В такой обстановке, если я и другие коммунисты не будем в первых рядах защитников Родины, то зачем мы нужны ей? Мы привыкли ко всем трудностям. Но трудности не вечны. Вскоре кончится война, вернемся мы домой. Держитесь, потерпите еще немного. Победа будет за нами. Гитлеризм будет разбит. Если суждено умереть, и дома умрем. Ни один лишний день не проживем. А если час смерти не настал, и в жарких схватках с врагом ни на один день раньше не умрем. Теперь нам надо со всей силой ударить по головам гитлеровских собак.

Умажат, если сын Ибрагим получит повестку (ему исполнилось 16 лет), подготовь его и отправь на фронт. Если возникнет необходимость в привлечении женщин к защите Родины, ты тоже приготовься принять активное участие в нужном месте». Отец в своем письме в стихах описал все ужасы войны зимой 1942 г., схватку защитников Кавказа с фашистскими захватчиками.

Помню, когда в селе получали с фронта извещения о смерти, плакали все, устраивали похороны.

Из нашего села на фронт ушли 120 человек. 94 из них отдали свои жизни за Родину. Из наших родственников с войны вернулись Гаджиев Омар, Лахманов Магомед, Алиев Амирсултан, Гаджиев Гаджи, Магомедов Хайбулла, Адуков Джамал, Абакаров Абдулла, Османов Хабиб. Все они получили ордена и медали за победу над гитлеровской Германией. После войны Османов Хабиб работал директором, а Абакаров Абдулла – военрукком в педучилище.

А тогда, в начале войны, мужчин в селе практически не осталось. Женщины и молодые девушки работали в колхозе. Утром уходили пешком на

колхозное поле, которое располагалось в 7-ми километрах от села, а вечером, так же пешком, возвращались. После работы у склада выстраивалась огромная очередь. За один трудодень¹ со склада давали 1 кг ячменной муки. Получали муку, за ночь пекли хлеб, а утром опять шли на работу. К возвращению старших с поля, младшие дети занимали им очередь у склада. Во время жатвы, уборки урожая взрослые ночевали в поле.

Спасаясь от голода, ели вареную пшеницу, собирали крапиву и другие травы, готовили из них чуду. Были случаи, когда маленькие дети травились и умирали.

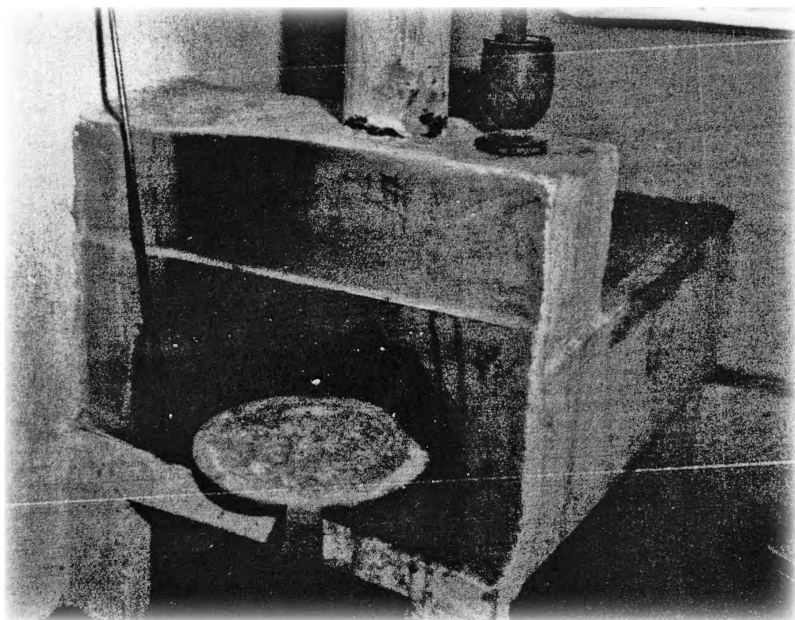
Был у нас большой фруктовый сад и огород. Мы сажали картошку, кукурузу. Хлеб пекли из пшеничной, кукурузной, ячменной муки и проса. Мама их чередовала. Дети пекли и карови, буре, пайица, домашнюю птицу. Белье стирали золой, а дом отапливали дровами и джизками, освещали керосиновой лампой. Мама, брат, сестра работали, а я оставалась дома и занималась хозяйством: убирала, ходила за травой для коровы, доила ее, смотрела за младшим братом, следила за огородом. Бывало, мы с братом ходили за дровами (благо – лес рядом), и к концу дня притаскивали вязанку дров. Хоть было трудно, но я делала все и все успевала.

В те годы наша семья жила в относительном достатке. У нас даже был сепаратор (машина, при помощи которой из молока делали сметану). К нам приходили все сельчане, у которых были коровы. Молоко, которое они приносили, я пропускала через сепаратор.

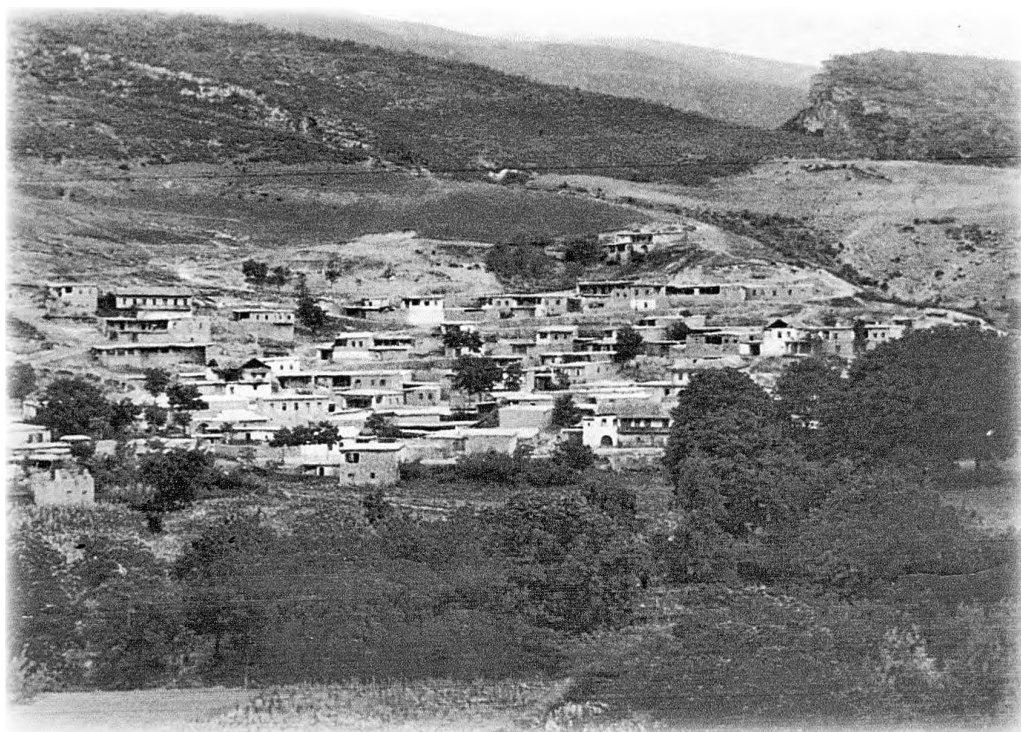
Обувь тогда шили из кожи телянка, но были дети, которые голодали и даже в холод ходили раздетые и разутые, босиком. Случалось, что из соседних сел приходили дети и просили милостыню («сацапья»).

В те тяжелые голодные годы были и случаи воровства. Помню, как мама после продажи машины картошки в Дербенте купила нам, детям, гостинцы (ткань и костюмы, обувь, шапки). Пришлось два чемодана поставить их дома, а сама ушла на работу. Мы с братом уснули, оставив дверь незапертой. А когда мама вернулась, чемоданы были пусты... Как-то с крыши за ночь украли тыкву, собранную с нашего огорода, а из сарая – два мешка картошки и кукурузу. Случалось, соседские дети воровали фрукты из

¹ Трудодень – мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 гг. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням. С началом Великой Отечественной войны необходимость изъятия зерна у колхозов выразилась в минимизации или прекращении продовольственных выплат на трудодни, особенно в 1941 – 1942 гг., были установлены трудовые минимумы для каждого периода сельскохозяйственных работ, а подростки, члены семей колхозников, в возрасте от 12 до 16 лет должны были выработать не менее 50 трудодней в год, но без разбивки по периодам. Средняя выдача зерна колхозникам по трудодням в СССР составляла: в 1940 г. – 1,6 кг; в 1943 г. – 0,7 кг; в 1944 г. – 0,8 кг. (Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%F3%E4%EE%E4%E5%ED%FC>. Дата обращения 22 августа 2014 г.).

Кари, где пекут хлеб

с. Ваншимахи

нашей кладовой. Делали это они так: просовывали в окно длинную палку, на конце которой был прибит гвоздь, и накалывали на этот гвоздь фрукты. Были и другие случаи, всего и не упомнишь...

В 1941 г., еще до того, как мой отец ушел на фронт, он из райцентра привез к нам эвакуированную русскую семью. Жили приезжие у нас, а работали в колхозе. Это были дедушка Исаак, мать Клава, сыновья Ибраша и Яна, дочь Дора. Мама помогала им, чем могла: делилась фруктами и овощами из нашего сада и огорода. А однажды был такой случай. Мама зарезала курицу, а голову и ножки хотела выбросить. Тогда Клава поругала маму, подобрала их и сварила вкусный холодец, которым угостила и нас.

В 1943-44 учебном году я пошла в первый класс. Это была первая начальная школа в нашем селе, и поначалу в ней обучали на арабском языке. Открылась она в 1924 г. и размещалась в частном доме. В 1930-е гг. занятия в школе проходили на русском и даргинском языках. В годы войны школа уже была семилетней. Первым директором был Омаров Ибрагим Магомедович, а первыми учителями – Сулейманов Расул, Гаджиев Магомед, Гаджиева Хапсат, Гасанбекова Люба. В первом классе я училась у Рашидовой Каримат Меджидовны, во втором – у Османовой Пирдаус Османовны, в третьем – у Хадижат Ибрагимовны (фамилию не помню), а в четвертом – у Алиева Магомеда Алиевича. Тогда директором школы был Сулейманов Османгаджи. В нашу школу приходили учиться дети из соседних сел (Ая-махи, Аялизи-махи). Были случаи, когда у них из сумок воровали хлеб, из-за этого случались ссоры, драки.

Как помню, в первом классе нам для письма раздавали листочки бумаги коричневого цвета, потом – черного (фото-бумагу) и белые карандаши. Позже мама стала для меня готовить «чернила» из черной лесной ягоды. Радио не было, зато в школе была своя маленькая библиотека, которая размещалась под лестницей. Было трудно, но мы учились. Училась я прилежно. В школе нас не кормили. В моей памяти сохранились пионерские значки и галстуки, школьные «линейки». Пионеры всегда интересовались жизнью, политикой, участвовали в митингах. Помню, что тогда в селе читали газету «Колхозное знамя» («Колхозла байрахъ»). В селе был медицинский пункт, где работал один медбрат Омаров Гусен.

Еще до того, как я стала школьницей, моя двоюродная сестра Гаджиева Хапсат, которая была учительницей, брала меня с собой на работу в школу. Она сажала меня за последнюю парту, и я рисовала. А после обеда, когда я возвращалась домой, я звала в гости всех своих подруг, усаживала их на

лестницу и начинала «вести урок». Доской нам служили ворота: они были все исписаны мелом. Летом мы играли с подружками в саду. Осталось у меня о детстве военной поры яркое воспоминание. У меня была красивая кукла. Купил мне ее мой двоюродный брат Сагидов Иса, который работал военкомом в Сергокале. Иса погиб на фронте в самом конце войны и был похоронен в Берлине.

Помню я и то, как мы праздновали Новый год. Елку наряжали конфетами, орехами, фруктами, бумажными игрушками. Мама выпекала из теста птичек, делала незатейливые игрушки из хлеба. Потом все съедобные игрушки шли на угощение.

В годы войны дети не оставались в стороне от дел взрослых. Девочки учились вязать и вместе с мамами, сестрами, бабушками вязали варежки, носки и отправляли их на фронт для воинов Красной Армии. Я помню, как связала воротничок и манжеты для своей школьной формы. На фронт для солдат отправляли выращенную махорку, татук, табак. Для фронта собирали серебро, деньги. Зимой в колхозе со склада по домам по весу раздавали зерно. Нужно было очистить его от мусора, перебрать, перемолоть и так же, по весу, вернуть на склад (для учета мусор тоже взвешивался), а летом нас возили в поле собирать колосья, оставшиеся после жатвы.

Мы все мечтали об окончании войны, о хорошей жизни.

Я была маленькая, но во всем старалась помогать маме. Мама работала председателем сельского совета, сестра, которой на начало войны исполнилось 14 лет, днем работала на колхозном поле, а вечером заведовала клубом и избой-читальней. Она и другие девушки устраивали вечера, ставили пьесы, в которых все они принимали участие. Старший брат окончил милицейскую школу в Саратове, работал в Махачкале, затем в Каспийске и в Чечне окружным уполномоченным. После окончания юридической школы в Москве, работал в прокуратуре, был награжден орденом «За победу над Германией».¹ Моя мама была

¹ Речь идет о медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Медаль была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. Медалью награждались все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, принимавшие в рядах Красной Армии, Военно-Морского Флота и НКВД непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах, а также все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, служившие в период Великой отечественной войны в рядах действующей Красной Армии, Военно-Морского Флота и НКВД, но выбывшие из них по ранению, болезни или увечью, а также переведенные по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии. Согласно дополнению к Положению о медали, утвержденном постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1945 г., медалью награждался также личный состав органов Народного Комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности СССР (Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E8%E5%E9_%E2_%C2%E5%EB%E8%EA%E6%E9_%CE%F2%E5%F7%E5%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E9_%E2%E5%E9%ED%E5_1941%971945_%E3%E3.%BB. Дата обращения 22 августа 2014 г.).

университета, 55 лет проработала в школе учительницей родного языка и литературы.

Я – ребенок периода войны. Мы, дети войны, наравне со взрослыми переживали тяготы военной поры, наравне с ними трудились, приближая Победу. Сегодня нам по 70 – 80 лет, и никаких льгот! Очень хочется, чтобы государство вспомнило и позаботилось о нас...

*Материал предоставлен Мирзабековым М.Я.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Письмо педагогического и ученического коллектива Мюрегинской НСШ бойцам Южного фронта

13 апреля 1943 г.

Дорогие товарищи!

...Наша небольшая школа, в количестве 139 учащихся в этом году силами учащихся собрала и отправила на фронт четыре общих и восемь индивидуальных посылок. Собрала 43 штуки личных вещей, 300 кг цветного и черного металла, сдала 50 штук носовых платков, 30 воротничков, 70 кисетов.

Путем экскурсии и индивидуально учащимися было собрано 150 кг лекарственных растений (шиповник)

Силами школьного драмкружка в помощь фронту было собрано 300 руб. нами сдано также 420 руб. на постройку бронепоезда им. Гаджиева М., 400 руб. на танковую колонну «Шамиль», 450 руб. на постройку эскадрильи им. Валентина Эмирова.

Весной 1942 – 43 учебного года силами школы было обработано 2 гектара огорода, урожай которого пойдет полностью на помощь фронту...

По поручению педагогического и ученического коллектива письмо подписали: двенадцать подписей.

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5412. Л. 65 – 67. Подлинник.

Отец зашел домой буквально на часок

Алиева Патимат Акаевна, родилась 10 октября 1933 г.
в п. Кяхулай г. Махачкалы Дагестанской АССР

С амого начала войны я не помню. Помню, что до войны жили мы хорошо. Отец мой, Алиев Акай Бамматалиевич, работал мотористом на мельнице колхоза им. «9 января». Мама моя, Алхазова Папабазив Абдулжалиловна, тоже работала в колхозе. Виноградники нашего колхоза занимали территорию от нынешних улиц Венгерских бойцов (ныне эта улица носит имя генерала Омарова) и Виноградной до РКЦБ (Республиканская клиническая центральная больница). И там, где сейчас Центральная мечеть, тоже были виноградники. Кроме того,

у нас был свой сад в Кяхулае, своя корова – мы ее и в Османюрт забрали, когда нас депортировали... Председателем колхоза был Дадаев Шапи.

В нашем поселке была школа – там же, где и сейчас. Был клуб в здании мечети (бывшей и нынешней). Помню, как уже после замужества, в 1950-е, мы с мужем пошли в клуб в кино. А бабушка меня потом ругала: «Как ты могла пойти в клуб?! Это же мечеть!». Больше моей ноги в этом клубе не было!

В школу я пошла до войны, в 1939 г. Проучилась 4 года. Потом уже было не до учебы. Я была старшей в семье и помогала матери по хозяйству, ходила на рынок (16 км пешком туда и обратно), работала и в колхозе.

Младшие брат и сестры ходили в школу. Занимались при свете керосиновой лампы, писали на газетах, тетрадей в годы войны не было. Бывало, что и по очереди приходилось в школу ходить – обуви на всех не было.

В нашем доме в Кяхулае в начале войны поселили военных, а нас переселили в маленький домик во дворе. Сразу за домом, на пустыре стояли зенитки. Помню, что нам запрещали зажигать лампу вечерами, так как вражеские самолеты летали, город бомбили. Одна бомба попала в военную казарму, другая упала в порту.

Однажды я оказалась в городе в момент воздушной тревоги, шла на рынок. И всех, кто был на улице, стали загонять в подвал, в убежище. Помню, что в 13-й школе Махачкалы был госпиталь, мы как-то ходили туда, носили молоко.

Помню, что отца забрали на фронт осенью, в октябре. Кажется, это был 1942 год. Семеро тогда из нашего поселка ушли. Потом, получив ранение, отец оказался в госпитале в Азербайджане. И когда его вновь отправили на фронт в 1943 г., эшелон остановился в Махачкале. Стояли несколько часов, и отец попросил разрешения у командира сбежать домой, повидаться с родными. Одного его лейтенант не отпустил и вместе с отцом пришел к нам домой, буквально на часок. Мамы дома не оказалось, но собрались все соседи. Достали вино (его на трудодни в колхозе давали), накормили, напоили. Когда мама вернулась и узнала о том, что отец в городе, то бросилась на станцию, но эшелон уже ушел...

А потом папа прислал письмо, в котором были стихи, которые и сегодня я помню наизусть:

Товар эшелон булан
Бараман бойлап-бойлап.
Сиз эсиме тюшгенде,
тураман ойлап-ойлап.

Бир чептер чагъыр алып
лейтенантгъа ичирдим.
Абзар ортагъа гирип
«Гъанапи!» – дып кыычырдым.

Башлап чапды Гъанапи,
экинчи чыкъты Патюк,
уьуй тазалай турады.
Уьчюнчы чыкъды Апюк.

«Вай, аявлу Унавум, къайдан да гердюк сени!» –
Оьбюп, къучакъладылар, эпсиз этдилер мени.
Авул хоншу, юрт агълюлер бары гелген эдилер.
Каримат да, Нюрлю де къарап къалгъан эдилер.

Беш-алты сагъат сама турмагъа къоймадылар...
Кеп аявлу яшларым Унавдан тоймадылар...

Товарным эшелонам еду.
Как вспомню вас,
сердце кровью обливается.

Взяв бутылку вина,
напоил лейтенанта.
Зайдя во двор,
позвал: «Ханапи!»

Первым прибежал Ханапи,
затем вышла Патимат,
она занималась уборкой дома.
Третьей вышла Алпият.

«Дорогой отец! Какая неожиданная встреча!»
Обняли, расцеловали, очень уважительно встретили.
Все соседи сбежались.
Каримат, Ньюлю не сводили с нас глаз.

*Траншеи в районе Махачкалинской школы № 13 (1941 - 1942 гг.)
Фото Ю.Т. Шевелева. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Пять-шесть часов даже не дали побыть...

Мои дорогие дети не успели насладиться встречей с любимым отцом...¹

В 1943 г. нас выселили в с. Османюрт Хасавюртовского района. Сказали, что нашли нефть где-то за мечетью, виноградники колхозные забрали.

В годы войны было голодно. Иногда по два-три дня ничего не ели. Маме тяжело особенно было – она нам все отдавала, сама голодала. Ели в основном лепешки (мичари) и кашу из кукурузной муки, весной траву собирали, летом и осенью – фрукты. Пол-литровая банка кукурузной муки стоила 50 руб., а литр молока – 60 руб. Я часто ходила на рынок. Выменивала молоко на другие необходимые продукты и вещи. В Османюрте у нас тоже был большой сад – груши, айва, яблони, орехи.

Воду мы набирали в канаве – она текла через наш двор. Отстаивали ее и употребляли, практически для всех нужд. Стирали самодельным мылом (так мыло было дорогим, стоило по 30 руб. за брусок) и золой.

Ходили в обносках, перешивали. Обуви не было. Местные умельцы мастерили какое-то подобие обуви из старых резиновых покрышек и продавали, вот в этом и ходили. Даже носок не было, порой, шерстяных.

День Победы я помню хорошо. Я опять же шла на рынок в Хасавюрт, и вдруг загудели заводские и фабричные гудки. А уже на рынке услышала: «Победа! Победа!!!». Радость, конечно, была неописуемая.

А потом и отец вернулся с фронта, жизнь стала налаживаться.

Немало воспитанников нашего детского дома сражалось на фронте

Алиева Хава-Ханум Ибрагимовна,
директор детского дома № 2 г. Буйнакск

В детском доме № 2 я начала работать в 1928 г., была воспитательницей, а с 1933 г. – директором. С этой должности ушла в 1953 г. на пенсию, проработав в детском доме 25 лет.

В начале Великой Отечественной войны наш детский дом был рассчитан на детей дошкольного возраста, к концу войны стал «школьным». Тяжелое

¹ Перевод Алиевой А.Х.

это было время. К нам прибывали, главным образом, дети, потерявшие родителей во время эвакуации, или родители которых погибли на фронте. Каждый дом принимал детей больше, чем полагалось по штату. Открылись дополнительно новые детские дома, а когда и они не вместили всех прибывавших детей, то много детских домов было открыто в районах Дагестана, эти дома заполнялись, в основном, сиротами из местного населения.

Наш детский дом был показательным. В нем всегда отмечали образцовый порядок, чистоту, хорошее воспитание детей. В те годы воспитателями у нас работали чуткие и внимательные Н.Г. Османова, Т.Н. Татарина, И.С. Алтунжи, Р.А. Гуганова, заведующая учебной частью З.А. Гуганова. Прекрасным работником была также заведующая учебной частью М.А. Целиковская.

Помню трудности военного времени. Снабжение нас централизованно – и питанием, и всем необходимым, но не всегда отпускалось все то, что было положено. Не хватало жиров, сахара, мануфактуры. Конечно, страна испытывала тогда неслыханные трудности, но тут еще появились расхитители общественной собственности в органах торговли и даже в детских учреждениях.

Собралось как-то республиканское совещание работников детских домов. Все много говорили о том, что надо повысить успеваемость детей по учебным предметам. Попросила я слово и сказала, что прежде чем хлопотать об успеваемости, нужно подумать о том, чтобы дети были сыты. Поступали они к нам голодные, совершенно истощенные, я не могла смотреть на них спокойно: иногда шла на рынок, на свои деньги покупала хлеб и масло.

Вскоре прислали в г. Буйнакск комиссию и проверили детское снабжение. Комиссия установила крупные злоупотребления. Оказалось, что государство выделяло детям и масло, и сахар, и шоколад, эти ценные продукты расхищали. Когда комиссия закончила работу, в Буйнакске состоялся суд военного трибунала. Зал суда был переполнен. Виновные понесли заслуженное наказание, а питание в детских домах после этого заметно улучшилось.

Хорошо помогал нам в работе Президиум Верховного Совета ДАССР. Шефствовала над нами воинская часть, находившаяся в годы войны в Буйнакске. Запомнилась мне наша первая встреча с шефами. Приехали они с подарками. Состоялся торжественный вечер. Военные беседовали с детьми, дети надели им пионерские галстуки, показали свою художественную самодеятельность. Такие встречи потом повторялись часто, иногда мы сами ездили в воинскую часть, и дети там выступали перед бойцами и

*Танцы в часы досуга. Буйнаский детский дом № 2. 1950 г.
Фотоальбом № 39. Л. 13. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Здание бывшей женской гимназии, в котором в годы войны располагались эвакуогоститали.
г. Буйнакск. Из личного архива Маграмовой П.К.*

командирами. Некоторых наших одаренных детей военные приняли в духовой оркестр и обучали игре на духовых инструментах. Дети были в восторге.

Помню такой случай. В духовом оркестре воинской части учился наш мальчик Зубаир. Военные стали собираться на фронт, и Зубаир никак не хотел оставаться. Было ему тогда не более 12-ти лет, мы всячески уговаривали его, но он ничего слышать не хотел. Тогда я отняла у него верхнюю одежду, оставила в трусах и майке, установила за ним контроль. Воинская часть уехала, и мы успокоились. Но в ту же ночь Зубаир убежал.

Долго мы не имели о нем никаких вестей. У нас оставался младший брат Зубаира, но и ему никто ничего не сообщал. И вот года через три приехал наш Зубаир с двумя медалями на груди. Оказывается, он нашел ту воинскую часть, его приняли, одели, назначили учеником шофера, он ездил на машине до конца войны, отличился и получил награды. Когда Зубаир приехал, мы помогли ему устроиться на работу. Позднее он поступил на военную службу, остался служить сверхурочно и стал механиком на аэродроме. Связи с Буйнакском он не прерывал.

Так растут наши воспитанники. Во время войны как-то на улице подходит ко мне молодой полковник, здоровается. Я смотрю на него с удивлением.

– Что, – говорит, – не узнаете, Хава Ибрагимовна, своего воспитанника Кафланова?

Да где же узнать! Был когда-то озорной мальчуган, а стал подполковником. К сожалению, он потом погиб на фронте.

Немало воспитанников нашего детского дома сражалось на фронте. Тарасенко Валентин служил в пограничных войсках, участвовал в войне, стал офицером и сейчас служит где-то на границе. Её сестра Надя Тарасенко стала летчицей и тоже участвовала в военных действиях. Попали они к нам ещё в конце 20-х гг., было их четверо сирот, все стали настоящими людьми.

Во время войны наш детский дом шефствовал над госпиталем, помещавшимся в школе им. Ленина. Госпиталь не имел места для прачечной, – мы предоставили им свою прачечную, наши девочки часто помогали гладить для раненых белье. Очень любили раненые, когда дети приходили их навещать. Дети выступали на вечерах художественной самодеятельности, дежурили в палатах, читали раненым книги, а маленькие просто забавляли их своей болтовней. Иногда раненые сами, на костылях, приходили к нам и просили отпускать детей в госпиталь почаще.

*Фотоснимки ученика фотокружка Бабаева Бабы. Буйнакский детский дом № 2. 1950 г.
Фотоальбом № 40. Л. 19. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Поющие дети. Буйнакский школьный детский дом № 3. 1950 г.
Фотоальбом № 41. Л. 8. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Такая связь имела большое воспитательное значение: дети росли чуткими, заботливыми, мы старались прививать им эти качества.

Хочется мне рассказать об отдельных детях. Вот двое детей Филиппенковых. Отец, майор, был на фронте, а жена с двумя детьми по эвакуации попала в Буйнакск и работала уборщицей в военкомате. Вскоре мать заболела туберкулезом, её положили в больницу, а дети остались без присмотра. Узнав об этом, я пошла их разыскивать. Нашла мальчика лет пяти и девочку лет семи – голодных, грязных. Забрала их в детский дом, обмыла, одела. Девочка тяжело заболела, её пришлось лечить. Когда она поправилась, я пошла с детьми в больницу, навестить их мать. Она не сразу узнала своих детей, расплакалась, благодарила меня. Но вскоре она умерла. Стали мы разыскивать отца и нашли его через военкомат. Приехал он в отпуск, увидел детей и тоже не выдержал, расплакался, горячо благодарил нас, написал благодарность всему детскому дому, которую опубликовала газета «Дагестанская правда». Когда война закончилась, он взял детей к себе.

Или Элла Андреева: отец был военным инженером, мать эвакуировалась, работала на рыбных промыслах, заболела и умерла. На другой день после её смерти пришло извещение о гибели отца. Элле было не более пяти – шести лет, её взяли в детский дом. Вначале она попала в санаторный детский дом, позднее её перевели в наш детский дом. Она была очень способная девочка, прекрасный акробат, гибкая, красивая. Элла привязалась ко мне, дружила с моей дочкой, и я тоже очень любила Эллу, по ночам шила ей костюмы для выступления на детских вечерах. Как и многие другие дети, Элла звала меня мамой.

Когда она выросла, то уехала в Киев и поступила в институт физической культуры. Там собралась замуж и в письме спрашивала моего согласия. Потом пригласила меня на свадьбу, ни за что не хотела устраивать её без меня. Что же делать, собралась я и поехала в Киев присутствовать на свадьбе.

Или вот Вазипат Джабраиловна Алиева. Теперь она воспитательница в школе глухонемых. Была она не Вазипат и не Алиева вовсе, а Вера Шабалаева, попала к нам в детский дом совсем маленькой, не знала своей национальности, не помнила родных. Она тоже очень ко мне привязалась. В годы войны направили мы её в ремесленное училище. Когда училище решили эвакуировать в Среднюю Азию, пришла она и говорит:

– Не поеду, мама, без тебя. Ты коммунистка, фашисты придут, тебя убьют. Поедем вместе.

Это было летом 1942 г. Еле удалось мне убедить её, что именно как коммунистка я не могу бросить детский дом. Она уехала и прислала письмо, полное беспокойства за меня. Я тут же ответила на письмо и послала ей 200 рублей на всякий случай.

Но деньги и письма тогда шли даром. Не дождавись ответа, она опять приехала в Буйнакск. Ей исполнилось 16 лет, могла она получать паспорт. Не захотела никакой другой фамилии, кроме Алиевой (моя фамилия Алиева) и записалась Вазипат Джабраиловна Алиева. Позже окончила она педагогический женский институт, стала, как и я, воспитателем детей.

Как-то в 1944 г. А.Д. Даниялов привез в Буйнакск, в городской отдел народного образования четверых мальчиков аварцев: отцы их погибли, матери умерли. А.Д. Даниялов вызвал меня и сказал:

– Я сам воспитываюсь в детском доме и поручаю их вам. Знаю, что не обидите.

instituteofhistory.ru

Хотя детский дом был переполнен, я взяла их. Это были Сахрутдин, Абдурахман, Магомед и Гасан (фамилий уже не помню), из каких-то отдаленных горных аулов, грязные, запущенные дети в длинных лохматых шубах. Шубы эти мы просто сожгли, детей помыли, постригли, одели. Выросли

Коллектив сотрудников Буйнакского школьного детского дома № 2.

Фотоальбом № 41. Л. 1.

ребята, начали работать. Строили они хлебозавод в Махачкале, имена их заносились на Доску Почета. Абдурахман был в армии и остался служить сверхурочно. В 1958 г. он приехал в отпуск, стал разыскивать меня, встретил на улице, обнял, спрашивает:

– Не узнаете меня?

Я не сразу, но узнала его.

Очень много детей прошло через наш детский дом, да и через другие детские дома нашего города. Многие из детей уже окончили вузы, техникумы, получили специальности в ремесленных училищах. Немало наших воспитанников стало офицерами Советской Армии, летчиками, моряками. Приятно чувствовать, что не напрасно мы трудились, столько лет.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1962. С. 455 – 458.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Постановление Совета Народных комиссаров Дагестанской АССР и Бюро обкома ВКП (б)

о бытовом обслуживании детей фронтовиков и мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1943 г.

29 мая 1943 г.

В целях укрепления бытового обслуживания детей фронтовиков и оказания помощи семьям военнослужащих, рабочим и служащим в деле укрепления здоровья их детей в летний период 1943 г. Совет Народных Комиссаров ДАССР и Бюро обкома ВКП (б) постановляют:

...расширить существующую столовую для детей в г. Махачкала, доведя контингент её до 700 человек;

...открыть столовые для детей фронтовиков – в Буйнакске – на 300 чел., в Дербенте – на 400 чел., в Хасавюрте – на 300 чел.;

...обеспечить детские столовые необходимыми фондами на питание.

...открыть детские парикмахерские; в Буйнакске – на 3 кресла, Дербенте – на 3, в Хасавюрте – на два и в Махачкале – на четыре кресла и обеспечить парикмахерские необходимым оборудованием.

...выделить починочные мастерские для ремонта детской обуви и прикрепить к ним соответствующие школы...

...организовать с 1 июня 1943 г. вывоз из городов в пионерские лагеря, а также устройство на детские летние площадки 4920 человек...

*Андаляльский детский дом. Швейная мастерская. 1950 г. Фотоальбом № 35. Л. 14.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Архитский детский дом Хивского района. Столярная мастерская.
Фотоальбом № 36. Л. 12. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Сапожная мастерская Избербаишского школьного детского дома № 6. 1947 г.
Фотоальбом № 44. Л. 26. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Швейный цех Ахтынского детского дома № 1. Фотоальбом № 37. Л. 10.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

...организовать в июне 1943 г. школьные лагеря для учащихся 8 – 9 классов, установив срок пребывания в них каждого учащегося 15 дней;

...из числа воспитанников детских домов организовать в гор. Буйнакске санаторную группу в 200 человек сроком по 45 дней, выделив их в отдельный детдом.

...вывезти в г. Буйнакск на весь летний период (3 месяца) 120 чел. детей ясельного возраста в дом матери и ребенка.

...обеспечить своевременное развертывание пионерских лагерей и детских площадок, направляя туда в первую очередь детей военнослужащих, инвалидов Отечественной войны, рабочих и служащих, нуждающихся в усиленном питании и лечении...

...организовать на ... предприятиях в городах республики детские группы, ... организовать мастерские ручного пошива при школах. Установить продолжительность работы детей до 12 лет 4 часа и для детей старше 12 лет 6 часов.

...выделить на каждые 100 человек по одному учителю для проведения воспитательной работы;

...охватить всех воспитанников детских домов обучением в производственных мастерских.

...В соответствии с телеграммой Совнаркома Союза ССР разрешить производственными мастерскими продукцию из отходов и остатков производства местной промышленности и промкооперации распределить между детскими учреждениями.

...выдавать учащимся, работающим в производственных мастерских, хлебные и производственные карточки по нормам рабочих соответствующей отрасли промышленности.

...обеспечить всех детей школьного возраста в период летних каникул работой в ... мастерских, не допуская детской безнадзорности.

Председатель СНК ДАССР

Секретарь обкома

А. Даниялов

А. Алиев

Верно: зав.особым секретарем обкома ВКП(б)

П. Крысин

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 24. Д. 14. Л. 355 – 357. Заверенная копия.

*Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.).
Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д., Бутаев,
Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. –
Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 444 – 446.*

Если меня разбудить среди ночи, то и тогда я вспомню все до мельчайших подробностей

Алирзаева Людмила Андреевна,
родилась в 1930 г. в г. Ленинграде

Одной из самых трагических и в то же время героических страниц военной истории России является блокада Ленинграда. События блокады показали, насколько велик дух народа, оказавшегося способным, несмотря на голод, холода и болезни, успешно противостоять немецким захватчикам.

В этом году исполнилось 70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Блокада длилась ровно 900 дней, но, сколько бы лет ни прошло с той поры, для всего мира подвиг ленинградцев останется образцом беспримерного мужества, стойкости в дни суровых испытаний.

«Ленинградские события и это блокада – страшное было время, – делится с нами блокадница Людмила Алирзаева – Именно эта часть войны наиболее сильно и близко связана с народом. Именно тогда народ смог показать свою стойкость, смелость и решимость», – говорит она.

Все ужасы блокадного Ленинграда пережила и жительница Махачкалы Людмила Алирзаева. Она родилась и выросла в Ленинграде. В то время, когда город оказался в блокаде, ей было всего 11 лет. Жили они четвером – мама Евдокия Круганова, два брата и она. У нее был и старший брат, который учился в военном училище, но, когда началась война, его призвали в армию. Стен Андрей Осипов работал на заводе в Выборгском районе, но и он скоро ушел в народное ополчение. Долго родные не знали, что с отцом, жив ли он, где находится. И через некоторое время к ним пришла весточка от отца, где он сообщал о том, что на днях ожидается крупное наступление, и он не знает, увидится ли еще с семьей или нет. Это было последнее письмо от отца, больше они его не видели и ничего о нем не слышали. Спустя некоторое время получили весть о том, что их отец погиб.

«Блокада длилась ровно 900 дней, и каждый из этих дней я помню и вижу как будто наяву. Мне было 11 лет, когда началась атака города. Каждый день – ни дня, ни минуты без бомбежки. Кое-как доставали еду. Нам выдавали по 125 грамм хлеба, и моя мать, Евдокия Круганова, топила снег и варила кусочки хлеба в нем, чтобы хоть как-то прокормить меня, моих

двух братьев и двоюродную сестру». Людмила Андреевна вспоминает, что жизнь в блокадном городе была невыносимо трудной: «Наша мама болела от голода, младший брат был совсем маленький, за ним нужно было постоянно смотреть. В то время в семье старшей была я. Никакой жизни у нас не было, ни тепла, ни пропитания. Человек все равно как-то должен себя сохранить, и мы собирали что попало. Хлеба давали всего 125 грамм. За ним мы ходили по очереди, и тому, кто ходил за хлебом, доставались еще и крошки. Иногда приносили хлеб, а там и делить нечего... С водой тоже были проблемы, приходилось или снег топить, или с реки приносить. Это были самые тяжелые дни».

Людмила Андреевна работала на заводе, который выпускал аккумуляторы для подводных лодок. Этот завод находился рядом с крупнейшим Кировским заводом. И здесь Людмила Андреевна впервые встретила своего будущего мужа – дагестанца Аликбера Алирзаева, который служил на морфлоте, а приехал он на завод за аккумуляторами. Тогда Людмила Андреевна всерьез не восприняла эту встречу. Но напрасно, после демобилизации Аликбер Мирзоевич забрал Людмилу Андреевну к себе на родину в Дагестан, в Дербентский район. Людмила Андреевна живет в Дагестане уже 62 года и до сих пор она не жалеет, что судьба ее забросила именно сюда.

«Я очень благодарна Дагестану. Меня здесь никто никогда не обижал, со всеми я всегда находила общий язык. Я по сей день считаю, что мудрее и добрее дагестанцев вообще нет никого», – говорит Людмила Алирзаева.

Будучи уже замужем, Людмила Андреевна окончила заочно торговый техникум в Орджоникидзе и Московский институт советской торговли. Ее муж работал в Дагпотребсоюзе, а она – в Горпищеторге старшим товароведом.

Муж Людмилы Андреевны умер 10 лет назад, а сама она сейчас живет в маленькой, скромной квартире в Махачкале. У Людмилы Андреевны есть дочь, два внука и внучка, которые тоже имеют свои семьи...

«Те события оставили свой отпечаток. Если меня разбудить посреди ночи, то и тогда я смогу все рассказать и до мельчайших деталей вспомнить те страшные события. Я очень благодарна всем, кто меня регулярно навещает, поздравляет. К примеру, ко мне часто приходят ученики из столичной гимназии № 38. Им я хочу сказать огромное спасибо», – заключила наша собеседница.

Опубликовано: РИА Дагестан, 7–8 мая 2014 г. Электронный ресурс: http://www.riadagestan.ru/mobile/news/society/lyudmila_alirzaeva_zhizn_v_blokadnom_leningrade_byla_neyunosimo_trudnoy/. Дата обращения 27 января 2015 г.

Одна лепешка – маме, вторая – мне, а третья – на завтра

Алиханова Мисай Магомедовна, родилась в 1936 г.
в с. Хунзах Хунзахского района Дагестанской АССР

Мне было семь лет, когда началась Великая Отечественная война. В этот год я пошла учиться в Хунзахскую семилетнюю школу. Наш дом располагался на окраине села, до школы было далеко. Летом я ходила босиком, так как не было обуви. А зимой... Бывало время, когда я и многие сверстники, когда выпадал снег, не посещали школу из-за отсутствия обуви.

У нас была соседка, у которой муж ушел защищать Родину. Она жила с маленьким сыном. Она приносила с собой горстку муки, из которой выпекала три лепешки. Ее сын говорил: «Одна лепешка – маме, вторая – мне, а еще одна – на завтра».

Еще была соседка Айшат, которая вообще голодала. Она ходила то к одним, то к другим соседям. Если что-то оставалось из еды, ей давали, а если нечего было давать, она уходила ни с чем, приговаривая: «Пойду пить подсоленную воду».

В годы войны трудно приходилось женщинам, у которых были репрессированы мужья. Мой отец, Мутаилов Магомед, был репрессирован в 1937 г. На попечении матери остались две малолетних дочери: я, в возрасте двух лет, и сестра четырех лет.

Когда репрессировали отца, конфисковали имущество. Мой отец был объявлен врагом народа. Мою мать, как жену «врага народа», заставляли вместе с мужчинами выполнять непосильную для женщин работу. Кроме того, с нее в двойном размере забирали яйца, масло и мясо. А мы, дети, росли, не додая и не имея приличной одежды.

Занимаясь непосильной для женщины работой, мать сильно заболела гепатитом и потом уже не могла работать в колхозе. Одно время она работала в столовой посудницей. Из столовой она приносила то булку, то кусочки хлеба с мякишем как каша. Соседская девочка приходила к нам с хинком и просила поменять его на кусок хлеба. Каким бы не был хлеб, для нее это был деликатес.

В те годы не было ни спичек, ни мыла. Женщины старались сохранить огонь в очаге. Они сыпали овечий помет в камин, перед ним клали солому, постоянно уплотняя огонь. Если огонь все же угасал, мы ходили к соседям брать тлеющий огонь, принося его на кизяке. Дров не было. Мы дети соби-

рали коровьи лепешки, ходили за стадом коров до подножия горы. Чтобы собирать навоз, летом поднимались в горы, где он был сухой. У нас были специальные вязанки (гъегъ), которые наполняли сухим раком (кизяк) и запасали на зиму.

Зимой рано ложились спать, или ходили к соседям после вечернего намаза до ночного намаза, пекли картошку, кукурузу (чӀер). Зимой окна завешивали войлоком, но все равно было холодно – к утру в кувшине замерзала вода.

Школа тоже испытывала трудности. Тогда не было элементарных школьных принадлежностей: ни тетрадей, ни ручек, ни чернил. Мы сжигали семена голого ячменя, из сажи делали чернила и наливали в какой-нибудь сосуд, чтобы взять в школу.

Мы просили в парткабинете старые журналы и писали между строк. Мой дядя был образованным человеком: заведовал районо, работал директором школы. Однажды, в бытность его директором Харахинской школы, он получил школьные принадлежности. Позвал меня к себе, дал чернильницу, одну тетрадь и перо. Были там и карандаши. Он мне говорит: «Бери или простой карандаш, или цветные карандаши. Все вместе дать не могу». Ручки мы делали так: к карандашу привязывали ниткой перо и писали, пока оно держалось. Дядя получал закрытый пай. Он давал нам соль, сахар, керосин и др., хотя у него у самого было трое детей, у которых рано умерла мать.

Нас спасало от голода и то, что моя мать была мастерицей. Ее неоднократно приглашали в с. Андых Советского (ныне Шамильский) района шить стеганные одеяла, одежду, приданое для невесты. Оттуда она возвращалась то с мешком картофеля, то с мешком кукурузы, навьюченными на осла. В Хунзахе тоже по заказу она шила и одежду, и стеганные одеяла, за труд она брала то, что люди сами давали, цену не называла, хотя было такое трудное время.

Мы старались хорошо учиться, уважали учителей, старших, помогали соседям скидывать снег с крыш, носить воду, убирать на поле. Еще помню такой случай. В Хунзахе был единственный шофер Кура. Мама дала ему деньги, чтобы он в Буйнакске купил мыло. Когда я пошла за мылом, его жены не оказалась дома, а из двора выскочила собака, укусила меня и, как ни в чем не бывало, улеглась на крыше. Я испугалась. А когда пришла хозяйка, она, причитая, перевязала мою рану и дала мне кусок шерсти собаки, объясняя, что нужно сжигать эту шерсть и посыпать пеплом рану. Я шла через все село и плакала, но не от боли, а потому, что собака порвала сзади мой сарафан, единственную одежду, которую я носила в школу.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Семья у нас была небольшая: мать, отец, семеро детей

Амангулов Гаджи Абдурашидович
родился в 1935 г. в с. Чинсучуж, затем жил в Львовском № 7¹,
а после окончания войны его семья переехала
в с. Токсанак Бабаюртовского района Дагестанской АССР

Ранее в этом селе проживали немцы, но они были выселены из Дагестана в 1941 г. Семья у нас по меркам того времени была не такая большая: мать, отец, семеро детей. Жили мы дружно и весело. Я был четвертым ребенком в семье. Начало войны я помню смутно, запомнилось, только, что молодых парней отправляли в армию. Ушел на фронт и мой отец – Абдурашид.

Но вот, что жить после начала войны стало труднее – это да. Хлеб теперь мы видели только из кукурузной муки. Сажали на огороде картошку, которая нас очень выручала. Были у нас куры и утки. Тоже существенное подспорье для хозяйства. Дети старались помогать родителям не только по дому, но и на полях колхоза им. Сталина. Насколько помню, мы собирали колоски в полях.

В годы войны я пошел в первый класс, у меня был всего один учебник «Букварь». Писали мы чернилами. Первым учителем у меня был Далгатов Камын. Я его очень хорошо запомнил. Так как село наше было маленьким, в нем не было даже медпункта, библиотеки. Не знали мы, что такое радио, телефон, да и газет дома у нас не было.

Из детских игр того времени мне помнится игра «Амык».

Я помню, что в поселке проживало также несколько семей эвакуированных, из захваченных немцами областей.

Одним из самых ярких событий тех лет для меня стало возвращение с войны наших односельчан Болатова Болата, Хайбулаева Моллава. Для всех

¹ Львовское № 7 Бабаюртовского района – поселок, образованный на месте немецкой колонии Марьяновка № 7. На территории Дагестана существовало несколько десятков немецких колоний и хуторов. Располагались они в четырех районах республики – Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизлярском и Тарумовском. Колонии были как чисто немецкими, так и со смешанным населением, где немцы проживали совместно с кумыками и чеченцами. Первые немецкие колонии на территории современного Дагестана стали появляться в конце XIX в., переселение шло из других регионов Российской империи. В период Гражданской войны многие колонии и хутора подверглись разорению, и жители их покинули. По уровню развития дагестанские немецкие поселения были одними из развитых на Северном Кавказе, имели собственные школы, больницы, аптеки и даже пожарные части. Помимо зерна и винограда немцы выращивали сахарный тростник, хлопок, табак, занимались животноводством. Немцы были выселены из поселка Львовское № 7 и Дагестана на основании секретного постановления ГКО № 827 «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» от 22 октября 1941 г.

это был большой праздник. Но до этого мы испытали ни с чем несравнимую радость, когда узнали об окончании войны.

После войны, ещё несколько лет было трудно жить. Но с каждым годом жизнь менялась к лучшему, появилось чувство уверенности в завтрашнем дне. *Сегодня мы знали, что завтра станет лучше. А это, поверьте, очень важно.*

После окончания четвертого класса я стал работать в рыболовецкой бригаде, на море. Потом стал шофером. В данное время нахожусь на пенсии.

*Материал предоставлен Амангуловой Р.С., отряд ТОКСа
Бабаюртовского района РД, Геметюбинская СОШ*

ОТЦА Я ЗАПОМНИЛ СИЛЬНЫМ И ВЫСОКИМ

**Арсланбеков Арсланаги Ибакович,
родился в 1935 г. в с. Кадар Буйнакского района
Дагестанской АССР**

Внашей семье, кроме отца и матери, было трое детей: две сестры и я. Мой отец был чекистом и в годы войны охотился на бандитов и дезертиров². Я его запомнил сильным, высоким (под 2 метра ростом), с длинными усами, в папаче и с маузером. Он и тогда для меня был настоящим героем и сейчас тоже остается таковым. Отец умер в 1945 г. Мне было десять лет, когда его не стало. Мама после смерти отца, сильно заболела и не могла работать. Поэтому я, окончив 3 класса, не смог дальше продолжать обучение, так как надо было заботиться о близких, обеспечивать семью пропитанием.

Времена были голодные. Хозяйства у нас практически не было. Корову отец продал. Мы только сажали немного картошки. Помню, как ходил в лес и собирал сухие ветки, продавал их и на эти деньги покупал банку

² В 1941 – 1943 гг. в некоторых населенных пунктах Кайтагского, Табасаранского, Дахадаевского, Хивского, Хасавюртовского и других районов республики действовали бандформирования и группы. Они срывали проводимые политические, оборонные и хозяйственные мероприятия в селах, склоняли призываемых в Красную Армию граждан к дезертирству, производили вооруженные налеты на колхозы, чинили массовые беспорядки, угоняли скот. В борьбе против бандитских формирований большую роль сыграли истребительные отряды, созданные под руководством областной партийной организации. В первую очередь в отряды зачислялись коммунисты, освобожденные от призыва в армию из-за преклонного возраста, бывшие красные партизаны, комсомольцы, активисты. Для проведения политико-воспитательной работы среди личного состава к отрядам прикреплялись ответственные работники партийных комитетов. Военной подготовкой руководили офицеры военных комиссариатов. К концу 1941 г. истребительные отряды были созданы во всех районах республики (Р.М. Магомедов. Они тоже сражались за родину // Народы Дагестана. 2013. № 5. Электронный ресурс http://www.narodidagestana.ru/vipusk/33/stat/oni_toje_srajalis_za_rodinu/. Дата обращения 14 февраля 2015 г.).

кукурузной муки. Поев, от усталости я сразу засыпал. Мечты у меня тогда были простые – поесть досыта и выспаться. Из игр помню «альчики», но большую часть времени мне приходилось работать.

Через несколько лет после окончания войны мы переехали в Махачкалу, и жить стало легче. Я отслужил в армии, потом получил профессию шофера. Женился, работал электриком в автоколонне, водителем, начальником ремонтных мастерских.

Материал предоставлен Омаровой Г.А., Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и Амирхановой М.М. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Голодное было время...

Асадулаев Али Гасанович,
родился в 1926 г. в с. Маали Гүнибского
(ныне – Гергебильского) района ДАССР

Наша семья была большой: у родителей нас было пятеро детей. Весть о нападении Германии на СССР я узнал от родителей. Возраст у меня уже был такой, что, хотя я и не в полной мере осознавал всю сложность произошедшего, но понимал, что это очень и очень плохо. В нашем селе все были очень расстроены.

Много наших сельчан, крепких и зрелых мужчин, было призвано в Красную армию, а молодежь, в большинстве своем, шла на фронт добровольцами. Вот и мой старший брат ушел на фронт добровольно. Мы ждали от него писем, радуясь каждому написанному слову. Однажды мой брат даже приехал на родину в краткий отпуск. Он рассказывал нам о мужестве советских солдат, защищавших свою Родину. Последняя весточка-письмо пришло к нам от брата из Севастополя, а после этого он погиб. Известие о его смерти было страшным событием для нашей семьи.

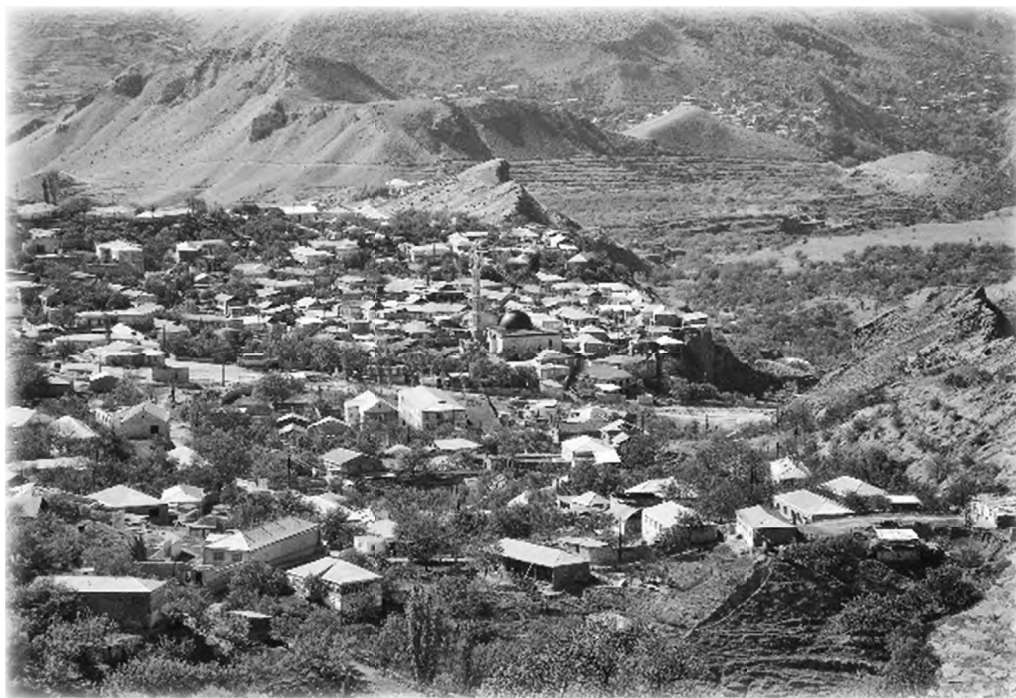
Жили мы в годы войны очень тяжело. Наши женщины и старики работали в поле, так как большая часть молодежи была призвана на фронт или в трудовую армию.¹ Много сил отдала трудовому фронту и моя мать, а мы как могли, помогали ей по хозяйству. Нам было не до игр, да и игрушек у нас не было. В нашей семье главной кормилицей была корова, за ней мы и ухаживали. Мои детские воспоминания в первую очередь связаны с постоянным голодом.

¹ «Трудовая армия» – неофициальный термин, обозначающий существовавшую в СССР систему принудительной трудовой повинности населения, призываемого в организованные по военному образцу трудовые организации.

Быт наш был весьма скуден: у нас не было ни газет, ни радио, не было у нас и учебников, хотя я учился в 7 классе. Уроки я готовил при свете керосиновой лампы. Стоит отметить, что, несмотря на сложное время, в нашей сельской школе действовала пионерская организация. Я с благодарностью вспоминаю своих учителей: Сулейманова Гасана, Мирзаева Расула. Моей самой главной детской мечтой была учеба – я мечтал именно учиться! Когда пришла весть о Победе, все об этом говорили и очень этому радовались. Я тоже радовался – ведь страшной войне пришел конец! Но в тоже время эту радость омрачала боль утраты – печаль о погибшем брате.

Несмотря на то, что война закончилась жизнь в селе оставалась очень тяжелой. В тоже время, моя детская мечта исполнилась. Я окончил Буйнакское педагогическое училище, затем – Дагестанский госуниверситет. Всю свою жизнь посвятил народному образованию, проработав 63 года учителем в школе. Затем вышел на заслуженный отдых. Я являюсь ветераном войны и труда, имею почетное звание – «Заслуженный учитель ДАССР».

*Материала предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

с. Маали, 2008 г. Автор - Ибрагим. Электронный ресурс. Сайт « Мир приключений и путешествий». URL:[http // www.outdoors.ru/foto/view.php?id=13636](http://www.outdoors.ru/foto/view.php?id=13636)

Я хорошо помню вкус макухи

Асадулаев Асадула Магомедович,
родился в 1932 г. в Махачкале

Мой отец, Асадулаев Магомед Асадулаевич, работал управляющим конторы «Заготскот», а мать, Асадулаева Равзанат Абдурашидовна, была домохозяйкой. В семье нашей было трое детей. Брат мой – Абдурашид, 1939 г.р., и сестра Киянат.

Отца призвали на фронт в августе 1941 г. Ушел он старшим лейтенантом. Помню, когда папа уезжал, был дождливый день, и от этого на душе было еще тоскливей. Отец уже был в вагоне, а мы стояли на перроне. Он нагнулся, поднял меня, крепко прижал к себе и отпустил только тогда, когда поезд тронулся. А в 1942 г. пришло извещение, что он пропал без вести.

Мы жили на улице Оскара, в доме № 29. В большинстве на нашей улице жили еврейские семьи. Дом № 31 на улице Оскара был правительственным. Там жили мои друзья-приятели. Я дружил с Хабибом Шапиевым. Его отец был министром культуры республики. На 3-м этаже жил Абдурахман Даниялов¹. Он ходил без охраны. Правда, у дома стоял милиционер с пистолетом в кобуре. Мы были дружны со старшим сыном Даниялова. Он нам частенько приносил еду из дома.

Неподалеку находилась столовая, а рядом с ней – котельная. Стена ее обвалилась, и мы, мальчишки, через этот лаз забирались на склад, таскали оттуда пустые бутылки и сдавали их по 5 рублей.

Особого голода во время войны я не помню. Самым голодным был послевоенный 1947 год. Продукты в годы войны распределяли по карточкам.² Нам, детям, давали по 700 грамм хлеба на карточку, а маме, как

1 Даниялов Абдурахман Даниялович (1908 – 1981) – советский и дагестанский политический и партийный деятель, в 1940 – 1948 гг. – Председатель Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР.

2 Карточная система – система снабжения населения товарами в условиях дефицита. В первые месяцы войны гитлеровскими войсками были захвачены основные сельскохозяйственные регионы, вследствие чего резко сократились продовольственные запасы. В Москве и Ленинграде нормированное распределение продуктов питания по карточкам было введено уже в июле 1941 г. Постепенно карточки распространились на другие города и населенные пункты. Все население было разделено на две основные категории: население, снабжаемое по городским нормам, и население, снабжаемое по сельским нормам. Кроме того, различали работающих (рабочих и служащих), иждивенцев и детей (до 12 лет включительно). В продовольственном снабжении действовала та же шкала приоритетов, что и во всей военной экономике: абсолютное предпочтение отдавалось солдатам, за ними шли промышленные рабочие и т.д. Самые низкие нормы питания были определены для гражданского населения. Они колебались от 400 до 800 гр. хлеба в день, от 400 до 2200 гр. мяса в месяц, от 200 до 600 гр. жиров, от 200 до 500 гр. сахара. Для решения продовольственной проблемы государство в годы войны не препятствовало расширению личных подсобных хозяйств колхозников. В то время как государственные цены на продукты по карточкам практически не менялись (исключение составляли цены на водку, вино, пиво, табак и соль), то цены колхозного рынка уровня 1943 г. выросли в 18 раз. С апреля 1944 г. открылись также государственные магазины и рестораны, в которых можно было свободно приобрести продукты по «коммерческим» ценам, т.е. ценам, в несколько раз более высоким, чем те, по которым продавались нормированные товары. Карточная система была отменена в 1947 г.

иждивенке – 200 грамм. Хлеб был с отрубями, очень твердый, но очень вкусный. В него еще добавляли измельченные картофельные очистки. Поскольку отец был офицером, мы получали офицерский паек. Нам давали талоны, и мы ходили в столовую, получали первое и второе. Помню суп с кукурузой, правда, очень жидкий – в нем плавали буквально два-три кукурузных зернышка. Когда бабуля привозила из аула (Нижнего Дженгутая) кукурузную муку, мама вечером готовила халпама³. Если у нас были гости, то нам доставалось по две хинкалины, если гостей не было – то по три. Сельские родственники у нас останавливались постоянно, и дом наш был как перевалочная база.

Я хорошо помню вкус макухи – жмых из семян подсолнуха. Вообще-то это еда для свиней. Его прессовали в плитки по типу плиток калмыцкого чая. Кокосовые орехи помню. Мы их таскали из порта.

Был среди нас парнишка, которого прозвали «горилла». Он был старше нас. Так вот он заплывал в порт, а возвращался, обвязанный орехами. Мы их рубили, жарили, бросая в костер. Кому – как, а мне было вкусно.

С порта на рыбоконсервный комбинат ходила «кукушка» – железнодорожный вагончик. На ней возили на комбинат кильку, тюленьи лапки (жирные такие, мы их варили). Там, где сейчас пляж, располагался рыбколхоз. Красной рыбы было полно. Банка красной икры, правда, уже в 1960-е гг. стоила 3 рубля (700 грамм), а килограмм красной рыбы – рубль.

Когда мы жили в ауле – ели «халта» (зелень), «халта-халпама» (кукурузный хинкал с зеленью), зимой – «щапци» (каша из разных злаков). Колхоз выделял дрова. В селе у нас был хороший, добротный дом. Во дворе росла яблоня, а на ней – маленькие красные яблоки. В 1945 г. бабуля продала этот дом. Сейчас там аварцы живут.

В школу «в первый раз в первый класс» я пошел во время войны. Это была школа № 1. В годы войны в школе учились и мальчики, и девочки. Уже после войны ввели раздельное обучение.

В школу принимали с восьми лет. В классе я был переростком. Как сейчас помню, школьный двор весь был в окопах. Окно нашего дома выходило во двор школы, и я со звоном выпрыгивал в окно, бежал на занятия, а потом таким же образом, через окно, возвращался из школы.

Мама сшила мне сумку, кажется, из брезента, в которой я носил книги, тетради, чернильницу в мешочке, ручку «Пионер» (с пером).

Была у нас одна учительница, ходила с указкой. Мне она тогда казалась вредной: чуть, что не так – сразу указкой тыкала. Русская она была, и, что

³ Халпама – суп из бобовых и сушеного мяса с небольшими отварными лепешками из кукурузной муки, одна из разновидностей кукурузного хинкала. В годы войны из-за недостатка мяса это блюдо готовили на воде.

для нас было совсем непривычно, она открыто курила. В школе давали пирожки. И вот учительница получала их на класс и запирала в шкаф до обеда. А мы научились отодвигать шкаф и, отодрав его заднюю стенку, подворовывали пирожки.

Директор школы, Омаров С.М.¹, жил в здании самой школы. На чердаке у него всегда висели сушеные курдюки и мясо. Что греха таить, мы их пару раз «попробовали». Саид Магомедович бдительно следил за порядком, обходил регулярно все школьное здание. Когда он замечал, что стены школьного туалета исписаны, то обычно обращался к дворнику – татарину, указывая на надписи: «Товарищ Халилов, возьмите щетку и белила и прополируйте это дело». А дворник, увидев рядом нас с Хабибом и, видимо, полагая, что это наших с ним рук дело, ворчал: «Возьмите пушка-пулемет и бейте о свой дурной голова».

Помню еще, что как-то пришли к нам из военкомата, хотели забрать меня в суворовское училище, как сына бывшего офицера. Но мама не отдала (это, правда, уже после войны было).

Обуви у меня не было. Я ходил в каких-то женских резиновых обувках... Даже не помню, как это называлось – кажется, боты... Помню, была американская помощь². Приезжали боты. Нам тоже какие-то курточки достались.

Махачкалу трижды бомбили. Один раз бомба попала в порт, второй – упала где-то около трюма, третий раз – не помню точно. После этих бомбежек мы уехали в село. Я, правда, на второй день сбежал и пешком пришел в Махачкалу (до Сталин-аула, а потом через перевал). После меня вернули, но я все равно сбежал. В ауле заставляли в школу ходить. Кто пришел – тому давали кусок хлеба. А я брал хлеб и «давал деру»... Директором школы тогда был наш родственник Баталов. Сейчас его внук (или правнук) – министр сельского хозяйства республики.

Сбегая в Махачкалу, я жил дома. У нас дома в Махачкале стоял кожаный диван. Мы с ребятами собирали окурки, я выдергивал мох из дивана, мы смешивали его с табаком из окурков, заворачивали в газету, если найдем, если нет – то, во что придется – и курили. Так, я курю примерно с восьми лет. По вечерам в город выходить было боязно, устраивали облавы, беспорядочников задерживали.

1 Омаров Саид Магомедович – выдающийся дагестанский педагог, в 1935 – 1944 гг. был директором махачкалинской школы № 1.

2 Речь идет о поставках США по ленд-лизу (ленд (lend) – давать взаймы, лиз (lease) – давать в кредит) в страны-союзницы по антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны. Помощь оказывалась правительствам 42 стран, включая СССР. Поставки велись по многим отраслям: автомобильной, авиационной, бронетанковой, промышленной и сельскохозяйственной.

Во что мы играли? В альчики³ играли (на деньги), в карты, кости⁴, лянгу⁵, лапту⁶, «чижика-пыжика», «казаки-разбойники». Зимой в ауле катались на деревянных санках, на коньках. А в городе зимой любимым развлечением было следующее: делали крюк железный, вставляли на коньки и ждали, иногда целый час, проезжающую машину, чтобы покататься, зацепившись за нее. Еще с довоенных времен помню праздник Шахсей-вахсей⁷. На ул. Ленина раньше был музей Шамиля, а рядом, на углу Леваневского – персидская баня. И в этот праздник мужчины шли из этой бани, оголенные, и били себя железными цепями.

В том месте, где сейчас стоит гостиница Ленинград, был Дом пионеров. Мы все туда ходили в разные кружки по интересам. А там, где сейчас располагается 2-й рынок, были огороды. После войны я ходил туда с матерью, мы сажали помидоры.

В школе я проучился четыре года. Потом в 1947 – 1949 гг. учился в ремесленном училище, после – в вечерней школе (тогда я уже работал на заводе). Я был комсомольцем, и нас обязывали учиться. В 1949 г. начал свою трудовую деятельность, в 1950-е гг. работал на заводе им. М. Гаджиева. Однажды опоздал на 15 минут в третью смену, и меня судили. Постановили: трудовой стаж считать с 1953 г. и лишить всех премий на 4 месяца. С тех пор я никуда никогда не опаздывал, хотя всегда ходил пешком. Автобусный маршрут тогда был один: от вокзала до Анжи-базара (1-й рынок).

В Тамбове я окончил школу младших специалистов,⁸ стал радиотехником. Затем меня отправили в Симферополь, оттуда – в Джанкой (Крым).

3 Альчики – игровые надкопытные кости молодого рогатого скота. Название заимствовано из тюркского, татарского, крымско-татарского, азербайджанского и др. языков, обозначает либо одну из сторон, либо вогнутую сторону игральной кости. Альчиками дорожили и бережно хранили. Игра в альчики – народная, приближенная к спортивной, детская игра, распространенная в восточной части территории России. В этой игре альчики ставятся в виде башенки, называемой кон, в центре круга. Нужно попасть своим альчиком или в круг, или в альчик противника, или разбить кон. Игрок должен был что-то поставить на кон – если не деньги, то сами альчики. Поэтому эту игру отчасти можно отнести к азартным играм. Сегодня на улице редко увидишь играющих в альчики или в лянгу. Эти игры выходят из моды и потихоньку забываются.

4 Игра в кости – суть игры состоит в выбрасывании кубиков (костей) и подсчете очков. Кубик имеет шесть играющих граней, на которые нанесены числа от 1 до 6, при этом сумма двух соседних граней должна равняться 7. Число кубиков в игре от 1 до 5. Кто набрал больше очков, тот и победил.

5 Лянга – лоскуток козьей или овечьей шкуры с как можно длинной шерстью и пришитой к нему пластинкой свинца диаметром от 1,5 до 3 см и толщиной несколько миллиметров, предназначенный для одноименной детской дворовой игры, распространенной в странах Средней Азии (европейский аналог игры – сокс). Смысл игры состоит в том, что нужно набить лянгу ногами, не роняя на землю, определенное количество раз различными ударами. Если игрок роняет лянгу на землю, ход переходит к сопернику. Лянгой дорожили, ее можно было продать или поменять на что-либо ценное. Происхождение слова возможно от персидского «lang» или китайского «jianzi», имеющих смысл «хромой». Вследствие переименования игрок после игры начинает прихрамывать. В советское время игра была настолько популярна, что являлась серьезным препятствием учебному процессу в школе.

6 Лапта – игра с мячом и битой.

7 Шахсей-вахсей – у шиитов день поминовения имама Хусейна, сына халифа Али (зятя Мухаммеда), павшего мученической смертью в 680 г. в Кербеле. Религиозная церемония сопровождается самоистязаниями и возгласами: «Шах Хусейн! Вай, Хусейн!» – «Царь Хусейн! О, Хусейн!» (отсюда и название).

8 Школы младших специалистов – военные школы в Вооруженных силах СССР, предназначались для подготовки из числа матросов (солдат) первого года службы специалистов по применению, обслуживанию и ремонту определенных систем оружия и военной техники. Готовили специалистов различных профилей.

Хорошие были годы. В армию забирали в 20 лет, служили в пехоте три года, в авиации – 4, на флоте – 5 лет. В 1956 г. демобилизовался. В тот год как раз срок службы в авиации сократили до 3-х лет. Самыми благополучными для меня были 1960-е годы. Я работал на обувной фабрике, в месяц раз-два я в командировку ездил в Ростов. Хорошее было время!

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Из постановления бюро Махачкалинского горкома ВКБ (б)

«О состоянии работы по оказанию помощи семьям военнослужащих»

9 декабря 1941 г.

...в месячный срок закончить ремонт квартир военнослужащих...

...к 1/1-42 г. обеспечить полностью топливом все семьи призванных в РККА...

...Потребовать от секретарей первичных партийных организаций, руководителей предприятий и учреждений вместе с общественностью в декадный срок проверить бытовое положение семей, призванных в РККА, выявить их нужды и оказать им практическую помощь.

Секретарь ГК ВКП (б)

Г.А. Саенко

ЦГА РД. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 378. Л. 236 – 237. Подлинник.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С. 611 – 612.

Я помню, как летали над городом немецкие самолеты

Асельдеров Шамсудин, родился в 1936 г. в г. Буйнакске

В 1937 г. семья переехала в Махачкалу

...**Я** очень хорошо помню начало войны, вернее, то, как наша семья об этом узнала. Родители отдыхали, дремали на тахте, а я крутился по дому. А на стенке у нас висело радио, репродуктор. И тут таким торжественным голосом объявляют... Я кричу: «Папа, война!». А он мне не по-

верил, спросонья отвечает: «Кончай шутить». И тут сам услышал. Взрослые были ошарашены, конечно, а дети не поняли. Мне было всего пять, разве я мог понять, что такое война? Кстати, и о конце войны мы тоже узнали по радио. Все выбежали из домов на улицу, обнимались с соседями, целовались, плакали.

Вы знаете, что Махачкалу бомбили? Я помню, как летали над городом немецкие самолеты. Одну бомбу бросили в районе вокзала, другую – около фабрики III Интернационала. Только когда ты маленький, очень трудно понять, что бомбы – это страшно, это смерть... Самолет немецкий летает над нами, а я себе бегаю, опасности не понимаю. Было это во дворе нынешнего Педуниверситета, только тогда он был военно-морским училищем. И там, на вышке или на крыше, стоял пулемет и рядом с ним солдат, ему, видимо, страшно за меня стало, а прогнать мальчишку трудно. Так он навел на меня пулемет и громко так прокричал: «Тра-та-та!». И вот этого я испугался! Убежал домой.

Мама во время войны работала в ремесленном училище № 3, это возле винзавода, на улице Юсупова. В перерыве прибежит, посмотрит, все ли у нас в порядке, и опять на работу. Для военного времени мы жили в относительном достатке, дед помогал продуктами. У нас даже настоящий сахар иногда был, колотый. Только его грызть было трудно, и мы с братом бегали на 26 Бакинских комиссаров, там вдоль улицы сидели торговцы и меняли сахар на сахарин. Когда я говорю «достаток», это не надо понимать как изобилие, это лишь значит, что жилось нам немного сытнее, чем остальным соседям, что не голодали. Но маме все равно приходилось ездить в Хасавюрт и Шамхал за мукой. И вот она с этим мешком в 30 – 50 килограммов шла от вокзала до дома, автобусы ведь только после войны пустили. Бывало, соседи приходили, просили маму: «Рая, у детей животы пухнут, отсыпь муки баночку!». Предлагали ложки серебряные... Только мама ни разу ничего не взяла в уплату. Так делилась, чем могла.

Мы, мальчишки, иногда пробирались на вокзал и в порт... Порт охранялся. В порт поступали американские товары по ленд-лизу, и если, к примеру, рассыпалась соль, то ее специально всю не сметали, а позволяли мальчишкам собирать. Тогда ведь все было по карточкам, и соль была большая ценность!

Помню, нам, как семье фронтовика, как-то выделили пару ботинок. Одну пару на троих детей. У сестры была какая-то обувь, а мы с братом носили эти ботинки по очереди. С утра я их надевал и шел в школу (мы все в школе № 5 учились), брат ждал, пока вернусь, разуюсь, надевал эти

ботинки и сам отправлялся на уроки. Еще как-то выдели красную фуфайку. Я её с такой радостью надел, все-таки обновка, только оказалось, что есть тут свои минусы. Я был непоседливым, хулиганистым, а красное видно издалека, и все мои хулиганства тут же становились известны. Друг отца работал в нашей школе учителем, так он пришел к матери и говорит: «Рая, я не хочу его все время ругать, но он красный! Его видно! Как бегает в коридоре, как из-под парты вылезает! Сделай что-нибудь». Вот фуфайка и перешла к моему младшему брату.

...Вверх по улице Дзержинского, там, где сейчас биокорпус Медакадемии, во время войны или сразу после нее была военная база, и мы с пацанами бегали смотреть на пушки. А на улице Магомеда Гаджиева работали пленные немцы. Они жили на заводе Гаджиева, и каждое утро их строем вели на работу. Они мостили улицу булыжником, а по обе стороны улицы была натянута колючая проволока. Через эту проволоку мы передавали им папиросы или сигареты, кажется, «Памир» и «Беломор», а они взамен протягивали нам деревянные ножички. Знания языка и не требовалось, что тут было не понять?

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 29 – 31.

Вся колхозная продукция отправлялась на фронт

Аскеров Аскер, родился в 1931 г. в с. Кандик, вошедшее позже в состав Хивского района Дагестанской АССР.

Хивский район был образован в 1935 г. путем разукрупнения Табасаранского и Касумкентского районов

Мои родители Аскеров Юзбег Аскерович и Аскерова Гюлханум Алихановна были крестьянами и работали в местном колхозе после его образования. Мать была дояркой. Наша многочисленная семья насчитывала шесть братьев и сестер. Я был четвертым ребенком. В шесть лет я пошел в школу, успел закончить четыре класса, но, когда началась война, школу закрыли в связи с тяжелыми условиями и нехваткой учителей.

О начале войны мы узнали от родителей. Мне тогда было 11, и я понял значимость и масштабность войны после того, как стали призывать на фронт наших односельчан и родственников, когда увидел горе их матерей,

жен и сестер. Мой дядя Алихан был призван на фронт, сражался самоотверженно, в ходе боев получил звание капитана. Погиб на территории Украины.

Положение в селе было тяжелым. Не хватало продовольствия, люди голодали. Вся колхозная продукция отправлялась на фронт, а сельским жителям оставался минимум. Люди вынуждены были питаться травами и корнями растений. Мучную пищу готовили редко и в крайних случаях. У некоторых был скот – чаще одна корова, и они жили более или менее хорошо в плане пропитания. Такие хозяйства делились молоком с другими, находившимися в более тяжелом положении. Зимой становилось еще хуже. Не было возможности употреблять свежие травы. Поэтому за лето делались некоторые запасы – травы сушили. В зимнее время сильным подспорьем для нас стали привезенные из Украины, куда перегоняли скот из нашего села на зимние пастбища. Оттуда же к нам доставляли продукты. Помню, как в 1942 г. я серьезно заболел от недоедания и постоянного употребления еды из трав. Болели тогда много и часто и взрослые, и дети. Но, несмотря на все трудности, мы перевыполняли планы. Многие работы, раньше выполнявшиеся мужчинами, стали делать женщины, дети, старики. Женщинам приходилось брать с собой в поле маленьких грудных детей. Летом мы косили сено, пахали землю, пасли скот. Тракторов не было. Землю пахали при помощи колхозных быков. Быков использовали и при перевозке различных грузов – сена, пров и др. Мясо, шерсть отправляли на фронт. В свободное время, в основном по вечерам, мама вязала шерстяные носки для отправки на фронт. Помню, что каждая семья должна была отдать для фронта одно крупнорогатое животное.

Помню и рассказы взрослых о войне. Помню, как приходили похоронки с фронта на жителей нашего села. Приезжали обратно раненые и получившие тяжелые ранения. Они рассказывали нам о войне, о подвигах солдат. Почти каждый из них был из нашего села.

В 1943 г. я стал чабаном. Работал в Сюготе и в Кандике, перегоняя скот с летних пастбищ на зимние, и так несколько лет, пока не призвали в армию в 1950 г.

Когда в селе узнали об окончании войны, то все вздохнули с облегчением. Как будто непосильная ноша свалилась с плеч. Весть о долгожданной Победе встретили с огромной радостью, устроили праздник, которого село Кандик не видело все эти долгие, суровые, полные напряженного труда годы.

*Материал предоставлен Аскеровым М.Я.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Мама закрыла меня собой

Ахбердиев Далгат Шапиевич¹,
родился в 1938 г. в с. Хунзах Хунзахского района
Дагестанской АССР

Ахбердиев Магомед с матерью и сестрой Умужай. Украина. 1939 г.

Я вспоминаю свою мать, благодаря которой я остался жив, которая оберегала меня в первые дни войны, и, после гибели отца, вырастила, воспитала вместе с младшей сестрой. В 24 года, оставшись вдовой, мать мужественно и достойно перенесла все невзгоды и трудности военного и послевоенного периода. Немного истории: как известно, 1 сентября 1939 г. началась Вторая Мировая война, нападением Фашистской Германии на Польшу. После бегства правительства Польши в Румынию и распада польского государства, Правительство СССР 17 сентября 1939 г. отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии выйти на границу

Западной Украины и Западной Белоруссии и взять под свою защиту жизнь и имущество местного населения. Это был поистине освободительный поход с целью вызволения жителей Западной Украины и Западной Белоруссии и приостановки распространения гитлеровской агрессии на Восток. В этом освободительном походе пришлось участвовать и моему отцу, уроженцу с. Хунзах, ДАССР, уже кадровому офицеру Красной Армии, Ахбердиеву Иманшапи, в то время командиру кавалерийского эскадрона 3-й кавалерийской дивизии. Этот поход продлился 12 дней. За этот время Красная Армия продвинулась на 250 – 300 км на запад. Отец взял с собой семью на место новой службы в городок Каменск-Струмиловка. Недалеко от границы, к западу от города Львова Киевского особого военного округа, которым, после известных Халхингольских событий до января 1941 г., командовал генерал армии Г.К. Жуков.

¹ Ахбердиев Далгат Шапиевич, член Союза журналистов РФ, ветеран труда.

Мне в 1939 г. исполнился один год. Находился я там вместе с семьей до начала войны. Шел 1941 год, по воспоминаниям матери Патимат, тучи войны продвигались к границам СССР. Участились провокации на границе, поэтому, в войсках часто проводились военные учения.

Весной 1941 г. моему отцу было присвоено очередное воинское звание капитана, и он был повышен в должности. В субботу 21 июня 1941 г., вечером последнего дня мирной жизни, мои родители вместе с семьями комсостава воинской части смотрели популярный кинофильм того времени «Чапаев. Потом, после вечерней прогулки, легли спать.

Поздней ночью на 22 июня 1941 г. в дверь квартиры, где жила наша семья, постучали. Моя мать Патимат, давно привыкшая к подобному, не придавала этому значения. Такие моменты, особенно в последнее время, повторялись часто. Вот и теперь она следила, как быстро собирается муж Иманшапи.

Красноармеец сообщил ему, что его срочно вызывают в штаб полка. Мать спросила его: «Когда вернешься?». Он ответил – не знаю. И как всегда, подошел к моей постели, поцеловал меня, спящего, простился с семьей и ушел. Светало. Какая-то непонятная причина лишила мою мать сна. Вдруг в соседнем доме поднялся шум, не успела моя мать разобраться, в чем дело, соседка подошла к двери нашего дома и закричала: «Патимат, поспеши, началась война!». У неё на руках еще спали двое маленьких детей, а 5-летний сын, весь бледный и напуганный, держался за ноги матери и плакал. Вскоре там, где жили семьи комсостава, возник необычный шум, громкие разговоры. Моя мать оделась и вышла. Женщины сообщили ей, что встретили армейца из Дагестана, кумыка по национальности Айдеми-ра, который часто общался с моим отцом, как земляк. Мать спросила у него, где её муж Шапи. Он рукой махнул в западную сторону и сказал, что Шапи на передовой, и с винтовкой, которая висела у него на правом плече, быстро исчез в гуще пехотного подразделения, которое двигалось навстречу врагу.

Мы замерли, наблюдая, как наш одинокий зенитный пулемет строчит по несущемуся в небе бомбардировщику. Увидев, как загорелся вражеский самолет, с облегчением вздохнули. В первую очередь немцы взорвали железную дорогу, поэтому женщины и дети бежали в сторону леса. Впереди нас с подушкой на руках бежала женщина. Когда началась повторная бомбежка, все легли на землю, и эта женщина оказалась рядом с нами. Ее спросили, почему она несет с собой подушку. Оказывается, она в суматохе вместо ребенка из дома с кроватки схватила подушку. С криками, кинув

*Учащиеся Хунзахской семилетней
школы. Май 1949 г.*

*Родители Ахбердиева М.
г. Орджоникидзе 1937 г.*

*Учащиеся
Хунзахской школы.
Октябрь 1949 г.*

подушку в сторону, с душераздирающими воплями «Васенька, Вася!!! Мой родной Васенька!» рухнула на землю замертво.

Среди нас была бездетная женщина, сибирячка. Она прижимала к груди десятимесячную девочку, у которой погибла мать. Опять начались бомбежка и свист пуль, мы легли. После затишья оказалось, что мы с матерью покрыты слоем земли, в результате недалеко разорвавшейся бомбы. Лежа на земле, укрыв меня своим телом, мама шепотом обратилась ко Всевышнему: «О, Аллах! Помоги мне и моему ребенку вырваться из этого страшного испытания и ужаса!». Погибла еще одна женщина, жена офицера. Оставшаяся в живых её шестилетняя дочка Оля на наших глазах грызла землю, никто не мог ее успокоить. «Мама, мама!», – повторяла она. Моя мать прижала её к себе. В этот момент нас догнал солдат с фургоном, который направлялся в сторону леса, и туда посадили женщин, детей. Добрались до леса. Здесь находилась наша танковая часть. Навстречу вышел молоденький лейтенант-танкист и успокоил беженцев. Для женщин и детей выделили грузовой автомобиль. Мать не могла подняться в кузов машины. Женщина по имени Татьяна Ивановна сначала подняла на борт девочку, у которой погибла мать, потом меня, после чего сама поднялась и протянула руку моей матери, а снизу помог молоденький офицер-танкист, юное лицо которого сохранилось в памяти у моей матери. Он помог залезть в кузов грузовой машины многим матерям и детям, заботливо укрыл их ветками деревьев для маскировки и проводил в путь. К вечеру мы добрались до Львова. Полуразрушенный от налета вражеской авиации железнодорожный вокзал мгновенно заполнился потоком людей. Пассажирских поездов уже не было. К счастью, появился товарный поезд с пустыми вагонами. После выгрузки угля, на этом поезде, под обстрелом фашистских самолетов, рискуя жизнью, мы направились в тыл страны. Если бы не успели на этот поезд, нам не на чем было бы добраться домой. Мы с матерью остались бы там, и как сложилась бы наша судьба, неизвестно... Аллах нам помог!

На каждой остановке к поезду подходили простые советские люди. Они приносили нам еду: молоко, вареную картошку, хлеб, овощи. На одной из остановок, мать стала свидетелем такого эпизода: к нашим женщинам, которые вышли из вагона на свежий воздух, подошел мужчина средних лет и стал с ними беседовать. Он интересовался, откуда они едут, где их мужья, потом стал агитировать, чтобы они дальше не ехали, мол, Красная Армия отступает, скоро немцы будут здесь. Женщины заподозрили неладное, и сообщили об этом работникам НКВД. Его арестовали. Оказалось, это был агент немецкой разведки. Через несколько дней, мы добрались до Саратова. Здесь,

семьи военнослужащих, принявшие на себя первый удар фашистских полчищ, встретили приветливо. Запомнила моя мать добрых людей, одевших её сына и проводивших дальше, в Астрахань. Она очень устала, переживала за мужа. Дальше морем на пассажирском судне, мы добрались до Дагестана. Из Махачкалы в Хунзах доехали на колхозной машине-полutorке. Дома, в ауле, родные считали нас уже погибшими. Все плакали от радости, глядя на мою мать и на меня, чудом оставшихся в живых. Ведь мама с трехлетним ребенком на руках проделала нелегкий путь от западной границы страны до Хунзаха! Она была первым человеком в районе, которая рассказала землякам о смерти и разрушениях, который нес фашизм.

Мать в годы войны и послевоенные годы работала учительницей в сельских школах Хунзахского района, заведующей Хунзахским детсадом, а после ухода на пенсию, еще несколько лет работала воспитательницей детсада. За доблестный труд она была награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)», «За трудовое отличие»¹, «Ветеран труда»², юбилейными медалями Победы и почетными грамотами.

Отец мой гвардии капитан — Александр Иванович, заместитель командира 32-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского полка, 9-й кавалерийской дивизии, 4-го гвардейского (Кубанского) Казачьего кавалерийского Ордена Ленина и Богдана Хмельницкого корпуса, проявив мужество и отвагу, погиб в бою 1 ноября 1941 г., защищая Кавказ от фашистских захватчиков. Был награжден орденами «Боевого Красного Знамени», «Красная Звезда» и медалью «За боевые заслуги».

На 78-м году жизни, ночью, 19 августа 1995 г. моей матери не стало. Когда она делала последние вздохи, вдруг все вокруг потемнело. В один миг на небе появились густые черные тучи, подул сильный ветер. Начался проливной дождь, вскоре перешедший в грозу. Казалось, вся природа плачет о маме.

...Ушла мать, и дождь прекратился. А на следующий день, когда её похоронили, прояснилось, как будто и не было никакой грозы

Жизнь продолжалась.... И каждый раз, когда я приезжаю в Хунзах, спешу к могиле матери.

Опубликовано в газете «Пенсионер Дагестана»

1 Медаль «За трудовое отличие» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1938 г. Ею награждались рабочие, колхозники, специалисты народного хозяйства, работники науки, культуры, народного образования, здравоохранения и др. за ударный труд, достижение высоких показателей в работе.

2 Медаль «Ветеран труда» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1974 г. Медалью награждались трудящиеся за многолетний добросовестный труд в народном хозяйстве, в области науки, культуры, народного образования, здравоохранения в государственных учреждениях и общественных организациях, а также рабочие и служащие в знак признания их трудовых заслуг по достижении трудового стажа, необходимого для назначения пенсии за выслугу лет или по старости. Так же ею награждали тех, кто был несовершеннолетним и трудился на заводах во времена Великой Отечественной войны.

В лихие военные годы

Ахмедов Сулейман Ханович,
родился в 1935 г. в с. Хосрех Кулинского района
Дагестанской АССР

Когда началась война, мне было всего шесть лет. Через год после начала войны отец Ахмедов Хан, ушел на фронт. Я слышал, что он был в Архангельске, воевал под Орлом во время Курско-Орловской битвы¹, дошел до Берлина. Мы получали от него солдатские треугольники. Жалею, что мы их не сохранили.

У нас была большая семья: мама, бабушка, три брата, две сестры (третья родилась уже после войны). Моя мама Патимат была красивой, деловитой и умной женщиной. Во время войны она день-деньской работала в колхозе звеньевой. Избиралась и народным заседателем². Говорили, что она всегда отстаивала правду и справедливость.

Большую часть времени мы, дети, проводили с бабушкой Тути на хуторах вдали от аула, а зимой – дома. Хутора назывались Оьлдасун (Коровий склон) и Хьуртицалу. У нас была серая лошадь, которую позже забрали для нужд фронта, две коровы, куры. Наш рацион военного времени был скудным. Молоко, картофель и съедобные травы спасали нас от голода. Бабушка делала из молока масло, сыр, творог, сыворотку, наливала молоко в супы. А мать обменивала сыры и масло на зерно, отдавала внаем лошадь.

Бабушка собирала много съедобной травы (а мы помогали ей), сушила ее на зиму, а весной и летом готовила из нее салаты, супы (гугут), каши, фрикадельки (дунгри) и даже пекла хлеб, добавляя немножко муки.

Мы собирали мокрицу (хьхьути), мать-и-мачеху, крапиву, щавель, конский щавель, чабрец, мяту, кIучIалу, ягоды (голубику и др.). Весной на полях выкапывали веснянку, позже бутен. Это были съедобные корнеплоды (кьурнил нувщи, кIяла нувщи). Обычным делом была домашняя буза (дукьра хIан).

¹ Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.; также известна как Битва на Курской дуге) по своим масштабам, задействованным силам и средствам, напряженности, результатам и военно-политическим последствиям является одним из ключевых сражений Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Самое крупное танковое сражение в истории; в нём участвовали около двух миллионов человек, шесть тысяч танков, четыре тысячи самолетов. Сражение стало важнейшей частью стратегического плана летне-осенней кампании 1943 г., согласно советской и российской историографии включает в себя: Курскую стратегическую оборонительную операцию (5 – 23 июля), Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3 – 23 августа) стратегические наступательные операции. Битва продолжалась 49 дней. Немецкая сторона наступательную часть сражения называла операция «Цитадель».

² Народные заседатели – лица, наделенные полномочиями по осуществлению правосудия по гражданским и уголовным делам в составе суда и исполняющие обязанности судей на непрофессиональной основе.

И все же бабушкина однообразная травяная еда нам на хуторе надоедала. Приход мамы на хутор был для нас праздником: она приносила с собой хлеб, делала из молока дакни (нечто вроде жирной каши), иногда готовила аьрччап из специально приготовленного задрелого творога с толокном, аьрччап заправляла маслом, замешанным на толокне (вивра). Зимой в чарахалу (кор, печка) пекли чуду, тонкие лепешки, блины, кячи и другие вкусные блюда.

Помню, как во время войны мы собирали и сдавали в помощь фронту старую медную посуду, стеклянные бутылки, наши матери и сестры вязали носки и шарфы для солдат. У кого были деньги, украшения, их тоже отдавали. Взяли для нужд фронта и нашу лошадь. До нас доходили вести с фронта, но я был слишком мал, чтобы их оценивать. Тем не менее, я был поражен подвигом Зои Космодемьянской¹. Но с огорчением сознавал, что мне уже не свершить нечто подобное.

На хуторе я в одиночку лазил по скалам, ходил в горы. Однажды в скалах мы с братом искали белые мягкие плоские камни, из которых вырезали различные фигурки. Если их ударять друг о друга, то в ночной темноте они даже светились. Мы называли их мрамором (мармарчару). В расщелине скал я обнаружил целый склад этих камней. Я полез на узкую тропинку в самой середине скалы и набрал их полные карманы. На обратном пути, не подумав, где я нахожусь, я нагнулся за очередным куском и, не удержавшись на узкой тропе, покатился вниз, как мячик по синей щебенке. Меня остановили лишь большие камни и валуны, скопившиеся внизу этой почти отвесной скалы. К счастью, кроме большого числа царапин и ссадин по всему телу, я ничего не повредил и не сломал. Потом, чтобы бабушка не ругала, мы с братом придумали, что мимо нас пронесся большой камень, упавший сверху, задел меня, после чего я невольно скатился с горы. Бабушка раздела меня, намазала жиром раны. Это была ее первая медицинская помощь.

В другой раз я решил дотянуться рукой до неба, которое, как мне показалось, было над горой, и почти касалось ее. Гора это была особенная. Она была ровная, поросшая зеленой травой, поэтому мы называли ее зеркалом (дагьани). Мне тогда было лет шесть – семь. Когда я поднялся наверх, на вершину, небо отодвинулось от меня и встало над еще более высокой частью горы. Не поленившись, я поднялся и туда. Там уже не было никакой

¹ Зоя Космодемьянская (1923 – 1941) – партизанка, первая женщина, удостоенная звания Герой Советского Союза (посмертно) во время Великой Отечественной войны. Стала символом героизма советских граждан в годы войны. Её образ отражён в художественной литературе, публицистике, кинематографе, живописи, монументальном искусстве, музейных экспозициях.

травы: одни камни и скалы. По этим скалам я поднялся еще выше. Но и здесь небо поднялось высоко. Я так и не смог дотянуться до него рукой. Зато я увидел, как на ладони, как мне тогда показалось, весь Дагестан: это была бескрайняя равнина, ровное плато, кое-где вздымались вершины разной высоты. Вся равнина была изрезана ущельями, миллионы лет воды грызли ее.

Позже я увидел эту картину с высоты самолета, который летал в район. А еще позже увидел рельеф-макет, сделанный из гипса. Он находился в Институте геологии Дагестанского научного центра РАН.

На хуторе мама дала мне фетровую шляпу красного цвета, которую она где-то достала. А мне хотелось пилотку. Я упросил бабушку переделать шляпу в пилотку. Она долго отказывалась, но вняв моим просьбам, изготовила нечто вроде пилотки, которую я носил летом, но потом пилотка куда-то пропала.

Я слышал рассказы о бандитах, которые скрывались в горах. По дороге на хутор, напротив впоследствии переселенного в Новолакский район села Кара (Чар), под горой был изрытый луг. Рассказывали, что там похоронены убитые бандиты. Будто один из них был из нашего села, он кого-то узнал из истребительного отряда. Это были дезертиры из Красной армии, скрывавшиеся в окрестностях знакомых им сел.

Наступил 1943 год. Война шла где-то далеко в России. Как я узнал позже, мой отец был участником Курско-Орловской битвы. Впоследствии он рассказывал, как однажды проснулся от разрывов немецких бомб в казарме. Смотрит: все его однополчане ушли в бомбоубежище, в то время как он крепко спал и не услышал воя сирены. Стоя у стены между проемами окон, он спешно оделся и выскочил на улицу. Увы! Его товарищи были заживо погребены в бомбоубежище, на которое упала стена взорванного дома. Так провидение спасло отца..

Осенью того же года моя мама пришла на хутор Оьлдасун по своим делам и как бы между прочим сказала, что к нам домой заходил учитель Нуратдин, спрашивал меня, и просил прийти в школу: «Ты пойдешь в школу?», – спросила она. Я покачал головой. Она не настаивала. Так прошел месяц. Мать каждый раз напоминала о школе: но мне очень не хотелось туда. Только на третий раз, когда она сказала, что учитель принес мне букварь и две тетради, мне стало совестно: взрослый человек несколько раз приходит за мной, а я никак не решаюсь идти в школу.

На этот раз я пошел в село с матерью. Назавтра вместе со старшим братом Ага я отправился в школу. Брат знал в лицо многих, а для меня все они были незнакомые и чужие.

Начался урок. Я сидел где-то в середине класса. Учитель, записал какое-то длинное слово на доске и спросил, кто может его прочитать. Сразу все подняли руки. Машинально поднял и я. Учитель пересчитал всех, кто поднял руку и спроил меня. Видимо, ему было интересно, каков новичок. Но я молчал, поскольку не умел читать. Учитель посадил меня и вызвал другого. Оказывается, первоклассники прошли добукварное обучение и уже знали некоторые буквы.

Мне пришлось их догонять. Но так случилось, что через неделю я заболел и слег. Лежал я на веранде под солнцем и первое время скучал. От нечего делать, с помощью соседской девочки, а затем брата и сестры, я освоил букварь примерно за месяц.

Вспоминаю и День Победы в Великой Отечественной войне. Это был воистину всенародный праздник. Девятого мая все жители села были радостные, возбужденные, веселые. Пели песни, плясали. На каждом доме вывесили красные флаги, и моя мама тоже достала из сундука бордовый платок и вывесила его вместо флага над верандой нашего дома.

Рассказывали, что одна женщина трижды проплясала вокруг большого аула. Старшеклассники пели песни военного времени на русском языке и мы, младшие ученики, подпевали им, как умели.

Старшеклассники пели:

«Кони сытые бьют копытами,
Боевая честь нам дорога!»

А мы пели, как слышали:

«Кони сытые петка петами,
Боевая чистан дорога!»

Вскоре после войны приехал отец, живой и невредимый. Это было незабываемо.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Когда закончилась война...

Ахмедов Эмиль Сурхаевич,
родился в 1943 г. в г. Буйнакск

Конечно, годы войны я практически не помню, но послевоенное время запечатлелось в моей памяти. Это были 1946-й и 1947-й годы. Мы приехали в г. Махачкалу, куда отца перевели на работу из г. Буйнакск.

Жили мы на пересечении улиц Ленина (тогда эта улица называлась Комсомольская) и Дахадаева. Военных в городе было много. За площадью им. В.И. Ленина (тогда она носила имя И.В. Сталина), за сквером располагалась военная казарма.

Я помню, что рядом с нашим домом строилось здание КГБ. Строили его немецкие военнопленные. Вблизи от стройки стояли две сторожевые вышки. Одна из них как раз на углу Ленина – Дахадаева. Нас, мальчишек, на стройку тянуло как магнитом. Мы, конечно, знали, что эти пленные немцы воевали против нас, против нашей страны. Но я не помню, чтобы тогда, уже в послевоенные годы, мы испытывали к ним ненависть. Не помню я, чтобы взрослые как-то выражали по этому поводу свою неприязнь. Может быть, это было детское восприятие, а, может, причиной этому было то, что война как бы закончилась, и в этой войне была за нами. Возможно, это было то, что называется «мигрантскими победителями»? Не знаю. Но помню, как мы с другими мальчишками и девочками носили им кто, что мог, – папиросы, хлеб – и кидали через ограждение. Всех немцев называли фрицами и гансами. За принесенные папиросы пленные немцы дарили нам самодельные игрушки из дерева и железа. В основном это были игрушки на военную тематику. В то время «война» и другие военные игры – это было самым любимым времяпровождением детворы, особенно мальчишек. Я, например, получил в подарок деревянную пушку с колесиками. Что получали девочки, я не помню.

Позже взрослые рассказывали, что многие из военнопленных вернулись на родину – в Германию. Но мне хорошо запомнился один из них, который остался в городе. Прозвали его Гансом. Как сейчас он перед глазами: долговязый, в пилотке и в зимней военной шинели (конечно, это было немецкое обмундирование), подпоясанной веревкой. Он мне казался очень высоким. Может быть потому, что сам я был маленьким. Люди его жалели. Даже и в городе поговаривали, что на родине у него никого не осталось. Что с ним было потом, я не знаю.

Первые послевоенные годы запомнились как время перехода к мирной жизни.

Это и строительство большого, по тем меркам, жилого дома на ул. М. Горького. Тогда был вырыт большой котлован, который зимой замерзал и превращался в каток. Вот было радости нам, детям!

Это и дощатый трек на площади, на месте современного здания Совмина, где организовывался аттракцион – гонки по вертикальной стенке на мотоциклах – одно из первых зрелищных мероприятий в послевоенной Махачкале.

Это и первый зверинец, который приехал в город и разместился на площади.

Это и походы в клуб имени Дзержинского. Там шли трофейные фильмы: про шпионку Мата Хари¹, «Судьба солдата в Америке», «Дикая Бара».

Это и первые походы в театр.

И многое-многое другое. Но это уже совсем другая история...

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Общее горе объединило людей

Ахмедова Равганият Сурхаевна,
родилась в 1937 г. в г. Махачкале

Мой папа, Ахмедов Сурхай Ахмедович, офицер органов госбезопасности, был оставлен в республике (ДАССР) для борьбы с бандитизмом и расхитителями социалистической собственности. Работа была тяжелая, ответственная. Все сотрудники работали и днем, и ночью. Мы, дети, папу видели очень редко. Он всего себя посвящал работе, служил добросовестно, и был награжден многими правительственными наградами, а к концу войны получил орден Ленина. Мама, Барият Аскендеровна, растила четверых детей и вела хозяйство. Все, кто знал мою маму, отмечали ее доброту, отзывчивость и остроумие.

До весны 1944 г. мы жили в Буйнакске, откуда вернулись в Махачкалу. Жили мы в доме МВД по улице Дахадаева, 22 (угол Ленина), который достраивали пленные немцы. Офицеров расселяли по коммунальным квартирам, даже в смежных комнатах проживало по семье.

Время было тревожное. Я запомнила страх во время бомбежек и воздушных тревог, заклеенные крест-накрест полоскам белой бумаги окна, установленные на перекрестках дорог противотанковые «ежи». В годы войны действовала карточная система распределения продуктов, особенно сложно было с хлебом. Нас, детей, спасали мамалыга (каша из кукурузной муки), жмых, ленты пастилы из вареных ягод. Я даже сейчас помню изумительный запах, который ударял в ноздри, когда перед собиравшейся еще с ночи очередью раскрывались двери машины, развозившей хлеб.

¹ Мата Хари – настоящее время Маргарета Гертруда Зелле – танцовщица, известная шпионской деятельностью во время Первой мировой войны.

При махачкалинских больницах были открыты госпитали². Пионервожатые готовили нас к выступлениям перед ранеными. Я с одноклассницами посещала раненых в госпитале при 1-й городской (ныне травматологической) больнице. Раненые показывали нам фотографии своих родных. А мы для них пели, танцевали, писали по их просьбам письма домой. У одних была забинтована большая часть тела, другие не могли ходить, а у некоторых – ампутированы конечности. И, несмотря на переносимые ранеными боль и страдания, лица их светились добротой. Они беседовали с нами, интересовались нашей учебной работой, отметками. Ласково гладили нас по головам, наверное, вспоминали своих детишек, благодарили за выступления, давали советы.

К слову сказать, при этой больнице впоследствии я прошла клиническую ординатуру у прекрасного терапевта – профессора И.М. Масуева.

В школе к детям, потерявшим на фронте отцов, было особое отношение. Государство обеспечивало их одеждой, им выдавали обувь, пальто. В отношении к этим детям ощущались искренность, сочувствие, теплота.

Оглядываясь назад, можно только поражаться тому, как наши советские люди сумели в то страшное время не озлобиться, не ожесточиться. Наоборот, общее горе объединило людей, они чувствовали себя членами одной большой семьи. Их объединяла ненависть к врагу, любовь к Родине, мечта о Победе.

Военные сводки передавались по радио на улицах, в домах – и все застывали в ожидании новостей с фронтов. Успехи Красной Армии вселяли уверенность в несокрушимой силе нашей страны, в близость Победы.

Несмотря на то, что война это страшное время, в те годы не забывали и о прекрасном. Почти всех квартирах были радио-тарелки, по которым транслировались замечательные передачи по литературе и музыке.

Война подходила к концу. С фронта вернулся племянник папы – Акай с ампутированной рукой. Я помню, как его встречали всем селом, с болью и радостью.

Не вернулись с войны младший брат моего папы – Маккашарип, его племянник Арсланали, ушедшие на фронт юношами. Папин брат Гаджи дал их имена своим сыновьям.

² Начиная с 1942 г. в Дагестане эвакуационные госпитали были созданы во всех городах и некоторых поселках республики: в Махачкале их было 20, Буйнакске – 16, Дербенте – 10, Каспийске – 13, Избербаше – 2, Хасавюрте – 3, Кизляре – 3. Для госпиталей выделялись самые лучшие здания. Только 3 % размещались в больницах, 65 % – в зданиях общеобразовательных школ – 65 %, 15 % – в вузах и техникумах, остальные – в гостиницах, клубах и кинотеатрах. (Магомедов Р.М. Эвакуационные госпитали в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Народы Дагестана. 2014. № 1 (Электронный ресурс: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/35/stat/evakuacionnie_gospitali_v_dagestane_v_godi_velikoy_otechestvennoy_voyni/. Дата обращения 15 января 2015 г.).

День Победы в моей памяти остался одним из самых ярких воспоминаний детства. Папа рано утром разбудил нас всех, поздравил и ушел на работу. А мы – мама, брат, сестры, соседи – отправились на площадь, которая уже была полна людьми. Даже совершенно незнакомые люди обнимались, поздравляли друг друга, смеялись и плакали. Это был праздник один на всех.

Те, кому посчастливилось вернуться домой, сразу приступали к трудовой деятельности. Работу по восстановлению разрушенного войной хозяйства, можно без преувеличения назвать трудовым подвигом.

Должна сказать, что, несмотря на сложности военного времени и первых послевоенных лет, в стране уделялось огромное внимание детям. Дети школьного возраста распределялись по школам (учеба тогда была раздельной). Летом пионервожатые работали с детворой во дворах. Мы бесплатно могли посещать любой кружок в Доме пионеров, который располагался напротив театра кукол. В кинотеатре «Темп», («Дружба») в фойе играл оркестр, выступали артисты. Здесь мы всем классом посмотрели картины «Первоклассница» и «Золушка».

Через всю жизнь я пронесла огромную благодарность своим прекрасным учителям: С. Григорянц, Е. Грицеу, Маркозашвили, Кирхенбаум, К.К.

Махачкала 1942 Ежи на фабричной улице (ныне ул Батырая).

© Музей истории города Махачкалы, Махачкала, 2015; © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Жмылевской, Н.Ш. Аскерхановой. И, конечно, помню первую учительницу Сапогову Нину Санириловну, отчество которой мы заучивали наизусть. Она отдавала нам свое время, свою заботу. Нина Санириловна дала мне знания, на которых строилось мое дальнейшее образование.

*Материал предоставлен Муслимовой Н.Т.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

У детей моего возраста не было возможности играть

Багамаев Мусаил Ахмедханович
родился в 1930 г. в с. Муги Акушинского района
Дагестанской АССР

К началу войны Муги – это довольно крупное село, в котором был колхоз имени С.М. Кирова. В нем работали почти все сельчане. Содержали крупный рогатый скот, овец, занимались полеводством, в основном сеяли могар¹ и горох.

Семья наша состояла из отца, матери, дедушки, бабушки и пятерых детей – трех братьев и двух сестер.

О начале войны сельчане узнавали друг от друга: кто узнал раньше, рано утром, передавал эту страшную новость другим. На фронт ушел мой отец. Кроме него из нашего села на фронтах Великой Отечественной войны воевали около 500 человек. Четверо из них были удостоены звания Героя Советского Союза, а еще четверо – звания Героя Социалистического труда.

Я помню, что с фронта от отца и других односельчан приходили письма, в которых они рассказывали о том, как воюют, защищая нашу Родину, о своих боевых товарищах.

¹ Могар – однолетнее культурное растение семейства злаки, пищевая и кормовая культура по своим качествам сходная с просом. Растение также известно под названием гоми. Возделывается на сено (зеленый корм, силос) и зерно (крупяная культура).

Конечно, жизнь в военную пору была очень трудной. Тяжело было справляться с хозяйством, потому что почти все трудоспособные мужчины были на фронте. В огородах почти нечего было сажать, скотину редко кто мог держать. В пищу тогда мы часто в летнее время употребляли зелень. Если была мука, то хозяйки варили хинкал. Печку топили кизяком, а дом освещали керосиновой лампой.

В 13 лет я уже начал работать в колхозе. Кто мог трудиться, работал скотником, чабаном.

В нашем селе еще до войны работала школа. В те годы директором ее был мой отец, а учителями работали выпускники Буйнакского педучилища. После того, как отец и некоторые молодые учителя-мужчины ушли на фронт, в школе остались работать женщины. Некоторые из них были малограмотными, но тогда не было другого выхода. Главное, чтобы школа продолжала работать, и в ней шли занятия. Книг и учебников я не помню, дополнительной литературы мы не читали. Зато хорошо запомнил своих первых учителей. Среди них была одна пожилая учительница – Мария Сиволодская – родом то ли с Украины, то ли с Белоруссии. Если она по радио слышала о наступлении немцев, то во время уроков плакала. Кстати, радио работало только в нашем сельсовете. Газет я не помню.

Играть нам было некогда, да и у детей моего возраста не было такой возможности: надо было работать, помогать взрослым.

В моей памяти запечатлелось, как к нам в село приехал из оккупированных фашистами районов эвакуированный паренек. Звали его Анатолий. Он был моим ровесником. Мы направили в колхоз пасти телят. Когда мы с ним достигли призывного возраста, то пошли служить в армию. В годы службы он стал искать и нашел свою семью, которую потерял во время эвакуации.

Я помню, как услышал весте об окончании войны. Рано утром на улице стали кричать: «Ура! Война кончилась!», «Мы победили!». От счастья, охватившего нас, мы прыгали, обнимали друг друга. Нас ждала еще одна большая радость – с фронта вернулся мой отец, израненный, инвалид, но живой. Постепенно стали возвращаться с фронта наши односельчане, начинали работать в колхозе, и жизнь, хоть и медленно, но стала налаживаться.

После войны я продолжал учиться и работать в колхозе, потом в совхозе. Сейчас я на пенсии, живу в селе Таловка Тарумовского района.

*Материал предоставлен Прокопенко Л.И.,
Тарумовская районная газета «Рассвет»*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Из постановления бюро Дагестанского обкома ВКП (б)
«О состоянии трудоустройства эвакуированного населения»
31 декабря 1941 г.

Обком ВКП (б) располагает данными, что в ряде районов проявляется безответственное отношение к трудоустройству эвакуированного населения (отказ в предоставлении работы, необеспеченность жильем, питанием и т.д.). В Сергокалинском районе из направленных для трудоустройства 1000 чел. осталось около 500 человек. В городе Хасавюрте и районе из 1157 человек около 50% до сего времени не трудоустроены. Бюро Обкома ВКП (б) – постановляет:

...Обязать председателей исполкомов райгорсоветов депутатов трудящихся и секретарей ГК, РК ВКП (б) лично заниматься устройством на работу и размещением по колхозам эвакуированного населения, оказывая особое внимание многосемейным и семьям военнослужащих.

3. Предложить уполномоченному Управления по эвакуации населения в ДАССР тов. Люкшину:

а) в первую очередь направлять эвакуированных для устройства в Бабаюртовский, Хасавюртовский и Кумторкалинский районы;

б) установить необходимый контроль за трудоустройством эвакуанселения в городах и районах и принимать на месте меры к ликвидации обнаруженных недостатков.

Секретарь Обкома ВКП (б)

Н.И. Линкун

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4906. Л. 439 – 440. Подлинник.

*Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны
1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). –*

Исправленное и дополненное издание. /

Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д.

Махачкала, 2005. С.612 – 613

Помогали фронту своей работой

Батырмурзаева Маликат Алимурзаевна,
родилась в 1925 г. в с. Ялангач кёл Бабаюртовского района
Дагестанской АССР

Когда мне было 13 лет, мы осиротели и остались вдвоем с братом. Нас забрала к себе тетя.

В военные годы жизнь была трудной. Хозяйство – одна корова, да пара птиц. С мукой пшеничной было трудно – она была дефицитом. Мы ходили в поле и собирали кукурузу, мололи её в каменных жерновах и делали из нее хлеб – «мачари», разбавляли водой и варили кашу. Для отопления собирали кизяк, дрова. К началу войны мне было 16 лет, и я уже считалась взрослой. Вместе со старшими я и сама работала в колхозе. Конечно, мы помогали фронту, тем, чем могли, и, прежде всего нашим, уже ставшим почти взрослым, трудом. Вот и трудились мы наравне со всеми на полях день и ночь. И спрашивали с нас, как со взрослых. Мы собирали кукурузу, пшеницу. И почти все отправляли на фронт. В 1942 г. вместе с солдатами мы рыли окопы, так как фронт был уже близко. К нашему счастью, ими не пришлось воспользоваться. Мечтали мы о том, чтоб закончилась война, чтобы стало полегче жить, чем в эти ужасные годы.

Как о начале, так и о конце войны мы узнали на день позже остальных. Так как радио в селе не было, это известие пришло к нам с опозданием на день. Были слезы радости и счастья, ведь пришёл этот день, который все ждали на протяжении всех военных лет. Победа! И нам показалось, что сразу стало легче. Сначала, наверное, морально, а потом, когда постепенно с войны стали возвращаться мужчины, большая часть работы и забот спала с наших плеч.

После окончания войны я вышла замуж, работала в колхозе. Сейчас я пенсионерка.

*Материал предоставлен Амангуловой Р.С.,
отряд ТОКСа Бабаюртовского района РД,
Геметюбинская СОШ*

Трудные дороги войны

Эмма Брух родилась уже после войны в 1955 г. в Казахстане. Она рассказала о том, как жили ее бабушка и дедушка в годы Великой Отечественной войны

До начала войны немцы проживали компактно в нескольких селах и хуторах: Хасанай, Люксембург, Львовские и др. Родственники Эммы проживали в с. Люксембург Бабаюртовского района. У каждой семьи были подсобные хозяйства, земли. Были в селе кирпичный завод, мельница, своя электростанция. Жители села выращивали пшеницу, кукурузу, хлопок, готовили льняное масло. В селе имелся интернат, в котором обучались только немцы из соседних сел. Были у жителей даже планы проложить железную дорогу Кизляр – Люксембург – Бабаюрт. Все было завезено для начала работ, но грянула война, и всё остановилось... Поначалу Люксембург, Хасанай, Львовские номера были немецкими поселениями, но в 1920 – 1930-е гг. туда стали посылать русских врачей, учителей. Хорошо уживались немцы и с кумыками, и с ногайцами, помогали друг другу.

Семья немцев-колонистов

У дедушки и бабушкой Эммы было четырнадцать детей. Из них в живых осталось только четверо! 27 октября 1941 г. началось выселение немцев из Дагестана. Их на телегах отправили в порт г. Махачкалы, посадили на баржу. С 1 ноября по 31 декабря 1941 г. они находились на этой барже, которая по морю направилась из Махачкалы в порт г. Красноводск. В пути много людей умерло. Умерших привязывали к доскам и отпускали в море. Бабушка Эммы потеряла тогда двух детей и похоронила их в море. 31 декабря они прибыли в г. Красноводск, а потом на поездах их отправили в различные районы Казахстана. Немцы переселялись также из регионов Поволжья, Ставропольского края, Ростовской области. На новом месте немцам-переселенцам, чем могли, помогали местные жители. Все переселенцы находились под наблюдением комендатуры, без её разрешения из села нельзя было выезжать, иногда доходило до того, что не разрешали им говорить по-немецки.

*Материал предоставлен Аджимурадовым А. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет.
Фото из личного архива Эммы Брух*

Дагестанские немцы

После бала

Гаврилкин В., гвардии майор запаса

....21 июня 1941 года

Наша 13-я Кизлярская образцовая школа заполнена нарядными людьми. Вот-вот начнется выпускной бал. Этот – еще не наш. Нас, девятиклассников, пригласили выпускники. Мы осаждаем их одними и теми же вопросами: «Куда решил?.. Что после школы?..». А те, словно сговорившись: «В танковое», «В летную школу», «В военно-морское училище», «Решил в артиллерийское...». Мы им завидуем.

С бала разошлись далеко за полночь.

А назавтра все перенеслось у нас в школу.

Проводив на фронт отцов и выпускников своей школы, мы явились в военкомат всего классом. Прорвались к военкомату и стали требовать отправки на фронт. Военком выпроводил нас за дверь, приказал ждать.

Мы не хотели, мы не могли ждать. Чуть ли не каждый день бегали в военкомат, надеясь на удачу. И матери не останавливали, не отговаривали нас.

Когда немцы второй раз захватили Ростов и стали продвигаться к Северному Кавказу, мы не выдержали, снова пошли в военкомат. Усталый военком сказал:

– На комиссию!

...И вот нас построили на площади. В сторонке столпились наши матери. Они не плакали при нас. Мы знали, что плакать они будут дома.

Здесь же у военкомата, директор нашей школы Алексей Иванович Солоненко с дочерью Klarой. Каждому из нас он жмет руку. А Клара, путаясь в наших рядах, шепчет: «Мальчики, я за вас догоню!».

Командир роты выгнал нас из госдома, и все скакали на штырях друг по старевшие матери, на ходу совали нам котомки, узелки. И все повторяли: «Возвращайтесь с победой, сыночки!».

Мы, солдаты в неполные семнадцать лет, дрались с фашистами насмерть. У нас не было еще любимых... И с какой нежностью мы думали о матерях! Так хотелось, чтобы они нами гордились. Смертельно раненый, мой одноклассник Павлик Шкиперов просил: «Напишите маме, что я не струсил...».

Война разбросала нас по разным фронтам. Из письма мамы я узнал, что и Клара Солоненко, выдав себя за семнадцатилетнюю, ушла добровольцем на фронт. Она погибла в неполные шестнадцать лет, на границе с Польшей. Гвардии рядовая Клара Алексеевна Солоненко была награждена орденом Славы III-й степени.

Многих, очень многих мальчишек и девчонок не досчитался после войны наш небольшой городок. Они погибли в семнадцать – восемнадцать лет, за нас с вами...

Говорят, что как мать и отец сохраняются в своих детях, так и учитель сохраняется в своих учениках. Алексей Иванович Солоненко сохранился и в дочери, и в ученице. Он остался во всех моих одноклассниках, павших и живущих. Это он воспитывал в нас готовность охранять родную землю, в любой момент встать на ее защиту. И я горжусь тем, что был учеником этого человека – заслуженного учителя школы Дагестана.

Опубликовано: «Кизляр орденосный»

Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. С. 81 – 84.

Памятные плиты с именами кизлярцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. <http://foto-planeta.com/photo375447.html>

Казалось, что Хунзах плачет день и ночь

Гаджиев Абдулхалик Магомедович¹,
родился в 1936 г. в с. Хунзах Хунзахского района
Дагестанской АССР

Родился я в Хунзахе – исторической столице Аваристана. Родители мои были простыми горцами. Отец Магомед Гаджиев – известный на Хунзахском плато сапожник. Рассказывали, что он в 1939 г. принимал участие во Всесоюзной выставке модельной обуви в Ростове-на-Дону и занял первое место на конкурсе женской обуви на высоком каблуке, который входил в моду в те далекие годы. Известно, что каблук был придуман в Древней Греции, но как отец пришел

к этому, остается загадкой. По рассказам матери и старшего брата, отец был весьма культурным человеком среди своих сверстников в Хунзахе. Его уважали за доброе отношение к людям, за жизнерадостность. Мать моя Патимат, царство ей небесное, всю жизнь работала в колхозе. В невероятно трудные годы ей удалось поставить четверых детей на ноги и дать всем образование.

Мои самые далекие воспоминания об отце относятся примерно к 1941 г. Помню, как он брал меня на руки, заворачивал в свою овчинную шубу, и мы сидели на плоской крыше нашего дома в Хунзахе. Когда началась война, в 1941 г. отец сначала уехал на трудовой фронт на плоскостной Дагестан, где рыли окопы и противотанковые рвы для защиты республики от немецких полчищ, прорывавшихся к бакинским нефтепромыслам. Вернувшись домой, он начал готовиться к мобилизации в действующую армию, так как к этому времени уже пришла повестка о явке в райвоенкомат его младшему брату Муху. Осенью 1941 г. отец вместе с молодыми хунзахцами ушел на фронт защищать Родину, и больше мы его не видели. После краткого курса обучения отец в составе Дагестанского национального полка оказался в боевой части в районе г. Таганрога, откуда приходили его первые

¹ Гаджиев А.М. – профессиональный разведчик, проработавший долгие годы в США и на Ближнем Востоке.

письма – треугольные послания солдат. Как их ждали матери, дети, жены, родственники и односельчане! Каждый день кто-то из нашей семьи бегал к почтальону Квергулил Патимат и спрашивал весточку от отца. Сколько же слез было, особенно в первые годы войны, сколько похоронок! Иной раз казалось, что Хунзах плачет день и ночь, неделями, месяцами. Каждый третий хунзахец остался на поле боя, сражаясь с гитлеровскими захватчиками. Последнее письмо мы получили из-под Ростова, в котором отец сообщил, что в Ростове под мостом он похоронил своего друга и соседа Каач Али по всем канонам мусульманской религии, одев на него свое чистое нижнее белье. Следующее письмо обещал написать позже, когда будет возможность. Но, как оказалось, это было его последнее письмо. Мы получили извещение из райвоенкомата, в котором сообщалось, что наш отец Магомед Гаджиев пропал без вести. Какое горе! О, Аллах, на кого ты нас оставил?! И остались мы – мать да четверо маленьких детей. Старшему брату Загиду было одиннадцать лет, сестре Сакинат – восемь, мне – пять и младшему Далгатухайру – всего один год. Как жить дальше, как кормить маленьких детей в эту тяжелую годину? Как остаться в живых?! И легла эта невероятная тяжесть на хрупкие плечи нашей 29-летней матери. Удивительная горянка, красивая женщина! Несмотря на повестку, мать долгие годы продолжала ждать отца, наводила справки, ездила к вернувшимся с фронта и не теряла надежды, что он вернется.

Медленно тянулись военные тяжелые голодные годы. Мать с утра до позднего вечера работала в поле или ездила в поисках еды в другие села. Все, что можно было, из дома продали, обменяли на продукты. Только бы выжить, и войне пришел бы конец. Видимо, люди так созданы, что в тяжелые времена они сплачиваются, помогают друг другу. Так было и тогда. Конечно, поддержку оказывали, прежде всего, родственники. Без бабушки по материнской линии Патиначо нам бы не выжить. Каждый день мы бегали к ней, а она что-нибудь да прибережет для нас: либо хлеб, либо кусочек сахара, а иной раз и жмых, которым кормили скот. Семьям фронтовиков помогал и колхоз. Председатель Абдулпатах Амирханов всячески опекал нашу семью: то выделит овцу, то лишний пуд зерна даст, а то просто добрым словом поддержит. Царство ему небесное!

Дед мой по отцу Узу Гаджияв, потеряв сына, сильно состарился, но держался, помогал матери пахать участок земли, собирать урожай, да и за нами присматривал, воспитывал мужчинами. Помню, как он брил мне голову тупым ножом, а если я слезу пускал, шлепал по голове и говорил: «Какой же ты мужчина?!». Не дожил дед до победы, умер весной 1945 г.

Наступил 1944 год, я должен был идти в школу. В 1930-х гг. в Хунзахе у многих отсутствовали свидетельства о рождении. Мать говорила, что я родился тогда, когда черные бобы поспели, а отец написал о моем появлении на свет где-то в доме. Действительно, старший брат нашел надпись на арабском языке на деревянном потолке, что я родился 9 августа 1936 г. (брат умел читать по-арабски и сейчас увлеченно занимается Кораном). Я пошел учиться в первый класс Хунзахской семилетней школы в 1944 г. и попал к учительнице, своей родственнице Узлипат Мирзоевой, у которой было семилетнее образование. ...Мужчины-учителя ушли на фронт, но, как бы там ни было, нужно было воспитывать и учить детей – будущее поколение. Скажу откровенно, я сильно тянулся к знаниям, очень хотел научиться читать, писать, считать и иметь свои книги. Но это было не так просто. Тетрадей не было, писали на клочках случайно найденных бумаг, между строк в книгах. Вместо чернил использовали отвар жареных ячменных зерен, редко попадались так называемые химические карандаши. Однажды случайно я коснулся карандашом своей овчинной шубки, которую сшила мне наша соседка, большая мастерица Амал Айшат. Получилось хорошо. И вот на своей шубе я в течение полугода писал, решал задачи по арифметике, и учительница ставила отметки. До сих пор жалею, что не сохранил свою маленькую шубку на память детям и внукам, чтобы они поняли, как нашему поколению было тяжело, хотя и сомневаюсь, что на них это возымело бы действие. Времена другие, и жизнь другая.

В первом классе, как и у большинства детей, у меня не было обуви и в школу приходилось ходить босиком. Зимой я старался быстро добежать до школы, думал, что таким образом ноги не успеют замерзнуть. От дома до школы было где-то полтора километра. Но самая большая радость бывала, когда я приходил в свой класс, и учительница сажала меня не за парту, а к печке, чтобы я согрелся. Весной 1945 г. до нас дошла американская помощь. В школу прислали поношенную одежду, обувь американских детей. Педсовет школы, распределяя это добро, решил раздать все детям, чьи родители погибли на войне. Вначале я в этот список не попал, так как мой отец официально пропал без вести, и мне было обидно до слез, ведь мой отец уехал на фронт защищать Родину, и этим я так гордился, но на второй день я все же был включен в список, и мне выдали красного цвета поношенные американским мальчишкой, а может быть, даже девчонкой, туфли. Радостный, прибежал домой, показал матери, и она была счастлива, наконец, появилась обувь и у меня! Но радость была омрачена тем, что они оказались мне малы. Вернулся в школу, чтобы обменять их, но было

поздно: все уже роздали. Остались только горские чарыки местного производства из тоненькой, почти прозрачной кожи. Взял их – все же лучше хоть они, чем ничего. Лишь в третьем классе я получил теплые сапожки, которые сшил мне бесплатно друг моего отца сапожник Ханза Муху, за что я был очень ему благодарен. Пусть земля будет ему пухом!

Закончилась проклятая война. Помню объявление об этом по громкоговорителю, установленному на крыше самого высокого здания в Хунзахе, ранее принадлежавшего полковнику царской армии Кайтмазу Алиханову¹, в котором долгие годы располагался районный исполнительный комитет (ныне дом возвращен его родственникам). В тот день, 9 мая 1945 г., все хунзахцы вышли на улицы, на крыши своих домов. Какая эта была радость со слезами на глазах! Через месяц первые фронтовики стали возвращаться домой. Но и похороны продолжали поступать. Возвращались даже некоторые ранее «погибшие». Так вернулся домой наш сосед Магомед Абдулкадыров, о котором его отец получил ранее известие о гибели. Магомед здравствует до сих пор. Здоровая душа и в старые годы!

Многих родственников потеряли мы. Погибли два брата матери, двоюродные братья моих родителей и мужья их сестер. Вернувшиеся домой односельчане были и остаются для нас, для нашего поколения героями, и я склоняю свою уже седую голову перед ними, так как мне самому пришлось позже увидеть, что такое война, и ее ужасы во время долгосрочной командировки (1947–1948 гг.) в Певни.

Не менее трудными оказались первые послевоенные годы. Разруха, неурожай и необходимость восстановления народного хозяйства после войны ставили перед населением, проживавшим на ее огромных просторах, сложные задачи. Не хватало питания и топлива. Почти все, что производили колхозники, по самым низким ценам отбирало государство. Надо было кормить рабочий класс. Тяжелейшими были 1947 и 1948 годы. Засуха, неурожай в России и на Кавказе. Особенно тяжело было тем семьям, где не было мужчин. На плечи женщин-горянок лег невероятный изнуряющий физический труд. К концу 1940-х гг. мы – дети войны, не видевшие детства, подросли и стали помогать матери. Старший брат Загид днем учился, а ночью дежурил на почте на коммутаторе². На эту работу его устроил начальник почты, фронтовик, защитник Ленинграда Махаку Амирханов. Он

1 Кайтмаз Алиханов – в 1911 г. окончил Пажеский корпус, офицер лейб-гвардии Уланского полка, штаб-ротмистр Дагестанского конного полка, начальник (затем комиссар) Аварского округа, участник восстания на Северном Кавказе, активный борец против советской власти. Убит в 1921 г. (Электронный ресурс: www.RosGenea.ru. Дата обращения 3 февраля 2015 г.).

2 Коммутатор – местная телефонная станция для ручного соединения двух или нескольких абонентов между собой.

видел, что семья наша бедствует, и активно помогал. Должен сказать, что фронтовики, возвратившиеся домой, были добрее, жалостливее и высоко-нравственнее. Сестра Сакинат оставила школу и пошла работать в местную трикотажную артель, которая все военные годы снабжала фронт теплыми свитерами и носками. А я каждое лето ездил на кутаны в Кизилюртовский район в период сенокосной кампании и зарабатывал трудодни. Система трудодней была выдумана большевиками. Эта была хитрая несправная и специально придуманная для колхозников система. Люди работали днями, месяцами, но до конца года никто не знал, что они заработали в течение всего года. В начале следующего года весь сельский люд великой державы ждал решения правлений колхозов о начислении за один трудодень. Все выдавали натурой, и в таких мизерных количествах, что сейчас трудно представить, как на это можно было жить. К примеру, на один трудодень давали около 1 кг зерна, 0,5 кг картошки, от 30 до 40 г мяса, 5 – 10 г масла. Семья наша, состоявшая из 5 человек, за год зарабатывала 150 – 170 трудодней. Вот и посчитайте, сколько же мы получали! Живи, как хочешь, – и деваться некуда. Работа на сенокосе для меня имела один плюс – давала питание, что освобождало мать от лишних забот. Несмотря на тяжелый для подростка труд, я за лето физически крепчал и немного зарабатывал трудодней для семьи. Но летом 1949 г. работа моя чуть не обернулась для меня трагедией. В тот год мне доверили грабли с лошадьми. В один из дней, работая в поле, я увидел, что постромка (ремень, соединяющий валик с хомутом) у лошади трет ей бок, и решил ее подправить, когда поправил ремень, лошади вдруг резко понеслись с граблями и я упал вовнутрь. Скошенное камышовое поле, скачущие бешено лошади и я в чреве граблей. Более глупого положения нельзя было себе представить. Меня тащит по земле, одежда вся разорвалась на куски, остатки скошенного камыша, как гвозди, втыкаются в мое тело – я подумал, что мне конец. Но человек в экстремальных условиях оказывается способен на невозможное. Я подтянулся к раме, где находилась полуавтоматическая ручка для поднятия граблей, ударил кулаком и бросился на землю. Грабли выбросили меня, как сено, из своего чрева, но при этом один из многочисленных железных прутьев воткнулся мне в ногу. Я остался лежать на поле, а лошади с граблями скрылись за горизонтом. Подобрал меня работавший неподалеку Жахбар Мавлиев и на сенокосилке отвез на центральную усадьбу в больницу. Состояние мое было критическое: многочисленные раны на теле, левый бок растерся до того, что видны были кишки, нога проткнута насквозь. Однако через 19 дней я был уже на ногах. Бригадир записал мне

за дни отсутствия 20 трудодней и дал более легкую работу, теперь я возил на телеге воду для остальных работавших. В тот год за три месяца я заработал 72 трудодня, чем обрадовал мать. В следующем году на кутан¹ вместе со мной выехал и младший брат Далгатухайр, но он больше помогал дяде Муху, проживавшему постоянно на кутане.

Восьмой класс я окончил в Кахибе (ныне Шамильский район). Хорошая память осталась о русских учителях, которые учили нас – горцев – уму-разуму. Они приезжали к нам в Дагестан, как в ссылку, но часто находили свое счастье в горах. Многие так и остались там жить, а некоторые даже приняли ислам, сменили имена. Никто их к этому не принуждал, выбор был добровольный. В то время во многих районах Дагестана своей интеллигенции не было. В горах наиболее передовыми считались Хунзахский и Гунибский районы, откуда поставлялись кадры в другие районы. Так, в Кахибе все учителя, врачи, чиновники райаппарата были в своем большинстве представителями вышеназванных районов, было много русских, осетин. Теперь же трудно найти в Кахибе инородца, сами уже с «усами».

В 1952 г. я вернулся в Хунзах, так как брат женился, и я не хотел мешать молодым. Лето, как обычно, провел на кутане, а осенью пошел на учебу в 9-й класс Аранинской средней школы, расположенной в крепости, построенной русским царем в 70-х гг. XIX в. после подавления движения горцев во главе с имамом Шамилем для последующего усмирения горного края. От Хунзаха до Арани 3 километра и мы, школьники, каждый день в течение 2-х лет отмеряли эти шесть километров. Школа наша была одной из самых сильных в горном Дагестане. Могу только сравнить с ней среднюю школу в Согратле, которую десятилетиями возглавлял удивительный педагог и организатор Махатиллов. В нашей же школе работали выдающиеся учителя того времени: математик Мансур Гайдарбеков, прекрасно владевший арабским языком, человек энциклопедических знаний; Дибир Атаев, историк и археолог; муж и жена Кузнецовы, филологи высшей категории; химик Любовь Чантурия, грузинка, красавица, по которой «сохли» хунзахские мужчины, и многие, многие другие замечательные педагоги-воспитатели. Земной поклон им всем – живым и мертвым. Аранинская школа дала путевку в жизнь целому ряду выдающихся дагестанцев. Здесь окончили школу народные поэты Дагестана Расул Гамзатов и Фазу Алиева, академик Академии наук России Гаджи Гамзатов, член-корреспондент Академии наук СССР Ахмед Магомедов, доктор философских наук Дибир

¹ Кутан — в первоначальном, узком смысле слова, стоянка пастухов на зимнем пастбище. В настоящее время — населённый пункт, административно входящий в горный район, но расположенный на равнине.

Магомедов и т. д. Как сейчас помню уроки истории Дибера Муслимовича Атаева, любимца всей школы, энтузиаста истории и этнографии Хунзаха и Дагестана. Его стараниями в школе был создан исторический музей, который ныне является филиалом Дагестанского краеведческого музея и расположен он в прекрасном здании в Хунзахе. С Дибиром Муслимовичем связаны наши находки в местечке Галла за с. Батлаич каменных крестов византийского типа с грузинскими и аварскими надписями, что было для нас радостным событием. Они сейчас находятся в краеведческом музее Дагестана в Махачкале. Остались в памяти коллоквиумы, которые он проводил между классами. На одном из них я задал вопрос учащимся старших классов: «Кем был Малле в истории Франции?». Участники коллоквиума не ответили на мой вопрос, и я сообщил, что «Малле был французским банкиром, который привел Наполеона к власти второй раз». Дибир Муслимович открыл классный журнал и поставил мне 5 пятерок подряд. Этот случай сыграл в моей жизни не последнюю роль. До конца своих дней Дибир Муслимович называл меня не Абдулхаликом, а Малле, и под его влиянием и с его легкой руки я в последующем поступил на исторический факультет Дагестанского государственного университета.

Опубликовано: Гаджиев А.М. Честь имею! Записки дипломата и разведчика.

Махачкала: Юпитер. 2003. С. 8 – 23.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ:

Из доклада заместителя председателя Совнаркома Дагестанской АССР М. Меджидова на XXII пленуме обкома ВКП (б) о ходе выполнения решения ЦК ВКП (б) от 21 января 1943 г.

«О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих»

27 мая 1943 г.

...За время своего существования отделы по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при помощи партийно-советских организаций и общественности районов проделали значительную работу. Уточнен контингент семей военнослужащих, и во многих районах (Лакский, Буйнакский, город Буйнакск и др.), заканчивается сплошная проверка учета семей военнослужащих и определение правильности назначения им пособий и пенсий, сотни семей военнослужащих получили от наших отделов материальную помощь, упорядочены дела получателей пособий и

пенсий. Около 4000 членов семей военнослужащих трудоустроено, 18611 семей получили индивидуальные огороды. Партийные и советские организации многих районов горячо подхватили призыв колхозников Лакского района и на высоком политическом уровне провели декадник по сбору средств и продуктов для оказания помощи семьям военнослужащих. Мы имеем следующие итоги декадника: проведена подписка на 1442300 руб., из коих поступило в Госбанк 705000 руб., зерна 210,2 т., картофеля – 13,3 т., обуви – 270 пар, одежды – 9647 шт., шерсти – 432 кг, овчин – 298 штук, кож – 28 шт., облигаций займов – на 36690 руб., масла – 10,5 кг, сыр – 501 кг, яиц – 316 шт., крупы – 5,2 т, молоко – 611 литров, мяса сушеного – 77 кг, фруктов – 818 кг, овощей – 3 т, муки – 160 кг, овец и коз – 95 голов; свиней – 4 головы, кур – 9 голов. Особенно успешно прошел декадник в Лакском и в Буйнакском районах, где партийные и советские организации развернули среди трудящихся широкую массовую разъяснительную работу и проявили личную инициативу в проведении этой работы.

Денежные средства, поступившие в фонд помощи семьям военнослужащих, будут использованы на организацию детучреждений и проведение оздоровительных мероприятий для детей фронтовиков, а одежда и продукты питания – для оказания единовременной материальной помощи остро нуждающимся семьям фронтовиков.

Сделаны шаги по обеспечению семей военнослужащих промтоварами. Решением Совнаркома ДАССР от 13/IV-1943 г. через промышленные наркоматы и промкооперацию выделено для реализации семьям военнослужащих большое количество промышленных товаров.

...Директор Махачкалинского рыбоконсервного завода тов. Яковлев, партийная и профсоюзная организация много сделали для того, чтобы создать семьям фронтовиков нормальные бытовые условия. За короткое время 9 семей фронтовиков получили квартиры, все семьи фронтовиков прикреплены к столовой и магазину, дети их устроены в детучреждения. Из собственных фондов завода каждой семье, с учетом иждивенцев, выдается дополнительное питание из столовой и сухой паек, оказана денежная помощь в сумме 12125 руб., лучшие производственницы – жены фронтовиков получили 3280 рублей премии. В настоящее время для индивидуальных огородов выделено и обработано 7 га земли, все обеспечены семенами и рассадой. На заводе практикуется организация встреч с женами фронтовиков за чашкой чая, во время которых проводятся беседы на различные темы. На заботу завода и семьи фронтовиков отвечают конкретными делами, все трудоспособные из них работают на заводе и помогают заводу

выполнить производственную программу. Аналогичную картину мы имеем на Хасавюртовском консервном заводе и на других предприятиях.

Большую материальную помощь семьям фронтовиков оказали наши колхозы и колхозные кассы взаимопомощи... Мы имеем много примеров настоящей большевистской заботы о семьях фронтовиков со стороны руководителей колхозов и сельсоветов. В колхозе им. Ворошилова Кайтагского района из кассы взаимопомощи выдали семьям фронтовиков 3,5 т. пшеницы, колхозники этого колхоза для семей фронтовиков привезли 34 подводы дров, на содержание скота семей фронтовиков выдали 19 возов сена и др.

Председатель колхоза им. Коминтерна с. Ругельда Кахибского района тов. Магомедов Ахмед в день 1 мая врезал в доску столешницу и устроил обед для 17 детей фронтовиков и вручил им подарки колхоза: по одному пуду пшеницы и картофеля, по 1 кг сыра и учебники. Нуждающимся детям была оказана помощь одеждой и обувью.

Зам. Пред. ЦГА РД. М. Рамзидов
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5605. Л. 80 – 89. Подлинник.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутеев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С.654 – 656

Мы мечтали о кусочке свежего хлеба

Гаджиев Измуддин Ахмедович,
родился 20 июня 1939 г. в с. Карабудахкент
Карабудахкентского района Дагестанской АССР

Внашей семье было трое детей. С нами жила бабушка. Отца призвали на фронт, и все держалось на маме. Отца своего я не помню, потому что был маленьким, когда он ушел на войну. От него пришло только одно письмо. А потом нам сообщили, что он подорвался на mine. Больше нам о нем ничего не было известно.

По рассказам близких, жить было очень трудно. Хлеб пекли из кукурузной муки. Из живности сельчане растили коров, буйволов, овец, коз, кур. Но за них брали налоги, и если не заплатишь – их отбирали. Яйца, мясо

тоже надо было сдавать, и нам почти ничего не оставалось. Мама брала меня с собой поле, когда собирала колоски, кукурузу.

Вести домашнее хозяйство было нелегко. Вещи стирали, используя древесную золу, а в редких случаях – хозяйственным мылом. Дом отапливали дровами.

Я слышал, что в нашем районе были беженцы, их называли «казаки».

Детьми мы играли в чехарду, футбол, прятки. Мечтали мы о хорошей жизни, без войны, о кусочке свежего хлеба, ведь мы ели один раз в день.

Героями для меня были фронтовики, а в первую очередь – мой отец. Помню, как вернулся с войны мой двоюродный брат, покалеченный, без ноги. Конечно, я был рад, но ждал своего отца.

О том, что кончилась война, мы узнали из сообщений по радио. Радиорепродукторы тогда висели на столбах в центре села, где собирались наши старейшины. Конечно, это была великая радость, ведь теперь все будет по-другому. А мы с мамой все ждали отца, и надеялись, что после войны он обязательно вернется, верили, что он живой, просто и у него нет возможности дать о себе знать, послать нам весточку. Я был бы очень рад, если бы нашел хотя бы его могилу...

После окончания войны, я пошел в школу, окончив 7 классов, прошел обучение в автошколе, женился. Я работал шофером с 1961 г. до 1992 г. На данный момент, нахожусь на пенсии.

*Материал предоставлен Гаджиевой Р.Г. и Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства*

Вспоминаю о наших детях в военные годы

Гаирбекова Е.С.,

председатель квартального комитета № 18 г. Махачкалы

Много лет я работала ткачихой на Махачкалинской фабрике III Интернационала, незадолго до начала Великой Отечественной войны я стала инвалидом.

И вот грянула война...

4 июля 1941 г. было опубликовано решение горисполкома об организации в Махачкале квартальных комитетов¹. Через несколько дней в нашем квартале состоялось многолюдное собрание, на котором по рекомендации

¹ Всего в Махачкале (включая и Махачкалу-1) было организовано в 1941 г. 105 квартальных комитетов, но многие из них только числились на бумаге. Автор.

горкома партии меня единогласно выбрали председателем. В члены квартального комитета вошли домохозяйки Е. Суворова, С. Зубаирова, К. Гасанова, С. Мелихова и другие.

Наш кварталком № 18 сразу организовал группу самозащиты, наладил светомаскировку, создал в каждом дворе добровольную пожарную дружину. По нашему предложению жильцы освободили лестничные клетки и чердаки от лишнего старья.

Наряду с рабочими и служащими, мы, члены квартального комитета и активистки, записались в ряды народного ополчения.

Кварталком № 18 объединял 32 дома с общим количеством жителей около 2000 человек. Дел у нас было очень много. Кроме создания группы самозащиты и первичной организации Красного Креста (РОКК), мы шефствовали над госпиталем, собирали средства в фонд обороны, шили бельё, вязали варежки и носки для фронтовиков, организовали для детей нашего квартала тимуровскую² команду, драматический кружок, кружок ручного труда, помогали колхозникам во время уборочных кампаний, заботились об эвакуированных, дежурили по ночам³.

В октябре 1941 г. домохозяйки и дети нашего квартала работали по воскресеньям в пригородном колхозе, помогали убирать урожай. Одним из первых мы создали противопожарное звено.

Начиная с августа 1941 г. все члены групп самозащиты проходили подготовку...

В августе 1941 г. в нашем квартале, в здании школы № 14, открылся военный госпиталь. Мы собирали постельное бельё, посуду, цветы, помогали убирать здание, оборудовать палаты...

До сих пор с отрадой вспоминаю о наших детях в те военные годы. У нас была тимуровская команда в составе 40 человек. Самым старшим, командиру тимуровцев Юре Щербатову и Зине Магомедовой, было по 14 лет, самым младшим – Юле Суровой, Ляле Нагорной, Эдику Машкову, Халимбеку Халимбекову, Жене Гасилону – лет по пять – шесть.

Дети принимали участие во всех делах кварткома, они всегда готовы были бежать, куда угодно, брались за всё, даже за то, что явно было им не по силам. И всё это с исключительной серьёзностью.

² Тимуровец — понятие, обозначающее образцового пионера, безвозмездно совершающего хорошие поступки на благо социалистического общества. Получило распространение благодаря книге Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», герой которой, Тимур, организовал отряд ребят, тайно помогавший семьям фронтовиков, пожилым или больным людям. После появления этой книги стало зарождаться неформальное тимуровское движение.

³ Дежурство в жилых домах и по кварталам было установлено по распоряжению Махачкалинского горсовета от 17 сентября 1941 г. Составители сборника воспоминаний «Дагестан в годы Великой Отечественной войны».

Махачкала в годы Великой Отечественной войны.

© Музей истории города Махачкалы, Махачкала, 2015

Дети наполняли водой противопожарные бочки, ревностно следили за тем, чтобы во дворе поддерживался установленный порядок, собирали металлический лом. Чисто и старательно тимуровцы писали для кварткома списки, отношения и повестки с вызовом на занятия, сами же разносили эти повестки по кварталам и, в случае надобности, несколько раз бегали за опоздавшими.

Тимуровцы помогали семьям фронтовиков – получали хлеб и продукты по карточкам, рубили дрова, носили воду; помогали при ремонте квартир, принося известь, песок, кирпич и глину. За годы войны, к октябрю 1944 г. наши тимуровцы собрали для подшефного госпиталя 3000 предметов разной посуды, 2115 книг, 3000 листов бумаги, много комнатных цветов.

В тимуровской команде организовывался драматический кружок из восьми человек – они читали стихи, пели и плясали. Слушая выступления нашей «художественной самодеятельности» раненые говорили взволнованно:

– Так и хочется скорее на фронт, чтобы биться с врагами за наших детей!

С большим подъемом читала стихи Юля Сурова. Эта маленькая Юля, осиротевшая в начале войны, была эвакуирована из Ленинградской обла-

сти. Ф. Сулова взяла её из детского дома на воспитание. Через год, пяти лет, она уже стала тимуровкой. Однажды, когда Юля читала стихи в госпитале, один из раненых подарил ей красивый карандаш.

– По всем фронтам шел, – сказал он растроганно, – всё берег дочке подарочек. Теперь этой отдам, уж больно девочка хороша!

В одном со мной дворе жил маленький аварец Халимбек. Он твердо знал, что он – мужчина. В экстренных случаях по ночам, хромя, я отправлялась за ним, чтобы послать куда-либо. Мать будила Халимбека. Тот не мог понять спросонок, что от него хотят, и басом спрашивал:

– Куда? Зачем?

А затем, проснувшись и одевшись, торопливо бежал с поручением.

Летом 1942 г. в ночные обходы для проверки светомаскировки меня обычно сопровождал другой «мужчина», 7-летний тат Имрам Абрамов. Усталый и сонный мальчик шел босиком, держась за мою руку, «охраняя» тётю Женю от собак.

Тимуровская команда существовала у нас до конца войны. До сих пор лежит в моих делах записка председателя горисполкома в Совет Осоавиахима: «Прошу отпустить 20 штук детских противогазов для команды тимуровцев кварткома № 18 – эта команда заслуживает внимания и поощрения».

*Здание школы № 14
г. Махачкалы,
где в годы Великой
Отечественной
войны располагался
госпиталь.
Фото Лысенко Ю.М.*

В конце войны, когда многих дагестанцев награждали медалью «За оборону Кавказа», её получили семеро наших тимуровцев. Теперь всё это взрослые люди с высшим образованием. Думаю, что и теперь, как и в детстве, они откликаются на все события общественной жизни.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны.

Воспоминания участников событий. Отв. ред. Г.Д. Даниялов.

Махачкала, 1962. С. 389 – 392.

Война – это очень страшное слово

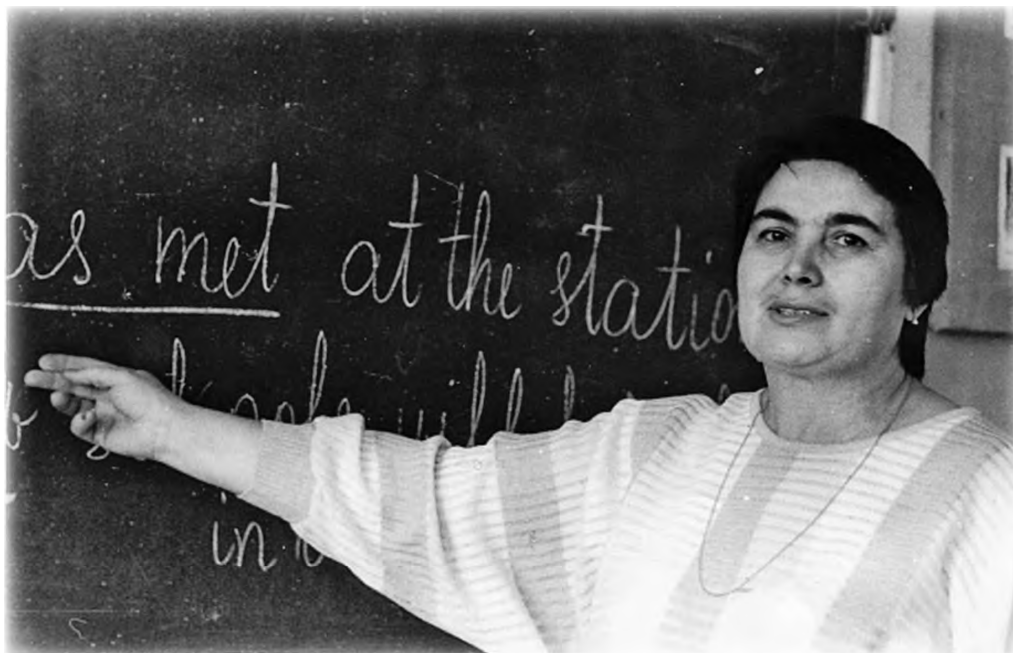
Шамсият Казимовна Гамидова посвятила много лет школе и детям. Это учительница с большой буквы, перенесшая все тяготы военного времени, когда была маленьким ребёнком.

– Шамсият Казимовна, сколько вам было лет, когда началась война?

– Всего три годика.

– Воевал ли кто-то из ваших родственников?

– Да, мой брат. Он так и не вернулся. Пропал без вести. Отца на фронт не забрали, он работал нефтяником и добывал «жидкое золото» для страны.

Гамидова Ш.К.

– Помните ли вы бомбёжки?

– Очень хорошо помню. Как только подлетали самолёты, в тот же миг раздавались звуки воздушной тревоги, и мы бежали прятаться: кто в подвалах, кто в бомбоубежищах. Фашисты хотели захватить мой родной город Баку с его богатыми запасами нефти, поэтому периодически обстреливали, хотя это было редко. Подобраться к Баку они так и не смогли, и нам, к счастью, не довелось увидеть немецких солдат.

– Какое воспоминание было самым страшным?

– Самым страшным было то, что люди голодали. Я помню, как мы ходили на животноводческую ферму за жмыхом. Жмых – это корм для коров. Мы с удовольствием ели его, потому что ничего другого не было.

– А какое воспоминание было самым радостным?

– Война закончилась! Вот это была самая большая радость! Но даже когда шла война, мы были счастливыми детьми.

– У вас были игрушки?

– Игрушки?? Нет, конечно, какие могут быть игрушки! Ведь у нас была многодетная семья. Но зато мы играли в игры. Очень любили «Казачьи разбойники», лапту, «Охотники и утки». И в то время игр было намного больше, чем сейчас. Помню, что Америка оказывала нашей стране помощь. Так как отец был нефтяником, нам отправляли посылки. И мне прислали очень красивое американское платье.

– Вы верили в победу?

– Обязательно! Верили и ждали победу! Всё время слушали фронтовые сводки и радовались, когда передавали, что наша армия побеждает.

– Что для вас значит слово «война»?

– Война – это очень страшное слово. Я желаю, чтобы вы никогда не знали, что оно значит.

*Нина Юхаранова, юнкор¹ газеты «Орленок-Дагестан», 5 «б» кл.,
гимназия № 13, г. Махачкала.*

Материал к конкурсу: «Дети войны».

Опубликован: газета «Орленок-Дагестан».² Выпуск № 49

¹ Юнкор – юный корреспондент.

² «Орленок-Дагестан» – республиканская газета на русском языке издаётся с 2002 г. с целью всестороннего освещения жизни юных дагестанцев, защиты их прав и интересов, пропаганды нравственности, патриотизма и здорового образа жизни. На страницах газеты проводятся различные конкурсы познавательного и творческого характера, победители которых награждаются путевками во Всероссийский детский центр «Орленок» (Краснодарский край), в республиканские детские оздоровительные лагеря. Юные журналисты «Орленка» нередко становятся лауреатами и дипломантами различных конкурсов республиканского и всероссийского масштаба (электронный ресурс: <http://www.rdpres.ru>. Дата обращения 2 февраля 2015 г.).

Сельчане уходили в армию на своих лошадях и в полном обмундировании

Гарунов Юнус Курбанмагомедович,
родился в 1935 г. в с. Цовкра-1¹ Кулинского района
Дагестанской АССР

Самого начала войны я не помню. Мои воспоминания об этом тяжелом времени начались с того, что я жил с бабушкой, а отец был на фронте. Помню, как бабушка ругала Гитлера нехорошими словами.

В нашем селении молодые мужчины готовились пойти в армию. Подготовка была серьезная. Мы, дети, наблюдали, как они готовились к военной службе. Втыкали в землю прутики и на полном скаку рубили их саблями. Сельчане уходили в армию на собственных лошадях и в полном обмундировании. Играла музыка. Проводы, как тогда казалось нам, мальчишкам, были радостными. Лица были веселые. Ведь уходили защищать Родину! Но... многие не вернулись. Помню, как после окончания войны вернулся домой сумбатлинец², который на своем коне дошел до Берлина.

После смерти бабушки меня взяла к себе тетя, у которой был семь своих детей. Время было очень тяжелое. Не хватало продуктов питания. Люди ели траву, корни съедобных растений. Тетя отдала меня в детский дом, где нас кормили и одевали неплохо. Но все время хотелось кушать. Помню, как меня любила одна из воспитательниц, она была родом из Курска. Угощала сладостями, которых невозможно было достать. Я вечно ей благодарен. В детдоме каждый день проводили политинформацию. Нам рассказывали, что происходит на тех или иных участках фронта. Мы вместе со взрослыми радовались успехам наших армейских частей и огорчались неудачам.

Шла война. Люди стойко выносили все тяготы войны, трудились не покладая рук. Помогали, чем могли, армии. Собирали деньги и драгоценности, теплые вещи.

Помню, как на площади селения русские офицеры учили первоначальным навыкам армейской службы совсем молоденьких призывников. Учили командам «налево», «направо» и другим вещам. Нам было смешно, когда обучающиеся ошибались. А это происходило часто, видимо потому, что они не знали языка. Одеты они были кто как, в разнобой. Но мы не смеялись. Чувствовали, что им придется вскоре пережить.

¹ Цовкра-1 – известный аул канатоходцев и кустарных промыслов. На фронтах Великой Отечественной войны воевали 198 цовкринцев, 94 из них остались на полях сражений.

² Сумбатль – село Кулинском районе Дагестана.

Помню День Победы. Был яркий солнечный день. Лица людей сияли. Радости не было конца. Звучали слова поздравления и музыка. Помню встречи с первыми вернувшимися из армии красноармейцами с орденами на груди. Мы с удивлением смотрели на их мускулистые по-армейски стройные фигуры, на искорки в их глазах. Особенно помню, как после войны встречали дважды Героя Советского Союза – летчика Амет-Хана Султана³, который был моим родственником. Встречали его всем районом. Вечером состоялся концерт в честь героя. В концерте принимал участие и я. Амет-Хан подозвал меня и угостил двумя большими грушами. Встреча продолжалась долго. Когда я улегся спать, то груши положил под подушку. Воспитатель, который спал обычно в палате с детьми, подозвал меня и попросил, чтобы я принес ему большую грушу. Но у меня духу не хватило, и я отдал ему маленькую. Хотя они и не очень отличались по размеру, я до сих пор испытываю угрызения совести по этому поводу.

Одним из наших воспитателей был орденосец, вернувшийся с войны двухметровый силач Сулейман из селения Кая. По его рассказам мы представляли, какие шли ожесточенные бои на фронтах Великой Отечественной. В одном из рукопашных боев он, Сулейман, вцепился в громадного гитлеровца. Борьба шла на смерть. Победил, конечно, наш рассказчик. Позже, по прошествии тридцати лет, уже будучи взрослым, я случайно встретил Сулеймана. Он остался таким же бодрым и здоровым, как и в дни моего детства.

В детском доме проживали ребята разного возраста. Старшие всегда помогали младшим. Жили очень дружно. Я принимал участие в художественной самодеятельности. Выступали и в Махачкале. Однажды меня наградили премией: путевкой в прославленный пионерский лагерь «Артек» и двумя метрами ткани, которую я отдал своей тете. Помню, как сельские девочки, которые учились с нами в школе, помогали нам, детдомовцам. Они приносили нам маленькие мешочки с жареной мукой, толокном, хлеб из гороховой муки, хотя и сами испытывали недостаток в продуктах питания. Наши воспитатели внушали нам, что самое трудное уже позади, и нас ожидает хорошее будущее.

Я вырос, получил образование, окончил Дагестанский государственный университет им. В.И. Ленина. Работал учителем более сорока лет.

Материал предоставлен Аминтаевой С.Ю., Научная библиотека ДНЦ РАН, и Амирхановой М.М., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

³ Амет-Хан Султан (1920 – 1971) – военный лётчик, подполковник (1957), заслуженный лётчик-испытатель СССР (1961), дважды Герой Советского Союза (1943 г., 1945 г.). Родился в городе Алушке в семье рабочего. Отец – лаец (родом из аула Цовкра в Дагестане), мать – крымская татарка. Всего за время войны Амет-Хан Султан совершил 603 боевых вылета (из них 70 – на штурмовку живой силы и техники противника), провёл 150 воздушных боёв, в которых сбил лично 30 и в составе группы 19 самолётов противника.

Война сразу отразилась на школьной жизни

Гасанбеков Шапи,
учитель Кумухской средней школы им. Кирова

Война сразу отразилась на школьной жизни. Ребята очень остро воспринимали текущие события, жадно интересовались последними известиями, сводками Совинформбюро. Жизнь в школе стала напряженной. Ушел в армию директор школы Мирзоев, ушел принявший у него должность директора Гасан Чарандаев, оба погибли на фронте. Ушли некоторые учителя и ученики старших классов. Временно директором школы стал я¹.

В военные годы школе не хватало многого, в том числе топлива. Наступила зима, и я поставил вопрос о топливе сначала перед учителями, а потом перед школьниками на комсомольском собрании.

– Ребята, – сказал я, – вы сами знаете, что война требует огромного напряжения всех сил нашего народа. Люди, лошади, подводы нашего селения мобилизованы на оборонительные работы. А нам нужны для нашей школы дрова. Наш долг состоит в том, чтобы хорошо учиться. Но как можно учиться хорошо, если мы будем мерзнуть! Как вы смотрите на это?

Посыпались предложения. Я поддержал предложение идти самим в лес за дровами. Его приняли единогласно, затем так же дружно провели это предложение на заседании ученического комитета и общем школьном собрании. Ребята бурно приветствовали предложение и дополнили его тем, чтоб просить у родителей ишаков.

В назначенный день были приведены десятки ишаков, собраны ремни для перевязки хвороста. Затем дети отправились в Хулисминский лес. Чтобы дорога не показалась слишком утомительной, я в пути занимал ребят рассказами о героическом прошлом, купил им в дорогу груши, яблоки, орехи. Ребята работали горячо. Таким путем мы заготовили дрова для школы на всю зиму.

Мы совершили несколько походов за дровами. За дровами ходили школьники, начиная с 8-го класса. Но идти в лес хотели исключительно все. Помню одного небольшого мальчугана, который надоедал мне просьбами взять и его за дровами. Я категорически отказал. Мальчик убежал вперед и встретил нас на дороге. Я строго приказал ему вернуться. Мальчуган и тут не послушался, убежал, опередил всех и раньше нас оказался на месте.

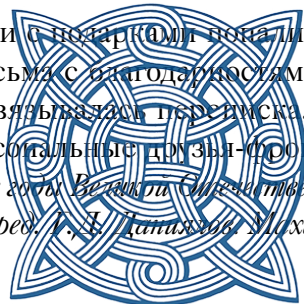
¹ Шапи Гасанбеков уже в то время был инвалидом, не имеющим одной руки. В школе он работал с 1930 года, преподавал физику.

Можно ли было устоять перед таким упорным достижением намеченной цели?

В течение войны школьники, чем могли, помогали фронту. Собирали металлический лом и бутылки для поджога танков (собрали 2500 штук), теплые вещи, подарки бойцам. Комсомольская организация прикрепляла отдельных школьников к семьям фронтовиков. На школьном участке, который выделил колхоз, сеяли ячмень, сажали картофель и овощи. Урожай сдавали интернату, куда в то время принимали исключительно детей фронтовиков.

Некоторые наши посылки и подарки попали фронтовикам-дагестанцам. Они посылали нам письма с благодарностями, письма зачитывались на школьных собраниях, завязывались переписками. Дети очень гордились, когда у них появлялись персональные друзья-фронтовики.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Отв. ред. П. Э. Даниялова, Мухачкала, 1962. С. 460 – 462.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ
РАССКАЗЫВАЮТ...

instituteofhistory.ru

Из обращения колхозников сельхозартели им. Стаханова
с. Чукна Лакского района ко всем колхозникам Дагестана
«Окружать детей фронтовиков заботой и вниманием»
27 апреля 1943 г.

Дорогие товарищи! Доблестные сыны советского народа сражаются на фронтах Отечественной войны, не жалея сил и самой жизни, чтобы очистить нашу родную землю от гитлеровской нечисти. Повседневно помогать фронту самоотверженной работой на своём посту, окружить заботой и вниманием семьи фронтовиков – священный долг каждого советского человека, работающего в тылу.

Школа является важным участком нашей работы. В них обучаются наши дети, наше будущее. Проявлять о них отцовскую заботу, окружить повседневным вниманием, в особенности детей фронтовиков, – обязанность каждого из нас. Ни один отец-фронтвик, сражающийся с врагом, не должен беспокоиться о судьбах своих детей.

Сознавая свой патриотический долг, колхозники и колхозницы сельхозартели имени Стаханова с. Чукна Лакского района решили сделать следующее:

До 15 июля 1943 г. полностью закончить ремонт школьного инвентаря к новому учебному году, заготовить на весь отопительный сезон топлива для школы и учителя.

Создать при школе подсобное хозяйство, засеять сверх плана разные культуры на площади в один гектар... Озеленить школьный двор и посадить 50 новых плодовых деревьев.

Наделить каждого учителя приусадебным участком в пределах установленной нормы.

Организовать в летний период отдых учащихся и направить 8 отличников учебы и детей фронтовиков в летний оздоровительный лагерь за счет колхоза.

С первого же дня начала нового учебного года организовать в школе для детей фронтовиков горячие завтраки, выделив для этого из колхозного фонда 150 килограммов сыра и других видов продукции, а также закрепить за школой дойных коров.

Мы обращаемся ко всем колхозам и колхозникам Дагестана с призывом последовать нашему примеру...

Примечание: Обращение одобрено на Бюро обкома 3 мая 1943 г. (см. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 24. Д. 14. Л. 195).

«Дагестанская правда», 27 апреля 1943 г.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д., Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 431 – 432.

Вспоминаю детский дом с благодарностью

Гасанова Тамара Митрофановна,
родилась в 1939 г. в г. Острогорск Воронежской области

Наш городок был тихим и спокойным до того, как его заняли фашисты. Во время оккупации, а это было осенью – немцы принудили жителей освободить дома, в которых поселились сами. Но наша мать, узнав, что скоро немцы займут наш город, помазала стены дома кизяком, у нас тогда была корова. Благодаря этой хитрости, немцы оставили нас в доме, а сами расположились во дворе. Но, они пустили на наш огород, где была посажена свекла, лошадей и они все потоптали, а потом забрали нашу корову. Во время бомбежки в наш дом, в трубу, попал осколок от бомбы, и меня ранило в руку. Потом при бомбежках, пока наши войска не освободили

город, мы сидели в бомбоубежище. Освобождение было примерно весной 1943 г., и я помню, как военный врач парил мне руку в марганцовке и лечил меня.

Мой отец воевал на фронте, потом вернулся домой. После войны он работал на сахарном заводе. Тогда, в 1946 – 1947 гг. было очень трудно, так как годы выдались неурожайными. Поэтому наша семья переехала на Северный Кавказ. Здесь в 1947 г. умерла моя мама, а затем, в 1950 г. от ран, полученных на фронте, которые сильно болели и мучали его, умер и отец. Нас детей в семье было четверо: один брат и три сестры. Мы остались одни с бабушкой в станице Екатериноградской. Летом мы собирали колоски на полях, а зимой ходили в школу. Игры у нас были очень простые, помню, что делали из тряпок мяч и играли в лапту.

На двоих с братом у нас была одна пара сапог, поэтому я ходила в школу в первую смену, возвращалась, брат обувал эти сапоги и шел учиться во вторую смену. В школе тогда не кормили, и мы жили впроголодь. Взрослые работали в колхозе и им готовили хоть какую-то еду, а мы, младшие, собирали траву и за счет этого выживали. Потом нас отправили в детский дом с. Гунделен Эльбрусского района Кабардино-Балкарии. После войны там было все разрушено и мы, дети, отстраивали разрушенные здания на территории детского дома. И это было подспорьем старшим. В детском доме нам было хорошо, нас хорошо кормили. Спасибо за эту заботу государству. В летнее время мы переходили на режим пионерских лагерей. Мы ходили в походы, у нас работали кружки, спортивные секции, ездили на олимпиады в г. Нальчик. Кстати, у нас в детдоме завхозом работал немец, он работал честно, и его никто не обижал.

Когда детям исполнялось 16 лет, их устраивали учиться в различные учебные заведения. Таким образом, я попала в ремесленное училище г. Орджоникидзе. Закончив учебу и получив специальность «почтово-телеграфный агент районных узлов связи», наш выпуск 1957 г. был направлен в Дагестан. Я попала в с. Сергокала, работала на почте телеграфисткой, а с 1973 г. в районном комитете партии – машинисткой. Здесь я вышла замуж за даргинца, у нас родилось пятеро детей, все живы, я уже многократно бабушка. Сейчас на пенсии, наслаждаюсь жизнью.

К сожалению, то, что сейчас творится в мире, это очень огорчает нас. Самое главное, чтобы не было войны. Надеемся на лучшее и на мир!

Материал предоставлен Омаровой Г.А., Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и Амирхановой М.М., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Меня назвали Розой

Гитинова Разият (Роза),
родилась в с. Хунзах Хунзахского района Дагестанской АССР

Я родилась в годы войны. В семье я была самой младшей, и отца своего знаю только по рассказам матери. Накануне войны мой отец, закончив Новочеркасский водно-мелиоративный институт, вернулся домой. Он работал начальником «Водрайона» в Хунзахе. Вскоре пришла повестка его сослуживцу с призывом на фронт. Не знаю, как так получилось, что он не поехал, а по его повестке на войну ушел мой отец, оставив троих малолетних детей. Уходя, он попросил беременную мать, если родится дочь, назвать ее Розой, что она и сделала. Так в суровое военное время меня назвали именем самого красивого цветка. Когда я пошла в детский сад, маму уговаривали поменять мне имя, но она не согласилась, говоря, что так хотел мой отец. И я всю жизнь помнила, что имя мне дал мой мужественный и любящий отец. Хоть я была маленькой, из детского сада меня брали в школу для участия в выступлениях в сельском клубе (танцы, песни и т.д.). В суровые военные годы, мать нас содержала и воспитывала так, чтобы мы не чувствовали отсутствия отца. Она была хорошей хозяйкой, рукодельницей и настоящей труженицей. Мать всем четверым детям дала образование. Несмотря на тяжелое для государства время, оно тоже не оставило без внимания нашу семью.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Мы пережили страшную войну

Григорьянц Людмила Суреновна,
родилась 21 марта 1940 г. в г. Харькове.

Наша семья накануне войны проживала в г. Харькове. Дедушка работал в ресторане, бабушка была домохозяйкой, мама работала бухгалтером на авиационном заводе, папа – там же, в цеху по испытаниям моторов в воздухе.

В 1941 г. отец ушел на фронт и воевал в составе 1-го Украинского фронта в должности техника-механика. Как сейчас помню, что папины фронто-

вые письма мама хранила в вязанном берете. Наверное, с одной стороны, чтобы спрятать от чужих глаз, а с другой – чтобы всегда были под рукой.

Харьков дважды захватывали фашисты¹. Когда они пришли в город, то мама уже не работала. К нам на квартиру на постой определили 4-х немецких солдат, точнее, трое из них были немцы, а один – австриец. Этот австриец запомнился мне лучше всего. Когда он оставался один, то часто причитал: «Зачем эта война? Мне она не нужна. У меня дома хозяйство, дети. Зачем она мне?». Австриец часто, тайком, пока не видят другие солдаты, помогал нам, делился свои пайком.

Особенно запомнился мне такой случай. Как-то один из немецких солдат протянул мне хлеб, намазанный маслом. А когда я, совсем маленькая, голодная девочка, потянулась к нему своими ручонками, он быстро убрал хлеб и громко рассмеялся. От обиды я горько заплакала. До сих пор я помню это чувство.

Неподалеку от нашего дома располагалась немецкая казарма. Бабушка ходила туда, собирала брошенные картофельные очистки, тщательно их промывала и готовила картофельные оладьи. Тогда они нам казались очень вкусными.

Отец пришел с фронта в 1946 г., и мы переехали в Махачкалу, где у нас жили все родственники, в том числе и дедушка с бабушкой.

Еще одним ярким воспоминанием тех лет стала немецкая фарфоровая кукла, которую папа привез мне, когда вернулся с войны. Это была замечательная кукла в красивом платье – моя первая игрушка. Мне очень завидовали другие девочки, которые играли самодельными куклами. Я ее долго и бережно хранила, почти 70 лет.

В Махачкале я ходила в детский сад, потом училась в школе (средняя школа № 13), в 1958 г. выдержала вступительные экзамены в Дагестанский медицинский институт, а после его окончания в 1964 г. стала работать врачом. Сегодня я врач амбулатории Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Мой супруг, Карапетов Рафаэль Егишевич, родился в 1933 г. в г. Дербенте. Родители и бабушка с дедушкой родом были из Нагорного Карабаха. Дедушка был священником. Когда он узнал, что попал в списки на выселение, то покончил с собой.

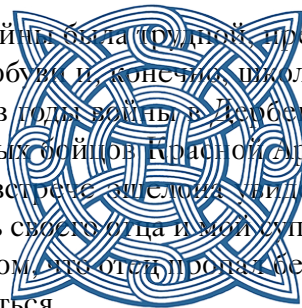
¹ Харьков находился в оккупации с 24 октября 1941 г. до 23 августа 1943 г. с месячным перерывом в феврале – марте 1943 г. Харьков был наиболее населенным на момент оккупации в годы Великой Отечественной войны и оказался одним из самых разрушенных городов в Европе. На одном из памятников в Харькове высечены слова: «Герои не умирают. Они обретают бессмертие и навсегда остаются в памяти нашей, в свершениях наших, в великих деяниях грядущих поколений. Жизнь своей потомки обязаны им».

Когда Рафаэлю было 3,5 года, не стало его мамы. На иждивении у отца, который работал строителем, осталось семеро детей. В 1941 г. отца призвали в Красную армию. Служил он под Сталинградом, руководил расчетом артиллерийской установки – гаубицы. В 1944 г., когда он был в звании капитана, родственники получили извещение о том, что он пропал без вести.

Рафаэля и его братьев и сестер воспитывал дядя, который в те годы и сам был еще юношей. Это был Арминак Аршакович Карапетян, ставший впоследствии известным спортсменом, мастером спорта по вольной борьбе, заслуженным тренером СССР. Память о нем увековечена мемориальной доской на доме, где он проживал, по ул. Ленина (ныне проспект Гамзатова) г. Махачкалы.

Учеба в школе в годы войны была трудной, прежде всего из-за того, что детям не хватало одежды, обуви и канцелярских принадлежностей.

Супруг вспоминал, что в годы войны в Дербенте был госпиталь, куда с фронта привозили раненных бойцов Красной армии. Мальчишки бегали на вокзал в надежде при встрече увидеть среди раненых своих близких. Надеялся увидеть своего отца и мой супруг, особенно после того, как пришло извещение о том, что отец пропал без вести. Но этой надежде так и не суждено было сбыться...

Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

instituteofhistory.ru
Работали вместо ушедших отцов

Дадаев Абдулхалик Хизриевич,
родился 30 марта 1930 г. в с. Каякент Каякентского района
Дагестанской АССР

Наше село всегда славилось трудолюбивыми жителями, занимавшимися садоводством, полеводством, скотоводством. К началу войны семья наша состояла из шести человек: мать, Дадаева Салихат, двое братьев и три сестры.

О начале войны мы узнали из сообщения по радио. В селе были черные круглые радиорепродукторы, и в годы войны мы жадно слушали новости и сводки с фронта. Радио было у многих сельчан в домах, а не только в центре села. Мы волновались за односельчан, родственников, ушедших на фронт. Трое наших дядей воевали, а, вернувшись домой, они нам рассказывали о бесчеловечности фашистов-захватчиков.

Все взрослые нашего села работали в колхозах и советских учреждениях. По-моему, ни один человек не бездельничал. Наша жизнь в годы войны была очень трудной, приходилось много работать, хозяйство было почти натуральным, а быт – трудным. Дети, как могли, помогали взрослым. Мы на колхозных полях собирали колосья, пасли быков, приносили воду женщинам, жавшим колосья серпами и выполнявшим другую тяжелую мужскую работу в поле, так как все взрослые мужчины ушли на фронт. Посевные поля пахали на быках однокорпусным плугом, техники почти не было, сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу. Вручную, следом за быками, бороновали землю, засыпая семена землей.

На домашнем подворье у нас содержались куры, коровы, бараны. Был у нас и огород, на котором мы старались вырастить побольше овощей. Работали на нем всей семьей. Хлеб в нашей семье был, но не пшеничный, а ячменный и кукурузный. Хорошего мыла не было, вещи стирали золой, жидким мылом. Вставали вместе с солнцем, спать ложились с его заходом, так как освещение домов было под запретом, только изредка зажигали керосиновые лампы, в которые заливали керосин¹ либо солярку². Зимой дома свои отапливали кизяком³ и дровами. Все дети уже с шести – семи лет работали вместе со взрослыми, помогали им в силу своих возможностей.

Одежды было мало, а хорошей тем более, даже в школу многие ученики ходили в латаной-перелатанной⁴ одежде и обуви.

Когда началась война, я учился в третьем классе, но вскоре в школе были расквартированы военные, и классы распределили по частным домам, где продолжилось обучение. Так, именно, в нашем доме учились 3-й, 4-й, 5-й классы. Учителя наши – Кара Караев, Алибек Алиев из с. Алхаджакент, Рукият из с. Усемикент, Насрудин Ахмедович – старались передать нам свои знания. В школе в те годы действовали и пионерская и комсомольская организации.

Наши учителя обращались к нам с просьбой помочь фронту продуктами, собрать посылки для бойцов. Большинство школьников приносили яйца, стаканчик табака, самодельные рукавицы.

Мое родное село Каякент в первые годы войны приняло достаточно большое число эвакуированных людей из других областей, краев страны.

1 Керосин – это смесь углеводородов, прозрачная, слегка маслянистая на ощупь, горючая жидкость, получаемая путём прямой перегонки или ректификации нефти.

2 Солярка – это дизельное топливо, жидкий продукт, использующийся как топливо в дизельном двигателе внутреннего сгорания. Обычно под этим термином понимают топливо, получающееся из керосиново-газойлевых фракций прямой перегонки нефти.

3 Кизяк – высушенный или переработанный навоз — используется в качестве топлива, например, для сжигания в печи для обогрева или приготовления пищи.

4 Латка, заплатка - кусок ткани, нашиваемый на прорванное место.

Я запомнил воспитательницу Лиду, которая работала в детском саду, другая, эвакуированная из г. Грозного русская женщина, работала в сельской больнице. Они запомнились мне постоянно грустными – их хозяйство и дома были разрушены. Отношение местных жителей к эвакуированным было очень тактичным, их старались хоть как-то успокоить, нам их было очень жаль. Многие из эвакуированных в 1943 г., когда фронт отступил от границ Кавказа, выехали из села и вернулись на свою родину.

В это же время помимо людей в наши края было эвакуировано много крупного и мелкого рогатого скота, из Ставропольского (на тот момент Орджоникидзевского¹) и Краснодарского краев. И нас, мальчишек, часто посылали помочь пастухам пасти этот скот. В 1943 г. его начали перегонять обратно, и наш район помогал в реэвакуации² скота.

Праздников и игр тогда было мало, не до того – все ждали «скорее бы кончилась война, чтобы жили мирно и хорошо». Героями для нас мальчишек и девчонок были отважные солдаты и офицеры: А.М. Матросов, Д.М. Карбышев, Г.К. Жуков, Н.Ф. Ватутин, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, молодогвардейцы. Яркими воспоминаниями в годы войны были сообщения об обороне Брестской крепости, битве под Москвой, Сталинградом, у Прохоровки, и, конечно, взятие Берлина. Помню лозунги военного времени: «Победные посевные гектары!», «За парня, ушедшего на фронт!», «Всё для Победы над фашизмом!». Мама тоже нам рассказывала об уехавших на фронт родственниках и односельчанах, некоторые из них вернулись ранеными, с орденами (один – с Орденом Славы³ двух степеней), медалями.

Мы каждый день ждали окончания войны, особенно, в те дни, когда наши войска наступали на Берлин. Старались узнать подробности от учителей, служащих, слушали радио. А когда услышали о Победе, то все радовались, кричали «Урру!». Но было и много боли и печали, потому что не все вернулись и с войны, погибли за нашу свободу. Вечная слава героям!

Из моих родных живыми с фронтов войны вернулись мои двоюродные

1 Орджоникидзевский край – единица административного деления СССР, существовавшая с 1937 по 1943 гг. В марте 1937 г. после смерти С. Орджоникидзе для увековечивания его памяти Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский. Через год в состав края был передан Кизлярский округ, в который входили пять северных районов Дагестанской АССР. В состав края входили и две автономные области – Карачаевская и Черкесская. 12 января 1943 г. край получил свое нынешнее название – Ставропольский.

2 Реэвакуация – возвращение эвакуированного в места первоначального пребывания.

3 Орден Славы – военный орден СССР, учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г. Награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта. Орден Славы по своему статусу и цвету ленты почти полностью повторял одну из самых почитаемых в дореволюционной России наград – Георгиевский крест (лишь разное число степеней: 3 и 4 соответственно). Орден Славы имеет три степени: орден высшей I степени – золотой, а II и III – серебряные (у второй степени был позолочен центральный медальон), которые выдавались в порядке строгой последовательности (от низшей степени к высшей) за личный подвиг на поле боя.

братья: Зайнудин и Магомед-Ачилав. Когда они приехали домой, все родственники собрались у них дома, поздравляли, затем они гостили у нас. А еще мы ходили встречать других вернувшихся с фронта солдат.

После войны жить стало немного легче, были уменьшены налоги, меньше стали всего бояться, было покончено с бандитизмом, который имел место в годы войны, когда бандиты грабили сельчан.

Я в 1954 г. окончил 10 класс школы. Затем вел обучение в двух группах трактористов и трех группах инженеров для колхозов и совхозов района после ликвидации МТС. В 1967 г. я окончил исторический факультет Дагестанского государственного университета. Создал семью, воспитал с супругой четверых детей. Все дети имеют семьи, живы, здоровы. Сейчас я уже прадедушка, нахожусь на заслуженном отдыхе.

Много говорили о том, что пенсии участников трудового фронта будут приравнены к пенсиям участников войны 1941 – 1945 гг. Однако все остается по-прежнему. А ведь мы, дети, даже находясь в тылу, собирая колося, участвуя в выпасе эвакуированного скота, рытье окопов, отправке на фронт того необходимого, что мы могли дать, ковали победу и победили фашизм. Войне – нет! И пусть это будет навсегда!

*Материал предоставлен Мирзабековым М.Я.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Я часто вспоминаю те трудные годы

Даибов, родился в 1941 г. в с. Хамзаюрт Бабаюртовского района Дагестанской АССР

Мой отец Даибов Даиб Баймурадович (1904 г.р., уроженец с. Хамзаюрт), по рассказам моей старшей сестры, был суровым, строгим и очень трудолюбивым человеком. Не покладая рук, он работал в поле: выращивал хлопок, пшеницу. Накануне войны, по словам мамы, наше селение было не очень большим, а сельчане жили дружно, с усердием работали на полях, чтобы прокормить семью. В семье нас было четверо: родители, сестра и я.

Я родился накануне войны – 7 июня, и про это тяжелое время знаю по рассказам мамы и сестры. Когда отец получил повестку об отправке на фронт, мама стала плакать, а отец говорил о своей решимости защищать Родину.

Это был суровый зимний месяц – декабрь. Мне тогда было всего 6 месяцев. И вот забрали отца на войну. На попечении мамы остались двое маленьких детей. Сестре было всего 3 года. Несмотря на это, мама оставляла меня сестре, за самой которой еще требовался присмотр, и уходила на работу. После того, как на войну ушли почти все мужчины нашего села, женщинам пришлось выполнять всю хозяйственную мужскую работу. К ней прибавился еще один вид работ – рытье окопов.

Мы с сестрой были очень малы, но она мне рассказывала про последнее письмо отца. Оно пришло из под Керчи в 1943 г. И в этом же году пришла похоронка. Мы, дети, не понимали, что это значит. А мама плакала украдкой, не показывала нам свои слёзы и печаль. Она вообще была скрытной. «Ваш отец – достойный человек своей Родины», – с горечью и гордостью говорила она. Мы подросли и потом уже узнали, что наш отец героически погиб на керченской земле.

Мама очень старалась, чтобы мы получали необходимое. Готовила нам каши в основном из кукурузной муки, хлеб выпекала из этой же муки. Домашней скотины у нас не было. А из птицы держали только индюков. По словам сестры, белье стирали в речке. Печки топили кизяком, а дома освещали специальными лампами. В емкость такой лампы заливали керосин.

В конторе работало радио, по которому жители села узнавали обо всех новостях. Когда по радио говорили о событиях на фронте и в стране, было слышно по всему селению.

В нашем селе не было ни госпиталя, ни медпункта. А вот болезней было много. В первую очередь от них погибали дети и старики. Они были самыми уязвимыми. Женщины сами как-то старались помочь тем, кто заболел. Но не всегда удачно.

Об игрушках мы даже мечтать не могли. Да и возможности играть у детей, особенно тех, кто постарше, не было: старались помочь взрослым по хозяйству. Новый год для нас был самым обычным днем. Новогоднюю елку мы и в глаза не видели. Мечтали о том, чтоб поскорее закончилась война, чтобы отец, который для меня был героем, приехал домой с победой. Очень хотелось почувствовать детство. Вот такая мечта была у детей в годы войны.

Чем дети могли помочь фронту? Рассказывали, что те, кто был постарше меня, выходили в поля для сбора оставшихся после уборки урожая колосьев и лекарственных трав.

Об окончании войны нам сообщила мама. По всему селению кричали: «Война закончилась!», «Победа за нами!». Сестра, услышав это, радостно закричала: «Папа приедет!».

Родители, которые отправляли своих сыновей на войну, ждали их. А дети ждали своих отцов, старших братьев... Мы с сестрой тоже надеялись, что наш отец приедет. Нам виделось, что мы сидим рядом и слушаем его рассказы про войну. К сожалению, судьба не уготовила нам такой радости – увидеть отца живым... (Прослезился).

Первые послевоенные годы я помню смутно. Видимо потому, что был еще слишком мал. После войны наше село депортировали, и в конце 1945 г. мы переселились из Хамзаюрта в Адиль-Янгиюрт, а в 1951 г. мы переехали в Геметюбе. Там в колхозе были виноградники, и сельчане работали на этих виноградниках. И я работал, хотя мне было всего 10 лет. В Геметюбе пошел в третий класс. Помню, как мы с сестрой делили кусок хлеба. После школы нас с классом забирали на поля собирать хлопок. Когда его сдавали, то и нам давали пару копеек. И то не всегда.

Я окончил Ленинскую школу, пошел работать подвозчиком в Колхоз им. Сталина. За хорошую работу нас с сестрой послали в школу и в техникум.

Я часто вспоминаю те трудные годы. И сейчас рассказываю внукам про свое тяжелое военное детство и про своего отца, отдавшего свою жизнь за нашу Родину, за нас, за наших детей и внуков, за мир на нашей земле.

*Записала Амангулова Р.С.,
отряд ТЮКСа Бабаюртовского района РД,
Геметюбинская СОШ*

В селе почти не осталось мужчин...

Далгатов Магомед Омарович (Омарчиевич)
родился в 1928 г. в селении Гергебиль Гунибского района
Дагестанской АССР

instituteofhistory.ru
Семья наша была небольшой: мать, сестра и я. Отец умер еще до войны. Когда началась война, из нашего села в армию было призвано несколько сотен человек, из моих родственников на фронт ушло двое, и если в первые месяцы мы от них получали письма, то потом получили извещение об их гибели – «похоронки».

Трудно нам жилось без отца-кормильца, а в годы войны стало еще тяжелее – нас все время преследовал голод. В селе почти не осталось мужчин, и в нарушение всех горских традиций, для тех, кто умирал в это время, могилы копали женщины, и хоронили умерших тоже женщины. У меня до сих пор перед глазами стоит эта картина.

Для победы над врагом люди не жалели ни сил, ни средств. Те наши сельчанки, у которых были серебряные изделия, украшения, а также деньги, со всей искренностью жертвовали их для фронта.

Насколько я помню, в те годы домашнего скота у нас не было, а на приусадебном участке, чтобы прокормиться, мы стали сеять кукурузу. Мы, дети, помогали маме, трудившейся в колхозе. Мы научились выполнять и другую, «взрослую» работу. Некоторые подростки из Гергебиля, в том числе и я, рыли противотанковые окопы, участвовали в строительстве оборонительных линий под Бабаюртом, в районе Буйнакса – Ярон поят (герой аях). Помню, как оказался среди тех, кто очищал канал имени Октябрьской революции в Махачкале, строил дамбу на реке Сулак в Чирюрте. Мы свято верили, что своим детским трудом приближаем победу.

В то же время, во время войны, мы продолжали, по мере возможности, учиться в школе (тогда в Гергебиле работала неполная средняя школа).

Современный вид с. Гергебиль.

© MAARULAL.RU 2009 Design by Tsor-Studio.

Фото предоставлено сайтом: <http://maarulal.ru/photo-2>

Помню, как в школе нам читали газеты. В игры мы почти не играли, да и праздники не отмечали. Мне очень запомнилось чувство постоянного голода, и все мысли были о том, как бы поесть. А еще я мечтал стать сильным-пресильным, чтобы дать отпор врагу. Героями для меня были отважные воины Красной армии, мои земляки, кто уничтожал врага. А самые яркие воспоминания были связаны с Победой, о которой нам сообщили односельчане.

После войны жить стало легче, ежегодно происходило снижение цен на продукты питания. После войны, в 1946 – 1947 гг. я учился в г. Буйнакске, в 1964 – 1967 гг. в партийной школе при областном комитете коммунистической партии. Работал, а сейчас я уже на пенсии.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Задача была одна – выжить!

Из воспоминаний Магомедова Дауда Магомедовича

Весна в этом году в село Выше-Таловка Кизлярского района пришла рано. С первых же дней марта начались огородные работы. Из школьных окон мы вот уже который день видели седовласого мужчину с лопатой в руках. Ему уже за восемьдесят, но по тому, как легко движется его лопата, можно подумать, что ему всего сорок-пятьдесят.

На мартовских праздниках я побывала в гостях у него по заданию руководителя нашего литературного кружка «Вдохновение». Дауд Магомедович сажал картошку в огороде со своей внучкой-студенткой, приехавшей из города.

Вот какой разговор состоялся у меня с ним.

– Дауд халу (халу – уважительное обращение к старшим у нас), пусть Бог вам даст больших урожаев! Не рано ли сажать картошку?

– Боишься, что примёрзнет? Нет, не рано. Видишь, как солнце ласково пригревает наши земли. Почва давно ждёт заботливых рук. В своё время посадишь – урожай будет отменный. Когда я был в твоём возрасте, внученька, в годы войны, огород нас уберёг от голода. В то время мы и примёрзшую картошку ели.

– Трудно вам приходилось?

– Не то слово. Чудовищно тяжело. Были дни, когда ничего не ели – не было хлеба, продуктов. Летом питались лишь травами и несколькими

зёрнышками пшеницы. Страшно было зимой – выручали сушёные травы. Они были нашими кормилицами и врачами.

– Не расскажете мне о ваших детских годах в военное время?

– Мне ещё не было и девяти лет, когда потерял отца. Его призвали в армию в 1939 г. До этого он работал разнорабочим в Махачкале. Помню, как он в конце мая внезапно приехал, долго не выпускал из рук меня и сестру. Тогда я только что окончил первый класс. Спросил, как у меня учёба. Затем позвал старшего брата и сказал: «Смотри, сынок, помоги Дауду, берегите вашу маму, вы мужчины в доме. Я долго не приеду, у меня много дел».

С тех пор мы отца не видели. Так он остался без вести пропавшим солдатом войны. На руках матери, Сакинат Магомедовой, он оставил четверых детей, мал мала меньше: старшего брата Али, одиннадцати лет, меня, сестру Курбанпатимат, семи лет, и младшего брата Исмаила, трёх лет.

– А когда вы узнали, что началась война?

– Помню, в летний день старший брат вернулся с поля с травой и ветками покормить больного ягнёнка. Когда он спросил у матери, почему же так долго не возвращается отец, мать горько заплакала, прижав нас всех к себе. Мы никак не могли её успокоить. Затем она вдруг притихла, вытерла глаза подолом платья и еле слышно произнесла, что началась война.

Когда младший брат Исмаил спросил, а что это такое – война, она ничего не ответила. Ещё крепче обняла его, лишь сказала: «Я вас не дам войне. Вот увидите, у нас всё будет хорошо!».

– Дауд халу, вы сказали, что ели примёрзшую картошку в годы войны. Как это было?

– В сентябре 1941 г. брат матери, Дами Рабаданов, всех нас забрал к себе на равнину, в с. Манас Карабудахкентского района. Это более ста километров от нашего села. Он работал чабаном в колхозе, жил на ферме, далеко от села, со своей женой и двумя детьми. Его старший сын часто перекапывал колхозные поля в надежде найти оставшуюся после уборки колхозниками картошку.

Вот в один день, в апреле 1942 г., когда мы с братом Али возвращались из Манаса домой, на ферму, с питьевой водой на бричке, то на поле увидели двух дерущихся ребят. Когда подошли поближе, то узнали в одном из них старшего сына дяди, Ахмеда. А другой мальчик был русоволосый, не похожий на дагестанских мальчишек, лет примерно восьми. Оказывается, они дрались из-за четырёх примёрзших картофелин (зима 1942 г. выдалась суровой в краях Дагестана). Ахмед всегда откапывал картошку и оставлял её у края колхозных полей. На этот раз, когда утром пришёл за

оставленными картофелинами, увидел убегающего с ними мальчика. Он догнал вора, и началась драка.

Мальчик, плача, бормотал какие-то слова, не похожие ни на дагестанские, ни на русские. (Ахмед хорошо учился и знал по-русски.)

Затем из-за кустов появилась женщина, она еле двигалась навстречу нам, русоволосая, в стареньком платье и платке. Что-то сказала мальчику, и тот добровольно отдал картофелины Ахмеду.

Когда вернулись домой, я всё рассказал матери. Она сама запрягла лошадей, посадила меня в бричку, и отправились мы туда же.

Нашли ту женщину не сразу. Она лежала под деревом, сильно кашляла, у головы её сидел мальчик и нежно гладил её волосы. Она умирала от голода. Мы посадили их в бричку и отправились домой. Мать выкупала их, накормила хинкалом (мясо и муку недавно привёз из села дядя).

Более трёх месяцев жили они у нас в чабанской комнате. Дядя и этот мальчик сильно привязались друг к другу. Это была украинская семья, гонимая голодом, преследуемая войной.

Затем из райцентра приехали люди в военной форме и забрали их, как нам сообщили, в детдом.

Вскоре призвали в армию и дядю Дами. Остались мы, две семьи, без взрослых мужчин: моя семья из пяти человек и семья дяди из трёх.

Ходили мы за колхозной отарой с нашими мамами. Младшие кормили дома ягнят, имели также индюков, кур, крупный рогатый скот. До 1948 года оставались на этой ферме. Помогали матерям, возили и косили сами, собирали корм для колхозной отары (300 голов мелкого рогатого скота). Наглotalись лиха с детства, а ведь старшему из нас было всего лишь пятнадцать.

– А когда призвали вас в армию?

– В 1949 г. меня вся семья проводила в армию. Мать тогда не заплакала. Когда тётя спросила её, почему же она не плачет, мать лишь произнесла: «Кончились у меня слёзы. Задача была только одна – выжить! Мы выжили, нам сейчас не трудно»...

После демобилизации дедушка Дауд Магомедов вернулся домой. Сорок восемь лет он проработал чабаном в селе Выше–Таловка Кизлярского района. Здесь он женился, построил дом и обзавёлся семьёй.

*Айшат Хизриева, 10 класс, Вышеталовская СОШ, Кизлярский район,
литературный кружок «Вдохновение».
Материал предоставлен редакцией газеты «Орленок–Дагестан»*

Дети трудились наравне со взрослыми

Даудова Хадижат Даудовна
родилась в 1935 г. с. Камаша Лакского района ДАССР

На тот момент моей старшей сестре было 10 лет, младшей – 3 года, а брату 1,5 года. Нам, детям, эти военные годы запомнились как сложные и голодные. Отец сразу после начала войны ушел на фронт. Мать в первые же дни войны сильно заболела и слегла. Ее уложили в больницу в с. Кумух. Мы остались в доме одни. Еды не было. Пили воду, чтобы заглушить голод. В нашем хозяйстве не осталось ни коров, ни коз, ни какого-либо другого домашнего скота. Единственное, чем мы тогда питались – это маленькая, размером с ладонь, плашка творога, которую приносила двоюродная сестра отца. Мы очень ждали весну, потому что весной начинала расти крапива. Так вот мы ее ели, чуть посолив. Из нее же варили суп. Маленький брат, которому было полтора годика, постоянно плакал от голода, просил хлеба. В месяц раз по домам ходила медсестра, осматривала сельчан.

Махачкала в годы Великой Отечественной войны Строительство оборонительных рубежей. © Музей истории города Махачкалы, Махачкала, 2015

Моему мужу, Исакову Апанди Абакаровичу, 1928 года рождения, на момент начала войны было 12 лет. Мать умерла при его рождении, а когда Апанди пошел в школу, умер и отец. На войне погибли оба старших брата. Когда враг приблизился к Грозному, его, 12-летнего мальчишку, отправили в Махачкалу рыть канавы (противотанковые рвы) глубиной в 3 метра, а шириной – в 6. По-русски он, как и другие ребята из села, ничего не понимал. Как-то в Махачкале, услышав их лакскую речь, к ним подошел мужчина, расспросил, кто они и откуда, и велел отправить мальчишек обратно. До Буйнакса из Махачкалы мальчишки добирались поездом, а в Буйнаксе заночевали у знакомых. Наутро пешком отправились в село. Но через несколько дней их вновь отправили в Махачкалу. И они трудились наравне со взрослыми! Мальчишки-подростки очень уставали, руки буквально отказывались держать лопаты, поэтому лопаты привязывали к запястьям, чтобы не ронять. Так они проработали месяц!

Апанди Абакарович окончил всего 3 класса, а я – 5 классов. Школы в селе не было, поэтому на занятия приходилось идти в соседнее село Унчукатль пешком, где школа была. Особенно трудно давалась дорога в Унчукатль в зимнее время года. Из-за того, что не хватало обуви и теплой одежды, в школу ходили по очереди или как-то делились вещами, если, конечно, было, чем. Как помнится, многие ходили в холодное время без обуви и даже без носков, босиком. Я помню, что Апанди ходил босый, и однажды выпросил у меня носки. Учителя были как из города (в основном русские), так и свои, дагестанцы, из соседних сел, например, из Кумуха. Я очень хорошо запомнила русскую учительницу из Махачкалы – Галину Степановну.

В школах не было ни книг, ни тетрадей. Мы писали на какой-то бумаге. Не было и чернил, а если они и имелись, то только у детей из зажиточных семей. Апанди Абакарович вспоминал: «В школе я сидел за одной партой с девочкой, дочерью бухгалтера, у которой были чернила. Пока она отвлекалась, я быстро макал своим пером в ее чернила, чтобы хоть что-то написать. Если она замечала это, то сразу же закрывала чернильницу или прятала ее от меня».

Когда мама поправилась, то она стала работать в колхозе. Помню, как ей на трудодни дали полтора пуда полбы¹. Мама пошла на мельницу, это было довольно далеко. Когда она вернулась очень поздно, ночью, то разбудила

¹ Полба – зерновая культура, особый сорт пшеницы. Каждые 2 – 3 зернышка полбы в колосе защищены от вредителей, неблагоприятных внешних воздействий и потери влаги жесткой несъедобной пленкой (мякиной). Отличается ломкостью колоса, кирпично-красным цветом, неприхотливостью. Ее зерна обладают высокой пищевой ценностью. На территории современной России полба возделывается в Дагестане и Татарстане.

нас, чтобы накормить жареной мукой («ини» – так это блюдо называется по-лакски). Несмотря на то, что мамин двоюродный брат был председателем колхоза, мы помощи от него никакой не получали.

Стирали, как помню, дождевой водой, которую аккуратно собирали. Ею же мыли голову, а вместо мыла использовали золу колючей травы (на лакском языке она называется «бере»). В теплое время года стирать белье ходили на речку. Дом отапливали дровами, для разжигания дров использовали хворост или кизяк (сухой навоз).

Я не помню известий из фронта, запомнились только извещения о погибших.

Тяжелое это было время. Детства у нас, как такового, не было. Не было у нас ни игрушек, ни сладостей, тем более конфет.

Самым светлым воспоминанием был День Победы. О Победе мы узнали по радио. После этого у нас появилась надежда, что все наладится. И в действительности, постепенно так и происходило. После того, как с фронта в село стали возвращаться мужчины (а одним из первых был мой отец), то жить стало легче. Все работали, и еды хватало. В середине 1950-х мы не испытывали нужды ни в мясе, ни в меде, ни в муке. С 17 лет я стала работать дояркой, так что молоко в доме имелось в избытке. Я помню, как получила 40 литров топленого молока, которое продала и купила швейную машинку.

Замуж я вышла, когда мне исполнился 21 год. В 1956 г. вместе с мужем, Апанди Абакаровичем, переехала в Махачкалу. Апанди Абакарович работал на заводе им. Гаджиева, стал мастером (его трудовой стаж составил 56 лет). Я тоже работала на заводе: сначала на станке, затем в буфете (33 трудовых года на заводе). Жили мы 8 лет в общежитии в комнате, которую выделила дирекция завода.

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет.*

Девочка с белыми волосами

Для каждого из нас бабушка – это тёплые руки, сказки, вкусные пирожки. Мне раньше не приходило в голову, что бабушка тоже была, как я, ребёнком. А какое у неё было детство?

Когда я спросил у бабушки, счастливое ли у неё было детство, то она заплакала, потом принесла альбом, где были старые чёрно-белые фото-

графии. Я и раньше видел их, но, как оказалось, ничего не знал о детстве моей бабушки.

На одной фотографии я увидел, как маленькая девочка с белыми волосами стоит возле большой печи, на которой варится каша, и ждёт, когда ей дадут немного поесть, а кашу варил пленный немец. Эта девочка и была моя бабушка Люба. Она родилась в 1938 г. в украинском городе Славянске. С наступлением фашистских войск закончилось беззаботное детство девочки Любаши и её брата. Мама их сутками работала, чтобы хоть как-то прокормить детей.

Я никогда не задумывался, почему бабушка слишком бережно относится к хлебным крошкам, а ведь ей пришлось голодать, она два раза пухла от голода. Её хотели забрать в детский дом, чтобы отправить подальше от фронта, но мама её не отдала.

К концу войны рядом жили пленные немцы. Некоторые из них заботливо относились к советским детям, даже делились с ними едой. Бабушка

*Дунайский Анатолий с бабушкой Любой и дедушкой.
Опубликовано: «Орленок-Дагестан», 2015. Вып. 7.*

рассказывала, что ребятня не боялась пленных, бегала к ним, и те угощали детей кашей, шоколадом. Но чаще она целыми днями сидела возле окна в ожидании мамы с работы. Иногда выбегала на улицу, когда видела, что кто-то рассыпал крошки хлеба, бросил огрызок яблока или картофельные очистки, чтоб принести домой, поделиться с братом и как-то утолить голод.

Когда немцы уезжали, они хотели забрать бабушку в Германию. Они уговаривали её маму, говорили, что девочка погибнет от голода, а они будут заботиться о ней. Один из пленных даже написал своей жене, что привезёт красивую девочку с белыми волосами – «киндер», как он её называл.

Мама понимала, что Любаша может погибнуть от голода, что будет трудно, но всё же не отпустила её. Тогда этот немец подарил для Любочки целую коробку шёлковых ленточек. Эти ленточки ей не пришлось носить, они впоследствии, когда было очень трудно, были обменены на еду. Когда бабушка немного подросла, она с мамой и братом приехала в солнечный, хлебосольный Дербент, где живёт вместе с нами и сейчас.

Пережив такое трудное детство, моя бабушка не стала злой и чёрствой, она очень добрая и ласковая. Она и сейчас очень бережно относится к хлебу и всегда хочет меня накормить, боится, чтоб я не остался голодным.

Я очень люблю свою бабушку, а после её рассказа о детстве хочу ещё больше заботиться о ней. Я вижу её маленькой, хрупкой девочкой Любочкой с белыми волосами.

«...Ах, если бы я был волшебник,
Я время вернул бы вспять,
Но где мне найти тот учебник,
Чтоб ты молодой могла стать,
Бабушка моя...»

Дунайский Анатолий, 10 лет, Дворец детского (юношеского) творчества, г. Дербент. Опубликовано: газета «Орленок-Дагестан». 2015. Вып. 7.

Всю войну я просидела у мамы под станком

Дьяконова Людмила, родилась в 1939 г. в г. Махачкале

Всю войну я просидела у мамы под станком. Яслей не было, оставить ребёнка было не с кем, и она тайком проводила меня, совсем маленькую на фабрику. И вот однажды я потерялась. Мама металась по цехам, плакала, звала, а тут мастер один ей навстречу: «Что кричишь?» – «Людка, дочка, моя потерялась!» – «Да какое там потерялась? Вон же она под стан-

ком на опилках спит!». А я действительно, настолько свободно себя на этой фабрике чувствовала, что упала, где сон сморил, прямо на гору опилок, и спала. Только это детям казалось, что все нормально. Маленьким, которые мирной-то жизни, и не видели. А взрослым было тяжело.

Мама с подружкой, чтобы как-то заработать (детей же кормить надо, война там или не война, им неинтересно), после смены оставались чистить «трансмиссию». Так назывались огромные деревянные чаны, метра в три высотой. Туда заливались для каких-то фабричных надобностей вода. И вот мама и её подружка обвязывались веревкой, спускались внутрь и в подвешенном таком состоянии чистили стенки и днище этих «трансмиссий».

Когда закончилась война, мы узнали об этом от соседей. Они просто стали тарабанить в стену: «Благодарим, война закончилась!». Мы вскочили и выбежали на улицу. Там уже стояла одна наша бабка, прижимала руки к груди и говорила: «Господи, боже, война закончилась!». Но она говорила не радостно, а как-то растерянно, будто все теперь стало непонятно, и она не знает, как себя вести и как жить.

Ну, а после войны в Махачкале появились немцы. Пленные. Они работали и на мебельной фабрике тоже. И мы бегали их подкармливать. Хлеб приносили. И знаете, я вот сейчас думаю, никто же из взрослых нас не одергивал! Такая страшная война была, во многих семьях отцы, деды, братья, сыночки не вернулись, а нам, детям никто не говорил: «Это враги, это фашисты!». И пленные по территории фабрики ходили свободно, без охраны. Мы им хлеб таскали, а они мастерили нам из дерева разные шкапулочки, ножички, прочую мелочь.

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 33.

А завтра была война...

Зубаиров Магомедов Гусейнович,
родился в 1931 г. в с. Гергебиль Гүнибского района
Дагестанской АССР

К началу Великой Отечественной войны наше село было обыкновенным горным селом, окруженным со всех сторон горами, с богатыми садами, с не очень изящными домами, построенными из камней и древесины. В нашей семье, помимо отца и матери, были бабушка и трое детей.

Первую весть о войне мы с тревогой услышали по радио, я тогда русским языком не владел, мне переводили с аварского. Сразу же началась мобилизация. Мы проводили в армию сельчан, родственников. На фронте воевал мой отец, Магомедов Зубаир, двоюродный брат моего отца Алимирзаев Абдурахман, который не вернулся. Мой отец был неграмотным, и письма от него мы не получали. Но когда он вернулся после окончания войны, раненный в руку, то рассказывал, что воевал на Курской дуге и в других местах. Но Курская битва, по его словам, была самой жестокой из всех других сражений, в которых он участвовал.

Жизнь в годы войны была тяжелая. Носили брюки и рубашки из бязи, окрашенные в зеленый цвет при помощи отвара зелёного грецкого ореха, зимой – тулупы, сшитые местными мастерами из овечьих шкур, на ноги надевали обувь местного изготовления из шкур скота и т.д. Стирали без порошка и мыла. Дом отапливали дровами при помощи самодельной железной печки, освещали комнату керосиновой лампой.

Мы жили относительно неплохо. Еду в основном готовили из кукурузной муки, полученной со своего приусадебного участка. Участок был маленький, поэтому кукурузы хватало ненадолго. Готовили хинкал из кукурузной муки, а иногда пекли хлеб из той же муки (по-аварски – мучари). В огороде сажали в основном кукурузу, фасоль, тыкву. У нас были коровы, домашняя птица. Моя мать была очень трудолюбивая женщина, ходила с ишаком в с. Дженгутай Буйнакского района, там обменивала фрукты на зерно. Бабушка пасла коров в горах, заготавливала масло, творог и приносила домой.

Моя мать работала в колхозе им. Орджоникидзе с. Гергебиль. При возвращении с работы колхозникам раздавали жидкий суп и кукурузный хлеб. Я ходил с мамой, помогал собирать фрукты и сдавать их на фруктово-консервный завод, а когда я стал взрослым, то начал работать на заводе. А дома я помогал, чем я мог: кормил скот, домашнюю птицу, рубил дрова, охранял сад.

Некоторым семьям жилось очень трудно. Были слухи о том, что им приходилось делать очень грубую муку из отходов кукурузы после сбора урожая (по-аварски – хIукI). Я помню случай, когда один мальчик из бедной семьи ел траву. Помню и другой случай, когда одна женщина из соседнего селения Кикунь, пришедшая в Гергебиль, достала из мусорной ямы кишки дохлой овцы, стряхнув мусор, положила в сумку и унесла.

В годы войны я учился в Гергебильской школе. Школа работала, но закрылась, когда в ней и в частных домах разместили резервную вой-

сковую часть. Занятия наши проходили в старом здании школы по программам и учебникам тех времен. Библиотеки я не помню, книг для чтения тоже. Да и читать было некогда. Были у нас чернильницы и ручки с металлическим пером, правда, не у всех. Чернила изготавливали из сажи или дочерна зажаренной кукурузы. Для того чтобы писать на доске, мел, хотя и грубый, мелкими кусочками изредка находили на маленькой горке в селении.

Помню, что в школе работали пионерская и комсомольская организации. Они проводили разные мероприятия: сборы, организовывали кружки, сбор шиповника для сдачи в аптеку, а также походы и экскурсии. В годы войны в школе собирались добровольцы для отправки на войну, они учились стрелять из пистолета, а в качестве мишени Арбушев Гамза ставил шапку.

Я прекрасно помню своих учителей. В основном они были приезжие из России, так как не было собственных кадров. Ермакова Ия Валентиновна, преподаватель русского языка, которая впоследствии вышла замуж за гергебильского жителя Гамзата. Она приехала из оккупированной территории с двумя дочерьми. Горлицкая Нина Ефремовна – учительница математики и физики. Сечаль Инна Ефимовна – учительница химии и биологии. Из местных учителей я помню Мучиева Гамзата из Гергебиля – директора школы с начала моей учёбы, он же преподавал математику в 5-м классе, Алиева Давуда из с. Чох Гунибского района – директора школы и преподавателя географии. Интересный был преподаватель. Прежде чем попросить ученика показать какой-нибудь город на карте, он смотрел на Дальний Восток, а сам называл Москву, Ленинград и т.д. Видимо, хотел, чтобы мы учились думать самостоятельно, а не следили за его взглядом, как за подсказкой. Была учительница, приезжая, Чувашова (имя, отчество не помню). Она приехала в наше село с маленьким ребенком и иногда просила меня покупать для него молоко. Я ей приносил молоко, но денег не брал.

В те годы в школе работало радио. Я был старшим в семье, а мать и бабушка были неграмотные. Я им читал районную газету, стихи и рассказы из книг. В нашем селении был медпункт, располагался он в частном доме.

Из детских игр помню чехарду, «третий – лишний». Игрушек было очень мало и те самодельные: из дерева делали вертушку и кнут. Вертушку вращали при помощи кнута. Обруч от заводской бочки, да и другие кольца катали при помощи изогнутой проволоки. Новый год встречали в школе. В классе устанавливали ёлку, а Дед Мороз раздавал скромные подарки. Ёлку украшали самодельными игрушками.

Главной мечтой всех детей была мечта о мирной жизни, а для меня – и возвращение отца. Об окончании войны мы узнали по радио. Это была огромная радость. А приехавшего отца я встречал у Аймаклинского ущелья. Отец ехал до Буйнакскса поездом, а от Буйнакскса до Гергебиля добирался пешком. Мой отец для меня был героем, он с раненной рукой продолжал воевать до победного окончания войны.

Мою работу в колхозе, на консервном заводе я тоже считаю моей помощью фронту. Кроме того, мы с друзьями собирали шиповник, лекарственные растения. Мы их сдавали в школу, а школа – в аптеку¹.

После войны жизнь стала улучшаться из года в год. Появились продукты. Ежегодно под Новый год проводилось снижение розничных цен на предметы первой необходимости. Я окончил школу, поступил в Махачкалинский пединститут, служил в армии, а после возвращения стал работать учителем математики. Работал учителем более 40 лет. Работал директором Гергебильской очно-заочной школы. Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Порой обходились горсточкой муки...

**Зульпукаров Магомед Джабраилович,
родился в 1937 г. в с. Кичигамри Сергокалинского района
Дагестанской АССР**

Накануне войны в нашем селе занимались молочным животноводством, садоводством, а так же выращивали зерно и бахчевые культуры.

Наша семья состояла из отца, матери и четырех братьев (от 1930 до 1937 годов рождения). Бабушка и дедушка по отцу были очень старые, их не стало еще до конца войны. Но бабушка и дедушка со стороны матери были моложе и они нам очень помогали.

Как узнали о начале войны, я не помню. Но ярким воспоминанием в

¹ Только по данным 18 районов республики, в 1941-42 учебном году учащимися было собрано 562218 кг шиповника, внесено в фонд обороны разных ценностей на сумму 254775 рублей. А по данным 38 районов, в 1942-43 учебном году школьники республики внесли на вооружение Советской армии 947309 рублей и послали на фронт 758 посылок (Каймаразова Л.Г. Патриотическое и трудовое воспитание школьников в 1941 – 1945 гг. Дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции «Немеркнущий подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. 21 апреля 2000 г. Махачкала, 2000. С. 246).

памяти осталось тревожное сообщение – «Немцы в Моздоке!». И ещё ночное освещение прожекторами и осветительными снарядами.

Моих двоих двоюродных братьев забрали на службу еще до начала войны. А отца и дядю призвали в 1942 г. С войны они так и не вернулись: числились в пропавших без вести. Пришли с войны мой двоюродный брат и двоюродный брат матери, который был награжден Орденом Красного Знамени². Мы за него были очень горды.

В условиях военного времени почти всё отдавали для нужд фронта. Мама работала в колхозе. Мы помогали, как могли, во всем – собирали урожай на огороде, пасли скот, собирали колосья (это уже к концу войны).

Была у нас буйволица – наша кормилица. Она никому не давала к себе приближаться, убегала от похитителей. Только мама могла подойти к ней! Были и куры штук десять. Был у нас огород. С него мы тоже кормились. Дом отапливали дровами. Была и помощь от колхоза – на арбах привозили дрова для семей фронтовиков.

Но помню и такое, что нечего было кушать. Чтобы не умереть с голоду – собирали колосья и даже питались корнями кустарников. Как-то мама пошла пешком к родственникам за 20 км в село Мулебки и оттуда принесла горсточку муки. Хватило на 4 штуки хинкала, отдала нам, братьям, по одной штуке, а сама ограничилась водой, в которой варился хинкал. Потом перевязала живот полотенцем, чтоб он не пух от голода. В глазах ее стояли слезы...

Я рос слабым и болезненным мальчиком. Тогда в народе был такой обычай. Слабых детей относили на кладбище и просили Всевышнего: «Забери себе или оставь в живых!». Если ребенок поворачивался к матери и плакал – значит, будет жить. Мать меня, оказывается, три раза так носила на кладбище. Слава богу! Жив и здоров до сих пор.

Помню, как в 1944 г. после демонстрации в честь 7-го ноября меня повели в школу, в первый класс. Моими первыми учителями в Кичигамринской начальной школе были Меджидов Магомед (в будущем он стал моим тестем), Джанаев Магомед, Алхилаев Гамид. Я их уважал и, когда мог, всегда навещал.

Что читали в те школьные годы, я не помню. Да и не до чтения было, когда голодали. Об этом только и думали. А вот игры немного отвлекали. Играли мы в войну и прятки. Я любил прятаться на кладбище –

² Орден Красного Знамени (орден «Красное знамя») – один из высших орденов СССР. Первый из всех советских орденов. Был учрежден для награждения за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества.

все боялись там искать и меня не находили. А я не боялся. Видимо, после того, как мама меня туда несколько раз носила. (Смеется.)

В нашем селе был медпункт, а еще – сельская радиостанция, и все собирались и слушали сводки с фронта. Самые яркие воспоминания – когда освобождали Сталинград и брали в плен генерала Паулюса¹!

Все те, кто ушел на фронт, были для нас настоящими героями. Я мечтал об окончании войны, плакал, когда вспоминал отца, и ждал его возвращения. Но он так и не вернулся.

В нашем селе много эвакуированных, убранных, русских, татар. Их расселяли по домам. В наш дом тоже подселили эвакуированных. У них было мыло. Нас купали, умывали, помогали всем тем, что было у них самих, даже спать у них в комнатах. Я был благодарен им за доброту. Я вспоминаю этих людей, когда вспоминаю отца. Эти русские люди нас учили, лечили, делились с нами последним, учили нас культуре.

Помню, что, когда кончилась война, все кругом кричали: «Победа! Победа!». Кто-то радовался, кто-то плакал, кто-то танцевал, – но все были в слезах от радости и гордости за Родину, за Сталина!

После войны я учился, окончил школу в соседнем селении Мюрего в 1955 г. Там я жил в интернате. После окончания технического училища в г. Избербаше, один год проработал автомехаником. В 1958 г. поступил на открывшееся инженерно-строительное отделение университета².

После окончания университета по всеобщему распределению поехал в Туркмению, далее в Казахстан – на крупнейшее строительство Тенгизского нефтеперерабатывающего завода. После вернулся в родной Дагестан!

Работая в Казахстане, собрал около 40 тыс. советских денег. Думал, что хватит мне на жизнь и еще детям останется. Но все эти мои деньги «сгорели» в 1991 году! Вернули крохи! Обидно, что получаю всего одиннадцать тысяч рублей. Приходится подрабатывать – охраняю школу.

Сейчас у меня появляется гордость за Россию, за великую нашу страну, за Президента. Когда Крым вернулся в состав России – не было предела моей радости и гордости!

1 Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс (1890 – 1957) – немецкий военачальник (с 1943 г. – генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом. Автор плана Барбаросса (электронный ресурс: www.ru.wikipedia.org, Дата обращения 11 декабря 2014 г.).

2 Видимо, речь идет об инженерно-техническом факультете в Дагестанском государственном университете, который был открыт вскоре после создания университета в 1957 г. на базе педагогического института им. С. Стальского в Махачкале. На инженерно-техническом факультете стали готовить инженеров ряда профилей для промышленности и строительства, в которых эти отрасли республики испытывали большую потребность (Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2007. С. 291).

День был теплым, солнечным...

**Ибрагимов Изведин Ибрагимович,
родился в 1937 г. в с. Хрюг Ахтынского района
Дагестанской АССР**

Село находится в живописном местечке Дагестана, на берегу реки Самур, и окружено сосновыми лесами и фруктовыми садами.

Семья наша состояла из отца, Менафова Ибрагима, работавшего учителем, мамы Лавият, которая трудилась в местном колхозе, и трех детей: меня, старшей сестренки Ламунат (1934 г.р.) и брата Имамутдина (1941 г.р.). Большую роль в семье играла бабушка Разият. Вообще мы жили в большом доме, в котором проживали четыре семьи родных братьев, у каждого – по две комнаты и общая галерея-коридор. Именно бабушка в большей степени обеспечивала нас продуктами. У нее было две коровы, и она делала сыр, масло, простоквашу, приносила молоко. Как только начиналась теплая пора, она брала своих внуков и перебиралась с нами и с коровами на пастбищный участок, своеобразную «дачу», которая находилась на горном склоне, в трех километрах от села «Ими-сув». Такие участки, а их было три, принадлежали сельской общине. Там был деревянный домик, продуваемый теплыми ветрами. Там, в горах, мы собирали травы, которые заготавливали на зиму, делали сыр, запасались дровами на зиму. Именно там я находился вместе с другими детьми и бабушкой летом 1941 г., когда к нам пришел попрощаться отец – его призвали на фронт. Он принес мелкие круглые белые конфеты и печенье. Тогда они показались мне такими сладкими! Отец обнял свою маму, она, конечно, была очень расстроена, плакала. Отец, прощаясь, обнял и меня. Я тогда не понимал, что вижу его в последний раз, не понимал, что такое война... А потом мы с горы смотрели, как мужчины, призванные на фронт, шли по дороге в Ахты. Сверху все было видно, как на ладони. Помню, что день был теплым, солнечным...

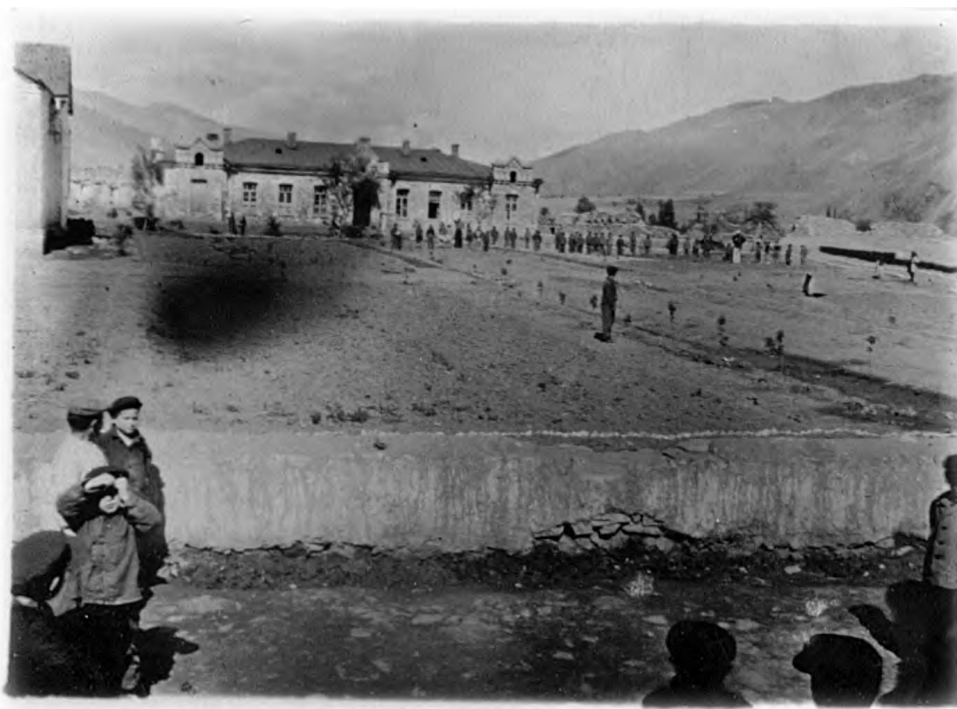
Отец пропал без вести, нам прислали официальный документ – извещение. До сих пор он у меня перед глазами. Когда я вырос, то куда только не обращался, но так и не смог выяснить о судьбе отца ничего.

Всю войну мы жили на самообеспечении. Так получилось, что отец перед войной купил много тетрадей и карандашей, и он посоветовал маме перед отправкой на фронт, менять их на продукты, что мама и делала. Меняла их в колхозе на зерно, муку, другие продукты. Эти запасы нас здорово

выручали. В то же время, пшеничную муку мы видели в достаточном количестве, в нашем районе ее многие выращивали, меньше – ячмень, просо, овес, лен, коноплю. Кукурузы тоже было мало. Был и колхозный сад, из которого колхозникам давали фрукты на трудодни.

Хлеб мама пекла из разной муки с большим добавлением трав. После того, как отец «пропал без вести» нам назначили пенсию 360 рублей на троих детей. На эти деньги мама покупала сахар, материал. Мы жили нелегко, но не голодали. А были такие семьи, которым жилось намного тяжелее. Ели крапиву, варили ее в молоке. Собирали крапиву в лесу и сушили впрок, на зиму. Еще, помню, собирали желтые цветы и готовили из них чуду с сыром. Хлеб выпекали в печи в пекарне.

На всю жизнь мне запомнился случай, произошедший в селе в годы войны. В здании мечети, в те годы переоборудованном под склад, хранилось зерно и другие продовольственные припасы. Под крышей были сделаны маленькие узкие окна. Вот через эти окна восемь моих ровесников-мальчишек забрались туда. Они были голодны и наелись сырого зерна. Воды там не было, зато стоял аппарат для «выкачивания меда». На стенках его оставалось немного меда. Они соскребли мед со стенок, поели его, и, види-

Ахтынский детский дом №1. Парк. Фотоальбом №37. Л. 2. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

мо, их разморило, вылезти обратно не смогли, заснули там и так и не проснулись, умерли от обезвоживания. Родители искали детей, но никто не догадался, где они. Склад периодически проверял бригадир Зубав, он то и нашел ребятишек. Для всего села это было большим горем, на похороны и соборования приходили люди со всех сел района.

Помню, какую еду мы ели тогда. В селе было много абрикосовых деревьев. Мы собирали абрикосовые косточки, кололи их. Сладкие сразу отделяли, а горькие измельчали, жарили, добавляли жареную муку, конопляные семена и пшеничные зерна и их наполняли ими карманы. Это было настоящее лакомство.

Коноплю тогда выращивали как для семян, так и для того, чтобы выделывать из стеблей ткань. Когда конопля поспевала, ее жали небольшими серпами, затем приносили на небольшой круглый участок в центре села, выбивали семена. Стебли несли к реке Самур, клали их в воду, придавив камнем, а зимой их очищали, готовили конопляную массу, которую потом пряли и выделывали нити, веревки для хозяйства. Тканей в годы войны было мало, вся одежда была латанная-перелатанная. Одежду носили в основном шерстяную, ее вязали женщины. Из грубой шерсти вязали даже обувь – цветные вязаные башмаки, которые одевали в школе. В школу и из школы мы бежали босиком, а, придя в школу, вытирали ноги и обували башмаки-носочки. Шерсть мы получали и на трудодни. Красить ее ходили в с. Ахты, там жил красильщик-еврей, у которого был настоящий красильный цех. Туда же бегали мальчишки, для окраски «альчиков», в которые мы с удовольствием играли. Ставили их группкой и, разбивая палкой, следили, у кого дальше полетит. Помню еще одну игру: берется палочка диаметром примерно 20 мм и длиной – 1м 20 см, на ее конец привязывали веревку и с размахом били круглую вертушку из древесины конической формы, а затем следили, у кого дольше она поворачивается, тот и победил. В игре участвовало 5 – 6 человек, у каждого был свой «инструмент». По-лезгински эта игра называлась «капазнар къвазва».

От отца на память мне осталась безопасная бронзовая бритва в наборе. Я, когда работал на заводе в гальваническом цехе, покрыл её хромом. Бритве уже 78 лет, а она в рабочем состоянии.

В школу я пошел в 1946 году. Окончив школу, я поступил на химико-биологический факультет ДГУ. Работал в школе, инженером на заводе, уже 44 года преподаю в Политехническом колледже в г. Махачкале. Женат, двое детей, четверо внуков.

*Материал предоставлен Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Смелость – удел сильных духом

Измаилова Зулхужат Измаиловна,
родилась в 1931 г. в Левашинском районе Дагестанской АССР

Перед началом войны в их семье было шестеро детей: у Зулхужат было 3 брата и 2 сестры. Когда началась война, самым младшим об этом и не сказали, чтобы не испугались. Два старших брата Зулхужат были призваны на фронт. Оба они домой так и не вернулись, остались на полях сражений. Родные даже не знают, где они похоронены. Они отдали свои молодые жизни за Родину, за мирную жизнь. Но бывало и по-другому. Зулхужат помнит, что были случаи, когда некоторые сельчане, призванные в армию, сбегали с фронта из-за тяжелых условий и прятались в селе. Не хватило им духа рисковать жизнью во имя свободы и независимости родной страны.

В годы войны в селе было очень плохо с продуктами, часто на день на всех членов семьи был один кусок хлеба. В свои 10 – 14 лет девочка помогала маме на колхозной ферме доить коров, а дома вместе с мамой все делала по хозяйству. Ни игрушек, ни праздников девочка не видела. Мечтала она, ее брат и сестры о том, чтобы закончилась война и пришла долгожданная победа, а все родственники вернулись с фронта живыми и здоровыми. Героями для нее были старшие братья, ушедшие на фронт, провожаемые слезами матери. Школа, несмотря на военное время, работала. Зулхужат училась в военные годы, а 10 классов окончила уже после войны. Из помощи фронту, она вспоминает, как они, детьми, собирали лекарственные растения.

Помнит Зулхужат о том, как узнала о Победе. Это произошло благодаря радио, которое находилось в центре села. Была огромная радость, одна – на всех. Но у многих еще долго сохранялся страх перед войной. Уже после войны Зулхужат вышла замуж. У нее большая семья, 11 детей, внуки, которым она желает мирной, счастливой, полной счастья жизни.

*Материал предоставлен Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства*

Война, как смерч, прошла по детским
судьбам

instituteofhistory.ru

Иноземцева Мария Григорьевна,
родилась в 1927 г. в с. Бабаюрт Бабаюртовского района
Дагестанской АССР

«В 1941 г., когда началась война, всех учителей нашей школы призвали в армию, школу закрыли. Жила я тогда в Ростовской области. Учителя нас заверяли, что очень быстро разобьют и уничтожат врагов, очистят родную землю от фашизма и вернуться домой живыми и невредимыми.

Но война, как смерч, надвигалась на Родину. Через Ростов проходила линия фронта. Наш город дважды был оккупирован немцами, два раза в числе других жителей я была в плену у немцев (на оккупированной территории).

Штомпель Мария Григорьевна с подругой. Май 1940 г.

Первый раз, в 1941 г., восемь дней нас, военнопленных, заставляли строить железную дорогу. Когда мы с подружкой работали, один немец приказал мне поднять очень тяжелый камень, подружка шепнула, чтоб не поднимала. Услышав шушуканье, немец ударил хлыстом меня. А на мне была тонкая кофта, потом спина долго болела. Затем пришли наши войска и выгнали немцев из Ростова.

Второй раз заняли немцы наш город и хозяйничали в нем полтора года. Они отобрали всё: всякую живность, теплую одежду, постельные принадлежности и выгнали нас из домов. Зима была лютая, мы замерзали и голодали. Отец вырыл большую яму, закидал соломой, и мы жили там, как щенята. Затем пришли наши войска и освободили город. Мы безмерно радовались, на глазах – слезы радости, верилось в это с трудом.

Мы, дети, наравне с взрослыми помогали фронту: рыли окопы, гасили зажигательные бомбы, работали на полях колхозов в полуголодном состоянии, в холоде, без сна и отдыха, убирали хлеб, ремонтировали железную дорогу. Мы были мобилизованы, как военнообязанные, жили в казармах, рыли противотанковые окопы, подбирали раненных, хоронили убитых, строили железную дорогу Таганрог – Ростов. После того, как немцев прогнали от Таганрога, я осталась работать на железной дороге. Работала то

Семья Штомпель. Станица Софьяново Ростовской области. Август 1939 г.

чертежником, то табельщиком. Девиз был такой: «Всё для фронта, все для победы!». Днем мы работали на железной дороге, а ночью охраняли мосты от фугасок и фашистов.

После меня отправили учиться в г. Армавир. Отучилась в техникуме, вернулась, продолжила работать на железной дороге до 1946 г.

Длинной оказалась дорога войны для Марии Григорьевны. Она работала, не покладая рук во имя Победы, не за награды, а за честь за свободу нашей Родины.

В 1946 г. я познакомилась со своим будущим мужем и переехала в Дагестан в Бабаюртовский район, по месту жительства мужа. Совместно мы прожили 42 года.

После войны я окончила ветеринарный техникум, 27 лет работала ветеринаром, воспитала троих детей, пятерых внуков и шестерых правнуков».

Земляки говорят, что жизненный опыт, авторитет Марии Григорьевны являются примером для молодежи района. Родина высоко оценила ратный подвиг Марии Григорьевны. Она имеет награды: «За оборону Кавказа», медаль имени Жукова, Знак «Победитель социалистического соревнования 1975 г.», юбилейные медали ко дню Победы, медаль «Ветеран труда».

*Материал предоставлен Амангуловой Р.С.,
отряд ТОКСа Бабаюртовского района РД, Геметюбинская СОШ*

Сидя на коленях у отца, я рассматривала его награды

Исаева Патимат Гаджиевна¹,
родилась 1940 г. в с. Хунзах Хунзахского района
Дагестанской АССР

Мой отец Гаджиев Исай 1907 года рождения, в самом начале войны ушел на фронт. Говорили, что от него долго не было писем. Мне тогда было всего один год (я родилась 8 июля 1940 г.). Помню, как мы получили одно из писем от отца. Это было письмо-треугольник, написанное на тетрадном листке. Моя старшая сестра Написат, которая уже училась в школе, зачитывала его несколько раз по просьбе бабушки. Моя бабушка «Каса-баба» – так мы ее называли (мама моего отца), всегда плакала,

¹ Исаева Патимат Гаджиевна – старший преподаватель кафедры французского языка иностранного факультета Дагестанского государственного университета.

слушая эти письма. Мы всегда ждали письма с фронта с нетерпением. Особенно моя бабушка. Ей было очень трудно. Все заботы о нас легли на нее и нашу мать. Нас было четверо детей: Написат, Магомед, Сабигат и я, самая младшая, Патимат.

Моя мама, Шумайсат, работала на колхозных полях, как и все женщины Хунзаха. Они выполняли все тяжелые работы: сеяли, косили, все таскали на себе, делали заготовки на зиму. От такой изнурительной работы, моя бедная мама надорвалась. Она долго болела. Бабушка говорила, что это продолжалось девять месяцев. Мама умерла в 1946 году.

Наконец наступил долгожданный конец войны. Нас ожидала большая радость – мой отец вернулся с фронта! Этот день я помню очень хорошо. Мне было тогда уже пять лет. Мой отец взял меня на руки и посадил себе на колени, а я рассматривала его медали. Их было несколько, и все разные.

В те дни к нам домой приходило очень много женщин и все они спрашивали: не воевал ли отец с их сыновьями, не слышал ли что-нибудь о них. В те дни у нас перебивало много народу. Одни уходили, другие приходили.

Отец много рассказывал о войне. От него мы узнали, что когда решили открыть второй фронт, часть войск, где служил мой отец, отправили на Дальний Восток. Там ожидали войну с Японией¹. Они вырыли окопы и ждали начала войны. Говорили, что это было тяжело – долгое ожидание и неизвестность. Было очень холодно, солдаты голодали и мерзли в этих окопах. Однажды они шли на какую-то операцию или в разведку. Командир предложил моему отцу вернуться назад, зная, что у него дома остались четверо маленьких детей на попечении старой матери, и не все вернутся живыми с задания, но отец отказался и пошел со всеми. Там был один молоденький солдат, и он попросил разрешения вернуться, потому что ему было страшно первый раз идти на такую операцию. Ему очень не повезло – он наткнулся на японскую засаду и погиб.

Мой отец был коммунистом, и по возвращении домой его назначили заведующим животноводческой фермы с. Хунзах. Он ездил по всем селам и районам, закупал коров, телят, быков для колхоза. В том, что ферма была восстановлена и возобновила работу, была его огромная заслуга. На протяжении многих лет отец заведовал фермой. Зимой ездил на кутан, летом возвращался в Хунзах.

Послевоенное детство было непростым и не по-детски трудным. Целое лето я бегала босиком, соседские дети тоже. Большие пальцы на но-

¹ Советско-японская война – часть Второй мировой войны. Состояла из Маньчжурской и Южно-Сахалинской сухопутных, Курильской и трех корейских тактических десантных операций. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г.

гах всегда были в крови, так как мы часто спотыкались об камни. Обуви не было. До начала учебного года должны были зайти в школу, чтобы нас записали в соответствующий класс. Помню, что в школу я тоже пошла босиком, как и на улице бегала, но меня отправили домой, чтобы я обулась, мол, нельзя приходить в школу босиком. Нашла засохшие старые ботинки, обула их и пошла в школу. Но обратно, я снова возвращалась босиком: пришлось снять ботинки, так как они натерли ноги, и было очень больно. А на зиму всем детям, кто был из многодетной семьи, а также детям-сиротам выдали теплые ботинки. Я была такая счастливая в этих новых ботинках, и, главное, было тепло.

У нас в детстве не было никаких игрушек. Кукол мы шили сами из лоскутков, которые моя бабушка Каса-баба нам давала. Она была большая мастерица. Шила она всем и все: и женскую одежду и мужскую. Шила она и все виды тулупов. Даже из соседних сел к ней приходили и заказывали: брюки-галифе, мужские рубашки, как тогда носили военные. Позже мы с сестрой Написат тоже овладели этим мастерством. Написат шила односельчанкам, никому не отказывала. Я тоже стала шить. Когда я была студенткой, то сама себя обшивала. Девушки из общежития упрашивали меня сшить что-нибудь для них. Так я стала подрабатывать. Это было для меня хорошим подспорьем, так как стипендия была маленькая – всего 23 рубля.

Вспоминаю еще один эпизод из моего детства. В те послевоенные годы наши бабушки ходили в горы на целое лето с коровами. Там они пасли коров и заготавливали на зиму сыр, масло. Ночевали они там же, в пещерах. Пещеры были как бы в два этажа, вернее это были двухъярусные скалы, видимо, сама природа их такими сделала. Наверху они спали, а внизу была вся утварь, которая нужна была для работы. И вот однажды я решила пойти к своей бабушке в горы «АкарутIа». Я высматривала это место из селения, и мне казалось, что это очень близко, а когда стала подниматься наверх, то путь оказался дальним и трудным. Тогда мне было восемь или девять лет. Вскоре я устала и села отдохнуть. И тут мне стало страшно. Кругом – никого. Село осталось внизу, и мне казалось, что я очень далеко от дома. К моему счастью вскоре на горизонте появился сосед-пастух с осликом. Я сидела, пока он не подошел. Звали его Басир. Он тоже шел туда же, куда и я. У него там, недалеко, было стадо овец. Он так удивился, увидев меня одну в горах. Я ему объяснила, что иду к бабушке. И мы стали подниматься вместе. Время от времени, когда я уставала, он сажал меня на ослика. Так мы добрались до вершины «АкарутIа». Он, смеясь, привел меня к ба-

*Скульптура-монумент Родина-мать зовет!
Автор Е. Вучетич. Фото Дадаева К.*

бушке, а сам пошел дальше. Это было очень красивое место, и как там было хорошо, я помню до сих пор. Целыми днями я ходила по горам, иногда уходила очень далеко. Однажды я нашла гнездо куропатки, в котором было много яиц. Я их не тронула, потому что понимала, что это будущие птенчики.

Семь классов я закончила в Хунзахе. Потом пошла учиться в Аранинскую женскую среднюю школу. Эта школа открылась после войны. Там же открылась и школа-интернат, где учились ребята-сироты из всех горных районов.

Окончив среднюю школу, я поступила в Буйнакское женское педучилище на дошкольное отделение. После его окончания работала в с. Гергебиль воспитательницей детсада. Потом мне захотелось учиться еще дальше.

Поступила в Пятигорский государственный институт иностранных языков (ПИИИЯз.)

И все время я училась на собственные средства – на стипендию. В училище я получала 13 рублей, а институте – 25 на 1 – 2 курсах и 30 – 33 рубля на старших курсах. На эти деньги я училась, одевалась и платила за общежитие. Домашние мне помогали по мере возможности. В те времена в колхозе давали зерно на трудодни.

Я подрабатывала во время летних каникул проводницей поезда «Москва-Кисловодск». А в одно лето мне очень повезло. Это было в 1966 году. Я работала проводницей на туристическом поезде, путь которого пролегал по горным перевалам. Мы выехали из Минеральных Вод в Ставрополь. Там набрали туристов, доехали до Крыма. Оттуда поезд переправили через Керченский залив. Посетили Севастополь, Одессу, Харьков, Киев, за-

тем Минск, Херсон, Брест. Большое впечатление на меня произвела экскурсия по Брестской крепости.

Оттуда мы проследовали в Ленинград, Москву и Волгоград. В Волгограде на Мамаевом кургане только начинали строить ставшие впоследствии широко известными памятники. Мы посетили «Дом Павлова»¹ – руины, которые остались после войны. Днем мы осматривали эти города и их достопримечательности, а ночью проделывали путь из одного города в другой. Впечатления были незабываемые.

Когда в День Победы показывают эти города по телевидению, я каждый раз думаю, какой подарок сделала мне судьба, что я побывала там, где шли такие ожесточенные бои с фашистами, где воевали наши отцы.

Я считаю, нам повезло, что до нас фашисты не дошли. Ведь в России было разрушено столько городов, погибло столько мирных граждан, сколько людей было угнано в Германию!

После окончания Пятигорского государственного института иностранных языков я приехала в Махачкалу. С 1967 г. и по сей день работаю в ДГУ на факультете иностранных языков. Воспитала дочь, которая пошла по моим стопам, окончив в ДГУ факультет иностранных языков и получив диплом с отличием, преподавала в университете французский язык, во время чеченских событий работала переводчицей во французской ком-

Дом Павлова в Волгограде - четырехэтажный жилой дом, в котором во время Сталинградской битвы держала оборону группа советских бойцов. Фото Дадаева Ю.

¹ Советско-японская война – часть Второй мировой войны. Состояла из Маньчжурской и Южно-Сахалинской сухопутных, Курильской и трех корейских тактических десантных операций. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г.

пании «Equilibre», которая оказывала гуманитарную помощь беженцам. Позже уехала во Францию учиться. Окончив социальный факультет, осталась там жить, создала семью, воспитывает троих сыновей. Все они говорят на русском языке. Дочь их также учит и аварскому языку.

Все трудности позади. Я считаю себя вполне счастливым человеком. Есть любимая работа, где я работаю вот уже 46 лет. Есть крыша над головой. Не голодаю, не замерзаю, одета, обута, а все остальное – суета сует...

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Далеко от войны...

**Искендеров Гаджимурад Абдуллаевич,
родился в 1939 г. в с. Магарамкент Касумкентского
(с 1943 г. – Магарамкентского) района Дагестанской АССР**

Искендеров Г.А., 1945 г.

Наше село Магарамкент (на начало войны в нем насчитывалось 107 хозяйств) располагалось в очень красивом месте – в долине реки Самур. Оно было окружено фруктовыми садами и от этого было похоже на «райский уголок». В Магарамкенте был колхоз им. Жданова, а население занималось садоводством, овощеводством, животноводством, птицеводством.

В нашей семье было шесть человек. Отец, Искендеров Абдулла Гаджимурадович, директор семилетней Магарамкентской школы, учитель истории. В годы войны мой отец вел агитмассовую и патриотическую работу среди населения Касумкентского и Магарамкентского районов, участвовал в организации помощи фронту продуктами питания и одеждой. Жалел, что его не отправляют на фронт. Он страдал гипертонической болезнью, и в его

военном билете было указано: «не годен к строевой службе».¹ Мать была колхозницей. В семье нас было четверо детей: два брата и две сестры. Один из братьев – я.

Начала войны я не помню, но знал, что на войне воюют наши родственники. Среди них – дядя по отцу, который был тяжело ранен под Моздоком и после демобилизован, и дядя по матери, который прошел войну, вернулся с фронта живой и прожил до 97 лет.

По тем временам у нас был хороший, добротный дом. Отапливали его дровами. Чего-чего, а этого добра у нас хватало, ведь Магарамкентский район славится своим богатством – лесами. В каждой комнате у нас был очаг. Он согревал жилище, и в нем готовили еду. По вечерам наша семья собиралась у очага. Поужинав, мы не спешили расходиться. Взрослые делились новостями, вспоминали родных, мечтали о мирной жизни. Мы, дети, внимательно слушали.

Слушали мы и радио. Это были тарелки-ретрансляторы. Они тогда были во многих домах. По ним передавали новости. Запомнились мне и музыкальные передачи, но они стали транслироваться уже ближе к концу войны.

Отец, видимо, как директор школы, получал газеты. Их читали он и сестры. Старые газеты не выбрасывались и были очень ценны для изготовления «самокруток»², бумаги-то не было. Помню, как я носил эти газеты на бахчу, а бахчевод в обмен на них давал мне дыню или арбуз.

На улице, неподалеку от мечети, был каменный колодец. Нас отправляли туда за водой. Колодезную воду использовали для питья, приготовления еды, стирки белья. Этот колодец сохранился до наших дней. И сегодня, когда ощущается дефицит воды, сельчане набирают из него воду для своих нужд.

Одевались мы в военную пору очень скромно. Но одним из ярких воспоминаний моего детства было то, как мне сшили маленький тулупчик из овчины. Я чувствовал себя в нем взрослым и очень важным. Другим предметом моей гордости были маленькие блестящие резиновые галоши с красной утеплительной материей внутри. Их мне отец привез из Баку. Конечно, местные мальчишки смотрели на меня с завистью, ведь далеко не у всех были такие тулупчики, а, тем более, галоши. Тогда и дети, и

1 Акимов К.Х., Алиева С.К. Абдулла Искендеров: жизненный и творческий путь. Махачкала: «Мавел», 2011. С. 9.

2 Самокрутка – самодельная сигарета или папироса. Название произошло от слов «скручивать самому». Изготавливалась самим курильщиком из мелко нарезанного табака или махорки (табак-самосад) и бумаги. Газетная бумага – довольно тонкая, поэтому подходила для изготовления самокруток. В сельской местности курение самокруток было очень популярным.

*Электростанция Ахтынского детского дома № 1. Фотоальбом № 37. Л. 12. ©
ЦГАРД, Махачкала, 2015*

взрослые в основном носили чарыки. Чарыки шили из сыромятной кожи буйвола или коровы. К ним приделывались завязки, чтобы они не подали с ног, а внутрь для утепления клали солому, войлок (если, конечно, был) или ноги просто оборачивали тряпками.

Сельчанам колхоз выделял огороды. У нас тоже был огород, около 8 соток, на окраине села. Там мы в основном выращивали кукурузу (в нашей местности она росла очень хорошо и давала довольно высокий урожай). Были на нашем участке и плодовые деревья.

Питались мы, в целом, неплохо. Делали мамалыгу, готовили каши, варили хинкал из кукурузной муки. У нас в хозяйстве были и буйвол, и корова. Поэтому молочное в доме было, а каши часто варили на молоке. Белого хлеба в то время я не помню. Первый, по-настоящему белый, хлеб я попробовал в 1949 г. Хлеб в основном выпекали из ржаной, ячменной, кукурузной муки. Мать делала чуду с картошкой. Настоящим деликатесом было чуду с картошкой и сушеным мясом. Но это, конечно, бывало крайне редко. Готовили плов из полбы, рис тогда был для нас недоступен. В очень редких случаях это был плов с куриным мясом. В нашей местности произрастает много зелени, в том числе крапивы. Так вот, тогда крапиву весной

использовали при готовке, а на зиму ее сушили, измельчали и добавляли в еду. Считалось, что крапива – очень питательный и полезный продукт и что она спасает от многих болезней. Очень популярен был и жмых, который мы, дети, ели с удовольствием.

Стирали и купались мы хозяйственным мылом. Тогда его почему-то называли казанским.

Со стороны Азербайджана к нам приезжали торговцы на верблюдах и привозили потребительские товары: керосин, соль, спички, хозяйственное мыло, мануфактуру. В основном эти товары обменивали на продукты питания: фрукты, сушеные груши, абрикосы, яблоки, айву, сливы, орехи, а также на кукурузу и пшеницу.

Помню, что мы получали помощь по испан-тизу. К нам в село привозили муку в мешках с патчирами на незнакомом для нас тогда языке (на английском). Так вот, эти мешки из-под муки были очень прочными, их потом долго использовали в хозяйстве. Еще я вспоминаю сапожки с жесткой подошвой, как у солдат, которые кто-то привозил, но они еще долго, уже после войны, валялись в сарае, видимо, были очень прочные. И еще я помню, что в это же время в нашем селе появились мулы¹ и белые крупные выносливые быки с большими рогами. Их использовали на колхозных работах.

У нас в селе были две колхозные мельницы. Они сохранились до сих пор, но, конечно, сейчас не работают. Эти мельницы и колхозная электростанция работали на воде. Электростанция, правда, очень редко, подавала электричество в жилые дома. Свет был очень слабый.

В Магарамкенте был фельдшерский пункт. Там работал фельдшер. А в соседнем селе Яраг-Казмаларе была маленькая больница.

Магарамкентский район – это Южный Дагестан. Климат у нас довольно теплый, да и с продуктами в годы войны было немного легче, чем в других районах Дагестана. Наверное, поэтому к нам приходили беженцы. Это были обездоленные, голодные люди, готовые за еду отдать все, что у них было ценного. Частенько до нашего села они добирались уже больными. Помню, как они лежали на улице под туловыми деревьями. Некоторые из них не выдерживали перенесенных физических страданий и умирали. Взрослые не разрешали к ним подходить, опасаясь, что мы, дети, можем заразиться какой-нибудь инфекционной болезнью. Но любопытство было сильнее страха заболеть. Сельчане их жалели, подкармливали хлебом, кислым молоком.

¹ Мул – результат скрещивания осла и кобылы. В СССР мулов разводили в Закавказье и Средней Азии.

Наши сельчане, наряду с другими жителями района, приняли активное участие в сборе денежных средств для строительства танковой колонны «Колхозник Дагестана», в пополнении Фонда обороны зерном, мясом, денежными средствами, драгоценностями, облигациями, собирали теплые вещи для фронтовиков.¹

Мы, дети, старались помогать взрослым: носили воду, отгоняли скотину к пастуху на пастбище, собирали колоски. Мы, я и сестра, летом, после уборки урожая, выходили в поле с матерчатой сумкой и искали оброненные колосья. Работали, как муравьи, старались, чтобы ничего не пропало. Мы помогали собирать яблоки в колхозном саду, участвовали в сборе шиповника.

Играли мы много, заигрывались в лапту, гоняли тряпичный мяч. Чтобы отмечали Новый год, я не помню. Но Навруз-байрам праздновали. Перед началом праздника мы, мальчишки, ходили в лес, выбирали палки для шеста. Потом собирали тряпки, наматывали их на шест. Затем предстояло нелегкое дело – выпросить керосин у родителей. Но, как правило, родители уступали. Мы пропитывали тряпки керосином, поднимались на крышу дома и зажигали факелы. И начиналось соревнование – у кого шест выше, у кого факел горит ярче. По всему селу разводили костры. Мы прыгали через них, загадывая желания. На следующий день ходили по домам с сумками, собирали угощение. Дома накрывали, хотя и скромный, но праздничный стол.

В моей памяти сохранились и другие яркие эпизоды из детства. Правда, это было уже после войны, в 1945 или 1946 году, мне было тогда лет шесть. Как-то «утром я увидел во дворе оседланных коней белой и черной масти. Оказывается, отец с участковым милиционером, звали его Мирим, должны были поехать по селениям района. Участковый был вооружен, как говорят, до «зубов»: автомат с круглым диском, шашка, револьвер в большой кобуре, кинжал, бинокль и сумка. Он сказал отцу: «Давай проверим, стал ли твой сын мужчиной?» Меня посадили на белого коня, и я, на зависть всем соседским мальчишкам, проехал по нашей улице на коне».²

Помню, что рядом с нашим домом стоял дом высланного кулака. На его крыше (видимо потому, что это здание было выше других домов и располагалось в удобном месте) в годы войны дислоцировался наблюдательный пункт. Дежурство на нем несли русские офицер (командир) и шесть девушек. Некоторых я помню по именам: Маша, Катерина, Соня. Они охотно общались с сельчанами, в том числе с нашей семьей, особенно с матерью. Вспоминаю, как они обучали нас русскому языку. Маша была из Саратов-

1 Искендеров Г.А. Жемчужина Самура: история и современность Магарамкентского района. Махачкала: Издательство «Лотос», 2013. С. 63.

2 Акимов К.Х., Алиева С.К. Абдулла Искендеров: жизненный и творческий путь. Махачкала: «Мавел», 2011. С. 95.

ской области. Она подружилась с моей матерью, даже приглашала ее в гости к себе на родину.

Насколько я помню, о том, что кончилась война, я узнал именно от этих военнослужащих. Они стали стрелять в воздух из ракетниц, из винтовок и кричать: «Война кончилась!». Старшина привез откуда-то свинью, зарезал ее. Девушки что-то из нее приготовили и стали угощать нас мясом. Как сейчас помню, взрослые не ели, а мы, дети, попробовали.

Вот так в моей памяти запечатлелся праздник Победы!

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

В школу бегали босиком

Исмаилов Хажа Исмаилович,
родился в 1939 г. в с. Бакни Дахадаевского района
Дагестанской АССР

В годы войны, а точнее, в 1942 г., из небольшого села было призвано в Красную Армию 46 человек, 29 из которых так и не вернулись в родные края, сложив свои головы в боях за Родину. Помню, как провожали на фронт сельчан: суровые лица мужчин, сторбленные плечи матерей, плачущие женщины и дети. Был призван в армию и погиб мой отец, Хажаев Исмаил. Писем его мы так и не дождались, получили только «похоронку». Остались мы вдвоем с братом Рабаданом, мамой Ахмедовой Гулаймат и бабушкой Марин.

В селе остались практически женщины и дети, все взрослые работали в организованном в селе колхозе им. Уллубия Буйнакского. Наше село расположено высоко в горах, плодородной земли было мало, и поэтому хозяйства наши были небогаты. Скотоводство и обработка земли были основными занятиями сельских тружеников. Совместно трудились на сенокосе, сеяли, убирали урожай, на току молотили зерно, пасли скот и занимались другими сельскими работами. На ослах возили сено и снопы на расстояние 2,3 – 10 км. К сожалению, даже то малое, что выращивали наши сельчане, очень часто со склада растаскивалось бандитами и дезертирами. Они уносили с собой продукты в лес и в пещеры, в которых прятались.

Домашней скотины и птицы было очень мало. Приусадебные участки полностью не засеивались, только две семьи смогли это сделать, поэтому в селе был страшный голод. Из-за голода в нашем селе умерло много

людей. Так получается, что самым большим впечатлением и воспоминанием детства стала жизнь впроголодь, оставившая неизгладимый след на всю жизнь.

Выживать нам было не просто. Дома отапливали кизяком и соломой, спали на матрасах с соломой или просто на полу. Почти вся одежда для нас была сшита из домотканой ткани. Обуви у детей не было, ходили босиком, поэтому пятки у нас были растрескавшиеся. В детстве мы играли в основном в лапту и другие местные игры, своих игрушек не было. Вообще об играх мы мало вспоминали, все думали о том, как себя прокормить. Питались дикими фруктами и картошкой, которую выкапывали после уборки урожая. Мы собирали колоски с дорог, которые падали при транспортировке снопов. Собирали также тряпье и металлолом и сдавали их государству.

В нашем селе проживало шестеро эвакуированных с Украины, они по очереди жили в разных семьях, их кормили, предоставляли ночлег. Потом они вернулись на родину, благодарили за гостеприимство.

Из моих близких с войны никто не вернулся, а других вернувшихся фронтовиков в селе встречали радостью и слезами. Об окончании войны, как и о других новостях с фронта, мы узнали из газеты. Почти все вернувшиеся с войны стали разными руководителями, постепенно налаживалась мирная жизнь.

Двор Уркарахского детского дома. Фотоальбом № 53. Л. 5. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

В первый класс я пошел уже после окончания войны, в 1946 году. В нашем селе работала небольшая школа, размещавшаяся в трехкомнатном доме. Занятия велись на родном языке, а русский язык преподавал Жора Васильевич, работавший также в школе селения Сутбук, расположенного на расстоянии 2 км от нашего села. Моим первым учителем стал Магомедов Абдулла, который был для меня героем. Учебников у нас не было, занятия велись под диктовку учителя, но писали мы в тетрадях. Из прутьев делали ручки, читали маленькие брошюры после ознакомления с азбукой. Школьной библиотеки не было. В 1950-х годах в школе заработал радиоприемник «Искра». Медпункта в нашем селе в годы войны и первые послевоенные годы не было, он появился позже, в 1960-х годах.

Главным моим желанием тогда было учиться, «выйти» в люди. В детстве я собирал цветы и лекарственные травы и сдавал в аптеку, чтобы заработать хоть немного денег.

Я окончил 10 классов средней общеобразовательной школы, затем – педучилище и филологический факультет ДГУ. С тех пор работаю учителем, уже более пятидесяти лет.

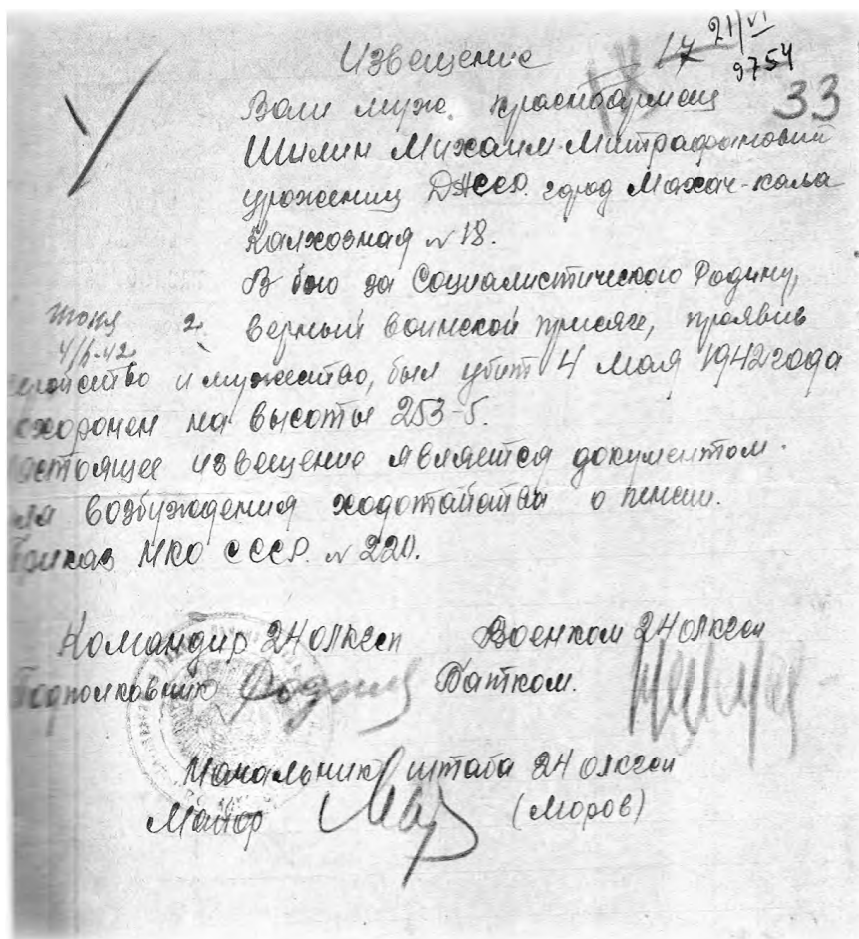
*Материал предоставлен Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства,
и Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Уркарахский детский дом. Фотоальбом № 53. Л. 2. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Извещение о гибели военнослужащего, присланное из войсковой армейской части, в народе называли похоронкой. Похоронка служила документом для обращения в военкомат с целью получения семьей погибшего военнослужащего пособий от государства. Случалось, что похоронку оформляли ошибочно, полагая, что человек погиб.

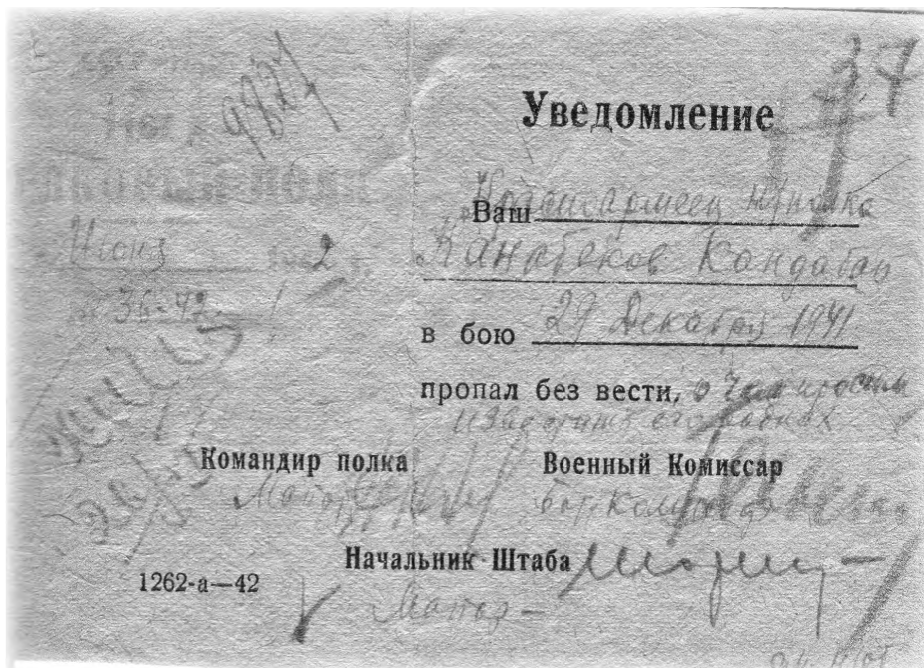

Извещение о гибели Шилина М. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Извещение о гибели Козлова Л.И. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Уведомление о пропавшем без вести Кандабаеве К. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

ул. Пролетарская
 Дар АССР, г. Махач-Кала,
 Пролетарская № 57

ул. Пролетарская № 57 40

Извещение

Ваш красноармеец
 муж, сын, брат, военное звание

Керимов Шакир
 фамилия, имя и отчество

уроженец _____
 область, район, деревня, село

в бою за Социалистическую Родину, верный
 воинской присяге, проявив героизм и муже-
 ство, был пропал без вести

29/11-41
 убит, ранен, умер от ран

похоронен _____
 место похорон

Настоящее извещение является документом
 для возбуждения ходатайства о пенсии Приказ
 НКО СССР № _____

Военный комиссар [подпись]
 М. П. Завделопроизводством

Извещение о
 пропавшем без вести
 Керимова Ш. ©
 ЦГАРД, Махачкала,
 2015

Извещение о гибели
 Дадаева С. © ЦГАРД,
 Махачкала, 2015

СССР
 287-й
 ПОЛКОВЫЙ ПОЛК

Махач-Калининскому РВК 8
 Дар АССР области.

1942

Препровождается извещение на Красноармеец
Мисаил Дадаева Саидыя погибшего в
 бою с немецкими захватчиками, для вручения его
 семье Жене Керимовне
 проживающей в с. Марки
 Махач-Калининского р-на Дар АССР

ПЛАТЬЕНЫЙ ШТАБ 287 СП.
 Майор-ЛЕТОПИСЕЦ.
 ЗАВЕДЕЛ ПРОИЗВОДСТВОМ

Это было время напряженной работы

Каймаразов Гани Шихвалиевич,
родился в 1928 г. в с. Санчи Кайтагского района
Дагестанской АССР

Каймаразов Г.Ш. 1950 г.

Каймаразов Д.Ш. 1960-е гг.

Санчи – красивое селение средней величины, окаймленное зелеными садами (правда, ныне запущенными), а в нескольких километрах от него – густой лес с многовековыми буковыми деревьями. Возле села много родников. Нижняя, равнинная часть села, выходит на речку – «Санчила эрк1» («Санчинская речка»).

К началу Великой Отечественной войны колхоз с. Санчи, носивший имя виднейшего государственного и общественно-политического деятеля Советского Союза С.М. Кирова, стал одним из передовых в республике и производил значительное количество сельскохозяйственной продукции: зерна, овощей, плодов, винограда. Особенно известны были селение и его коллективное хозяйство выращиванием высоких урожаев яблок, груш многих сортов, чем способствовали успешной производственной деятельности Маджалисского консервного завода.

Мои родители одними из первых стали членами сельскохозяйственной артели. Моя мать, Ганнат, ушла из жизни молодой. Тогда мне еще не было и четырех лет. Я, к сожалению, ее почти не помню. Я был младшим, и говорили, что, умирая, моя мать причитала: «Что будет с моим Гани, когда меня не станет!?».

Я рос, окруженный заботой отца-инвалида, самой старшей из детей сестры Райганат, которой в год смерти матери не исполнилось и

*Санчинский детский дом
№ 13. Общий вид. 1950 г.
Фотоальбом № 49. Л. 1.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Пионерская комната. Санчинский детский дом № 13. Фотоальбом № 49. Л. 5.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Уборка территории.
Санчинский детский
дом № 13. Фотоальбом
№ 49. Л. 7.
© ЦГАРД,
Махачкала, 2015*

15-ти лет, а так же старших братьев – Абдуллы и Джамалутдина. Помню я внимание и заботу со стороны других родственников – дяди Амиршиха, человека кристальной честности и ударника колхоза, тети Зайзы (Разият), жены старшего брата отца – Магомед-Айжиги, ее дочери.

В школу я пошел рано. Я завидовал старшему брату Джамалутдину, который учился. Абдулла к тому времени, окончив семилетку, поступил в Махачкалинский зубо-врачебный техникум. До призыва в Красную армию в 1936 г. он успешно окончил первый курс и учился на втором.

Хорошо известно, что дагестанцы, готовясь к зиме, сушили, да и ныне сушат, мясо крупного и мелкого рогатого скота. Эту традицию неизменно соблюдал и наш отец. Загодя он покупал несколько голов баранов и козлов. Летом, во время каникул, мы с Джамалутдином пасли их, а осенью, обычно в сентябре, когда они набирали вес и становились более жирными, отец резал их, разделявал туши и выкешивал для ошукки. Предпочтение он отдавал сушеной козлятине.

Я помню, когда пришла весть о войне, я находился на лужайке напротив села, где паслись наши бараны и козлы. Конечно, я еще многого не понимал, но ощущал, что время стало очень важным. Я со сверстниками играл в «войну» и был уверен, что «Салтант победит Гитлера».

После окончания Санчигской начальной школы я поступил в 5-й класс Маджалисской средней школы, которая незадолго до начала войны стала полной средней. К началу войны брат Джамалутдин окончил 9 классов и в 1941-42 учебном году он был учеником 10-го класса. Некоторые ученики 10-го класса, достигшие призывного возраста, ушли в армию, часть из них вступили в ее ряды добровольно. Появилась реальная угроза закрытия 10-го класса, в котором и до этого обучалось всего 12 – 14 человек. Помню, подавал заявление о добровольном вступлении в Красную Армию и Джамалутдин. Но ему отказали. Видимо приняли во внимание, что отец – инвалид, я младшеклассник, а сестра наша была замужем и имела свою семью, т.е. в случае ухода брата на фронт, мы оставались одни.

Когда началась война, наш старший брат Абдулла служил на западной границе страны и с отступающими частями Красной армии в сентябре 1941 г. находился в районе Смоленска. Помню, последнее письмо брата из этого города, героически защищавшегося в течение долгого времени, мы получили в конце сентября. Он писал, что положение на фронте крайне сложное, Красная армия несет большие потери, но упорно защищается, отстаивая каждую пядь советской земли. Больше писем от брата не было.

Сам я продолжал учиться. Окончил 8 классов Маджалисской средней школы, за 9-й класс сдал экзамены экстерном. Джамалутдин работал в

Качмасов А.Р.

школе, летом трудился в колхозе, одновременно поступил на заочное отделение Сергокалинского (даргинского) педагогического училища. Я хотел последовать примеру старшего брата.

Наверное, не скромно об этом писать, но это правда: учился я хорошо. Заведующий Кайтагским районо А.Р. Качмасов рекомендовал мне поступить на полуторамесячные курсы преподавателей... русского языка начальных классов. Это было в 1943-44 учебном году. Тогда я имел общее образование всего за 8 классов. Поступил, окончил и начал преподавать русский язык в родной Санчинской начальной школе.

Осень 1944 года. Меня вызвали к заведующему Кайтагским районо А.Р. Качмасову. В его кабинете сидел директор Маджалисской школы Рашидов Шихмирза Гаджиевич, который одновременно, если я не ошибаюсь, исполнял обязанности школьного инспектора районо.

Абдулла Рустамович сказал, что, посоветовавшись с Шихмирзой Гаджиевичем, он решил рекомендовать меня воспитателем Санчинского детского дома с сохранением обязанностей учителя русского языка в школе. Шихмирза Гаджиевич глянул на меня и говорит: «Какой же ты еще маленький». Заврайоно мне пояснил, что успеваемость детей-сирот в Санчинском детском доме № 13 (который открылся в 1943 г.) низкая, надо им помогать готовить уроки, чтобы лучше учились. Я возразил: «Какой из меня воспитатель, мне рано им быть!». Но мне ответили: «Это ничего. К тому же воспитатели детского дома питаются с воспитанниками в столовой. Это тоже для тебя сейчас важно».

Так я стал воспитателем детского дома, где жили, воспитывались и учились дети-сироты, дети инвалидов войны, фронтовиков. Это было время напряженной работы. Приходилось не только работать в школе, помогать воспитанникам в учебе, но и следить за их поведением, думать, как сделать так, чтобы они чувствовали заботу, были вовлечены в кружки художественной самодеятельности, в посильный общественно-полезный труд. Воспитанники старших групп детского дома участвовали в уборке урожая плодовых, в том числе дикорастущих. Заметным был их вклад в сбор ко-

лосьев зерновых культур на колхозном поле после уборки урожая. Хорошо помню, как мне приходилось во время летних каникул с другими воспитателями и группой воспитанников не раз отправляться в поле собирать колосья с ночевкой под открытым небом. Еду детям привозили работники столовой детдома.

В Санчинском детском доме воспитателями работали не только кайтагские педагоги, но и замечательные русские воспитательницы Н.В. Яковенко, В.Г. Воробьева, которые одновременно преподавали и в школе. Эти прекрасные педагоги и после закрытия детского дома в Санчах (1956 г.) продолжали успешно обучать кайтагских детей и остались в Кайтаге до конца своей жизни. Директорами детского дома работали опытные педагоги М.-К. Муртузалиев, Г. Гусейнов, Г. Кайбуллаев и др., которые по-отечески заботились о воспитанниках. После окончания Сергокалинского педагогического училища, когда я стал завучем детского дома, мне довелось работать с некоторыми из них.

Трудились в годы войны в Кайтагском районе и эвакуированные из оккупированных фашистами районов учителя. Много было таких, которые были направлены в район Наркомпросом РСФСР.

Хорошо помню мою первую учительницу русского языка в Маджалисской средней школе Катунину Марию Васильевну. Большой вклад в обучение и воспитание детей и привитие молодым педагогам приемов методической работы внесла замечательный русский педагог Серикова Надежда Кирилловна, которая наряду с преподавательской работой в школе руководила педагогическим кабинетом района. В Кайтагский район Н.К. Серикова приехала из Чернигова еще до войны.

Когда я работал в детдоме, там не было врача: то ли по штату не полагалось, то ли не хватало высококвалифицированных медработников. Медицинское обслуживание осуществляла медицинская сестра. В то же время к детскому дому была прикреплена женщина-врач из районной больницы. К сожалению, фамилии ее я не помню. Фельдшер, мы звали ее то Нюсей, то Нюрой, – молодая женщина – жена кумыка-фронтовика из Маджалиса – была человеком энергичным и зорко следила за тем, чтобы оказавшийся под ее опекой больной поправился как можно быстрее.

Санчинский детский дом по численности воспитанников был достаточно большим и обслуживал детей-сирот не только Кайтагского, но и Дахадевского, Сергокалинского, Каякентского районов. К сожалению, я не располагаю данными о количественном составе воспитанников, но помню, что во второй половине 1944 г. детей в нем стало заметно больше. Поэтому

Тавкаев М.-Р. (в центре) с боевыми товарищами во время поездки по местам боевой славы. Докузпара. 1957 г. ФА-485. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

было решено освободить помещение местной мечети, в которой до этого находился колхозный склад, и приспособить ее зал под спальню для воспитанников. В свое время при строительстве мечети были использованы для стен белый камень, а для крыши – цинковые листы, и она не разрушилась. Сохранилась мечеть и в настоящее время.

Глубокий след в моей памяти оставил еще один эпизод 1944 г. – очень печальный эпизод, связанный с административным переселением жителей 14 горных аулов Кайтагского района на территорию ликвидированной Чечено-Ингушской автономной республики. Едва ли не все жители районного центра с. Маджалис вышли на центральную улицу, чтобы проводить колонну покидавших, отнюдь не по доброй воле, родные места взрослых и детей со скарбом на арбах. У многих провожавших я видел слезы на глазах. Они задавались вопросом: когда же землякам разрешат вернуться в родные места?

Об окончании войны я узнал в день Победы. Сообщение об этом было передано по радио. Надо сказать, что в с. Санчи во многих домах еще до войны имелись радиоточки. Была и специальная радиоточка в центре селения, рядом с детским домом. Естественно, узнав о Победе, мы все

пошли в райцентр – Маджалис. Расстояние между Санчи и Маджалисом – 1,5 км. Там, в Маджалисе, состоялся массовый митинг, посвященный историческому событию – разгрому фашистской Германии.

Вскоре после окончания войны я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», которой очень горжусь и дорожу.

Конечно, то представление о героях, которое сложилось в детстве, трудно сравнить с тем, как его понимают взрослые. В моем представлении героями являлись все те, кто активно участвовал в ратных действиях, трудовых буднях, способствовал разгрому вероломного агрессора.

Помню, как отец и мой дядя Амирших рассказывали о председателе колхоза нашего села Магомед-Расуле Тавкаеве, который в разгар битвы за Кавказ поехал в дагестанскую столицу Махачкалу, а затем в город Буйнакск, где формировался Дагестанский добровольческий эскадрон¹. Видный партийный и советский работник, в течение ряда лет возглавлявший районную партийную организацию и райисполком, репрессированный в конце 1937 г., реабилитированный в январе 1940 г. и восстановленный в рядах коммунистической партии, рвался на фронт. М.-Р. Тавкаев стал парторгом и начальником штаба эскадрона, дошел с боями до Берлина и в чине капитана вернулся в родной район. Грудь его была увешана орденами и медалями – наградами за ратные подвиги.

С войны Героем Советского Союза возвратился житель с. Баршамай Кайтагского района Султан Алисултанов². По этому случаю я сочинил и

Алисултанов С.К.

¹ Много дагестанцев вместе с русскими, украинцами, белорусами, грузинами, азербайджанцами, армянами, чеченцами, осетинами, кабардинцами, представителями других народов страны обороняли родной Кавказ, а в последних числах декабря 1942 г., перейдя в решительное наступление, начали освобождение его оккупированных фашистами районов. В разгар битвы за Кавказ командование Красной Армии удовлетворило просьбу дагестанцев организовать из добровольцев кавалерийское соединение для борьбы с фашистскими захватчиками. Командиром кавалерийского эскадрона стал популярный красно-партизанский вожак времен Гражданской войны Кара Караев, парторгом – опытный партийный работник, в прошлом секретарь Кайтагского райкома ВКП (б) – Магомед-Расул Тавкаев. Эскадрон начал свой ратный путь у станции Ищерская восточнее Моздока и закончил его в Берлине. Кавалеристы-дагестанцы храбро сражались с врагом. Командиры эскадрона К. Караев, А. Адилов, начальник штаба М.-Р. Тавкаев, офицеры Магомедов, Ш. Шихалиев, старший сержант А. Дадаев, знаменосец Г. Омаров, красноармеец Г.-М. Халилов и многие другие были награждены боевыми орденами и медалями. (Каймаразов Г.Ш. Великий подвиг народа. Годы суровых испытаний и народного подвига. Сб. статей. Махачкала. 1995).

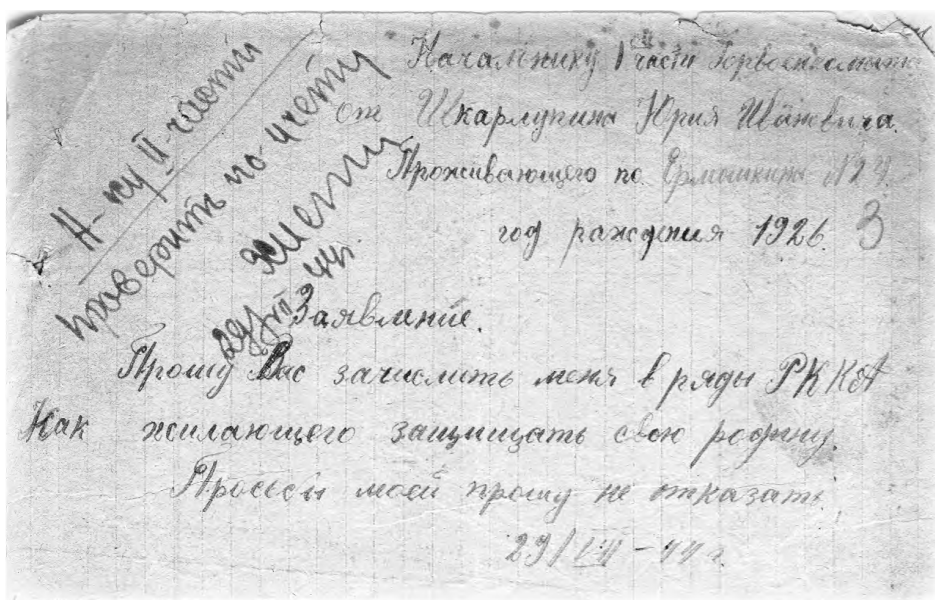
² Алисултанов Султан Кадырбекович – участник Великой Отечественной войны с августа 1941 г.. лейтенант Алисултанов особо отличился 17 апреля 1945 г., когда он, в числе первых из однополчан, на подручных средствах переправился через реку Одер южнее города Шведт (Германия). Установив связь с огневой позицией батареи, огнём оказал содействие пехоте по отражению контратак крупных сил противника и удержанию

опубликовал в районной газете небольшое стихотворение, посвященное Герою. Спустя годы я узнал, что Султан Алисултанов был другом моего самого старшего брата Абдуллы, не вернувшегося с войны. Султан рассказывал, как Абдулла помог ему выполнить письменную работу при поступлении в Махачкалинский зуботехнический техникум.

Из тружеников тыла образцом выполнения высокого призвания учителя, педагога я всегда считал Худуму Е. Стаховича Качмасова, награжденного в 1944 г. Орденом Трудового Красного Знамени.¹

После войны я с отличием окончил педагогическое училище в Сергокале, чему, как и дальнейшей моей учебе, в огромной степени способствовал старший брат Джамалутдин, работавший инспектором, окончил с отличием исторический факультет Дагестанского педагогического института, был некоторое время директором Маджалисской средней школы, окончил аспирантуру, стал научным работником – историком. Но это уже другое время, другая жизнь, наполненная множеством самых разнообразных событий в личной, общественной жизни и, конечно, в профессиональных занятиях.

Заявление об отправке на фронт Шкарлутина Ю.И. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

плацдарма. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм лейтенанту Алисултанову С.К. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

¹ Орден Трудового Красного Знамени был учрежден для награждения за большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства, науки, культуры, литературы, искусства, народного образования, здравоохранения, в государственной, общественной и других сферах трудовой деятельности.

Военному комиссару гор. Махач-Кала
 от Забавой Т.К.

Заявление.

Прошу принять меня добровольно в ряды
 добровольно-крестьянской Красной Армии, так-как я
 имею большое желание помогать нашей любимой
 родной Армии, в разгроме врагов нависшего на
 нашу родину. У меня два брата сражаются
 доблестно в великой отечественной войне за
 освобождение родной Украины, родного Донбасса от
 немецко-фашистского изверга. От них я тоже
 хочу отстоять.
 Прошу моей просьбы не отказывать.
 Т. Забавой 27/IV-43г.

Р. Мех. Заб. баг Ч. кв. 8.

Заявление об отправке на фронт Забавой Т.К. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Воен. Ком. Военно-воздушной
 от Галкиной Я.

Заявление

Прошу Вас принять меня в ряды П. Военно-воздушной
 так-как я имею большое желание помогать нашей
 Социалистической родине.
 Прошу не отказывать моей просьбе.
 Галкина Я. 4/12-43г.

Заявление об отправке на фронт Галкиной Я. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Очередь за хлебом занимали с четырех – пяти утра

Капанова Патимат, родилась в 1936 г. в Махачкале

Когда началась война, мне было 5 лет. Семья наша жила в Школьном переулке, 16, это возле маяка. Дом по тем временам был богатый, из семи комнат. Правда, и нас было немало: родители, семеро детей и тетка. Помню, как ходила за хлебом на Краснофлотскую. Приходилось занимать очередь с 4 – 5 утра. И отойти было нельзя – потеряешь место. Стоишь с карточками в руке и ждешь, когда подойдет твоя очередь. На каждого члена семьи полагалось 200 граммов, причем хлеб был наполовину из кукурузы и ячменя. Я пока до дома доходила, эту буханку облизывала всю. Мама смеялась, и сердилась: «Что ж ты мне опять шлифованную принесла?».

Когда в город вдруг хлынули беженцы, мой отец стал приводить их домой. Целые семьи, со стариками, младенцами. Во дворе на два кирпича ставили котел и делали на всех затируху. Не знаете? В кипящую воду бросается сухой кусок бараньего жира, затем комочки, которые остаются при замешивании теста, те, что сейчас хозяйки выбрасывают, – бросали туда же и наливали молоко. Звучит, наверное, не очень аппетитно, а мы ели с удовольствием. Но большая часть беженцев размещалась в Вейнеровском саду (к тому времени его переименовали в парк Нефтяников). Моя мама ночью варила кукурузу и с утра посылала меня туда подкормить голодных. Позже, когда я уже выросла, ходила в парк на танцплощадку, и всегда мне казалось странным, что тут совсем еще недавно, как цыгане, лежали и сидели люди с измученными лицами, а теперь мы танцуем.

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 68 – 69.

Высоко в горах

Карнаева Меседу Шахбановна,
родилась в 1934 г. в с. Росноб Тляртинского района
Дагестанской АССР

Я родилась в семье потомственного животновода-чабана. Семья наша была большой, помимо мамы Хадижат и отца Шахбана, у меня было пять братьев – Хайбула, Сулейман, Асадула, Али, Саадула, Алибег – и де-

вять сестер – Хурулен, Пирдас, Самират, Марьям, Каримат, Патимат, Асият и Аминат. К началу войны большинство из нас были несовершеннолетними.

Наш аул Росноб был самым маленьким в нашем Саниортинском сельсовете, в нем жило всего семь семей, а в самом селе насчитывалось 46 человек. Все сельчане были друг другу родственниками и жили очень дружно, но бедно. Взрослые занимались земледелием и животноводством, так же как и жители ближайших сел: В. Тохота, Н. Тохота, Саниорта, Гараколюб, Нитинсух, Цумилух, Росноб, Талсух.

На своих приусадебных и на колхозных участках выращивали рожь, а на землях прикутанного хозяйства – пшеницу и овощи, бахчевые культуры. Мы сами выращивали овец, коз, коров, лошадей, ослов, кур, а также занимались пчеловодством. В то же время, жители нашего села ежегодно отправлялись зимовать в Азербайджан, где мы вынуждены были наниматься в батраки, работать за кусок хлеба. Так тяжела была жизнь. В годы войны мы голодали и бедствовали, и не потому, что плохо вели хозяйство, а потому что на фронт отправляли почти все, что вырастили. Мы, дети войны, помним, как отвозили в райцентр свежее и сушеное мясо, сыр, колбасу, зерно, теплые вязанные шерстяные носки, свитера, шапки, варежки, медную утварь. Все это – для Победы. Отправляли мы не только продукты. Я хорошо помню, как я со своими старшими сестрами собирала боярышник, шиповник, барбарис, аптечную ромашку, зверобой, подорожник и другие травы, сушили и отправляли на фронт, в госпитали.

В годы войны в нашем маленьком селе не было ни медпункта, ни школы. Все села Саниортинского сельсовета обслуживал один фельдшер, который проживал в с. Цумилух. Там же находилась начальная школа, в которую мы ходили пешком. Я как раз пошла в школу в 1941 г., мне тогда исполнилось 7 лет, а в 1944 г. – закончила её. Одевались мы тогда очень бедно, всю одежду делали из овечьей шерсти, а обувь была очень неудобная, сделанная местными мастерами из коровьей кожи: чарухал и мугурал. Голову накрывали «чахту».

В годы войны мы в основном питались толокном¹ из ржи и ячменя, пшеничной муки у нас не было. С толокном мы ели мясо, реже свежее, чаще сушеное, а также брынзу, сыр, творог, кефир, сыворотку. И очень часто его использовали при приготовлении пищи, особенно весной, летом и осенью, дикорастущие съедобные растения, такие как конский щавель, щавель,

¹ Толокно — мука из зёрен овса или ячменя, которые предварительно пропариваются, высушиваются, обжариваются, очищаются и толкутся. Технология изготовления толокна отражена в названии (от слова «толочь»).

горец почечуйный, барбарисовые побеги, листья и плоды, шиповник, листья липы, борщевик и многие другие.

Когда я была маленькой, я очень мечтала стать врачом, чтобы лечить раненых и больных.

В годы войны новости мы узнавали из газеты на аварском языке, журнала «Горянка», тоже на аварском языке, и политинформации в школе. Своих учителей я помню, это Магомед-Гази, Газимагомед, Махач и директор школы Дибирали. Все они были из других районов Дагестана. И хотя у нас было семь школьных предметов, в основном нас учили читать и писать.

В годы войны мы играли в куклы, которых делали из дощечек, родители нам разрешали играть с козлятами и щенятами, как с живыми игрушками. Еще играли в «га-че», чимхал из шести маленьких камушков, а мальчишки играли в «ножички».

Незабываемым событием в годы войны для меня стали проводы, со слезами на глазах, на фронт односельчан и родственников – братьев Алиевых Шамиля, Нурудина, Ибрагима, Абдулжалила; Гасановых Гасана и Курбана; Магомедвасова Курбана; Карнаевых Магомедхана и Тинова, Курамагомедова Магомедгаджи.

От многих из них приходили письма, в которых они рассказывали о фронтовой жизни, радовались победам и успехам армии, писали они и о том, как тоскуют по родной природе и землякам. Однако не всем было суждено вернуться живыми с поля боя, погибли Алиевы Нурудин и Абдулжалил, оба брата Гасановы, братья Карнаевы и Курамагомедов Магомедгаджи. А с Победой вернулись в родной аул лишь трое односельчан, моих двоюродных братьев, все они получили ранения на фронте. Это Алиевы Шамиль и Ибрагим и Магомедвасов Курбан. Их возвращение с фронта для всех жителей села стало праздником. Из райцентра Тлярата их сопровождали представители военкомата, райкома партии, а в селе устроили митинг, все чествовали героев войны. Это было незабываемо!

Моими героями в годы войны были мои односельчане-фронтовики, все они были моими двоюродными братьями. Я мечтала и молилась Аллаху, чтобы они вернулись с фронта живыми и здоровыми.

О Великой Победе мы узнали 10 мая 1945 г. В райцентре был организован митинг, все ликовали, плакали, женщины обнимались, потом в воздух в честь Победы стреляли холостыми патронами.

После войны жизнь постепенно стала налаживаться, укреплялись колхозы, все меньше людей стали ездить в Азербайджан за куском хлеба, а в 1960-е гг. такая практика и вовсе прекратилась. В 1953 г. я вышла замуж за

ветерана Великой Отечественной войны Карнаева Рамазана. У нас родилось четыре сына – Магомедхан, Абдурашид, Магарам, Абдулгафур – и четыре дочки – Райганат, Халимат, Умейсат и Анимат. Всю жизнь, до самой пенсии я проработала разнорабочей в колхозе им. Жданова.

Материал предоставлен Омаровой Г.А., Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и Амирхановой М.М., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Мне был год, когда началась война

Кебедова Патимат Гаджимагомедовна,
родилась в 1940 г. в с. Хунзах Хунзахского района
Дагестанской АССР

Мне исполнился год, когда началась война. Наша семья была небольшой – родители и я. У нас был двухэтажный дом, на первом этаже жили бабушка, дедушка и две тети. Когда мужчины ушли на фронт, все тяготы легли на плечи женщин. Их забирали рыть противотанковые окопы, они сеяли, косили, убирали урожай. По рассказам взрослых, наше село Хунзах было довольно большим, а наш колхоз им. Хизроева – передовым. Отец мой работал старшим чабаном, а мама трудилась в ателье, где производили в то военное время теплую одежду для фронтовиков. Она была стахановкой, депутатом райсовета.

Кебедова Патимат с одноклассницами. Начало 1950-х гг.

Колхозники тогда получали натуральной оплатой сыр, мед, овец, одежду (юбки, платки и др.), а также ткани.

В годы войны в селе имелся медпункт, а больница располагалась в двух километрах в с. Арани. В Хунзахе была школа-семилетка, а после нее обучение продолжали в Арани. До 4 класса учились на родном (аварском) языке, а после этого переходили на обучение на русском языке. Все учителя у нас были приезжие. Русский язык преподавала Акимова Галина Константиновна, математику – Кедина Раиса Петровна, химию – Уварова Мария Петровна.

Многие испытывали трудности с одеждой, обувью, школьными принадлежностями. Большинство детей ходили босиком. Мой дядя, Али Кебедов, после войны остался работать в Германии. Он часто присылал посылки, в том числе детскую одежду, обувь, игрушки. Я помню, как он прислал мне красивое зеленое платье и комбинированные красно-зеленные туфли.

Портфелей у нас не было, школьные сумки шили из ткани. Тетради, ручки были убогие, многим их не хватало.

Радио, газет, журналов в ту пору я не помню.

Послевоенные годы были нелегкие. Наша семья не испытывала трудности с едой, всегда было мясо. Такие блюда как урбеч, халва готовились на неочищенном подсолнечном масле.

В соседнем селе Арани располагалась воинская часть. Часто военные снимали жилье в нашем селении. У нас тоже были квартиранты-военные. Мы с ними ездили в Гергебиль, Махачкалу по своим делам. Я помню, как им давали большие банки с повидлом. Этим деликатесом они угощали и нас тоже.

В то время у людей не было предметов первой необходимости: спичек, сахара, соли и т.д. Помню, меня часто посылали к соседям за огнем. Для этого мне давали маленький кусок кизяка, у соседей его бросали в огонь, а потом тлеющий кизяк, осторожно, я приносила домой, и старшие разводили огонь уже в домашнем очаге.

В 1957 г. я закончила Хунзахскую среднюю школу и поступила в Буйнакское медучилище. Окончила его в 1962 г., а следующем году вышла замуж, родила троих детей. Сейчас я на пенсии.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Ученики Хунзахской школы с учительницей Уваровой М.П. Середина 1950-х гг.

Ученицы Хунзахской семилетней школы. Начало 1950-х гг.

Мы все время ощущали чувство голода

Кек Изабелла Федоровна,
родилась в 1924 г. в г. Махачкала

Изабелла Кек

В годы войны я жила на улице Маячной в доме №7. Этот дом выстроил мой дедушка в 1903 г. В нем я живу до сих пор.

К началу войны в Махачкале проживало не более 200 тысяч человек. В городе размещались 4 высших учебных заведений – сельскохозяйственный, медицинский, педагогический и учительский институты, несколько техникумов. В одном из техникумов преподавал мой дядя, брат мамы. Он был начальником строительного отдела «Дагэнерго», а в техникуме имел часы.

Отец умер в 1930 г. Меня и брата Владимира (он младше меня на год) воспитывала мама. Мама была бухгалтером, много работала, составляя финансовые отчеты разных предприятий и организаций. Она бралась за любую подработку, чтобы обеспечить нас с братом самым необходимым.

В 1941 г. я окончила 10 классов махачкалинской школы № 13. Это был первый выпуск нашей известной на всю всей республику школы. Ее директором был учитель истории Лукьянов. Он погиб на войне.

21 июня у нас был выпускной вечер, а 22 июня во второй половине дня я собралась идти в школу за своей посудой. В это время диктор по радио объявил, что состоится выступление Молотова, министра иностранных дел, с правительственным сообщением. Молотов сказал, что сегодня, 22 июня, в 4 часа утра фашистская Германия напала на нашу страну. Фашисты уже бомбят Киев. Так мы узнали о том, что началась война.

Жизнь поделилась на «до» и «после» начала войны. Я поступила в педагогический институт на физико-математический факультет. Когда немцы подошли к Грозному, наш институт был переведен в с. Касумкент¹.

¹ Когда началась война, часть студентов Дагестанского педагогического и учительского институтов ушли на фронт. Осенью 1941 г. Дагестанский пединститут им. С. Стальского слился с эвакуированным в республику Крымским педагогическим институтом им. М.В. Фрунзе. Кроме того, в институт было зачислено несколько десятков эвакуированных студентов Киевского, Ростовского, Одесского, Черниговского и других вузов страны. Институт имел в своем составе четыре факультета: исторический, физико-математический, естественно-географический и языка и литературы. В 1942 г., когда фронт приблизился к границам Дагестана, учебный корпус и общежития Дагестанского педагогического института были переданы военному ведомству, а вуз был эвакуирован на юг республики в селение Касумкент, где продолжал работу.

Изабелла Кек (справа) в школьные годы

Изабелла Кек с братом Владимиром

Мама забрала мои документы из института и отправила меня подальше, в Тбилиси. Там я поступила в эвакуированный в столицу Грузии Ленинградский электротехнический институт связи им. Бонч-Бруевича (ЛЭИС) на радиотехнический факультет, который окончила в 1949 г.

После окончания института я вернулась в Махачкалу и всю трудовую жизнь проработала по специальности. С 1960 по 1974 гг. я трудилась в Махачкалинском телецентре, можно сказать, стояла у истоков дагестанского телевидения. А затем, вплоть до пенсии, работала в организации «Даг-гражданпроект» проектировщиком средств связи.

Но вернемся к годам учебы в Тбилиси. Здесь мы отучились три семестра, занимаясь в здании тбилисского техникума. Условия были тяжелыми. Мы, 26 человек, жили в полуподвальном помещении Дома связи на проспекте Ш. Руставели. После второго семестра нас перевели на второй этаж.

Получали мы всего 500 г. черного хлеба, который, как правило, съедали по пути домой. Мы все время ощущали чувство голода. И, наверное, поэтому как яркое воспоминание осталась в моей памяти посылка дяди, маминого брата. Обменяв свою кашемировую рубашку (колхозники деньги не принимали) на килограмм кукурузной муки и пару килограмм

*Изабела Кек с подругой во время учебы
в Тбилиси*

картофеля, он прислал их мне в Тбилиси. Я помню, с каким радостным чувством я спешила после занятий в общежитие, зная, что смогу утолить голод мамалыгой и вареной картошкой.

В Тбилиси мы учились по конспектам, занятия вели ленинградские преподаватели. Как помню, почти все они были профессорами. Математику преподавал профессор Гаврилов, физику профессор Коваленц, электротехнику вел кандидат наук. Они производили на нас яркое и неизгладимое впечатление своим благородством и интеллигентностью. Математик Гаврилов, встречая нас, студентов, на улице, приветствовал, снимая шляпу.

Изабела Кек с однокурсницами

Как-то жена преподавателя Гинзбурга предложила студенткам купить нитки, чтобы научить нас вязать. После ее уроков мы связали себе кто – свитер, кто – кофту. Когда мой свитер протерся на локтях, я распустила рукава и связала их заново.

Преподаватели, которым и самим жилось нелегко, жалели нас, полугодных студентов, находившихся вдали от дома. Они всегда были справедливыми и очень человечными. Помню, что когда закончился курс физики, мы в знак нашей признательности решили преподнести преподавателю Коваленцу корзину цветов (Тбилиси – город южный, цветы были недорогие). Он пристыдил нас, объяснив, что не может принять корзину, когда на фронте проливается кровь. До сих пор помню чувство неловкости, которое мы тогда испытали за этот свой поступок.

Я жила только на стипендию. Сначала она была в 240 рублей, затем – 300 рублей, к концу учебы я получала 415 рублей. У нас, студентов-радиотехников, стипендия была больше, чем у студентов других факультетов.

Голод мы «утоляли» и посещением театров. В Тбилиси на гастроли приезжали ансамбль Александрова¹, студия «босоножек» имени Айседоры Дункан², А. Вертинский³. Билеты мы брали на «галерку», потому что они были самыми дешевыми.

Как-то в Тбилиси гастролировал театр Аркадия Райкина⁴. Когда Райкин узнал, что здесь находится Ленинградский институт связи, он дал бесплатный концерт для студентов института. Мы в благодарность преподнесли ему корзину цветов и две бутылки грузинского вина.

Мой брат Владимир, будучи учеником девятого класса, добровольцем ушел в армию. После окончания Махачкалинского пехотного училища

1 Ныне – Академический ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова – крупнейший военный художественный коллектив России (первое выступление состоялось 12 октября 1928 г.), известный далеко за ее пределами. Организатором и первым музыкальным руководителем был профессор Московской консерватории им. П.И. Чайковского, народный артист СССР, композитор, генерал-майор А.В. Александров, возглавлявший ансамбль на протяжении 18 лет (до 1946 г.). В годы Великой Отечественной войны ансамбль полным составом и бригадами выступил в действующей армии более 1500 раз (электронный ресурс: <http://redarmychorus.ru/history/>. Дата обращения 12 января 2015 г.).

2 Айседора Дункан (1877 – 1927) – американская танцовщица-новатор и основоположница свободного танца. Разработала танцевальную систему и пластику, которую сама связывала с древнегреческим танцем. Ее называли «божественной босоножкой». В 1922 – 1924 гг. – жена русского поэта Сергея Есенина. В 1921 г. нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский официально предложил Дункан открыть танцевальную школу в Москве. Московская студия имени Айседоры Дункан пережила свою легендарную основательницу на двадцать с лишним лет. (электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://www.herpes.ru/>. Дата обращения 12 января 2015 г.).

3 Вертинский Александр Николаевич (1889 – 1957) – известный эстрадный артист, киноактер, композитор, поэт и певец, кумир эстрады первой половины XX века. Отец актрис Марины и Анастасии Вертинских (электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения 12 января 2015 г.).

4 Райкин Аркадий Исаакович (1911 – 1987) – выдающийся советский актер театра, эстрады, кино, конфетансье, театральный режиссер, юморист, Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. После окончания Ленинградского техникума сценических искусств работал в Ленинградском театре рабочей молодежи (позже – Театр имени Ленинского комсомола). В 1939 г. был принят в труппу Ленинградского театра эстрады и миниатюр, спустя три года стал художественным руководителем этого театра. Во время Великой Отечественной войны А. Райкин давал концерты на фронте (электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения 12 января 2015 г.).

Изабелла Кек с подругой

в звании лейтенанта он был отправлен на фронт.

Письма от него я получала не часто. Он их писал главным образом из госпиталей (во время боевых действий он получил три серьезных ранения).

После снятия блокады наш институт был эвакуирован в Ленинград. Война еще шла, но страна уже работала на восстановление. Студенты были организованы в бригады по уборке мусора и остеклению полуразрушенных зданий. Наш курс был прикреплен к Царскому селу (г. Пушкин). Я видела следы разрушений в Царском селе, Петергофе, Павловске – «музеях под открытым небом». Увиденное потрясло меня, я не могла понять, как «цивилизованный» немецкий народ мог допустить такое варварство.

Здание нашего института в Ленинграде располагалось на улице Мойка № 61. Осенью и зимой из-за холода мы занимались в верхней одежде, в головных уборах. В перчатках писать конспекты было очень неудобно. Печное отопление еще не смогли наладить.

Нам, студентам, выдавали карточки, по которым мы получали хлеб, соль, спички, наливку и чай. Наливку, чай и спички мы продавали, чтобы купить билеты в музеи, вход в которые тогда стоил 30 копеек. В Русский музей, который находился недалеко от нашего института, мы бегали, как только в расписании образовывалось «окно». Очень любили и Эрмитаж¹.

Я, как и все, очень внимательно, с замиранием сердца слушала по радио сводки Совинформбюро (приемники с началом войны у всех отобрали). Помню позывные ленинградского радио: «Говорит Ленинград! Говорит город Ленина!».

1 мая 1945 г. мы скромно отметили праздник: на столе были винегрет, хлеб и наливка.

Я жила на Васильевском острове, и в институт добиралась на трамвае, который проезжал через Дворцовый мост на Невский проспект. Из окон трамвая мы наблюдали, как на Неву прибывают военные корабли. Кораб-

¹ Государственный Музей Эрмитаж в Санкт-Петербурге – один из крупнейших в мире и в России художественный и культурно-исторический музей.

ли были иллюминированы, и в воздухе витало предчувствие праздника – скорой Победы над ненавистным врагом.

И когда 9 мая объявили, что война окончена, мы помчались на Невский проспект любоваться салютом. Это было незабываемо. Весь народ ликовавал, мы чувствовали себя одной семьей.

Обстановка перестала быть напряженной, но материальное положение еще оставалось тяжелым. Карточная система была отменена 14 декабря 1947 г.

Мой брат Владимир демобилизовался в 1945 г. из госпиталя в Праге. Мама на радостях собрала всех соседей. Она радовалась так, как будто ее сын родился во второй раз. Были в нашей семье и потери: под Новороссийском, в Мысхако² погиб тетин муж.

Несмотря на перенесенные тяготы и лишения я с трепетом вспоминаю студенческие годы, которые совпали с годами войны. И, может быть, потому, что человеческая память, как правило, хранит хорошее, а годы юности вряд ли с чем могут сравниться, мне на память приходит эпитафия к «Вешним водам» И.С. Тургенева: «Счастливые годы, веселые дни. Как вешние воды промчались они...».

*Материал предоставлен Муслимовой Н.Т.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

*Я.Т. Лукьянов. 1943 г.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Яков Терентьевич Лукьянов возглавил школу № 13 г. Махачкалы в 1940 г. В июне 1941 г., на следующее утро после выпускного вечера, выпускники и девятиклассники школы вместе со своим директором пришли в военкомат записываться добровольцами для отправки на фронт. Попав на фронт, Я.Т. Лукьянов был старшим инструктором восьмого отделения 61-й армии, а затем старшим оперуполномоченным оперативной группы партизанского движения при Военном совете армии. 12 января 1944 г. на подступах к городу Калинковичи Яков Лукьянов погиб

² Мысхако – село в Краснодарском крае, расположенное на побережье Черного моря.

Выпуск 1941 г. школы № 13 г. Махачкалы. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Место захоронения Я.Т. Лукьянова. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

instituteofhistory.ru

Я.Т. Лукьянов на фронте. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

смертью храбрых. 18 января 1944 г. гвардии майор Я.Т. Лукьянов с почестями был похоронен в белорусском городе Мозырь. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

*Опубликовано: Маньшев С.
У школьной доски и на линии фронта //
Махачкалинские известия. 2007. 23 ноября*

instituteofhistory.ru

Эхо войны докатилось и до нас

Кидирниязов Сайдахмед Нугманович,
родился в 1930 г. в ст. Курдюковской Шелковского района
Дагестанской АССР

Кидирниязов С.Н. г. Нальчик. 1960-е

Я родился в многодетной семье. Отец Нугман имел 4 жены, моя мать была самой младшей. У меня было четыре брата и три сестры. Семья была зажиточной по тем временам: отец держал крупный рогатый скот, лошадей, овец и часто продавал их на рынках Грозного, Хасавюрта, Орджоникидзе и др. У отца было много кунаков из представителей разных народов. В 1930-е гг. он добровольно сдал свой скот государству. Мой отец также работал в школе-медресе, преподавал основы религии, арабский язык.

Перед войной отца избрали председателем сельсовета. Через несколько лет работы на этом посту, по ложному доносу, он был арестован.

Его забрали в райцентр – Терекли-Мектеб, но вскоре отца отпустили, за недоказанностью выдвинутых против него обвинений. В 1940 г. отец умер.

В 1939 г. старшего брата Амангельди (1917 г.р.) призвали в ряды Красной армии, и он нес службу в Брестской крепости. Был Амангельди пулеметчиком. По стрельбе на учениях он показал отличный результат, за что на построении перед частью его официально поздравил командующий Западным округом маршал Тимошенко¹.

В 1939 г. у брата Амангельди родился сын Магомед. Целых 8 лет мальчик не видел своего отца. Когда брат вернулся с войны, Магомед уже ходил в школу.

¹ Тимошенко Семён Константинович (1895 – 1970) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940. 1965). Народный комиссар обороны СССР (май 1940 – июль 1941).

2 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Защитники Брестской крепости первыми встретили фашистов, сражались бесстрашно, но силы были неравны. Наши долго отступали, вскоре мой брат, как и другие, под Минском попал в плен. Сидел в концлагере, не раз пытался бежать, но безуспешно. После освобождения из плена воевал до конца войны в рядах Красной армии. Брат со своими частями дошел до Чехославакии, здесь он встретил Победу. После войны его отправили в Западную Украину воевать с бандеровцами. В своих воспоминаниях о войне он часто по жестокости сравнивал бандеровцев с фашистами.

Вернулся брат с войны в 1947 г., весь в орденах и медалях. Мы, мальчишки, очень гордились им.

Старший брат Курбан (1921 г.р.) также с первых дней воевал на Украине. Последнее письмо пришло из Донбасса в 1941 г., где шли ожесточенные бои. Больше писем не было, брат пропал без вести.

Среднего брата Байрамали (1924 г.р.) на войну не забрали по возрасту. Вскоре его отправили на краткосрочные курсы трактористов. После окончания курсов он работал в колхозе трактористом. Шла война, работа в тылу также была тяжелой, трудились на поле по 16 – 18 часов и даже более. Брат несколько раз писал заявление, чтобы его добровольно забрали на фронт. Но в военкомате ему отказывали, так как в тылу тоже нужны были люди – ведь все старшие мужчины были на войне.

Эхо войны докатилось и до нас: рядом, в районе Моздока, шли тяжелые бои Красной армии с немецко-фашистскими войсками. Наши отступали.

Кидирниязов С.Н. на р. Чубутла, возвращается с работы

В хуторе находились солдаты, которые набирались сил перед очередным боем. Два солдата-карачаевца (одного из них звали Рашид) часто приходили к нам в гости. Они долго вечерами беседовали с нашими старшими родственниками. Вскоре их часть куда-то перебазировалась, и больше я их не видел.

Во время войны я продолжал ходить в школу в ст. Курдюковская. Школа находилась в 5 км от нашего дома. В младших классах я каждый день ходил в школу и обратно. В старших классах я не мог ходить туда и обратно, так как уроков было много. Поэтому родители попросили наших старых кунаков-казаков, чтобы я жил у них. Я жил в семье Абидина Леонида Артемовича, он работал бригадиром фермы в колхозе. До войны дядя Леонид часто приезжал к нам. Семья у них была добрая, они были очень гостеприимные и ко мне относились хорошо.

9 мая 1945 г. закончилась Великая Отечественная война, домой возвращались сельчане, редко кто без ранений. Но очень много земляков так и не вернулись с войны.

Я окончил школу с отличием и поступил в Кизлярский сельхозтехникум на ветеринарное отделение. Вскоре техникум перевели в г. Грозный

*Кидирниязов С.Н. с однокурсниками Кизлярского сельхозтехникума
Грозненской обл. 1947 г.*

(как известно, с 1944 г. Кизлярский округ входил во вновь образованную Грозненскую область).

Послевоенная жизнь в селе была тяжелой: разруха, голод, дети, оставшиеся без отцов.

Хочу рассказать о судьбе русского мальчика – сироте Саше. Мы его звали «Шурка». Старший брат забрал его жить к нам. Так русский мальчик Саша стал для нас своим. Родственники тепло относились к нему, не давали никому в обиду. Саша стал говорить по-ногайски. Однажды после купания на реке Терек с соседскими мальчиками, он пришел заплаканный. Старшие начали расспрашивать, кто его обидел. Шурка сказал, что мальчики смеются над ним, что он не сделал суннет (обряд обрезания). Он попросил, чтобы ему тоже сделали. Старшие долго его отговаривали, но он был настойчив. В конце концов, взрослые уступили.

В 1947 г. после успешного окончания техникума меня направили старшим ветврачом Ногайского МЖС¹. Через несколько лет близкие уговорили меня вернуться домой. Я работал в колхозе «Красный пахарь» старшим ветврачом, потом меня назначили в с. Сары-су заведующим ветеринарным участком (там я проработал довольно долго). Позже, еще до ухода на пенсию, я опять вернулся на работу в колхоз по специальности.

Что касается нашего Шурки, то он, когда пришло время, пошел служить в армию. Демобилизовавшись, он возвращался к нам, но по пути заехал в Гудермес. Там была воинская часть, где служил его старший брат. Брат уговорил его остаться у него, и больше Сашу мы не видели. Мы интересовались его судьбой. В середине 1950-х гг. Саша поехал поднимать целину в Казахстан, женился и там остался жить. Больше нам о нем ничего не было известно.

Я иногда вспоминаю военные, послевоенные годы и мне становится очень страшно, когда сегодня где-то в мире происходят войны. Поэтому мы должны сохранять мир на земле, чтобы не было таких тяжелых и страшных испытаний людям на нашей планете.

*Материал предоставлен Кидирниязовым Д.С.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

¹ МЖС – машинно-животноводческая станция.

Мальчишкой он строил бронепоезды в Дагестане

Климович Л.М.

Леонид Михайлович Климович¹, 1928 г. р., один из участников строительства легендарных бронепоездов в Дагестане в годы Великой Отечественной войны: «Магомед Гаджиев», «Комсомолец Дагестана», и «С.М. Киров».

В Дагестан Леонид попал еще до войны в возрасте 6 лет. Его отец Михаил Михайлович², мастер водоснабжения был направлен с железнодорожной станции Грозный на работу в г. Дербент, за ним отправилась и вся его семья. Жили они в двухэтажном доме возле «Дома грузчика», на улице Вокзальная, 13. В Дербенте он пошел в железнодорожную школу № 115.

— Ты знаешь, как пишется буква «Д»? – спросил учитель своего на первом уроке.

— Да, — ответил Леонид, не желая упасть в грязь лицом перед одноклассниками.

— Тогда напишешь дома целую страничку в тетради!

Однако когда он вышел из школы, то забыл, как добраться до дома и расплакался... Вскоре пришел старший брат, который учился в третьем классе и поручил знакомым ребятам проводить брата домой.

После окончания второго класса в Дербенте, семья Леонида переезжает в г. Орджоникидзе³ куда переехал по работе отца. Там он заканчивает седьмой класс и поступает в железнодорожный техникум, в котором отучился один год. Окончить его помешала война. В связи с военной обстановкой железнодорожный техникум переводят в г. Гори (Грузия). Но для Леонида переезд был нежелательным, и он остается с семьей. Тогда линия фронта проходила уже недалеко от г. Орджоникидзе и в пригородах рыли

1 Климович Л.М. – майор в отставке, труженик тыла и ветеран военной службы, член творческого объединения «Современник», автор двух сборников стихов «Хочу все знать», «Зерно жизни».

2 Михаил Михайлович Климович в годы Великой Отечественной войны, как опытный специалист по водоснабжению, был зачислен в состав Военно-эксплуатационного отделения – 23 на станции Махачкала. Затем, по мере продвижения фронта к западу, с освобождением железнодорожных станций, ВЭО-23 продвигалось за нашими войсками. Они восстанавливали разрушенные войной железнодорожные коммуникации. За выдающиеся заслуги М.М. Климович был награжден орденом им. В.И. Ленина и орденом Трудового Красного знамени, медалями «За взятие Кавказа» и «За победу над Германией»

3 Ныне город Владикавказ, столица Республики Северная Осетия-Алания.

Климович Л.М. с семьей

противотанковые рвы. Вскоре – в 1942 г., их, вместе с другими специалистами-железнодорожниками эвакуируют в Дагестан.

Семья оказалась на станции Мамедкала. Здесь железнодорожники жили в вагонах. Маме с Леонидом (отец работал в г. Махачкале) было выделено двух полочное купе проводников в плацкартном вагоне с щитком приборов.

Но вскоре отец устроил его на работу в паровозное депо на ст. Махачкала. Леонид попал в бригаду сварщиков, а ему тогда было всего лишь 15 лет. Мастером сварщиков в паровозном депо был Павел Митрофанович Петров, именно он научил мальчика премудростям труда сварщиков. (Кстати, его жена Мария работала медсестрой в санитарном поезде, привозившем тогда раненных бойцов с фронта в госпитали, расположенные в г. Махачкале.). Руководил всеми сварщиками инженер Агибалов. В депо также работали юные сварщики: Орешин Василий, Пархоменко Надежда и Туинов Василий. Они были закреплены за опытными сварщиками. Леню опекал старший сварщик 7-го разряда, который мог производить

сварочные работы даже на потолочных участках – Григорий Саяпин, которого он называл просто «дядя Гриша».

При ведении сварочных работах ощущался острый дефицит электродов¹. Но у ребят была своя технология заготовки электродов: Мальчики резали железный провод длиной 65 см нужного диаметра, а Надежда Пархоменко намазывала ее жидким клеем и сверху обкатывала мелом, затем их сушили на батареях отопления, – вспоминает теперь Леонид Михайлович.

В это сложное военное время в вагонном депо на ст. Махачкала строились один за другими бронепоезда. Бригада сварщиков поочередно на паровозе бронировала все: кабину машиниста, котел, тендер, ходовые части и даже трубу. В этом активное участие принимал юный сварщик Леонид Климович.

После окончания войны Леонид отслужил в армии в железнодорожных войсках, работал механиком на ст. Минеральные Воды. Вскоре был направлен в Киевское военно-морское политическое училище, по окончании которого служил замполитом на четвертом Балтийском флоте. Двадцать лет Леонид Михайлович был оперативным работником военной контрразведки. В 1969 г. заочно закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. С 1977 г. – пенсионер КГБ СССР. Вместе со спутницей жизни, женой Таисией Васильевной, вырастил двух сыновей.

*Опубликовано: Магомедшерифов Г. На южном стыке РЖД.
Очерки из истории и современности махачкалинского региона СКЖД.
Дербент, 2015*

¹ Сварочный электрод — металлический или неметаллический стержень из электропроводного материала, предназначенный для подвода тока к свариваемому изделию.

Встреча, что не состоялась...

Койлубаева (Тагланова) Марие Абубакаровна, родилась в 1935 г.
в с. Орта-Тюбе Караногайского района Дагестанской АССР

До войны наша семья жила в ауле Орта-Тюбе. Жили мы на улице Орджоникидзе в доме № 2. Папа работал в колхозе. Когда началась война, отца направили в Моздок экспедитором.

Семья наша была небольшая: папа, Тагланов Абубакар, мама, Даисия, и я.

На фронт ушли мои двоюродные братья Таглановы Джамалдин и Ахмед. От них родственники получали письма. В одном из таких писем брат Джамалдин написал, что от Махачкалы через Моздок они едут в Сталинград. Его молодая жена Сакинат с отцом Джамала Назиром и его сестрой Савдат на санях выехали из Орта-Тюбе. Очень хотелось им увидеть Джамала. Но метель и пурга сбили их с пути. В этой тяжелой поездке жена Джамала Сакинат замерзла и умерла. Сестре Джамала Савдат из-за обморожения ампутировали пальцы ног. Вот так получилось, что встреча не состоялась.

Судьба гвардии сержанта Джамалдина Тагланова затронула душу его племянника – поэта Сейпудина Карагулова. Так родилась поэма «Метель».

Вот метель в бескрайнем поле
Ту любовь подстерегла,
И внезапно налетела
С ветром, воя, бела мгла.

И бесилась трое суток,
Землю с небом размешав.
Своего когда добилась,
Улетела, хвост поджав.

А когда на небосводе
Засияло солнце снова,
Отогреть, спеша скорее,
Тех, кто ночь провел без крова,

Койлубаевы Абдурахман и Марие

Видит, сани все в снегу,
В них – солдатка молодая.
Ей тепло уж ни к чему:
На ресницах лед не тает.

Солнце горестно вздыхает
И, к лучу прибавив лучик,
Согревает. Тихо тают
Две ее слезинки жгучих.

Погодите: то – не слезы,
То – любовная тоска.
То – слова, что не услышал
От нее Джамал пока.

Погодите: то – не слезы,
Дети, что не родились.
Встречи, что не состоялись,
Судьбы не переплелись.

*Юный краевед Зарманбетова Айбике в
гостях у Марии Койлубаевой. Фото из фонда
краеведческого уголка*

Пришли очень тяжелые времена. Основной едой была кукуруза. Готовили в печи. В ней же выпекали хлеб из ячменя. Домашней скотины было очень мало. Дети помогали взрослым, как могли: убирали дом, вязали носки, шили платки. Изготовленные своими руками носки и платки отправляли на фронт. Многие взрослые были заняты на строительстве дорог.

Далеко от дома располагалась школа, которая функционировала в годы войны. В ней работали пионерская организация, разные кружки. Играли мы, девочки, тряпичными куклами и другими, тоже тряпичными, игрушками. Их делали взрослые девочки. Помню, что в школе встречали Новый год, елку украшали бумажными игрушками, которые делали из цветной бумаги.

Главной мечтой для всех была Победа.

Навсегда мне запомнился такой случай. До сих пор перед глазами эта страшная картина... Тогда мне было одиннадцать лет. Я шла с бидоном молока по дороге. Вдруг неожиданно в небе появились немецкие самолеты и стали бомбить дорогу. Осколками разорвавшейся бомбы тяжело ранило семейную пару, которая в это время тоже оказалась на дороге. Я увидела боль, кровь, смерть... Мужчина очень мучился, просил о помощи... Как

мне было страшно! Почему здесь, на нашей земле, должны были умирать ни в чем неповинные люди?!

Закончилась война. Люди постепенно начали возвращаться к мирной жизни, поднимать хозяйство в колхозе, в аулах заработали школы.

И вдруг вернулся живым брат Джамал! Какие это были и радость, и печаль одновременно! Радость – не только потому, что он вернулся домой с полей сражений. В годы войны семья получила на него похоронку. Мы, родственники, горько оплакивали его смерть. И тут такое счастье! А печаль, потому, что его молодая жена так трагически погибла, спеша еще разок увидеться с любимым мужем. Вот такая судьба близких мне людей, по которым безжалостно прошла страшная война...

После войны я отучилась на фабрике в Карае. Работала заведующей избой-читальней в колхозе «Красная звезда» (с. Орта-Тюбе). Свою судьбу связала с ветераном Великой Отечественной войны Койлубаевым Абдурахманом Койлубаевичем. Муж ушел из жизни в возрасте сорока четырех лет. Многочисленные фронтальные ранения стали причиной ранней смерти. Мне одной пришлось ставить из пяти младших детей. Я выполнила наказ моего мужа: выучить детей и вывести их в люди.

Сегодня мне 85 лет. У меня есть внуки, правнуки. Безвременно ушел из жизни мой внук Ислам Койлубаев, прапорщик ФСБ России по РД. Он трагически погиб в спецоперации по освобождению заложников 24 сентября 2010 г. в поселке Махачкль.

instituteofhistory.ru

*Материалы предоставили Османова И.
и Зарманбетова Н.З. (школьный краевед),
МКОУ Карагасская СОШ имени К.Ш. Кидирниязова.*

1 Контртеррористическая операция в Дагестане началась в пятницу в 19.20 по московскому времени. Сотрудники МВД и УФСБ по Дагестану блокировали частный дом на улице Магистральной в Сепараторном поселке Махачкалы, где, по оперативной информации, скрывалась группа боевиков. Пока силовики проводили эвакуацию гражданских лиц из зоны спецоперации, боевики попытались с боем прорваться через оцепление. В результате перестрелки погибли два сотрудника правоохранительных органов, которые прикрывали собой мирных жителей. Вокруг дома было выставлено несколько колец оцепления. Затем спецназ предпринял попытку штурма. Были уничтожены четверо боевиков. Ранения получили шесть сотрудников правоохранительных органов и один гражданский. (электронный ресурс: РИА Новости <http://ria.ru/incidents/20100925/279186801.html#ixzz3Seb9HGLk>. Дата обращения 24 февраля 2015 г.).

Мы сильно уставали, но время для игр все же находили...

Кудаомарова Марьям Алиевна,
родилась в 1925 г. в с. Маали Гүнибского (ныне Гергебильский)
района Дагестанской АССР

Перед войной я окончила семь классов и уже работала в селе секретарем сельского совета. Родители мои трудились в колхозе. В нашей семье, помимо родителей было пятеро детей: две дочери и трое сыновей.

Я хорошо запомнила начало войны. Все село – и взрослые, и дети провожают призывников на фронт. В глазах – слезы... Тяжело всем, а особенно матерям, женам... Машин в селе нет, мужчины уходят из села пешком. А провожающие долго смотрят вслед уходящим, пока те не скрываются из виду...

Отца моего на войну не забрали, он был уже непризывного возраста, а братья были еще маленькими. От большинства ушедших родственники не получали писем, только приходили извещения о погибших. И мы все вместе оплакивали погибших. Это были страшные годы. Стольких людей мы потеряли!

Жизнь наша была непростой. В основном в колхозе работали женщины. За полный рабочий день они получали килограмм пшеницы. На своем «поле» – огороде – мы сажали кукурузу и фасоль. Первые годы войны выдались очень засушливыми, дождей почти не было, поэтому урожай был совсем маленьким. Его не хватало на прокорм семьи. Из кукурузы и пшеницы мы сами мололи муку, сами пекли хлеб. В то время мы ели очень много зелени. Все дети умели отличать от несъедобных и находить годные в пищу травы: крапиву, одуванчик, подорожник. Из этих трав дома готовили суп, добавляя в него немного муки. Но чувство голода никогда не покидало нас. Отец выделал из горной породы плоскую плиту, под ней мы разжигали костер и на ней пекли хлеб. У нас не было спичек, приходилось добывать огонь, выбивая искру ударами специальных камней. К сожалению, это получалось не всегда, поэтому мы ходили к соседям, друзьям за огнем. Печь мы топили в основном тогда, когда готовили еду, потому что дров не хватало. Дрова заготавливали женщины в лесу, и много заготовить они не могли. Зимой в комнате бывало очень холодно, и поэтому на ночь в люльку к ногам младенцев клали горячую лепешку, чтобы они не замерзли.

Комнату мы освещали специальной самодельной лампой. Делали такие лампы их алюминиевых бутылок: наливали туда керосин, частично опускали туда скрученную вату и зажигали её. Матрасы мы набивали сухими стручками фасоли. Одежды почти не было. Для того, что ее сшить платье или рубашку, мы предварительно окрашивали обычную простыню краской, которую делали сами из околоплодников ореха, а потом уже кроили. Не было и фабричной обуви, её мы шили из шкур осла, а зимнюю обувь изготавливали из овечьих шкур. Зимняя обувь была не у всех. Бывало и так, что зимняя обувь была одна на всю семью. Не было в селе и медпункта, лечились в основном народными средствами.

Мы много трудились и сильно уставали, но время для игр все же находили. У нас не было ни мячей, ни красивых игрушек. Из деревянного полена мы делали кукол, а из лоскутков ткани – мячи.

По вечерам я вязала шерстяные носки и перчатки для родственников, которые воевали, а затем отправляла им посылки. Помню, мы сочинили песню для наших солдат, помню один куплет из этой песни:

Германиял чIвае чIукIварал вассал!
чIукIараб киярса (медаль) каранда базе.
Тушманзаби чъуре ви чIолохъаби!
Офицереъи босун рокъор рачIыне.

Фашистов убивайте, славные сыны гор!
Заслуженная награда чтоб украсила вашу грудь.
Врагов уничтожайте, парни!
Чтоб офицерами вернулись вы домой.¹

Я хорошо помню день окончания войны, даже маленькие дети бегали и кричали: «Война закончилась»!!! Как такое забыть! Но как бы велика не была радость победы, для семей погибших это был день траура. Многие мои родственники вернулись с фронта, кто – без руки, кто – без ноги. Но и это для родных было счастье. А ведь были и те, кто не вернулся с поля боя.

Мечтали мы о хорошей жизни. Мечтали о том, чтобы было много еды и красивой одежды. Мечтали о спокойной жизни. И верили. Верили в то, что все будет хорошо. Это помогало нам не отчаиваться в самую трудную пору и жить дальше.

¹ Перевод с аварского Амирхановой М.М.

Потихоньку наша жизнь стала налаживаться, еды постепенно становилось больше. Я хорошо запомнила первую свадьбу в селе после войны. Для всех это был настоящий праздник, первый, увиденный нами за эти годы. Мы снова учились смеяться и радоваться жизни. Война и трудные годы остались позади, но пережитое нами, конечно, никогда не забудется.

Вскоре после войны я вышла замуж. Я вырастила троих детей. Двадцать лет проработала старшей дояркой в колхозе. Сейчас на пенсии воспитываю внуков и правнуков.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

В ту пору немецкие самолеты летали даже южнее Дербента

Кудинов Валентин Петрович, родился в Дербенте в 1927 г. в семье Петра Евсеевича Кудинова (1882 г.р.), работавшего кондуктором грузовых поездов в 1912 – 1962 гг. Валентин Петрович после учебы в железнодорожной школе (№ 115) в 1941 г. поступает в железнодорожное училище¹ в группу слесарей по ремонту паровозов.

«С нами, – говорит ветеран, – учились и эвакуированные из Минводского училища девчата. В 1942 г. мы практически все время работали в паровозном депо. Тогда не бывало дня, свободного для отдыха. Если от работы в депо освобождались, то выходили в город на общественные работы – на оборонительные мероприятия: рытье глубокого рва с севера города,

¹ Дербентское железнодорожное училище было открыто в 1903 г. для подготовки квалифицированных рабочих железнодорожного транспорта. Наряду с профессиональным училище давало общее образование. В 1915 г. оно было переименовано в Александровское училище, а в 1930 г. в ФЗО. В постановлении СНК ДАССР и бюро обкома ВКП (б) от 13 марта 1941 г. «Об образовании школ ФЗО железнодорожного строительства» было решено организовать в Дагестане две школы с трехмесячным сроком обучения основным профессиям для железнодорожного транспорта (одна из них в Дербенте – на 600 человек). В 1942 г. в училище готовили помощников машиниста, слесарей по ремонту паровозов, бригадиров пути, слесарей по ремонту вагонов и слесарей-инструментальщиков. В том же году ФЗО переименовывается в Железнодорожное училище – ЖУ-1. В январе 1943 г. училищем было подготовлено более 200 квалифицированных специалистов для железнодорожного транспорта. С 1963 г. училище было переименовано в ППТУ-4, с 1985 г. – в СПТУ-4, а с 1995 г. – в профтехучилище. В годы Великой Отечественной войны на традиционно мужские профессии из-за недобора поступали девушки, которые после окончания училища заменяли помощников машиниста паровозов. В их числе Зоя Завьялова, Лидия Янсон, Мария Уткина, Наталья Куприянова и Людмила Шукина. Среди выпускников 40 – 50-х гг., награжденных знаком «Почетный железнодорожник», составитель поездов Мирзамет Мехтиханов, бригадир пути Алияр Ибрагимов, мастер пути Гасан Ахмедов, начальник путевой колонны Курбан Гасанов, заместитель начальника дистанции пути Анвер Загиров, машинист-инструкторы Николай Мусиенко, Аркадий Саркисов, Виктор Гаражанкин, Мирза Агасиев, начальник восстановительного поезда Бедретдин Аскеров. Многие выпускники училища 60-х годов и сейчас продолжают трудиться на ответственных должностях Дербентского железнодорожного узла.

от моря до отрогов горы; строили баррикады с амбразурами на пересечениях улиц Кобякова – Буйнакского и Ленина – Сальмана (ныне у завода «Электросигнал»).

В ту пору немецкие самолеты пролетали даже южнее Дербента, чтобы бомбить железнодорожный мост на реке Большой Самур. Я сам видел один подбитый нашими зенитчицами самолет, долго лежавший на высоком откосе земляного полотна, у железнодорожного моста через реку Самур, с морской стороны, фюзеляж которого сохранился даже в начале пятидесятых годов.

Однажды мы участвовали в задержании вражеского лазутчика. После работы в депо наша группа пошла купаться на море, к большому камню, что как раз напротив паровозного депо. Там, у самого берега, мы заметили двоих незнакомых мужчин, которые, оглядываясь, чертили на песке какие-то схемы. Мы быстро сообразили, что к чему, и под предлогом, что девушкам надо забрать книги, отправили их за подмогой. Тут прибежали слесари из ремонтного и рабочие из литейного цехов, да еще кто с чем ... Тут наши подозреваемые начали убегать к составу поезда, стоявшего напротив депо, но были задержаны и переданы в транспортную милицию. У них оказалась сигнальная ракета. Нам объявили благодарность: вначале пришедший в депо милиционер, затем и директор училища. Мы тогда были бдительны – про любого незнакомца в шляпе думали, что он вражеский шпион, и устанавливали слежку...

Литейный цех стоял крайним от паровозных стоек с морской стороны. Мне запомнился случай, как одна рабочая, заливая формы мини-ковшом, заполненным из вагранки, обожгла жаром валенок и, не отрываясь от работы, засунула не разутую ногу с валенком прямо в ведро с водой...

В городе было четыре эвакуогоспиталя, а больных бойцов из санитарных поездов зачастую забирали на носилках. Не хватало транспорта...

В годы Великой Отечественной войны, на фронтах воевали тысячи наших горожан. Среди них 8 Героев Советского Союза (Михаил Сурмач, Николай Калуцкий, Владимир Сенченко, Александр Рыбников, Владимир Громаковский, Шетиель Абрамов, Шамсулла Алиев, Мухудин Умурдинов) и полный кавалер ордена Славы (Яков Холорец).

Опубликовано: Магомедшерифов Г.М. Дербент – железнодорожный узел на рубежах веков. Очерки истории, воспоминания ветеранов, архивные материалы и статьи. Махачкала: ООО «Центр-полиграф», 2003. С. 50 – 52.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Статья секретаря Дербентского горкома ВЛКСМ
А. Магомедова «Трудовые подвиги комсомольцев, молодежи
и школьников Дербента»
7 декабря 1941 г.

Комсомольцы г. Дербента, верные боевым традициям комсомола, не покладая рук, трудятся в дни Отечественной войны. Все силы и помыслы комсомола направлены на оказание максимальной помощи фронту.

Особенно большую помощь оказал молодежи транспорт, четкая работа которого в военное время особенно важна.

24 ноября 1941 г. учащиеся 9–10 классов железнодорожной школы после занятий пошли работать на железную дорогу. Вечером их сменили учащиеся школы им. Сталина и работали до двух часов ночи.

В один из воскресников – 2 ноября, комсомольцы и молодёжь школ им. Ленина, им. Сталина, железнодорожной школы № 15 и др. расчистили разгрузочно-погрузочную площадку от тары и перенесли её на предприятие.

На предприятии, где директором Семенов, из 40 комсомольцев непосредственно работающих на производстве, 38 систематически перевы-

*Дербент. Вид на цитадель Нарын-кала. Восточный фасад. 1968 г. Фотоальбом № 448. Л.
4. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Дербент. Привокзальная площадь. 1968 г. Фотоальбом № 448. Л. 18. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

полняли нормы, 18 из них двухсотники.

С большим подъёмом прошла комсомольская стахановская вахта. Вот один из многих примеров. На предприятии, где начальником Чертогонов, комсомольцы Туролов и Рофайлов выполнили нормы на 250 – 300%.

А какой тёплой заботой окружила молодёжь бойцов Красной Армии!

Пионеры собрали для госпиталей много посуды и туалетных принадлежностей. Комсомолки Граня Лохаткина, Ира Фищенко, Тося Шарикова и другие организовали стирку и починку красноармейского белья. Сейчас этим занимаются 22 комсомольские бригады. Все для фронта! Все для победы! Во имя этого трудится наша молодёжь, свято храня славные традиции дважды орденоносного комсомола.

«Дагестанская правда», 7 декабря 1941 г.

Опубликовано:

*Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.).
Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д. Бутаев,
Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. –
Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 405 – 406.*

Девять грамм на всякий случай...

Кузин Валентин Максимович, родился в 1940 г. в г. Махачкала

*Кузин Валентин Максимович.
г. Пятигорск. 1946 - 1947 гг.*

Военное время я больше помню по рассказам мамы и старшего брата. Тогда жили мы на квартире, снимали небольшой угол. Бабушка и дедушка жили в Волгоградской области. А нас было четверо: отец – Кузин Максим Васильевич, мама – Кузина Мария Евдокимовна, старший брат – Кузин Николай Максимович и я. Отца забрали в 1941 г. в Красную армию по призыву.

Себя я помню только примерно с трехлетнего возраста, как стоял на подоконнике у окна и кричал до хрипоты: «Хеба, хеба!!!». Когда мама возвращалась с работы, то пожилая соседка её говорила: «Маруся, Валёк опять хлеба просит». Старший брат варил мамалыгу, пока он её мешал и пробовал, в кастрюле почти ничего

не оставалось. Огорода и домашнего скота у нас не было.

Мама моя работала уборщицей в доме кадров (где сейчас находится Институт¹). Во время войны мама ходила за первую Махачкалу рыть противотанковые рвы. Военное командование готовилось к нападению на Кавказ. Тогда всех женщин (мужчин почти всех отправили на фронт) направили на рытьё окопов. Приходила мама поздно, только и успевала помыть ноги и руки, съесть кусок хлеба, раздав положенные нам пайки – тот же кусок хлеба.

Старший брат ходил в школу, делал уроки при свечах или при керосиновой лампе, а я начал учиться уже после войны.

В нынешнем корпусе Пединститута был госпиталь, туда привозили раненых.

¹ Речь идет о здании Дагестанского государственного аграрного университета им. М.М. Джамбулатова.

Самое яркое воспоминание пришлось на конец войны. Когда объявили по радио об окончании войны и Победе над фашизмом, радость была неопиcуемая. Женщины плакали, обнимали друг друга. А мы, мальчишки, побежали на улицу с криками: «Ура! Война закончилась!!! Ура мы победили!!!». Те, у кого имелось оружие, начали стрелять в воздух от радости. Одна из таких пуль срикошетила и угодила прямо мне под сердце. Мама повезла меня в госпиталь, где хирург ей сказал: «Пулю доставать не буду, иначе умрет». Так с тех пор с ней по жизни... Не так давно, когда после инфаркта (это я уже на пенсии был) мне делали снимок, врач меня спросил: «Что это у Вас?». Я ответил: «Да так, на всякий случай девять грамм с собой ношу, вдруг стрелять придется». Так, что на память о тех днях мне остались девять грамм – столько весит пуля.

А уже после войны к нам в город пригнали пленных немцев, которые рыли канализацию на ул. Котрова. Они были грязные, худые и голодные.

Отец вернулся в 1946 г. Для нас, конечно, это была радость огромная. Воевал он на Западной Украине, в рядах войск НКВД. Рассказывать о войне не любил, хотя наград у него было много.

Как уже говорил, после войны я пошел в школу. Тогда была мужская 10-я школа. Конечно, после войны, стало полегче. Мы с братом бегали на берег Каспийского моря самодельными удочками и ловили рыбу. Мама долго её

*Кузин Максим Васильевич.
г. Махачкала. 1941 г.*

*Кузина Мария Евдокимовна.
Сыновья Валентин и Николай. 1943 г.*

тушила, до такой степени, что косточки становились мягкими, и её можно было есть прямо с косточками, не боясь поранить горло. Отец устроился работать в колхоз Болхаров, что находился возле 1-го рынка.

Я закончил семилетку, потом вечернюю школу, по окончании которой попытался поступить в Майкопский лесной техникум, но не добрал баллов по математике и пошел работать плотником на мебельно-зеркальную фабрику. Уже после войны у нас в семье произошло прибавление: родилась сестрёнка Лида. Когда учился в вечерней школе, я познакомился с девушкой по имени Тамара. В 1965 г. мы поженились и по сей день вместе. Воспитали троих детей. Каждый из них пошел по своей стезе, Старшая дочь – детский врач-педиатр, средний сын – экономист, младшая дочь работает в Институте истории. Я всю жизнь проработал по специальности – плотником. Сейчас мы с женой на заслуженном отдыхе – на пенсии.

*Материал предоставила Кузина Н.В.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Кровать и сундук – вот и вся наша мебель...

Кузина (девичья фамилия – Колесниченко) Тамара Петровна,
родилась в 1940 г. в Махачкале

Семья наша состояла из трёх человек. Отец, Колесниченко Петр Григорьевич, мама, Фомина Пелагея Александровна, и я, Колесниченко Тамара Петровна. Когда началась война, я не помню. Об отце я помню только по рассказам мамы. Он был этнический украинец. Переехал в г. Махачкалу в 1933 г. из Волгоградской области. Устроился работать в порт грузчиком. В Дагестанских Огнях в Дербентском районе формировалась дивизия, которая была отправлена на фронт в сентябре месяце оборонять Севастополь, где шли самые ожесточенные бои за Крым. Отца, как рассказывала мама, забрали в 1941 г. в июне месяце по призыву в 345-ю стрелковую дивизию. На тот момент мне было всего 10 месяцев. В 1946 г. по запросу военкомата мама получила извещение о том, что отец пропал без вести, и мне назначили пособие.

Проживали мы по улице Шеболдаева, в общем дворе, в маленьком доме из глины, где была одна комната с кроватью и сундуком, который иногда служил для нас столом. Это вся мебель, которая у нас была. Готовили, (ког-

да было из чего готовить) в сарае на керосинке, в основном делали мамалыгу. Мама покупала пол-литровую банку кукурузы у соседей, я её перемалывала, и нам хватало её на два дня. Хлеб получали, как и все в то время, по карточкам. Помню, мама очень плакала, когда нас обворовали, украли карточки, по которым мы должны были получать хлеб целый месяц. Но мама нашла выход, мы брали в долг карточки у многодетной еврейской семьи (дядя Давид, тетя Роза и девять детей), проживающей по соседству. Потом, когда мы получали карточки, то потихоньку отдавали им.

Во время войны я ходила в детский садик-ясли. Моя мама работала уборщицей в конторе «Автогужтранспорт», который обслуживал рыбные отряды, где на лошадях развозили хлеб по городу.

Впоследствии эта контора стала называться АТК-3 рыбной промышленности, а машины – развозить рыбу на рыбзаводы. Оттуда (очень редко) мама доставляла кильку, из которой мы делали котлеты (это был настоящий праздник) или тюленьи лапки, которые приходилось подолгу варить. Они имели отвратительный запах, но были очень питательными. Когда я приходила к маме на работу, то конюх обязательно насыпал мне кусок жмыха (отжатые семечки подсолнуха), которые на их предприятие поставлялись как корм для лошадей. Это было моим лакомством в то время.

Каждый год маме выделяли огород. За заводом им. Раджиева были виноградники, а далее – земли под огороды. Там мы с мамой выращивали помидоры, огурцы, баклажаны, капусту, лук, чеснок. В основном все шло на продажу, а потом покупалась шерсть, ткань, нитки и краска для шерсти.

Мама никогда не сидела без дела, она хорошо вязала и шила, причем шила в ручную (машинку мы купили уже после войны). Нитки тоже пряла сама. Мама вязала и для меня (например, вязенки – туфельки из грубой шерсти, варежки из верблюжьей шерсти). Платья мне тоже шила мама, летом – из бязи.

*Колесниченко Тамара, Фомин Виктор.
На груди у Виктора - награда отца.
Г. Махачкала. 1945 г.*

Канализации и водопровода у нас во дворе не было. Во дворе был колодец, оттуда брали воду для мытья полов. Мама, а позже и я (с двумя ведрами на коромысле) ходила на улицу Малыгина (двор старой мечети), где брали питьевую воду, там был кран. А за родниковой водой ходили на ул. 8 Марта (ныне ул. Батырая). Стирали в основном хозяйственным мылом, им же и мылись.

Однажды ночью, после сильных проливных дождей, наша глиняная крыша провалилась (мне тогда было года 4, я помню, как я испугалась). На следующий же день мама привезла на лошадях солому и глину, и мы ногами мяли её и делали «саман» – глиняные кирпичи. Мама наняла мастера, и он сложил нам избу с печкой. А на то время, пока строился дом, я и мама жили у соседей. Теперь, когда мы могли отапливаться и готовить на печке, мама приносила с работы щепки, этим зимой и отапливались.

Мама была малограмотная, умела только писать свою фамилию. Среди взрослого населения тогда проводили ликбез (ликвидация безграмотности). Но считать она умела хорошо и заставляла меня учить таблицу умножения наизусть.

Об окончании войны мы услышали по радио. Мама долго плакала.

Учиться я пошла в 1947 г., уже после войны. Училась в 14-й школе г. Махачкалы, это была женская школа, учились одни девочки. Только в 1955 году в школе стали учиться и девочки, и мальчики. Первой учительницей была у меня Евгения Васильевна, фамилию её я не помню... В 3-м классе нас принимали в пионеры на торжественной линейке. Все дети, конечно, и я были рады, это была гордость – носить красный галстук. Ходила в школу в платье из бязи, мама красила платье в синий цвет, на ногах у меня были вязенки, а подошва была из дерева. Писала я ручкой, перо было железное, а чернильница стеклянная, туда наливались чернила, иногда эта чернильница из-за моей небрежности разбивалась я приходила домой вся измазанная в фиолетовых чернилах. Мама, конечно же, ругала меня. Сумка тоже была из бязи, покрашенная в синий цвет. Тетради и книжки покупала мама, они стоили копейки. Уже после войны мама выписывала мне «Пионерскую правду», я её читала, там иногда были интересные рассказы. Дома все новости мы слушали по радио. Радио было похоже на черную шляпу мушкетёров.

Играли мы в основном в лапту, прятки и классики. Жили дружно, не различали национальностей. В классе, в основном, были русские, а также таты (евреи), их было в городе тоже много. После войны мы любили ходить на концерт в Горбольницу № 1, что и сейчас стоит на ул. Маяковская, там давали концерты самодеятельные артисты. Там где сейчас стоит го-

станица Ленинград, находился «Дом пионеров», мы туда записывались и ходили, в основном летом, петь в хоре. Рядом с «Домом пионеров», располагался музей, где у входа стояли лафеты пушек. В музей мы ходили часто с учителями школы, больше никаких развлечений не было. Правда, ходили в кинотеатр «Комсомолец», рядом с нынешним Русским драмтеатром. Детские билеты тогда стоили 10 копеек. Любили смотреть фильм «Тимур и его команда», «Чук и Гек» и другие детские фильмы.

В 1961 г. я окончила школу и поступила в сельхозинститут на факультет агрохимии, закончила его в 1965 г, а так же отучилась на курсах медсестер в Каспийске. Вышла замуж. По распределению попала в с. Малая Арешевка Кизлярского района. Мы с мужем проработали там пять лет (каждый по своей специальности, я – агроном, он – плотник), переехали обратно в Махачкалу. Я стала работать на предприятии «Дагшелк», занималась разведением шелкопряда а муж – на предприятии «ДСК» (домостроительный комбинат). Жили мы тогда на квартире. Через десять лет получили квартиру от ДСК. Вырастили троих детей, в настоящее время имею трёх внуков.

*Материал предоставлен Кузиной Н.В.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Каждый делился тем, что у него было

Курамагомедов Омар Магомедович,
родился в 1937 г. в с. Шугинуб Чародинского района
Дагестанской АССР

В селе Шугинуб на начало войны насчитывалось 38 хозяйств, а в селе Кульзеб – 69 хозяйств. Впоследствии эти оба села объединились в одном колхозе им. Советской армии.

Дедушка Омар был выходцем из самого большого тухума с. Шугинуб. У его пра-прадедушки Али было семеро сыновей. И почти все село Шугинуб было потомками Али. Это были тухумы Новрузовых, Гастратовых, Хизриалиевых, Абдулазизовых, Газиевых, Махантовых (я тоже являюсь его потомком тухума Махантовых) и Курамагомедовых. У Курамагомедовых было четыре сына: Рамазан, Умар, Курамагомед и Ибрагим. У самого дедушки Омара был только один старший брат Магомед. Почему в семье было только двое детей, понять несложно, ведь их отец ушел на фронт, когда был совсем молодым.

Когда началась война, дедушке Омару было всего 7 лет. Он вспоминает, что как-то утром они с братом проснулись и вышли во двор, то увидели, что там собралось много родни и все плакали: и мужчины, и женщины. Правда, маленькие дети радовались, смеялись. Ведь они еще не понимали, что означает это страшное слово «война». А дети постарше делали им замечания, ругали. Все село спустилось в райцентр – село Цуриб, так как сбор и призыв солдат проходил именно в районном центре. Здесь собирались люди со всего района, чтобы проводить своих родственников и односельчан на войну. Военкомат был в Гүнибе, оттуда и приносили повестки. Провожая, сельчане давали фронтовикам по пять – шесть рублей, еду в дорогу, помогали, кто, чем мог.

Дядя дедушки Омара, тоже Омар, ушел на фронт в возрасте 19 лет и погиб на Волховском направлении в 1943 г., его могилу так и не удалось найти. Дядя Рамазан ушел на фронт в возрасте 18-ти лет, погиб в Смоленске в дни битвы на Курской дуге. Село, близ которого погиб Рамазан, сравняли с землей и братскую могилу возле этого села перезахоронили, о чем сообщили родственникам дедушки Омара, и попросили данные Рамазана, чтобы его имя было на обелиске братской могилы. Отец дедушки Омара, Курамагомед, ушел на фронт в возрасте 27-ми лет и погиб в Краснодарском крае, ст. Красноармейск в 1942 г. Его могилу дедушка Омар нашел с помощью своих сыновей и племянников.

Единственной радостью в то время были письма с фронта, но они приходили очень редко. А от дяди Омара писем и вовсе не было, потому что он находился среди защитников Ленинграда, и писем оттуда не получали, потому, как там была блокада. Да и солдаты писем не писали, так как знали, что почта все равно не работает.

В военное время жизнь в селе была очень бедная, так как все излишки отправлялись на фронт. Сельчане сеяли пшеницу, ячмень, рожь. Мололи зерно там же, в селе, по очереди. Мельница была сделана из двух больших плоских камней, запрягали животных, и с их помощью крутили эти самые камни. И тут же отделялась солома от зерен: зерно лопаткой подбрасывали, чтоб отделялся жмых.

А в 1944 г. пришла беда. Было принято решение о переселении жителей двух сел Шугинуб и Кульзеб в Чечню на место жительства депортированных чеченцев. Это переселение было насильственным, никто не имел права остаться на прежнем месте жительства, то есть все старики, женщины, дети в течение 24-х часов должны были собраться и начать переезд в Чечню. С собой нельзя было взять крупный и мелкий рогатый

скот; все хозяйство, утварь, вещи – все велено было оставить. Мужчины, на помощь которых можно было бы рассчитывать, находились на фронте. Переселение это происходило ранней весной, и было довольно таки холодно. До Буйнакса сельчане шли пешком, а от Буйнакса до Хасавюрта их переправили на товарном поезде. В Хасавюрте им дали несколько подвод для стариков и детей. Путь этот был очень трудным, по дороге было похоронено несколько человек.

В самой Чечне от перемены климата тоже погибло очень много людей. Жители Шугинуба и Кульзеба никогда не видели фруктов, и поэтому не знали, что их нельзя есть зелеными, и многие умирали от расстройства желудка. Некоторых случайно находили целыми семьями, умершими в домах. Многие погибли от малярии. Мужчин в селе не было, поэтому всех хоронили женщины, в то время старики жили на кутанах.

С собой у переселенцев не было никаких запасов, и там, на месте, они так же ничего не нашли. Дедушка Омар помнит, как в первые дни переселения он вместе с другими детьми палками выковыривал в полях кукурузные зерна. Они их мыли и использовали в пищу. У населения не было ни денег, ни зерна. Люди просили в колхозах и в бухгалтерии зерно, но и там им отказывали. Все отправляли на фронт. Основным питанием были крапива, черемша, халияр. Из них же варили суп и кашу, иногда добавляя зерна. Скотину, оставшуюся в Чародинском районе, смогли перегнать лишь в конце осени.

Многие переселенцы были раздетые и разутые, не было элементарной одежды. Не было в селе и воды. Ее привозили очень редко с речки Аксай, и чтобы добраться до нее, предстояло проделать долгий путь. Вода в речке не всегда была чистой, так как она протекала через соседнее село, и туда жители часто сбрасывали нечистоты. Не доезжая до села, был колодец, но воды в нем хватало не всем. Если один наберет воду, то другому нужно было ждать, пока вода накопится на дне колодца. Топили в то время кизяком и дровами, которые собирали все лето. Освещали жилища керосиновыми лампами.

Дети пасли овец, доили их, делали сыр, собирали яблоки и груши, собирали дрова, во всем помогали женщинам по хозяйству. Отдыхать и играть времени у них не было.

Со временем жители села научились заготавливать фрукты, которых в этих краях было очень много. Собранный урожай продавали, и жить стало немного легче. Разводили скотину, в селе была своя мельница, где сельчане по очереди мололи свое зерно.

В селе зерно оставляли только для посева и пропитания, все остальное отправляли на фронт. В фонд обороны женщины сдавали золотые и серебряные украшения.

Работали сельчане и на трудовом фронте. Дедушка Омар часто вспоминает рассказ тети Загры, которая копала окопы в Шамхале в Кумторкале вместе с другими женщинами нашего села. «Вот однажды, когда они рыли окопы около железнодорожной станции, там остановился товарный поезд. На этом поезде везли призывников на фронт. Среди них оказался и мой отец Курамагомед. Он вышел из поезда и увидел своих сельчанок. Стоянка была всего несколько минут, но он успел увидеть своих родных. Эти женщины были последними, кто видел моего отца».

Дедушка Омар, несмотря на то, что был еще подростком, работал звеньевым на сборе фруктов. Бригаде давали телегу, яблоки и груши собирали в мешки и сдавали. Взамен дядя Нури-бухгалтер давал дедушке квитанцию.

В Чародинском районе, когда началась война, в школу ходили только дети постарше. Там, в горах, дедушка Омар и его ровесники в школе не учились. Школьники бегали на занятия босыми. Начальная школа была в селении Шугинуб, а Кульзебе учились до седьмого класса. Старшеклассники ходили в школу в селение Ирибе. Школы открывали в пустующих домах. В Шугинубе школа была открыта в доме деда дедушки Омара. А в Чечне в школу ходили все. В школах изучались почти все предметы. Учителями дедушки Омара были русские и сельчане-мужчины, которые вернулись с войны, став инвалидами (они уже не могли служить в армии по состоянию здоровья).

Хуруел Али был основателем и директором школы. Он был ранен на фронте, стал инвалидом и вернулся в родное село еще во время войны. Впоследствии он основал школу в Чечне, а уже после переселения в Кизилюртовский район – в селе Кульзеб. Он был известным педагогом, и даже был приглашен на съезд учителей в Москве и виделся там с Крупской (Хурлен Али – дядя моего дедушки). Учителями в те годы работали Омар Магомед, Магомед Салих (отец завуча Кульзебской СОШ), Наби, Марья Михайловна, Ольга Яковлевна, Зинаида (отчество, к сожалению, дедушка Омар не вспомнил).

В местных школах сел Кульзеб и Шугинуб детей не кормили. А кормили только в школе в районе, то есть в Ирибе. Учебники были редкостью. Ручками и чернилами писали по очереди, так как они были не у всех. Одна чернильница стояла посередине и была рассчитана где-то на четверых уче-

ников. И макнуть туда перо можно было только с разрешения хозяина. Библиотека была очень маленькой, и все свободное время мы проводили за чтением книг.

Раз в неделю в район привозили фильмы. Дети тайком бегали в клуб, чтобы увидеть фильм. Если взрослые обнаруживали детей в зале, то выгоняли.

В Чечне добираться до школы было легко. Сел на сумку и катись с горы! Но зато назад дорога была намного тяжелее. Комсомол и пионеры – это было святое. В школе организовывались дежурства. Дежурные должны были прийти в школу пораньше, чтобы наколоть дрова и затопить печь, пока придут другие ученики. Также действовали тимуровские отряды, которые помогали одиноким старушкам: носили воду, собирали и кололи дрова, делали уборку дома. За учебу в школе отвечал учком (учебный комитет). Если не справлялся учком, то подключался сектор дисциплины и порядка: пока не исправишь «двойку», не отпускали домой. В пионеры не принимали тех, у кого были двойки.

В селе работало радио, и по нему мы узнавали новости. Газеты в селе были редкостью. Дедушке запомнились «Красное знамя», «Красный Дагестан», «Правда», «Известия», «Красная армия», «Комсомолец Дагестана».

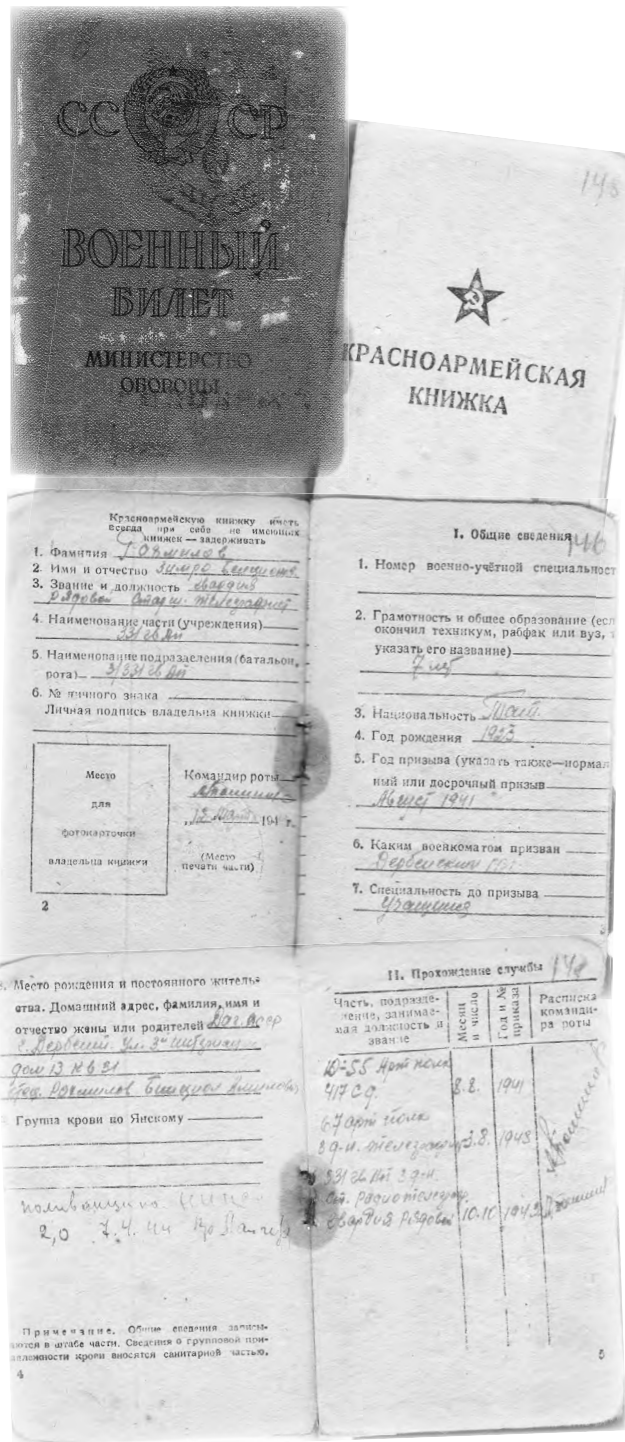
В селе у нас не было ни медпункта, ни госпиталя. Зато в районе, на расстоянии двух километров, была отличная больница.

Во время войны, да и после ее окончания, свободного времени у нас практически не было, иногда играли в военное дело и в игру «Зарницу». Новый год обычно отмечали в школе. В школе ставили елку и делали подарки учащимся младших классов. В селе игрушек для елки практически не было, поэтому лесную красавицу украшали самодельными бумажными игрушками, шишками, которые находили в лесу, а также яблоками, орехами. Случалось, что директор привозил игрушки из города.

Главной мечтой было то, чтобы все родные вернулись с фронта, с войны, а еще покушать сытно, и чтобы был достаток. Дедушка вспоминает, что в то время все жили очень дружно, не выделяли друг друга по национальности и родству; каждый делился тем, что у него было: кто – яблоками, грушами, тыквой, орехами, кто – молоком, творогом, мясом.

Для дедушки Омара героями были все фронтовики, их очень уважали и ценили. По возвращении с фронта их брали на хорошие должности, зачастую на руководящую работу.

Дедушка Омар помнит каждого вернувшегося с войны, многие вернулись уже после окончания войны в 1947 г. В разговоре он вспомнил,

Военный билет и красноармейская книжка.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

как домой вернулся наш родственник Камиль, и как после него самым последним – Алиев Шапи.

Пришел директор колхоза и сообщил нам эту радостную весть. Потом мы слушали радио, где об этом много говорилось. Все люди очень радовались, отмечали это событие всем районом. Рабочих трудового фронта награждали медалями «За оборону Кавказа»¹, в основном ими у нас в селе награждали женщин. Эти медали многие потеряли, потому что боялись даже носить их.

После войны колхоз укрепился, запустили электростанцию, что стоило большого труда. После весенних паводков река наполнялась водой, и чтоб восстановить канал, мужики заходили в холодную воду и укрепляли берега канала. Колхоз поднимали все – от мала до велика... Выходных не было ни в субботу, ни в воскресенье...

В послевоенное время переселенцы привыкли жить на новом месте, научились обрабатывать огороды, заготавливать фрукты, орехи, варить компо-

¹ Медаль «За оборону Кавказа» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 мая 1944 г. Медалью награждались все участники обороны Кавказа – военнослужащие Красной армии, Военно-Морского флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне.

ты. Семья дедушки Омара стала жить в достатке, так как у них был большой огород и сад. Когда колхоз окреп, людям на трудодни стали выдавать зерно, мелкий рогатый скот. А в 1957 г. было принято решение переселить наши села в Кизилюртовский район. И опять нашим сельчанам пришлось все начинать «с нуля». Первое время переселенцы рубили камыш, сооружали шалаши и ночевали в них на сене. В горах собирали камень для домов, резали саманы и все вместе, тухумами, строили по очереди друг другу дома. Один дом сообща могли построить за 2 – 3 дня.

В том же году дедушку Омара призвали в армию. Он служил подводником в Севастополе. Дедушка Омар должен был служить 4 года, но в связи с Карибским кризисом ему пришлось задержаться там еще на 6 месяцев. Он служил на дизельной подводной лодке. После армии дедушка Омар пошел работать в колхоз им. Советской армии, вновь основанный в с. Кульзеб теперь уже Кизилюртовского района. После выхода на пенсию, дедушка работал будуном² в местной мечети, а так же изготавливал надгробные памятники.

*Материал предоставлен Махантовым Р.Р. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Письма с фронта получали редко...

Курахмаев Далгат,
родился в 1929 г. в с. Гергебиль Гүнибского района
Дагестанской АССР

До начала войны в нашем селе был колхоз им. Орджоникидзе, очень богатый – колхоз-миллионер, который специализировался на садоводстве и животноводстве.

В семье нашей было пять человек: мать, отец, сестра, брат и я. О начале войны я услышал по радио. На фронт ушли почти все мужчины села, в том числе двоюродные братья матери. Письма от них мы получали редко. Они писали о том, как освобождают оккупированные фашистами территории.

В то трудное военное время основная тяжесть легла на плечи женщин и подростков. Почти все работали в колхозе. Выращивали в основном кукурузу, из которой пекли хлеб. Была у нас домашняя скотина: корова, осел,

² Будун мечети – работник мечети, призывающий к молитве.

куры, бараны и козы. Это было большим подспорьем. Печь дома топили дровами. За дровами ходили в лес, рубили, привозили домой на ослах. Освещали дома керосиновыми лампами.

В годы войны я в школу ходил пешком. Обучали нас русскому языку, математике, родному языку. Из газет помню «Красное знамя» (на аварском языке). Героем для меня был герой-подводник Магомед Гаджиев. В школе мы собирали посылки для бойцов: дети приносили из дому теплые носки, табак, новые платки. Несли, кто что мог.

Об окончании войны я узнал по радио. Это был незабываемый день. А вскоре с войны вернулись мои дяди...

После войны в 1948 г. я окончил школу, работал секретарем сельского совета. В октябре 1949 г. был призван на воинскую службу, служил на Западной Украине. Учился в Астраханском учебно-кредитном техникуме, работал в отделении банка. В настоящее время нахожусь на пенсии.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Свою битву за Кавказ мы, бойцы сороковых годов, выиграли...

Курбанов Нури Гаджимурадович,
родился в 1924 г. в с. Тагирджал Кусарского района
Азербайджанской ССР

Родился Н.Г. Курбанов в крестьянской семье. После окончания семилетней школы в родном селении Нури поступает учиться в Кусарское педагогическое училище, чтобы стать учителем. В 1940 г. он окончил его, однако учительствовать Нури не пришлось. В добровольном порядке и по направлению районного военного комиссариата его направляют на учебу в Киевское артиллерийское училище.

Началась Великая Отечественная война. Пришлось прервать учебу и взяться за боевое оружие, чтобы внести свой личный вклад

в дело защиты Отечества от варварски напавших немецко-фашистских захватчиков. Вот что вспоминал Нури Гаджимудович Курбанов о событиях тех дней:

«Первый день войны застал меня курсантом Киевского военного училища. В этот день около 600 немецких самолетов бомбардировали город. Не получив желанного офицерского звания, в петлицах курсанта я был отправлен на фронт в качестве командира тяжелого артиллерийского орудия. Боевые действия тогда шли у самой границы. Внезапно напавшие фашисты стремительно двигались вглубь нашей Родины. Наш артиллерийский полк мужественно сражался за каждый клочок родной земли с коварным, сильным и хорошо вооруженным врагом; мы отступали с боями. В одном из боев, в районе г. Чернигова, при отражении танковой атаки, я был тяжело ранен. После непродолжительного лечения я снова был направлен в одну из самых горячих тогда точек – на Южный фронт, в район г. Ростова-на-Дону. Еще в декабре 1941 г. немцы стремились захватить Кавказ. Но наши войска остановили их за рекой Дон – дальше Ростова фашисты не смогли продвинуться.

Здесь я был повторно ранен. После выздоровления, в начале 1942 г., меня направили в Сухумское военное училище для продолжения учебы. Армии необходимы были специалисты, умеющие использовать в бою «катушу» – гвардейский миномет.

Окончив училище и получив офицерское звание, я был послан на Северо-Кавказский фронт. В это время немцы уже захватили Краснодарский и Ставропольский край и обходили к Сталинграду. Южное крыло фронта к этому времени начиналось в предгорьях Кавказа – Кабардино-Балкария, часть Северной Осетии и некоторые районы Чечено-Ингушетии были оккупированы, захвачены многие курортные города. Дагестан считался прифронтовой полосой – здесь постоянно кружили немецкие самолеты. Летом и осенью 1942 г. обстановка на Северном Кавказе была крайне напряженной. Фашисты считали покорение Кавказа делом решенным – в знак этого на Эльбрусе было водружено фашистское знамя со свастикой. Но, несмотря на это, Кавказ не был покорен – он готовился к ожесточенным боям с целью изгнания немцев. Молодой 18-летний лейтенант (т.е. я) получил должность командира батареи и был направлен на самый тяжелый, самый горячий участок фронта – к Эльхотовским воротам. В этом районе авиация противника буквально перепахала всю долину, а затем артиллерия выжгла в ней огнем все живое. Но люди выстояли.

Изгоняя фашистских захватчиков, мы освобождали города Северного Кавказа. Бои уже приближались к Краснодару. Здесь немцы создали особую, эшелонированную оборону – «Голубая линия».

Вспоминается такой эпизод. «На Кубани командир партизанского отряда просил артиллеристов помочь освободить город Ейск. Генерал отправил меня в помощь и представил как храброго артиллерийского командира. Командир партизанского отряда удивился: «Но ведь это же ребенок!» Генерал ответил: «За плечами этого ребенка – разгромленная танковая армия Клейста, так что можете смело положиться на него – он оправдает ваше доверие». Так оно и случилось. За добросовестное выполнение своего долга, за проявленную храбрость и мужество при выполнении боевого задания я получил от командования благодарность».

В 1943 г. при отражении фашистской танковой атаки в районе «Голубой линии» командир батареи лейтенант Нури Курбанов был тяжело ранен и без сознания доставлен в военный госпиталь. После долгого лечения командир батареи старший лейтенант Курбанов снова вернулся в строй. В этот раз он готовился к решающей схватке – освобождению городов Европы и разгрому фашистского логова – Берлина. Но Нури не дошел до Берлина совсем чуть-чуть. Освобождая столицу Польши – Варшаву, он был снова ранен. После лечения в госпитале – снова на фронт, на передовую.

До победы оставалась 122 дня.

За образцовое выполнение боевых заданий старший лейтенант Нури Курбанов награжден орденами Великой Отечественной 1-й и 2-й степени, Орденом Красной Звезды, полутора десятком медалей, в том числе медалью «За взятие Варшавы», «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

После победоносного окончания Великой Отечественной войны и демобилизации из рядов Советской Армии Н.Г. Курбанов поступает учиться на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Однако, получив диплом о высшем образовании, он решил посвятить себя научно-исследовательской и преподавательской работе: поступает в аспирантуру с отрывом от производства при этом же университете. Здесь же в 1955 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Однако Нури Гаджимудович не останавливается на достигнутом. Упорно и настойчиво продолжает свою научно-исследовательскую работу. В 1970 г. Н.Г. Курбанов успешно защищает в Ленинграде докторскую диссертацию... А в 1973 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре философии и научного коммунизма.

Более 40 лет жизни Нури Гаджимудовича были связаны с системой высшего образования, с обучением и воспитанием студенческой молодежи.

Нури Гаджимудович принимал активное участие в общественно-политической жизни Махачкалы и республики: являлся председателем Совета ветеранов войны при Дагестанском государственном педагогическом университете, заместителем председателя Махачкалинского городского Совета инвалидов Великой Отечественной войны.

День Победы был самым любимым праздником Нури Гаджимудовича Курбанова. В этот день он приходил на Воинское кладбище г. Махачкалы, вспоминал о погибших товарищах, мечтал о светлом завтрашнем дне. Он часто говорил, что сейчас идет новая битва за Кавказ и повторял: «Свою битву за Кавказ мы, бойцы сороковых годов, выиграли. Главное – не проиграть сегодняшнюю войну за мир и спокойствие на Кавказе!».

*Материал предоставила Османова М.Н.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

С фронта мама получила два «треугольника»

Рамалданова (Куценко) Жанна Григорьевна,
родилась в 1941 г. в с. Ново-Зарицкое Фрунзенского района
Одесской области

На начало войны это было небольшое село, находящееся в 30 км от райцентра. В нем жили украинцы, молдаване, русские, греки. В центре села располагались небольшая школа, правление колхоза.

Жили люди в незатейливых хатах, занимались работой в колхозе и на своих приусадебных участках выращивали картофель, свёклу, тыкву, кукурузу, жито, пшеницу.

Семья состояла из пятерых человек: отец – Куценко Григорий Антонович, молдаванин; мать – Черепенко Алла Константиновна, украинка и трое детей – сестра Вилита (1938 г.р.), брат Вадим (1939 г. р.) и я (1941 г. р.). Бабушки и дедушки жили в Крыму и на Украине.

Мои родители, учителя, были направлены в предвоенные годы из Крыма на работу в школы отдалённых сёл.

В июне 1941 г. отец ушёл на войну, а я родилась 1 октября.

Что я помню? Мучительный голод, когда мы все втроём, малышами, что-то сладкое вырывали из-под снега. Это была мёрзлая картошка, мы её называли «бульба».

Мама получала паёк из колхоза и РОНО¹, но это были крохи, чтоб не умереть.

Тяжело было, когда женщин села послали рыть окопы. Потом, когда село оккупировали гитлеровцы, школу занял румынский лагерь. Наша квартира была в школьном здании, а напротив нас жила семья другого учителя. Он эвакуировался и выехал. А мы с мамой остались.

Как-то нас троих детей кто-то закрыл на замок. Окна были зарешеченные, с большими подоконниками. Мы, усевшись на подоконнике, наблюдали, как во дворе школы сутились румынские солдаты. В углу школьного двора стояла их кухня.

Несколько раз старый солдат-кашевар проходил мимо окна и видел голодных детей. Проходя в очередной раз, он с оглядкой, чтоб никто не увидел, швырнул в форточку бумажный свёрток. Это была горячая каша. Брат в то время уже стал опухать от голода.

Благодаря этому кашевару мы выжили. Через неделю лагерь ушёл из села, и жителей отпустили домой.

Бежали все, чтобы быстрее увидеть своих родных. Не спешила только наша мама – она уже не надеялась увидеть своих детей живыми...

Сколько было слёз радости, когда мы встретились! Она благодарила Всевышнего и того старого вояку, который спас её детей. А мы даже не знали его имени!

С фронта мама получила два «треугольника». Третьей стала печальная весть, которая коснулась и нашей семьи. В письме значилось: «Пропал без вести».

Но мама, несмотря на обрушившееся на нас горе, находила силы идти в школу к своим ученикам. Когда раздавались взрывы, она собирала детей, и они переходили в подвальное помещение, где при свете керосиновой лампы продолжались уроки.

Большая часть домашней работы выпала на плечи старшей сестры. Она даже научилась варить суп из лебеды и свеклы. Печь топили сухой соломой. Мы, дети, сами её приносили в большом старом вязаном платке.

Однажды, когда она отсырела, и мы ею дополна набили печь, дым застал всю комнату, а когда мы попытались подуть, чтоб разжечь её, пламя обожгло нам с братом лица. Хорошо, что пострадали только ресницы, брови и часть волос на лбу.

¹ РОНО – районный отдел народного образования.

А печь была добротная, русская. Она подолгу сохраняла тепло и обогревала нас, когда мы прятались наверху. Однажды мама не заметила, как мы там днём уснули, затопила печь, и мы проснулись с криком: мы сильно пообжигались, до волдырей. И сегодня у нас сохранились эти шрамы.

Маленькой я ходила к маме в класс. Тогда школьные доски были на ножках – «перевёртыши». Пока шёл урок, я на второй стороне «художничала», а когда доску переворачивали, то в классе стоял хохот.

Иногда мама оставляла меня с братом. Зимой мы играли в комнате в «догонялки», чувствуя, что он меня догоняет, я убегала в открытую дверь и – по снегу босиком... Увидев в окно своих «непослушаек», мама просила техничку загнать нас домой.

Время военное было трудным, горе приходило в каждый дом. Людям было очень тяжело. Моя мама пользовалась авторитетом, и к ней часто приходили люди за советом. Помню, что мама имела награды, а мы играли с этими медалями, где-то у нас было мамино фото с этими наградами.

Однажды маму послали на совещание в район. Туда она уехала на бричке, второй день мама провела в городе, а на третий – вернулась домой. Воры узнали, что её нет дома, и залезли к нам ночью через окно. До сих пор помню чьи-то шаги, шорох, а мы с братиком – в кровати, прижавшись друг к другу и почти не дыша... Украли одежду, школьные тетради, деньги (мама в то время была завучем и в сундуке держала небольшие сбережения).

Тут мама вернулась к утру, стучит нам, не достучится, видит – через окно убегают воры, а на окне стоит ведро с керосином – не успели захватить.

Уже во взрослой жизни, при встрече, брат, вспоминая это, спрашивал, что было с нами, если бы, проснувшись, мы обнаружили себя? Возможно, самое страшное...

На полях мы маленькими собирали колоски. Какую-то долю давали и нам в кармашек. А как-то одна десятилетняя девочка набрала в свою торбочку с копны и унесла домой. Маму её вызвали, и больше она её не видела.

Вот такое было детство моё и моих сверстников – это целая исповедь, которую не опишешь в анкетах...

Просто нам повезло выжить и дожить до сегодняшнего дня. Сегодня такая жизнь, что рай, да только жить нам уже некогда.

А мечтали мы о том, чтобы был хлеб на столе и мама в доме...

Мама готовила такую вкусную кашу из кукурузной крупы (называли её «мамалыгой»)! Достанет она её из печки, да с чугунка на голый дубовый

столлик выложит, деревянной лопаточкой разделит каждому, а посредине сковородку с шипящим луком в подсолнечном масле поставит. Вот это было чудо!

А ещё помню твёрдые кусочки «макухи» (прессованные отходы), мы грызли их и спасались от голода, а крошки подбирали мышки, с которыми мы играли.

Медпункта в нашем селе я не помню, но спасали нас народными средствами умные старушки. Тогда эпидемия была, и те, кто сильно ослаб, не выживали.

До сих пор из этих народных средств я вычитам своим советую жареный кусок сахара от кашля.

Пережила наша мама трудное военное время и продолжала работать в школе до февраля 1949 г., но тяжёлая болезнь унесла её из жизни в 33 года...

Мы, дети, по февральской вьюге в 6 часов утра пошли стучать в соседние окна с этой горькой вестью...

Чужие люди, друзья и знакомые, по молчаливому согласию, ВОНО и традиционной оркестр. Гроб занесли в большой класс, поставили на парты, и всё село проходило прощаться...

Помню, сильно плакали все, когда мы почему-то открывали маме ручонками глаза и будили её. На девятый день со дня похорон приехала ба-

Старожилы с. А-Невской

бушка и распределила всех по родственникам, а меня с собой забрала в Крым. Там я выросла, окончила с отличием школу, но верно говорят, что беда не приходит одна – прямо на работе парализовало деда, двадцать пять лет он прожил в таком состоянии.

Не было возможности дальше учиться, трудно было жить на мизерную пенсию деда. С 15-ти лет я уже имела трудовую книжку в колхозе. Сцена сельского клуба была для меня самой любимой. Там, в клубе, я встретила бравого матроса-дагестанца, и увёз он меня по окончании службы в Дагестан, который стал для меня второй родиной.

Здесь живут прекрасные, гостеприимные люди, которые приняли меня в свою семью. Я благодарна судьбе, что связала меня с ними. Я с годами стала глубоко уважать их традиции, обычаи, у нас родилось трое прекрасных детей. За свой труд я имею медали «Патриот России», «Ветеран труда».

Меня пригласили работать в школьную библиотеку, и сейчас уже 40 лет моему рабочему стажу в школе. Двадцать из них я вела в школе пионерскую работу, знаю каждую сельскую семью. Школа – моя вторая жизнь, без ребят я не смогу ни дня. Есть что им рассказать и из своей личной жизни.

В 1968 г. в станице Александра Невской (А-Невской) была только одна семья горцев, а сегодня проживает более 10 национальностей.

К 50-летию Великой Победы в школе мы организовали небольшой музей. Я и сегодня веду краеведческую работу. Сколько мы с ребятами за эти годы сделали для сохранения памяти о войне. А первыми помощниками нам в этом были старожилы села, вдовы погибших воинов, ветераны Великой Отечественной войны. Большой вклад в оформлении краеведческого материала школьного музея внесли жители села, по крупинкам собирали мы его и сохраняем сейчас.

К сожалению, река времени унесла из жизни многих, но мы сохранили эту память в музейных альбомах, мы проводим в музее встречи, уроки мужества.

Помнили старожилы довоенную станицу, военное время, как страдали жёны с малолетними детьми на руках, но была удивительная сила в этих людях, которая помогла сохранить семью, поднять сельское хозяйство.

Дарили нам вдовы погибших сувениры: самовары, умывальники, многие вещи домашнего быта, даже ящик для патронов, с которым зенитчики с крыши на крышу перемещались с ним, сбивая вражеские самолёты.

Делились женщины, вдовы погибших воинов, своими воспоминаниями о том, как получали треугольники от любимых с фронта...

М.З. Дыдымова вспоминала о том, как ее супруг писал с линии фронта: «Сижу под кустиком, на коленке пишу тебе, идёт бой, береги детей...». И всё, а после – «похоронка».

Провожала бабушка Поля своих мужа и сына на фронт, плакала, а сын, комсомолец, ей сказал: «Мама, если я не пойду, другой не пойдёт, кто же Родину защищать будет?». Получила бабушка Поля две похоронки...

М.М. Попукайло рассказывала о тех тяжелых днях: «Придёт горе в дом, соберёмся там вместе, накормим, уложим детей, наплачемся, а потом под звук вьюги в трубе затынем тихонько свои любимые песни о горькой женской доле. А рано утром опять за работу. Да не просто так, а по 9 норм выполняли! Вечером с темнотой возвращались домой, а дети под калиткой в ожидании нас заснули, соберём их – и в дом...»

Вот такие были наши «некрасовские» героини, женщины в русских селеньях. Время заставило их быть строгими и добрыми, твердыми и чуткими и милосердными одновременно. Этому учили они и своих детей.

Ю.Я. Хатнянский, сын погибшего Я.А. Хатнянского: «Мама была строгая, но заботливая, сама трудилась за семерых и нам привила любовь к труду».

Хотя мне самой 72 года, но краеведение для меня дорого потому, что это всё до боли мне знакомо с детства, а судьба детей войны, тех, кто пережил военное время и трудные послевоенные годы у всех очень схожа.

Стало традицией у нас с ребятами посещать 1 октября в день пожилых людей наших старожилков! Это особенно дорогие нам люди – это наша история.

Есть у нас в музее краеведческий материал о защитнике нашей станицы во время Великой Отечественной войны Быченко М., жителя Краснодарского края, станицы Куцевской. Есть альбом «Встреча с выпускниками 1945 года». Во время войны, в 1942 г. привезли детей блокадного Ленинграда на Кавказ. Жители нашей станицы взяли в свои семьи 6 девочек, вырастили их, воспитали, а спустя 40 лет они были на трогательной встрече у нас в школе, они подарили нам альбом с памятной надписью.

На экскурсиях в школьном музее нам есть о чём рассказать младшим школьникам и ребятишкам из детского сада.

У нас проходят встречи с воинами-афганцами, участниками черноморских и карабахских событий.

Старожилы помнят, как пришла в нашу казачью станицу, которая носит имя великого русского новгородского князя Александра Невского радостная весть об окончании войны.

На центральной улице села накрыли большой стол, выступали руководители, звучала музыка, радости не было предела.

Мои краеведы изучают историю села, памятные места... Имена 78 станичников, которые не вернулись с войны, золотыми буквами высечены на обелиске в центре села. Стоят рядом две могилы защитникам нашим – подполковнику Юрьеву и Рященко, которых привезли в 1942 г. с поля боя, в центре села состоялся митинг, и здесь их похоронили. Сын одного из них приезжал из Москвы на открытие памятника.

Рядом находится братская могила (12 красноармейцев). Жители в лесу собрали останки и захоронили их.

Уходят годы, но история жива, нельзя её изменить, она – святыня для нас, и мы на этой патриотической ноте воспитываем своих ребят.

Близится знаменательная дата 70-летие Великой Победы. Пусть наши дети помнят и знают эту историю только из книг, кинофильмов, экскурсий, встреч с очевидцами. Пусть в мире будет всё спокойно! Ведь война детей не рождает – она их убивает.

А мы, дети войны, пересказываем из уст в уста воспоминания о военной поре, ибо наш долг сберечь память о прошлом во имя светлого сегодня и завтра.

*Материал предоставлен Прокопенко Л.И.,
Тарумовская районная газета «Рассвет»*

Краеведы с. А-Невской у памятника погибшему на фронте

Трудное время

Лукманова Кита Сулеймановна,
родилась в 1935 г. в с. Кули Кулинского района
Дагестанской АССР

Лукманова К.С. с дочерью

Большинство жителей села работали в колхозе. Семья наша была большой: отец, мать и семеро детей – шесть мальчиков и она, одна девочка. Отец Сулейман до войны работал чабаном, а мама Иза – на полевых работах. Отец был также костоправом¹. Так как в селе не было ни медпункта, ни больницы, к отцу приходили травмированные люди, и он всем помогал.

«Когда началась война, по селу начали раздаваться крики: «Война, война!!!». Это событие сильно изменило жизнь. Запрещалось включать свет, постоянно было слышно, как низко пролетают самолёты. Молодых мужчин стали призывать в армию. Многим из них не суждено было вернуться, их родные получали скорбную весть, ее приносила похоронка. Эти сообщения в селе почему-то называли «тыл», и родные собирались на соборезнование.

В год начала войны я пошла в первый класс. У нас практически не было бумаги для письма. Учитель делил один лист бумаги на весь класс, а учебник был только у преподавателя. Писали пером и чернилами. В школе были пионерские отряды, а галстуком служил простой материал красного цвета.

Несмотря на то, что я ходила в школу, мысли мои больше были о том, как сходить за травой для коровы, как собрать колоски пшеницы, чтобы приготовить покушать хотя бы по одной ложке для каждого члена семьи. Я закончила всего 4 класса школы, так как надо было присматривать за младшими братьями, приносить с речки воду, заниматься домашним хо-

¹ Костоправ – человек, умеющий вправлять кости при вывихах.

зьяйством. Я вставала очень рано, чтобы собрать навоз за сельскими коровами и сделать из него кизьяк, которым топили печь. В игры мы почти не играли, не было времени.

Я помню, что находилась в школе, когда объявили, что война закончилась. Все были счастливы и радовались.

Отец мой весной уходил пасти колхозных овец на летние пастбища, расположенные в Азербайджане. Однажды у него увели половину стада, и он, чтобы расплатиться, был вынужден продать всё, что было дома. Вот тогда и началось для нашей семьи самое трудное время. Есть было нечего, практически не было одежды.

Постепенно всё начало налаживаться. Отец стал работать на мельнице, мы бегали к нему и собирали остатки муки, из которых пекли хлеб. На своем земельном участке выращивали картошку, свеклу, пшеницу. В 15 лет началась моя трудовая деятельность на ферме, где я проработала дояркой двадцать лет. Награждалась почетными грамотами, как передовик. Затем я работала в сельском яблоневом саду. В 1975 г. переехала в с. Бабаюрт Бабаюртовского района, в 1980 г. – в с. Шаумяна Кизлярского района, вместе с зятем и дочерью. Здесь я также добросовестно работала в колхозе, а за трудовые успехи была отмечена государственными и правительственными наградами. Воспитала трех внучек и внука, имею десять правнуков».

Лукманова К.С. с правнучкой Мариной

*Карина Мусиева, 5 кл.,
Шаумяновская СОШ Кизлярского района.
Опубликовано: «Орленок-Дагестан». 2015. Вып. 4.*

Было трудно, но мы не жаловались

Лысенко Фёдор Сергеевич,
родился в 1926 г. в с. Сотниковское Бурлацкого района
Ставропольского края

Я был старшим сыном в семье Лысенко Сергея Степановича (1903 г.р.) и Марии Андреевны (1903 г.р.). В 1930 г. наша семья переехала на новое место жительства в село Малая Арешевка Кизлярского округа. Связано это было с тем, что на Ставрополье активно шла коллективизация, а в Дагестане эти процессы шли медленнее. Кроме этого, в Малую Арешевку уже переселилось несколько семей наших родственников, и они убеждали отца в том, что условия жизни там лучше. В семье нашей было пятеро

*Лысенко Георгий, Лидия, Виктор 1945 или
1946 гг. с. Малая Арешевка*

детей: я, сестра Лидия и еще три брата: Павел, Георгий и Виктор, который родился перед войной в 1940 г.

В 1937 г. отец вступил в колхоз, был в нем на хорошем счету, работал бригадиром. За хорошую работу, в июне 1941 г. его и еще двух сельчан наградили путевками в санаторий, находившийся в горном районе Чечено-Ингушетии. Не успели они отдохнуть, как началась война, и им пришлось пешком возвращаться домой.

Вскоре отца призвали в армию. Мне исполнилось 15 лет, и я был главным помощником родителей. Я с другими подростками села отвозил на конных подводах призванных на войну сельчан до Кизляра, в том числе и своего отца. Он наказывал мне беречь мать, младших братьев и сестру. От него мы получили только одно письмо из госпиталя, а затем уже похоронку.

Он погиб в конце войны – 16 декабря 1944 г. в Венгрии, под Будапештом.

У нашей семьи началась жизнь без отца. И мать, и я работали в колхозе. В школе я уже не учился, учились младшие. Я следил и охранял колхозный скот. В 1941 г. шла эвакуация скота через наш район, я собирал отбившуюся от стада скотину, приводил на колхозный скотный двор, а затем животных у нас опять изымали. Я охранял колхозное сено на полях, один раз остался в поле на три ночи: выпал снег, дороги замело, и за сеном не смогли приехать. Я забрался в стог, слышал вой волка, было боязно. Но все закончилось благополучно.

Вместе с другими подростками села и района трудился на строительстве железнодорожной ветки «Кизляр-Астрахань»¹: на погрузке серого теречного песка на железнодорожные платформы. Было трудно, но мы не жаловались, знали, что трудом приближаем победу. В отличие от многих и многих семей, к счастью, в войну мы не голодали. Все это благодаря большому огороду, и тому, что на нем мы выращивали много картошки, другие овощи и кукурузу. А также тому, что председатель колхоза был не бездумным администратором, а человеком, заботящимся о простых людях. Во-первых, при приближении немцев к нашей территории он раздал колхозникам собранный урожай под свою ответственность, а в последующем разрешил сельчанам после уборки зерновых на колхозных полях произвести посевы кукурузы, которая в нашем климате до холодов успевала вырасти. Таким образом, люди получали кукурузу на зерно для себя и стебли на корм скотине.

Мама рано уходила на работу, оставляя на печи вариться картошку, и опару теста, зачастую мне приходилось готовить еду для младших и печь хлеб. В поливных канавах, в которые вода поступала из Терека, я с другими мальчишками ловил рыбу, которая также разнообразила наш рацион. Жили мы не богато, но дружно, поддерживали друг друга. Одевались мы просто, большую часть года ходили босиком, теплой одежды было мало. Помню, как плакала мама, когда приходили похорожки на двоюродных

¹ Строительство этой дороги шло в период битвы за Кавказ и имело огромное значение. Северный Кавказ до города Грозного в 1941 – 1942 гг. находился в руках немецко-фашистских войск, и железные дороги, по которым шел основной поток грузов с Кавказа и на Кавказ, также были отрезаны. Станция Кизляр была тупиковой, и необходимо было срочно построить новую ветку. Когда немецкие войска приближались к Ростову, Совнарком СССР в ноябре 1941 г. принял решение о строительстве железнодорожной линии Кизляр-Астрахань протяженностью 348 км. В течение года предстояло выполнить огромный объем работ, надо было вынуть более 6 миллионов кубометров грунта, мобилизовать на строительство тысячи людей, обеспечить стройку необходимой техникой, стройматериалами, и все это в условиях тяжелейшей войны. В строительстве дороги приняли участие крупные строительные организации Украины, жители Калмыцкой АССР, Астрахани. Большая ответственность легла на жителей Кизляра и его округа (Лысенко Ю.М. Строительство железной дороги Кизляр-Астрахань в 1941–1942 гг.: факты и воспоминания // Великая Отечественная война в историческом знании и народной памяти. Материалы региональной научно-практической конференции. (20 – 21 октября 2010 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010).

братьев, которые были старше меня и призывались в армию в самом начале войны.

В январе 1944 года, в семнадцать с половиной лет меня призвали в армию. Воевал не с фашистами на Западном фронте, а был направлен на Восточный фронт и сражался с японцами. Служил в стрелковой бригаде, в 335-й дивизии, а затем в 205-м полку. Нас обучили военному делу, а в ночь с 8 на 9 мая полк высадили морским десантом в Северной Корее, которая была захвачена японцами. Наша армия окружила противника и взяла в плен очень много японцев. Как участник боевых действий советских войск на Дальнем Востоке я был награжден боевой медалью «За победу над Японией», а также медалью «За освобождение Кореи». Хотя война с Японией была быстрой, я служил в армии шесть лет, охраняя нашу границу, грузы на железной дороге, помогая Корее создавать армию, милицию, даже выучил корейский язык. На всю жизнь сохранил дружбу со своим фронтовым товарищем – Александром Черентаевым.

Вернувшись на Родину, решил получить образование, поехал в г. Грозный, окончил курсы дизелистов-мотористов, стал нефтяником, связав жизнь с нефтяной промышленностью. Всю жизнь честно трудился на благо Родины. В 1950 г. женился, прожил 60 лет с супругой, воспитал двух детей: сына и дочь. Для меня праздник Победы – самый главный! А внучке своей завещаю встретить 100-ю годовщину Победы!

*Материал предоставлен Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Из докладной записки секретаря Ставропольского крайкома ВКП (б) М.А. Суслова в ЦК ВКП (б) «О помощи семьям фронтовиков и детям-сиротам, оказанной в первом полугодии 1943 г.»

24 сентября 1943 г.

По данным, полученным только от 36 районов края, за 1-е полугодие 1943 г. оказана продовольственная помощь 5877 семьям, им выдано 164745 кг разного продовольствия...

Умело и продуманно проведена работа в Кизлярском округе, где колхозники колхоза им. Ленина Кизлярского района обратились через печать ко всем трудящимся округа с призывом создать мощный фонд помощи семьям фронтовиков.

По округу в короткий срок, за малым исключением, обследованы все семьи военнослужащих, собрано денежных средств 384737 рублей и зерна 260 центнеров.

Отчислено общественными организациями, предприятиями и учреждениями денег (в сумме 50400 руб. и продовольствия – 568 центнеров). В колхозах и учреждениях создано 93 кассы взаимопомощи. Засеяно в фонд помощи семьям 290,5 га разных культур. Наличие такого фонда позволило оказать реальную помощь остро нуждающимся семьям фронтовиков. Роздано 4730 цыплят, обеспечено квартирами 169 семей, отремонтировано 250 квартир, построено 6 новых домов, обеспечено топливом 611 семей, пошито обуви на 400 чел., отремонтировано обуви 1307 пар, оказана помощь деньгами 2590 семьям на общую сумму 179000 рублей, что в среднем составляет 691 руб. на семью, отпущено продовольствия 913 семьям, всего 1228 центнеров или в среднем 1,3 центнера на каждую семью. Трудоустроено 1078 человек.

Секретарь Ставропольского крайкома партии ВКП (б) М.А. Суслов.

Опубликовано: Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Сборник документов и материалов. – Ставрополь, 1962. С. 305 – 306; Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С.672 – 673.

Мое детство пришлось на трудные военные годы

Магомедов Абдурашид Магомедович,
родился в 1939 г. в с. Гоаб Чародинского района

В нашем селе до войны насчитывалось 70 – 80 хозяйств, был колхоз им. И.В. Сталина. Мой отец был председателем колхоза.

Семья наша состояла из отца, матери и троих детей – я, старшая сестра и младший брат. И сестра, и брат умерли, я их даже не помню. Матери тогда было около сорока лет.

Из нашего села на фронт ушли 24 человека, а вернулись 6. На сегодняшний день живы трое из них.

Мой отец ушел на фронт в 1941 г. Мы получили от него одно единственное письмо. В нем отец обращался к матери: «Смотри, Патимат, как

бы трудно не было, сбереги детей, постарайся, чтобы они не голодали». А потом пришло «черное письмо» – похоронка – из-под Моздока.

В 1944 г. нас переселяли в чеченские районы, в дома репрессированных чеченцев, депортированных в Северный Казахстан.¹ Из нашего района, кажется, в число переселенных попало 10 – 12 сел. Я вспоминаю, как это было тяжело. Мама тащила меня на спине, пока мы добирались до Буйнакка.

На новом месте тоже было трудно. Мы почти ничего не смогли взять с собой из своих домов. В горах остался скот. В Чечне у нас ничего не было. Мы, дети, старались помогать взрослым, тем только могли, в основном по хозяйству.

Основные новости мы узнавали на небе, при приеме радиопозле конторы. Там было радио. А когда кто-либо получал похоронку, то сельчане собирались возле конторы, вместе плакали и горевали.

На участках сеяли кукурузу (собирали по 200 – 300 кг.), кукуруза и кукурузная мука были основными нашими продуктами. Мы, дети, после уборки урожая собирали колоски на полях, и хорошо запомнили, что их нельзя было терять. Когда я стал постарше, то стал помогать взрослым пасти скот.

Хотя шла война, но дети есть дети. Конечно, нам хотелось играть, но времени для этого было очень мало. А когда оно находилось, то зимой мы с удовольствием катались на санках (мастерили деревянные санки сами), а в теплое время года играли в мяч (Справда, о настоящем мяче мы и мечтать не могли. Наш мяч мы катали из овечьей шерсти, которая оставалась после стрижки овец, а реже – из тряпок. Мяч был довольно тяжелым, от его попадания долго болело место удара).

instituteofhistory.ru

¹ Постановление Совнаркома ДАССР от 9 марта 1944 г. предусматривало переселение 5000 хозяйств в бывшие чеченские и ингушские районы, включенные в состав ДАССР, а распоряжение Совнаркома республики от 11 марта 1944 г. – 1300 хозяйств в бывший Ауховский район Дагестанской АССР до 15 апреля 1944 г. А во вторую очередь (до 15 мая) предусматривалось переселение 2800 хозяйств. В 1944 г. к вновь присоединенным шести районам Чечено-Ингушетии, в Новолакский район и ряд селений Хасавюртовского района, откуда были выселены дагестанские чеченцы, было переселено 16000 тысяч хозяйств из горных и высокогорных районов, а также ряда селений Кумторкалинского и Махачкалинского районов. Такое оперативное решение проблемы переселения позволило 12 октября и 4 ноября 1944 г. вновь поставить вопрос о переселении дополнительного контингента дагестанцев соответственно 3200 хозяйств и 3210 колхозников. Одновременно были приняты меры по оказанию помощи дагестанским переселенцам (списание недоимок по госпоставкам сельхозпродуктов). Принимаемые государством меры оказывались недостаточными для решения проблем переселенцев. Спешно покинув свои родные очаги весной 1944 г., переселенцы не смогли в лучшие сроки засеять поля, не имели возможности обеспечить необходимый уход за посевами. В результате, как с колхозных полей, так и с приусадебных участков, были получены низкие урожаи, оставившие многих переселенцев без хлеба. К этому присоединились и вспышки эпидемических заболеваний, что привело к обратному оттоку населения из присоединенных районов. Факты обратного возвращения колхозников имелись в Веденском, Ритлябском, Андалальском, Шурагатском и Новолакском районах. Тогда были приняты дополнительные меры для оказания помощи переселенцам и улучшению их снабжения хлебом. (Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920 – 1995 гг.). Документы и материалы. В 2-х томах. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920 – 1945 гг.). Т. I. Составители: Какагаганов Г.И., Каймаразова Л.Г., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Асильдаров С.Ч. Предисловие (авторы Османов А.И., Какагаганов Г.И.). Махачкала: Издательский дом «Наука плюс». 2006. С. 10 – 12).

Мы, дети войны, мечтали о том, чтобы не голодать, ну, и, конечно, о том, чтобы кончилась война.

Об окончании войны мы узнали на той же площади, возле конторы, где собрались все сельчане. Радость была великая, действительно всенародная.

Героем для меня был мой отец, который отдал жизнь за Родину, за Победу в этой страшной войне. Мне очень хотелось узнать, как он погиб, там, под Моздоком. Не сомневаюсь, что сражался он отважно. Уже после войны нам с матерью каждый год приходили его награды – медали и другие.

Жизнь медленно налаживалась. Это была уже совсем другая, мирная жизнь. Ярким воспоминанием о первых мирных годах для меня стали первые в моей жизни фильмы, которые я увидел в сельском клубе. Это было документальное кино о войне, восстановлении разрушенного хозяйства, трофейные фильмы.

В школу я пошел уже после войны, в 1948 г. В самом селении школа открылась в 1949 г. из учителей я помню вернувшегося раненым с фронта учителя Асадулу, учителя Джамала и русскую учительницу Лиду. В 1954 г. я окончил 8 классов. Тогда я был уже, как мне казалось, совсем взрослым (в те годы выросли рано), помогал чабанам.

В горы, в родное село, мы вернулись в 1957 г. после реабилитации чеченцев и их возвращения.² Тогда нужно было освободить их дома, и нам предстояло еще одно переселение. За эти годы (прошло 13 лет!) дома наши пришли в негодность, превратились в руины. Все это очень тяжело восстанавливалось: отстраивались разрушенные дома, распахивались делянки, строились новые объекты.

В 1957 г. я стал работать в колхозе, в потом пошел в армию. Служил в Ульяновске, Ленинграде. В Ленинграде стал работать на заводе, выучился на токаря. Когда вернулся в Дагестан, то поступил в Хасавюртовскую школу механизаторов. Это стало моей профессией. Сейчас живу в с. Юрковка Тарумовского района. Живу здесь уже 38 лет. У меня – дети, внуки.

Столько лет прошло, а я не могу забыть те тяжелые годы. Сколько лишений мы видели, сколько мы пережили! В этих трудностях закалился характер, сформировалось обостренное чувство справедливости, а также глубокое чувство ответственности и долга перед Родиной, людьми, подрастающим поколением.

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

² 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР, руководствуясь решениями центральных партийных органов, издал указ «О восстановлении ЧИАССР в составе РСФСР», в котором признавалась необходимость восстановления национальной автономии чеченского и ингушского народов.

Игрушки мы делали сами

Магомедов Магомед Магомедович,
родился в 1938 г. в с. Кудону Дахадаевского района
Дагестанской АССР

Когда началась война, то на фронт ушли многие наши родственники, из них двадцать три вернулись домой. Вернулись с войны мой отец, который был красным партизаном, и брат. Мама наша умерла рано, и, когда отец и брат служили в армии, письма им отправляла бабушка.

Жили мы очень бедно: не было денег, не было хлеба. Мы голодали и, чтобы хоть как-то прокормиться, на своем огороде выращивали тыкву, картошку и лук. Я помогал во всем бабушке по хозяйству. Все сельскохозяйственные работы тогда велись вручную: собирали урожай, косили. Помню, что в годы войны к нам в село приезжали украинские семьи из оккупированных фашистами территорий. Они трудились на полях, в огородах наравне с нами.

Нам очень хотелось играть, когда выдавалось свободное время. Игрушки мы делали сами, например, деревянные сани и коньки. Главной моей мечтой было поехать отдохнуть в пионерском лагере. Героями для меня были легендарный полководец Георгий Константинович Жуков и бесстрашная комсомолка Зоя Космодемьянская. Узнав об окончании войны, мы очень обрадовались. Все сельчане танцевали: и женщины, и старики, и дети. И очень ждали возвращения родных с фронта. Мой родной брат вернулся домой с орденами, но инвалидом – на войне он потерял ногу. Умер брат в 1980 г.

Моя школьная жизнь пришлось на послевоенные годы. В школе нашего села я проучился четыре года. Книг в школе было мало, даже библиотеки не было. Но, помню, что у меня были учебники по конституции, по русскому языку и по истории. Писали мы чернильными ручками. Я помню своих учителей: Салихова Омара, Иммиева Саида из с. Ахты, Игната Ивановича из Воронежа.

После войны у нас в селе работало радио, но в нашем доме его не было, по той причине, что не было денег на его покупку.

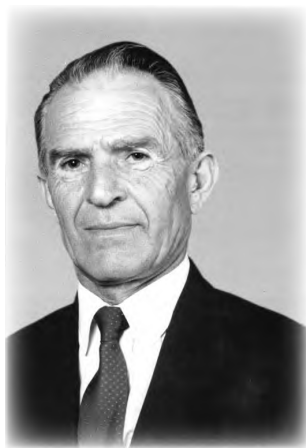
В послевоенные годы постепенно стало налаживаться сельскохозяйственное производство. Я учился, стал механизатором. Работал в колхозе им. Энгельса, затем – в колхозе им. Коммунизма, получил в награду за

ударный труд орден Трудового Красного Знамени, был победителем социалистического соревнования, заслуженным механизатором, проработал 42 года, имею звание «Ветеран труда».

Материал предоставлен Омаровой Г.А., Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и Амирхановой М.М., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Мы босиком бегали за несколько километров встречать родных

Магомедов Раджаб Магомедович (Аксаевич),
родился в 1940 г. в с. Журмачи Дахадаевского
Дагестанской АССР

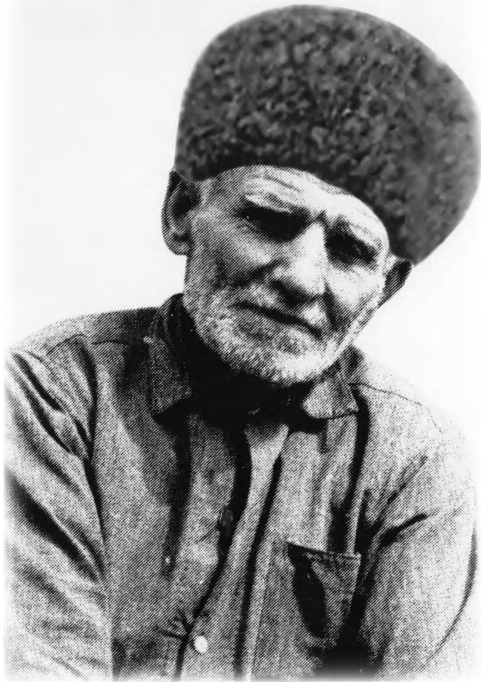
*Магомедов Раджаб М.
2012*

До начала Великой Отечественной войны в с. Журмачи проживало около 250 человек. В 1937 г. в нашем селе был организован колхоз им. Энгельса. Первым председателем колхоза был мой дед Магомедов Акай – активный участник гражданской войны и сторонник советской власти. В начале войны на фронт ушли 25 жителей, 20 человек 20 человек погибли или пропали без вести.

До войны наша семья состояла из пяти человек: дедушка, бабушка, отец, мать, сестра отца и я. Мой отец, Акаев Магомед, 1916 г. р., член ВКП (б), работавший до ухода на фронт учителем, председателем колхоза, инструктором райкома партии, добровольно ушел на фронт 4 декабря 1941 г. Мои

родственники делали все для того, чтобы я рос, развивался и не чувствовал отсутствия отца.

Первое мое воспоминание о войне – это день ухода на фронт моего отца. Помню, как он попрощался с родными и сел на коня. Меня отец посадили впереди себя, и так мы ехали до окраины села. Там сестра отца, Хамис, забрала меня. Мы с тетей вернулись домой, а отец отправился на фронт.

*Магомедов Акай-ауди (1885-1967).
с. Журмачи Дахадаевского района.
Воспоминания Магомедова Р.М.*

*Акаев Магомед Магомедович, гвардеец 2-й
гвардейской дивизии (37 армия) 1942 г.
май, г. Кисловодск, госпиталь им. Семашко.
Воспоминания Магомедова Раджаба*

Отец воевал в 875-м гвардейском полку 2-й гвардейской стрелковой дивизии. В марте 1942 г. под Таганрогом он был ранен, 3 месяца лечился в госпитале им. Семашко г. Кисловодска, вновь ушел на фронт. Погиб мой отец 4 декабря 1942 г. во время наступления наших войск в районе с. Хазнидон Северной Осетии.

Письма отца с фронта сохранила моя бабушка Патимат. В этих письмах отец писал о зверствах фашистов, о стойкости наших людей, просил всячески помогать фронту и твердо верить в победу! «Враг будет разбит, победа будет за нами!» – так заканчивались все его фронтовые письма.

В годы войны я был маленьким. Мне и было всего-то 2 – 5 лет! Но я хорошо помню скорбь и грусть на лицах людей, ведь тогда многие получали похоронки о смерти близких. Но в то же время мне запомнились теплота и доброта в их отношениях, готовность всегда прийти на помощь друг другу. У сельчан были огороды, скот, птица – это спасало людей. Подростки

13 – 15 лет работали в колхозе, женщины пахали поля. Трудились все. Я запомнил, как однажды женщины-односельчанки с трудом рыли могилу для умершего. Женщины делали неженскую работу!

В школу я пошел в 1946 г. Хорошо помню своих учителей: Хадижат Алибекову из Кубачи, Клавдию Ивановну Хромову из Ворошиловградской области (ныне Луганская область).

Мы все ждали окончания войны. И, наконец, в мае 1945 г., мы узнали, что «Гитлер капут» и «Войне конец!» Каждый из нас, детей, надеялся, что с войны вернуться наши родные. Услышав от старших о том, что возвращаются фронтовики, мы босиком бежали за 6 – 7 км, туда, где проходила дорога «Маджлис – Уркарах» и ждали, ждали, ждали... И каждый из нас думал: «А вдруг сегодня вернется мой отец!». Но мой отец не вернулся. О его гибели я узнал в 1970 г. из письма его фронтового друга Богачева А.М. Помощь в этом мне оказали председатели Хашидонского сельсовета Северной Осетии – Алании Майя Сахматовна Губиева-Макаева. Я нашел могилу своего отца. Он похоронен в братской могиле погибших воинов в с. Чикола Ирафского района Северной Осетии – Алании.

После окончания начальной школы в 1948 г. я продолжил обучение в неполной средней школе с. Трисанчи, а затем поступил в Сергокалинское педучилище, где работали замечательные педагоги, мастера своего дела. Особенно я благодарен заслуженному учителю Республики Дагестан Далгату Муртазали Алибековичу, преподавателю истории Мутаеву Закарье Мутаевичу, учителю русского языка и литературы Кузнецову Александру Ивановичу, учителю математики Алиеву Нурсида Арифовичу и Магомеду Кадиевичу, учителю даргинского языка Муртазали Раджабовичу, преподавателям: А.Н. Омаровой, Е.А. Гайденко, Н.М. Мирзаеву и другим.

После окончания педагогического училища я поступил в Дагестанский государственный пединститут им. Г. Цадасы, после его окончания работал учителем русского языка и литературы, директором Трисанчинской и Журмачинской школы, преподавал в Избербашском педучилище, был директором СОШ № 8, а также 10 лет возглавлял городской комитет профсоюза работников народного образования г. Избербаша. В 1965 г. – получил звание «Отличник народного образования РФ». С 2001 г. Заслуженный учитель РД. В 1970 г. был награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», ветеран педагогического труда, член Союза журналистов РФ. С 2012 г. не работаю.

1 СОШ – средняя общеобразовательная школа.

В городе Избербаше при городском Совете ветеранов труда и войны создана группа «Дети защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». На сегодняшний день их число достигло 30 человек. Работа по сбору сведений о детях войны продолжается. Установлена связь со Всероссийской организацией «Дети войны». Мы поддерживаем инициативу российских организаций «Дети войны» по увековечиванию памяти погибших за Отечество воинов и утверждение статуса «дети войны», установлению льгот для тех, кто потерял в годы войны своих родителей. На страницах республиканской газеты «Замана» (на даргинском языке) публикуются материалы о «детях войны» и их погибших родителях.

В небольшом селе Знаменка Минусинского района Красноярского края с большим уважением чтут память о людях, вынесших на своих плечах тяготы военных лет. В селе есть парк, посвящённый фронтовикам, труженикам тыла, женщинам и детям Великой Отечественной войны. Его уникальность в том, что сельчане сумели связать в единую композицию три скульптуры и мемориальные камни.

Памятник тем, кто ушёл на фронт и не вернулся, был создан здесь в 70-х годах. Идея добавить сюда ещё две скульптуры принадлежит председателю Совета ветеранов Ивану Васильевичу Гричанову. А воплотил её в жизнь, сделал произведением искусства талантливый местный скульптор Анатолий Николаевич Петренко.

Теперь в парке три памятника: воинам-землякам, павшим в боях за Советскую родину в Великой Отечественной войне, женщине-труженице и детям войны. А ещё – мемориальные доски с именами тех, кто пережил войну, а потом вернулся с фронта и поднимал хозяйство, жил и работал, но уже ушёл из жизни и похоронен в Знаменке.

*Ирина Уланова. Южный пул:
В Знаменке, у трёх памятников // [http://mediaforum-enisey.ru/press-tour/journal/
yuzhnyy-pul-v-znamenke-u-tryekh-pamyatnikov/](http://mediaforum-enisey.ru/press-tour/journal/yuzhnyy-pul-v-znamenke-u-tryekh-pamyatnikov/).
Фото автора.*

Памятник детям войны. Скульптор А.Н. Петренко.

Фото И. Улановой

<http://mediaforum-enisey.ru/press-tourjournal/yuzhnyy-pul-v-znamenke-u-tryekh-pamyatnikov>

С фронта писали стихи вместо писем

Магомедова Багжат Хаджаровна,
родилась в 1927 г. в с. Аймаки Гергебильского района

Наша семья состояла из отца, матери, четырех сыновей и двух дочерей. Накануне войны по селу упорно ходили слухи, что может начаться война. Об этом говорили везде, даже в школе. Самую страшную новость о начале войны мы узнали на второй день. Помню, как 23 июня один родственник пришел к нам и рассказал, что вчера гитлеровцы вероломно напали на нашу страну. Отец очень расстроился. Он сказал: «Как же так! Ведь говорили, что есть договор о ненападении! Это очень и очень плохо!». Нам стало особенно тревожно за нашего старшего брата Магомедова Камилля, который отслужил в армии до начала войны и, будучи офицером, поехал служить по контракту на 25 лет.

После начала войны на фронтах Великой Отечественной оказались: мой родной брат Магомедов Магомедкамилль (1917 г.р., призван Гунибским райвоенкоматом, лейтенант 165-й отдельной стрелковой бригады, пропал без вести), двоюродные братья Омаров Гусейн (1910 г.р., призван Гунибским райвоенкоматом, рядовой 1174-го стрелкового полка, погиб 19 сентября 1943 г., похоронен в деревне Телец Трубчевского района Брянской области), Омаров Магома (1908 г.р., призван Гунибским райвоенкоматом, рядовой 34-й механизированной бригады, погиб 27 июля 1943 г., похоронен в деревне Яковлево Свердловского района Орловской области в братской могиле), Кадимагомедов Кутбуди, Мамаев Магомед, Гасангусейнов Абдула и 14 троюродных братьев. Всего из селения Аймаки Гергебильского района ушли на фронт 174 человека, из них не вернулись 74.

В письмах, которые наши родные присылали с фронта, они подбадривали домашних, вселяли веру в то, что скоро закончится эта проклятая война, и придет победа. Омаров Магома, у которого дома остались красивая молодая жена и двое сыновей писал стихи вместо писем:

Дирго къавулазде къварид раг1идал
Къокъ гъабун бит1изин гьит1инаб кагъат.
Иран-Турк рахъ ц1унун турказул г1орхъид
Хъаравуллъун вуго лъазе бокъани.
Микъабго моц1 ана гъаб куцалда дир
Коцол занятияз черх зурулаго.

Своим родственникам, которые ждут весточки,
Шлю небольшое письмо.

Чтобы вы знали, я служу пограничником на границе с Ираном и Турцией.

Восемь месяцев, как я обучаюсь военному делу.

Самаал гвангъулеб гургинаб къомар
Къороллги босарай чанги ятила
Чанав арав гьудул нахъ вусиналгъухъ
Хъаравуллги ккурал г1емер ратила

Сколько женщин красивых, луноликих
Остались вдовами!

И сколько мужчин ушло на фронт с желанием вернуться,
Но они ушли навсегда!

Росдал г1олилазухъ г1агарлъиялгъухъ
Бахъун инеб буго ургъиб гинал рак1.
Киназго ях1 гъабе бах1арзазг1адин
Къадар аллагъасул алх1амдуллилагъ!

Я сильно, всей душой, скучаю по родне,
по своим молодым друзьям из села.
Всем – терпения, чтобы стойко перенести эти невзгоды.
Судьба у каждого своя –
И за это мы должны быть благодарными Всевышнему!¹

Вся хозяйственная и прочая нагрузка легла тяжелой ношей на женщин и детей. Мне было 14 лет, я работала учетчицей в колхозе, но трудодни записывали на мать, так как мне не было 15 лет. А вечерами мы ходили по селу, агитировали сельчан подписываться на военные займы².

1 Перевод Амирхановой М.М.

2 В 1937 г. был выпущен «Заем укрепления обороноспособности СССР». Затем последовали займы 1938, 1939, 1940 и 1941 гг. За время войны было выпущено четыре займа – каждый сроком на 20 лет, двумя выпусками, и еще один, особого типа, по которому трудящиеся перечисляли на специальные вклады денежные компенсации за неиспользованные отпуска в связи с их отменой на период войны.. Люди подписывались на займы, как и на лотереи, нередко сразу на несколько месячных окладов. Внешний вид облигаций, их оформление отражали этапы наступления наших войск. Облигации выпускались достоинством в 10, 25, 50, 100, 200, 500, 1000 рублей. В подписке на военные займы и в других формах добровольных взносов населения проявился исключительный патриотический подъем. Добровольные взносы населения СССР дали на нужды войны за четыре года военной экономики 94,5 млрд. руб. После войны, как бы ни было трудно, с течением времени займы погашались. В

Кто мог ходить и держать в руках лопату, рыли окопы. Я вместо матери рыла окопы, так как мать должна была заниматься хозяйством – братья были совсем маленькими.

Я и мои сверстники помогали старшим, чем могли: пекли кукурузный хлеб; ухаживали за домашними животными, из них у нас были корова, осел, куры; топили кизяком печь; вязали носки для солдат на фронте.

Семь классов школы я окончила в 13 лет. Помню, что в школе работала библиотека, действовали пионерская и комсомольская организации. Особенно мне запомнилось, как к Новому году мы в школе украшали елку. Сейчас я понимаю, что взрослые, как могли, такими праздниками старались скрасить наше военное детство.

Запомнила я и своих школьных учителей. В основном были русские учителя – Полина Николаевна, Виктор Штаков другие.

Помню газеты «Кизияк» на кизяке и «МагIарул большевик» на аварском языке. В некоторых номерах были все верили в скорейшее окончание войны, в Победу над веротомным захватчиком.

Медицинского пункта в нашем селе не было, а к концу войны приехал русский фельдшер Алексей.

Это было то, о чем мы мечтали каждый день – только бы война кончилась, только бы скорее наступила Победа, чтобы вернуться с войны домой наши родные. Мой старший брат Магомедов Камиль стал для меня настоящим героем, мы его очень ждали. Но, к сожалению, ему не суждено было вернуться с полей сражений, как и другим молодым ребятам, неженатым и женатым, дети которых остались сиротами. Из моих двоюродных братьев вернулись только двое (Кадимагомедов Б., Гасангусейнов А.), а из троюродных – четверо.

Весть об окончании войны с задержкой (не могли дозвониться до нашей канцелярии) пришла из райцентра. Одни смеялись от радости, другие плакали от горя, что их родные не вернулись.

После войны всем вернулись да и работ – кому в канцелярии, кому в колхозе, кому в школе. У всех была одна задача – восстановить разрушенное хозяйство.

К концу войны мне исполнилось 17 лет. В 1946 г. я вышла замуж за участника финской и Отечественной войн Зубаирова Магомеда, за участие в которых он был награжден орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды и пятью медалями. Он работал учителем в нашей шко-

некоторых семьях облигации займов периода Великой Отечественной войны хранятся до сих пор, как память о пережитом.

ле. Но мое семейное счастье оказалось недолгим... Через 4 года, будучи в служебной командировке в Махачкале, он трагически погиб, оставив трех малолетних детей.

Через год, оставив двух старших детей у родителей и взяв с собой младшую дочь, я приехала в г. Буйнакск, где поступила в педагогическое училище. После окончания училища, поработав один год учительницей в школе, по совету отца, поступила в Женский педагогический институт на филологический факультет. После его окончания меня назначили директором Аймакинской средней школы, где я проработала много лет. По рекомендации райкома партии была назначена инспектором Отдела образования Гергебильского района, затем – директором школы-интерната поселка ГЭС (ныне с. Курми Гергебильского района). В те годы в периодической печати часто выходили очерки, статьи о самоотверженном труде сельских тружеников нашего села, говорилось в них и о моей семье. В настоящее время я нахожусь на заслуженном отдыхе. Имею трех детей, семерых внуков и внучек, 17 правнуков и правнучек...

*Материал предоставлен Газалиевой З.Б.,
Дагестанский институт повышения квалификации педагогических кадров.*

Здание второго Буйнакского педучилища. 1966 г. Фотоальбом № 78. Л. 17.

© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Я до сих пор не могу есть кукурузные лепешки...

Магомедова Валентина Максимовна, родилась в 1930 г.

Мой отец умер до войны. В 1941 г. я со своей мамой Евдокией Ивановной (1897 г.р.), старшим братом Евгением, старшей сестрой Екатериной и младшей сестрой Александрой жила в Махачкале. Тогда это был очень маленький город, многих районов не было. Например, на месте современного кинотеатра «Россия» располагались виноградники. Не было популярного сегодня микрорайона «Узбекгородок», там находился огромный пустырь. Вся улица Ахмедхана Султана была покатым горным склоном.

В июне 1941 г. я отдыхала со своей замужней сестрой Екатериной и ее годовалым сыном у родителей ее мужа на Полтаве (Украина). О том дне, когда началась война, у меня сохранились страшные воспоминания: постоянные бомбежки и всеобщая паника. Поскольку моя сестра была женой

Здание школы № 2 г. Махачкалы, где в годы войны располагался госпиталь.

Фото Лысенко Ю.М.

командира Красной Армии, то нас эвакуировали в первую очередь, так как фашисты безжалостно уничтожали семьи красноармейцев.

Мы просто панически бежали назад, в Дагестан: в товарных вагонах, в страшной духоте, в условиях полной антисанитарии. И еще у нас на руках был ослабевший от голода маленький ребенок! Когда мы оказались дома, наша мама нас не узнала: изможденные, грязные, с кишевшими в волосах вшами...

Тяжело приходилось нам во время войны. Все время хотелось есть. Не помню, питались ли мы чем-нибудь еще, кроме мамалыги. Это очень жидкая каша из кукурузной муки. Я до сих пор не могу есть кукурузные лепешки: они напоминают мне о военных голодных днях. С самых первых дней в Махачкале были открыты госпитали, куда постоянно поступали раненые. Я и мои одноклассники регулярно приходили к раненым, помогали врачам за ними ухаживать. Это был наш пионерский долг.

Несмотря на тяжелое время, мы ходили в школу. К сожалению, я не помню по именам своих учителей. Запомнилось, что мы писали вместо тетрадей на полях газет. Не было у нас и портфелей. Мы носили свои вещи в обычных тканевых сумках, перешитых, кажется, из мешков.

На фронте воевал мой старший брат Евгений. Он служил в автобате (автомобильный батальон), возил снаряды в осажденный Ленинград.

После войны я выучилась на бухгалтера, окончив бухгалтерские курсы. Проработала всю жизнь в этой области. Сейчас я уже на пенсии. Конечно, память с годами ухудшается, но те страшные годы я не забуду. Очень надеюсь, что человечество всегда будет осознавать, насколько страшна, безжалостна, беспощадна война! Не дай, Господь, повториться тому ужасу!

*Махачкала 1942 г. Баррикады.
Фото Морозова В.Г. © Музей истории
города Махачкалы, Махачкала, 2015*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Письмо учащихся школы № 2 г. Махачкалы
бойцам Красной армии
3 октября 1942 г.

...Несмотря на близость фронта, партия и правительство во главе с товарищем Сталиным проявляют заботу о нас: мы начали нормальный учебный год, для детей фронтовиков открывается столовая, они обеспечиваются обувью, учебниками, окружаются заботой и вниманием со стороны всего школьного коллектива.

Мы стремимся как можно лучше учиться, так как хорошо понимаем, что Родине нужны подготовленные бойцы, а также кадры для промышленности и сельского хозяйства. Наряду с этим мы проводим большую работу по оказанию помощи фронту. Летом мы работали на колхозных полях, перед началом учебного года мы собрали около 2-х тысяч бутылок. Сейчас проводим сбор средств на подарки бойцам и собрали свыше 2-х тысяч рублей...

С пионерским и комсомольским приветом ученики школы № 2

Повышев Феликс,

Багаева Е.,

Бурлаков В.,

Слободнюк Виктор.

ЦГА РД. Ф. 1-н. Оп. 1. Д. 5412. Л. 98 – 99. Подлинник.

Над Махачкалой кружили самолеты

Магомедова Гавгар Абдулбасыровна,
родилась в 1942 г. в Махачкале

Я была маленьким ребенком и не помню тех событий, но узнала их по рассказам своей матери. Наша семья жила в Махачкале, на ул. Гамзата Цадасы, 30. Семья была большой, состояла из восьми человек: родители и шестеро детей. Мама говорила всем детям, что отец ушел на фронт воевать за свою Родину, так же, как и его другие родственники. Отец вернулся с фронта живым, но из-за тяжелого ранения (у него был поврежден позвоночник) стал инвалидом и не мог работать.

Я помню, как над Махачкалой летали немецкие самолеты. Помню, как в городе приземлялись советские самолеты, на которых доставляли раненых солдат. К сожалению, многие из них умерли здесь, в махачкалинских госпиталях, и были захоронены на воинском кладбище дагестанской столицы. На протяжении многих лет после войны сюда приезжали люди из разных городов страны в поисках могил своих отцов, братьев, мужей и сыновей.

*Фотоэпюд Скорбь. Фото О. Исраилов. Гази Омаров, знаменосец Дагестанского
отделения кавалерийского эскадрона. Фотоальбом № 504. Л. 2.*

© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Семья наша не голодала, нам было чем питаться, так как мама получала продуктовые «пайки»¹. Чтобы их получить приходилось отстоять в очереди, в которой женщины стояли вместе с детьми. В нашем доме было радио, которое работало и во время войны. Еще мне запомнились резиновые игрушки.

Запомнилось мне и то, что в Махачкалу приезжало очень много эвакуированных, голодных и бездомных людей, многие из них были с маленьки-

1. Снабжение населения республики, в первую очередь городского, необходимыми товарами в годы Великой Отечественной войны в результате выполнения колхозами планов государственных закупок создавало условия для функционирования нормированной системы снабжения с гарантией получения каждым гражданином Дагестана минимума продовольственных и промышленных товаров. Особое внимание уделялось социально незащищенным слоям населения. В 1943 – 1945 гг. колхозам Дагестана было выделено в фонд помощи инвалидам и другим остро нуждающимся, а также на содержание детских яслей и садов сельскохозяйственных продуктов: зерновых и бобовых – 6140 т, картофеля и овощей – 840 т, мяса и сала – 76, 36 т., масла – 17,2 т, молока – 196 тыс. л, сыра и брынзы – 84,84 т, яиц – около 50 тыс. штук, шерсти овечьей – 54, 04 т. (Д.А. Эфендиева. Продовольственное снабжение населения республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции «Немеркнущий подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. 21 апреля 2000 г. Махачкала. 2000. С. 223).

ми детьми. Они рассказывали, что некоторые из них, так и не добравшись до Махачкалы, умирали от голода в дороге. Многие из приехавших в те годы в республику остались здесь жить навсегда. Так одну семью, прибывшую из Саратова, приютила наша семья, а потом им продали часть дома.

Я сначала училась в школе № 14 г. Махачкала, а потом – в другой, в новой. После окончания десятого класса я стала работать лаборанткой на химическом факультете ДГУ. Сейчас я на пенсии, помогаю воспитывать своих внушек.

*Материал предоставлен Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства*

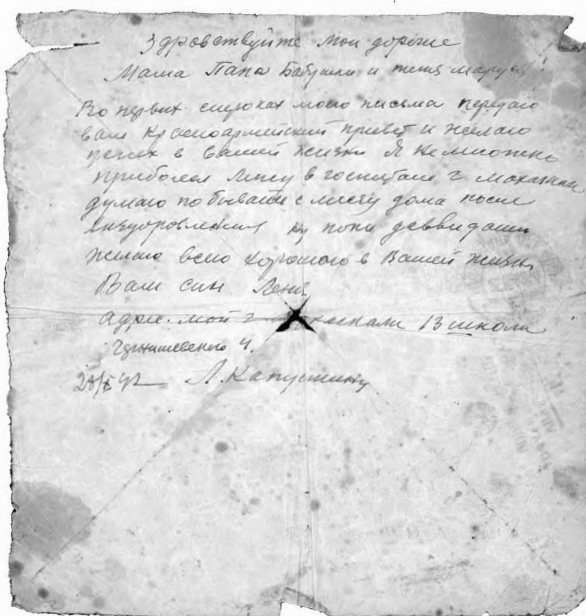
Капустин Леонид Михайлович
родился в 1923 г. в г. Можге Удмуртской АССР

В 1940 г. он окончил 7 классов, а после начала войны несколько старшеклассников взяли курсантами в Ленинградское пехотное училище. Когда немецкие войска приблизились к Ленинграду, училище было переведено в г. Воткинск Удмуртской АССР. Капустин Л.М. окончил училище 10 июня 1942 г., и выпускников отправили на фронт. С фронта Леонид прислал родным одно письмо. Второе письмо отправил из госпиталя. В письме родным из махачкалинского госпиталя № 1614 Леонид писал: «Я немножко приболел. Лежу в госпитале г. Махачкалы, думаю побывать с месяц дома после выздоровления. Ну, пока до свидания. Желаю всего хорошего в Вашей жизни. Ваш сын

Капустин Л.М. 1942 г.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Леня. Адрес мой: г. Махачкала, 13 школа. Чернышевского, 4. 28 октября 1942 г.». 29-го октября письмо было отправлено из Махачкалы и пришло в родной город Леонида Капустина 20 ноября 1942 г. Двадцать три дня оно было в дороге, а 31 октября 1942 г. самого Лени не стало. Он был похоронен в братской могиле Воинского кладбища г. Махачкалы. Капустину Л.М. было всего девятнадцать лет. Уже после войны ушли из жизни его родители. А тети Леонида, Антропова Л. И Малышева М., написали в 1981 г. письмо в Махачкалу организатору поисковой работы по розыску погибших солдат и офицеров

Письмо Капустина Л.М. родным от 28 октября 1942 г. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Капустин Л.М. с родителями Капустиным М.А. и Капустиной Н.Н. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Макаровой В.В. Это письмо и другие документы Капустина Л.М. хранятся в фонде 1405-р Центрального государственного архива Республики Дагестан. «Жили, трудились, работали и много в войну перенесли невзгод. Только думали, как досыта поесть хлеба. Как помянут войну, страшно становится. Мы – старушки, а не пропустим последних известий, и такая становится злоба на тех, кто хочет войну. Война нашему народу не нужна, мы много страданий приняли от этих войн».

Удмурт. 25
1944

КАРТОЧКА
на война погибшего в годы Великой Отечественной войны
(1941–1945 годы)

1. Фамилия Капустин Михаил

2. Имя и отчество Михайлович

3. Год рождения 1923

4. Национальность _____

5. Партийность _____

6. Воинское звание и должность Кр-р, артилл

7. Номер воинской части 57-й арт. полк

8. Каким военкоматом призван 45-й арт. див.
время призыва Мотострелки

9. Место рождения д. Мотыги, ул. Владим
слова, д. 7 ст.п. Капустин

10. Адрес родных Михайлович

11. Дата и причина смерти 30.8.42

12. Место захоронения Махачкала

13. Сведения о родственниках _____

14. Основание для заполнения карточки
(источник информации) _____

Госкомиздат ДАССР, г. Избербаш, типография № 6. Заказ № 1880—80.000

Карточка на погибшего воина Капустина Л.М. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Памятная плита на Воинском кладбище г. Махачкалы с фамилией Капустина Л.М. Фото Лысенко Ю.М

В декабре 1943 г. в эвакогоспита-
ле № 2924 г. Махачкалы скончалась
Острицова Феодосия Николаевна,
1924 г.р., уроженка ст. Трубецкая
Сальского района Ростовской области.
Воин Красной армии, стрелок Остри-
цова Ф.Н. также была похоронена на
Воинском кладбище г. Махачкалы. Ей
тоже было девятнадцать лет.

Острицова Феодосия Николаевна
(стоит)

© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Памятная плита на Воинском кладбище
г. Махачкалы с фамилией Острицовой Ф.Н.
Фото Лысенко Ю.М.

Карточка на погибшего воина
Острицову Ф.Н.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Отоб.
 Ростов. обл. 2924
(для первой буквы алфавита)

КАРТОЧКА
на воина погибшего в годы Великой Отечественной войны
(1941—1945 годы)

1. Фамилия Острицова
2. Имя и отчество Феодосия Николаевна
3. Год рождения 1924
4. Национальность _____
5. Партийность _____
6. Воинское звание и должность Кр-ч, стрелок
7. Номер воинской части 795 ССБ
8. Каким военкоматом призван Сальским
время призыва дубровским
9. Место рождения Ростов. обл. Сальский
р-н, ст. Трубецкая
10. Адрес родных ст. Трубецкая
11. Дата и причина смерти 26.12.43
12. Место захоронения Махачкала
13. Сведения о родственниках К-1 ш-136
14. Основание для заполнения карточки Брат
(источник информации) 28.01.43 "Коринков П. А."

Отец видел меня только на фотографии

Магомедова Зульхижат Магомедовна,
родилась в 1940 г. в с. Хунзах Хунзахского района
Дагестанской АССР

Я – дочь фронтовика, капитана Советской Армии Зубаирова Магомеда Зубаировича, погибшего в феврале 1943 г.

Мой отец работал учителем в родном селе Хунзах. В декабре 1939 г. его призвали в армию. Окончив высшее военное училище, в начале 1941 г. он участвовал в боях в Латвии, Литве, в финской войне. Войну он встретил в Ленинграде, там он и погиб, героически защищая этот город на Неве в ожесточенных боях за Синявские высоты в феврале 1943 г. Похоронен отец в Синявине (могила № 57). Он был политруком 80-й ордена Кутузова стрелковой дивизии. Летом 1943 г. он был награжден орденом «Красная Звезда» и орденом Отечественной войны «1-й» степени посмертно. Вместе с орденом его отцу Магомедову Зубаиру вручили и благодарственное письмо, которое прислал Председатель Верховного совета Михаил Иванович Калинин.

Я отца своего не знала, а он видел меня только на фотографии. Я до сих пор храню открытку, которую он прислал за месяц до гибели с поздравлением с новым 1943 годом, где писал: «Воинка, расти большая, дорогуша. Я приеду с победой над врагом. К этому времени, чтобы ты ходила в школу, научилась читать и писать и написала мне письмо».

Я до последнего ждала отца, надеясь, что он вернется, возьмет меня на руки, а я кинусь к нему в объятия. Я надеялась и ждала, а от одного бабушкиного слова, что он вернется, на душе становилось светло и радостно.

Детство мое, как и у всех детей военной поры, было безрадостное, хотя дома все жалели меня. Ходили и лежали. Игрушек у нас не было, куклы мне делали из тряпья. Мы, дети войны, выросли очень рано, со старшими пропадали целыми днями на поле, помогали, чем могли. Но я не могу сказать, что испытала все тяготы и невзгоды войны. По сравнению с другими семьями мы жили неплохо. Мои любимые дедушка и бабушка сделали все возможное, чтобы я не испытала тот зловещий голод, который ощутила практически каждая семья. Но в годы войны ушел из жизни мой отец, а вместе с ним наш дом покинули счастье и радость, неизлечимая боль утраты и скорбь навсегда поселились в нашем доме.

Есть несколько случаев из детства, которые я никогда не забуду. Мой дедушка привез мне из Махачкалы куклу, которая закрывала и открывала глаза. Моему восторгу не было предела. Все соседи, взрослые и дети приходили на нее смотреть, на это чудо.

Когда я ходила в школу, не хватало книг и тетрадей, писали на огрызках бумаги, имели один учебник на 5 – 6 ребят, на весь класс была одна чернильница. И вот один наш кунак – учитель из с. Буцра, принес мне 18 тетрадей и чернильницу. Я была настолько счастлива, что ночью уснуть не могла. Я их с собой положила в кроватку.

И еще один эпизод из детства. Летом на каникулах пришли к нам домой и сказали, что меня, мою троюродную сестру и соседку Розу Гитинову зовут в школу. Мы пошли туда и нам, как детям фронтовиков, дали галоши. Мы были на седьмом небе от счастья и казалось, что мы не чувствовали земли под собой.

Вот такое голодное, босоное и безрадостное детство у нас было. Порой у людей не хватало спичек, мыла, сахара. Если у кого-то из дымохода шел дым, туда ходили за огнем.

Я окончила сельскую школу. Училась прилежно. Учителями начальных классов были люди с семиклассным образованием, а в старших классах преподавали русские учительницы, молоденькие девушки. Мы во всем

Магомедова 3. 5-й класс Хунзахской семилетней школы. 25 ноября 1952 г.

старались им подражать, любили и уважали их. Хотя у нас и было такое тяжелое детство, мы старательно учились. В нашем классе у каждого второго ребенка отцы погибли на фронте. Из этих детей вышли хорошие специалисты. Например, Амирханов Магомед стал первым секретарем райкома. Многие, окончив высшие учебные заведения, стали учителями, строителями, врачами, агрономами. Я сама тоже стала учительницей математики, 45 лет проработала в школе в г. Махачкала, а сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе. Сейчас мне уже 73 года. Я воспитываю четырех внуков и одного правнука. Могу сказать, что у меня есть многолетний жизненный опыт за спиной, но иногда я все еще чувствую себя маленькой девочкой, которая никогда не видела своего отца, но все еще любит его и ждет.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Героем для меня был отец, участник трех войн

Магомедова Патимат Гитиномагомедовна,
родилась в 1927 г. в с. Маали Гүнибского (Гергебильского) района
Дагестанской АССР

Село наше накануне войны было маленьким, дома строили друг на друге, люди жили бедно. Семья наша – отец, мать, три сестры и один брат. Мой единственный брат погиб на войне. После этого отец написал заявление и ушел на фронт добровольцем. После потери брата мы очень боялись потерять и отца, поэтому переживали за него каждый день и с нетерпением ждали от него писем...

Во время войны всем в селе всем жилось тяжело. Питались в основном кукурузой и фруктами, но этого было очень мало. Хлеб пекли из кукурузной муки и часто варили кашу из дробленой кукурузы. Правда, наша семья жила относительно неплохо, так как я, будучи дочерью фронтового офицера, была принята на работу на продовольственный склад. Тогда мне было 13 лет.

Перед войной я училась в школе. Отдельного школьного здания в селе не было, классы располагались в частных домах. На занятиях нас учили писать, читать и считать. Игры мне особо не запомнились, но я очень берегла тряпичную куклу, привезенную отцом до войны.

Мечтали мы о простых вещах – о мирной и сытной жизни. Героем и примером для меня был мой отец – участник трех войн, а также И.В. Сталин, как, впрочем, и для многих в то время. Отец вернулся домой раненый, но живой. Это было для нас огромной радостью. Мы гордились, что вклад в общую Победу внес и наш отец.

После войны жить стало легче и веселее. Вся моя трудовая биография связана с колхозом. Сейчас на пенсии и живу в родном селении Маали.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Я хотела верить, что приношу большую пользу

Магомедова Саният Магомедовна,
родилась в 1936 г. в г. Махачкала

*Магомедова Саният
Махачкала*

Махачкала перед войной – это небольшой, спокойный город. Да и за годы войны он особенно не изменился, потому, что враги не смогли дойти до него. Люди учились, работали, в общем, хотя и напряженно, но жили и трудились во имя Победы.

Я жила в полной многодетной семье: отец, мать, старший брат и три сестры, не считая меня.

Начало войны я помню очень хорошо, несмотря на то, что мне было всего пять лет. Эта горестная новость разнеслась очень быстро. Помню, что все выбегали на улицу, плакали, переживали за семью, за родных. Видела, как матери и бабушки со слезами на глазах провожали своих детей и

внуков, срочно призванных на службу. Уходили все молодые ребята: отцы, братья, соседи по двору. Война коснулась всех...

Четверо братьев моей мамы ушли на фронт, трое из них, пропали без вести. В первые месяцы войны дяди часто присылали письма. Трое попали на Курскую Дугу, а четвертый служил подводником в морском флоте.

Жили мы, по военным меркам, неплохо, практически не нуждались. Как я уже говорила, у нас была многодетная семья, и родителям выдавали

Воспитанники Губденского детского дома около водозаборного крана. Конец 1940-х - начало 1950-х гг. Фотоальбом № 43. Л. 26. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

талоны, по которым мы получали продукты. Когда ситуация осложнилась, отец отправил нас в селение Губден. Там мы прожили почти год. Жили в частном доме. У нас было свое хозяйство, держали корову, кур. Иногда я носила молоко и яйца в пограничное училище. Как могли, мы помогали и соседям. Я старалась помогать маме по хозяйству, дома и на огороде, смотрела за младшими сестрами. А еще я любила ходить к пожилым соседям. Мне было тяжело наблюдать, как они тосковали по мужьям и сыновьям. Я старалась их как-то отвлечь, помогала им писать и отправлять письма на фронт.

Отца призвали на трудовой фронт. Работал он в порту. Там ловили рыбу,

Губденский школьный детский дом Карабудахкентского района. Конец 1940-х - начало 1950-х гг. Фотоальбом № 43. Л. 3. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

солили ее и отправляли на фронт солдатам. Мама вела хозяйство и растила детей.

В годы войны я пошла в школу. Училась я в школе № 6. Тогда мальчики и девочки учились отдельно. Пятая школа была для мальчиков, а шестая – для девочек. Помню свою первую классную руководительницу Евдокию Васильевну. Она была беженкой с Украины. Очень много рассказывала о войне. Часто говорила нам: «Эх, дети, дети... Как же вам повезло, что вы не знаете всех ужасов этой войны...». Только потом, услышав трагичную историю ее семьи, мы поняли, что она имела ввиду. В первые месяцы войны ее отец и брат были жестоко повешены фашистскими захватчиками. Несмотря на пережитое, Евдокия Васильевна старалась, чтобы война не помешала нам учиться, и занятия проводила в обычном режиме.

В нашей школе работала библиотека, но книги были в дефиците – одна книга на десять желающих. Я очень увлекалась классикой. Пушкин, Гоголь, Есенин, Гайдар были моими самыми любимыми авторами.

Я очень любила газеты, но некоторые газеты и журналы, как и книги, было тяжело достать. Например, «Женщина Дагестана» или «Горянка»... Не помню точно название еще одного детского журнала «Мурзилка» и «Пионер». Ребята постарше читали «Комсомольскую правду» и каждый раз надеялись узнать из нее короткие новости с фронта.

Тогда почти в каждом доме в Махачкале было радио. Но я не любила слушать радио дома. Я, как и многие другие, любила бегать к фабрике имени Третьего Интернационала. Там было особое радио, большое. Люди собирались вокруг него, стояли и слушали новости с фронта. Каждая хорошая новость давала нам надежду на скорое завершение этой ужасной войны.

Воспоминания, связанные с работой школьной пионерской организации – любимые эпизоды моего детства! Я была пионеркой. У нас был совет дружины, а я была его председателем. Я часто вспоминаю наши интересные сборы в клубе имени Ногина. И хотя у нас в отряде были одни девочки, мы все равно называли себя «тимуровцами». Разносили продукты пожилым людям, помогали матерям солдат. Мы приносили пользу людям – это была наша главная радость.

На улице Комсомольской (Ленина) был госпиталь. Под него отвели здание кинотеатра. Туда привозили раненых со всех ближайших к Махачкале мест – Моздок, Кизляр... Мы жили как раз недалеко от госпиталя. И в свободное время я вместе с другими детьми бегала туда помогать медсестрам. Мне очень нравилось в госпитале. Кто знает, может быть, именно тогда

я определилась с моей будущей профессией. Нам в основном поручали мелкую работу. Мы стирали бинты, подавали необходимое раненым. За это мне давали кусок хлеба с манной кашей. Я была счастлива. Чувствовала себя нужной и полезной. Я очень хотела верить, что приношу большую пользу.

Детьми мы любили играть на улице. В моем дворе дети знали много игр: классики, лапта, Соловей-разбойник, жмурки, лянга... Игрушек в магазине не было совсем, но самодельных игрушек у меня было навалом. Новый год мы отмечали всегда. Ставили высокую, пышную елку, украшали ее самодельными игрушками – бумажными, картонными, деревянными. В эти дни все старались не думать о плохом.

В годы войны в Махачкале были беженцы. Мне запомнилось, что тогда в наш город бежало много евреев. В нашем дворе жили одна из таких семей. Отец, мать и сын. Мальчик был моим ровесником. Мы часть играли во дворе. Он плохо говорил по-русски и был очень худым. Во дворе его звали «Додик». Но я не помню, было ли это его настоящее имя. Родителей его я не запомнила. Они жили рядом некоторое время, потом уехали.

Мы очень ждали конца войны, возвращения родных с фронта, мира для каждой семьи... Очень хотелось, чтобы люди перестали жить в страхе и нужде.

Здание кинотеатра, в котором в годы войны располагался госпиталь. Фото Лысенко Ю.М.

Я всегда гордилась тем, что дагестанцы отважно сражались на фронтах Великой Отечественной, тем, что среди них немало героев, таких, как Магомед Гаджиев, Леонид Гальченко, Ханпаша Нурадилов...

Самое яркое воспоминание – это день Победы. 9 мая 1945 г. объявили о полной капитуляции вражеских войск. Все выбежали на Комсомольскую, в скверы, в парки. Из госпиталя выходили раненые. Все пели, танцевали, смеялись, плакали от счастья. Играл оркестр, детям раздавали сладости. Этого ждали так долго! Теперь все знали, что жизнь наладится.

Я уже говорила, что из наших близких родственников на войну ушли мои дяди. Трое из них на втором году войны перестали посылать письма. С ними пытались связаться, но в условиях такой войны вряд ли это могло увенчаться успехом. Родители так и не смогли о них ничего узнать. Так и пропали без вести... Четвертый дядя писал нам часто. Во время войны он заболел и надолго попал в больницу. Там он познакомился с одной из медсестер, которая ухаживала за ним. Он женился на ней и остался жить в Москве. Несколько лет назад он, к сожалению, умер. Но я регулярно общаюсь с его дочкой и внучкой.

После войны в Махачкале стали открываться заводы – завод имени Магомеда Гаджиева, рыбоконсервный завод. Начали строиться новые дома. Помню, что на стройках работало очень много пленных немцев, которые нам, детям, запомнились тем, что делали игрушки. Стало меньше нужды, меньше дефицита. Люди заново устраивались на работу. Жизнь потекла в мирном русле.

Я окончила школу. Поступила в медицинский институт, как и мечтала. Потом вышла замуж. Я проработала медсестрой в детском саду 38 с лишним лет. Потом вышла на пенсию. Теперь живу со своим старшим сыном и внучками. У меня двое сыновей, три внучки и три правнука. Считаю, что жизнь моя прожита не зря!

*Материал предоставлен Яхияевым М. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Письмо учеников школы № 2 г. Махачкалы бойцам, командирам и политработникам Красной армии
31 октября 1942 г.

...Дорогие бойцы! Уничтожайте фрицев, отомстите за кровь детей, отцов и матерей. Никогда мы не будем их рабами. Мы еще счастливы тем, что учимся в школе, но мы помним о детях, которые находятся под игом фашизма. Мы, пионеры прифронтовой полосы, помогаем вам, дорогие братья, отцы. Мы летом работали на колхозных полях, собирали лом, бутылки, а сейчас наш класс собрал 160 руб. денег вам на подарки и берем шефство над палатой в госпитале...

Ученики 5-го класса школы № 2 г. Махачкалы

Брыскова,

Гусейнова,

Томилко,

Харитоновна,

Мещерякова,

Харитоновна.

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5412. Л. 94. Подлинник.

Тяжело вспоминать эти годы

**Мадаев Магомедрасул Абдулмуслимович,
родился в 1936 г. в с. Дылым Казбековского района
Дагестанской АССР**

Дылым являлся районным центром и на начало войны насчитывал более 500 дворов. В селе были начальная школа, медпункт и другие учреждения, которые, как правило, имелись и в других районных центрах. Основная часть населения трудилась в колхозе им. Кирова и на хуторах «Шавдан», «Халатала», «Тулабузтала», «Тулбуг» и «Чабчак».

Родился я в семье колхозника. Наша семья состояла из 10 человек: отец, мать, четыре сына и две дочери (1924 – 1941 г.р.). С нами проживали бабушка (мать отца) и дядя (брат матери).

Начало войны я помню очень смутно, ведь мне было всего пять лет. Многие из моих родственников ушли на фронт. И, конечно, не все вернулись домой. Мой отец, Абдулмуслимов Мада, погиб в марте 1942 г. в Харьковской области на станции Лозовая. Брат отца, Абдулмуслимов Темир, призванный в ряды Красной армии Казбековским райвоенкоматом в июне 1940 г., в 1941 г. пропал без вести. Брат матери, Арибгаджиев Мансур, пропал без вести в апреле 1942 г.

Вообще, из моих родственников на фронтах Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. погибли 34 человека. В частности, Абдулмуслимов (Буриев) Рашид, погиб в боях за Берлин. Султанбегов Мусакай умер в концентрационном лагере в Италии. 34 человека! Это немного до целого стрелкового взвода!

Пришли с фронтов Великой Отечественной 10 человек. Вернулись они с боевыми наградами. В нашей семье очень гордились этими наградами: ордена Великой Отечественной войны первой и второй степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и многие другие. К сожалению, сегодня в живых из них остался только один участник войны – Бишиев Хайбула.

Тяжело вспоминать эти годы. Помню, как мать и мы, дети, ждали хоть каких-то весточек с фронта. Помню, как от отца мы получили письмо из города Гори Грузинской ССР, где он проходил стажировку перед отправкой на фронт. А от брата матери единственное письмо было получено из Московской области. Тогда он принимал участие в ожесточенных боях на границе Московской и Тульской областей. А вскоре мать получила известие, что ее брат, Арибгаджиев Мансур, пропал без вести.

Сталинаульский детский дом Казбековского района. 1950 г. Фотоальбом № 45. Л. 30. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Жизнь в условиях военного времени была очень трудна. У нас не было домашнего скота и птицы. Большим подспорьем тогда стал огород, где сажали кукурузу. Кукурузная мука была основой для приготовления пищи.

Жилье обогревали дровами, а белье стирали отстоянной от золы водой.

Конечно, очень плохо обстояло дело с одеждой и обувью. У нас была только одна пара: рубашка и штаны. В школу приходилось ходить босиком и летом, и зимой. В классах тоже было холодно, и, садясь за парты, мы подбিরали под себя ноги и сидели на них, чтобы они не так замерзали.

Я пошел в школу 1 сентября 1944 г. Я запомнил своих учителей. Например, родной язык преподавал гаджисев Изудин Шейхисмаилович, заслуженный учитель и знаток Дагестанской культуры. Он много наград имел орден Ленина. Или Вавулина Татьяна Михайловна, заслуженный учитель ДАССР.

В нашем селе работало радио. На площади, где располагались контора и почта, был установлен громкоговоритель, его было слышно на все село Дылым. Я регулярно читал газеты. Мой брат, который работал почтальоном, выписывал «Дагестанскую правду», газету на аварском языке, «Пионерскую правду».

Играли мы мало. У нас просто не было для этого времени. Все свободное время мы работали, помогали взрослым на колхозных полях и в личных огородах. В колхозе работали все: старики, женщины, дети инвалиды, демобилизованные после тяжелых ранений. В те годы, как никогда, мы ощущали сплоченность народа. Мы, дети, собирали колосья зерновых культур и вязали их в снопы. А нашей самой заветной мечтой была мечта о сытной еде и скорейшем окончании войны. Героями для нас были наши отцы, деды, дяди, старшие братья, которые воевали на фронте, а многие из них отдали жизнь за нашу родину и за нас.

По соседству с нами жила русская семья – Горбунов с женой и их сноха Дуся. Мы общались: они приходили в гости к нам, а мы ходили к ним. У Дуси был сын Виктор. Мы с ним были ровесниками. Как-то в начале мая (это было как раз тогда, когда я учился в младших классах) я заболел и лежал дома. Вдруг прибежала Дуся, принесла мне картофельные пирожки и сообщила радостную весть, что кончилась война. Так я узнал, что тяжелой войне пришел конец, и мы одержали победу над фашистской Германией.

Домой стали возвращаться наши сельчане. Из наших родных с фронта вернулись 10 человек. Это для нас, конечно, была большая радость.

Я помню, как после войны в магазине стали появляться хлеб, сахар, конфеты, одежда, обувь. Помню, как снижали цены на продукты и одежду.

Наша семья стала жить в достатке. В хозяйстве у нас имелись корова, телята, козы, куры, приусадебный участок.

В 1954 г. я окончил 10 классов Дылымской средней школы и поступил учиться в Дагестанский сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет. В 1959 г., после окончания института, я начал свою трудовую деятельность в должности старшего зоотехника управления сельского хозяйства Казбековского района. В 1963 г. я стал главным зоотехником управления, а затем директором совхоза Дылымский Казбековского района. Я – заслуженный работник сельского хозяйства Республики Дагестан, награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями. Сейчас я на пенсии.

*Материал предоставлен Шахбановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Я участвовала в восстановлении Сталинграда

Мамаева Патимат,
родилась в 1928 г. в с. Наскент Левашинского района
Дагестанской АССР

Мне было 15 лет, когда в 1943 г. в нашем районе началась вербовка¹ на работу по восстановлению города Сталинград (ныне – г. Волгоград). Из нашего села было решено направить меня и Омарову Рукият. Обе мы были очень молоды, никуда из селения не выезжали, а тут вдруг надо ехать далеко, за пределы Дагестана, на Волгу, где никто даже не знает нашего языка. Понятно, что мы очень боялись отъезда.

В нашей семье были только мать, я, да маленький братишка. Мама была очень расстроена тем, что я уезжаю, но понимала, что идет война и приходится работать, не считаясь ни с чем. Я тоже так считала. В райцентре – селе Леваша – нас, добравшихся из разных селений, включили в одну партию. Девушек было мало, в большинстве своем отправлялись мальчишки-подростки.

¹ Вербовка — наём, привлечение к работе или службе сотрудников.

Руины старой мельницы - единственное оставшееся со времен войны нетронутое здание в Волгограде. Фото Дадаева К.

Нас собрали на митинг, объяснили, какое важное значение имеет восстановление Сталинграда. Отметили, что в этом деле должна участвовать вся страна. Потом нас посадили в автомашины и отвезли в г. Буйнакск, а оттуда по железной дороге в г. Махачкалу, а затем дальше.

Ехали мы в товарном поезде очень медленно, подолгу стояли на разных станциях и прибыли в город на Волге чуть ли ни через три недели. Город лежал в развалинах, и пока строились для нас бараки¹, мы жили в палатках.

В Сталинграде собралось много такой же молодежи, как и мы, приехавшей из разных областей страны. Мы выполняли различные земляные работы, разбирали камни, копали, уносили мусор. В нашей бригаде собралось несколько девушек из Левашинского района, и мы с подругами всегда держались вместе. Из всех нас, только я немного понимала по-русски, так как в раннем детстве несколько лет прожила с отцом в Махачкале. Но бояться было нечего, нас никто не обижал.

Первая наша зима в Сталинграде была очень тяжелой. Идешь на работу – лицо мерзнет, щеки точно коркой покрываются, руки не гнутся. В работе немного разогрешься, остановишься – опять мерзнешь. Нам выдавали

¹ Барак – это лёгкая, обычно деревянная постройка без особых удобств, часто временная, используемая как жильё для группы людей.

спецодежду, – ватные куртки и брюки, валенки. Но для всех работавших одежды не хватало, а мужские брюки мы, дагестанские девушки, надевать стыдились.

Позже было построено общежитие, и мы поселились в комнатах по четыре-пять человек вместе с русскими девушками. Девушки были хорошие, мы с ними легко подружились. После работы можно было, и погулять, и пойти в кино, но мы, даргинки, больше сидели дома, как было принято по национальным обычаям, и занимались мелкими хозяйственными делами.

Несмотря на свой юный возраст, я работала очень усердно, как тогда говорили, «по-ударному». Из нас, четырех подруг-дагестанок, я осталась в Сталинграде дольше всех – до 1947 года. Два раза подавала заявления, чтобы отпустили домой, но меня уговаривали остаться ещё. Работать приходилось уже не только на строительных работах, но и грузчицей в цехах завода «Баррикады».

За работу в годы Великой Отечественной войны меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1962. С. 380 – 381.

Бармалей фонтан в Сталинграде. 23 августа 1942 г. Фото Э. Евзерикина

Когда началась война

Я, Маркозашвилли Нонна, живу в Махачкале пяти лет. Окончила школу и поступила в мединститут в год, когда началась война. Немцы захватили почти весь Северный Кавказ, и люди устремились к нам. Они шли пешком, в чём успели убежать, без еды и документов. Сидели под каждым деревом, лежали на земле в Городском саду, умирали от голода. Мне, девочке, доверили выдавать беженцам документы для посадки на корабль и дальнейшей эвакуации. И они все напирают, плачут, каждый хочет поскорей уплыть.

Потом мы окопы рыли, а над нами барражировали немецкие самолёты, и были видны смеющиеся лица лётчиков, бросающих листовки. Взять эту листовку никто не решается, так, ногой прижмёшь, а там написано: «Дамочки, не ройте ямочки!».

Чуть позже к нам подселили трёх работниц из эвакогоспиталя. Ну, разместились так: мы с мамой на кровати, на тахте врач Ида Львовна, а лаборантка и аптекарь на полу, на старых пальто и одеялах..

Когда таял снег, нашу улицу Котрова затапливало так, что надо было перебираться по камням с берега на берег. Вспоминаю свои вечно мокрые ноги в бурках и галошах, скудную еду и не понимаю, как мы не болели.

Бойцы в госпитале г. Махачкалы. Опубликовано Черновик. 2014-08-29. № 34

Пальто на мне было такое ветхое, что каждый вечер мама зашивает дыры под мышками, а днём, стоит мне чуть приподнять руки, оно распарывается. Ходила с прижатыми к бокам руками.

Мама моего друга Шурки, Анна Владимировна Мостовая, была директором химзавода, у неё был второй муж, сын от него, и ей как-то было не до Шуркиных забот. Шурка торчал у нас, мама отдавала ему сохранившиеся папины носки, рубашки, в общем, у нас он был своим, я считалась как бы его невестой, хотя любви там никакой не было, дружили мы крепко. Шурка ушёл на фронт, и уже в конце войны тётя Аня дала мне талон на пошив пальто. Шили целый месяц в мастерской, из серой ткани «бобрик». Даже на диплом я в нём фотографировалась, и долго потом ещё носила.

Я дежурила по ночам в больнице, с утра бежала на занятия. Зарплаты хватало на три пол-литровые банки кукурузной муки. Рыба в те годы многих спасла. Помню, один год вильма пшита с берегом. Её наволочками ловили. Сосед наловил два ведра и пальто мне отдал нам. Рыбу варили, жарить не на чём было.

Чтобы не умереть с голоду, продавали всё, что возможно. Вот мама мне пишет записку: «Нонна, поиди, продай простыню». А я продавать не умела, стеснялась торговаться. Вот я ношусь с ней туда-сюда, до тех пор, пока покупатели уже сами не спросят, что у меня там. Ну, дают, естественно, гроши. Поэтому чаще не маму, а ли дёров в те годы звали. Они нас уважали, мама с детьми занималась, а я лечила, как могла.

Материал Светланы Анохиной.

Опубликовано в рубрике «Был такой город». Черновик. 2014-08-29 № 34

Сохранить детей и выжить самим...

Матаева Нафиса Шакировна (Файзулина),
родилась в 1936 г. в посёлке Зимовники Зимовниковского района
Ростовской области

Поселок Зимовники являлся районным центром. Поселок был небольшой, но через него проходила железная дорога из Ростова на Сталинград. В поселке имелась семилетняя школа и большой элеватор, где хранился урожай зерновых со всего Зимовниковского района.

В нашей семье до начала войны было семь человек: отец, Файзулин Шакир Зейнуллаевич (1900 г.р.), мать, Файзулина Шамсикамар Измайловна

Матаева Н.Ш.

(1905 г.р.) и пятеро детей – Алия (1927 г.р.), Карим (1929 г.р.), Сания (1931 г.р.), я, Нафиса (1936 г.р.) и Рафика (1940 г.р.).

С весны по осень наша семья жила на хуторе Марченко, где папа работал на водокачке, руководил поливом колхозных огородов. Летом 1941 г. мы были на хуторе и о начале войны узнали от соседей. Отец погрузил нас на телегу и отправил в поселок, но не в родной дом, а в дом его сестры, муж которой уже был призван на фронт. Через некоторое время и сам отец ушел на фронт. Мы жили в небольшом, в две комнаты, доме. Две семьи: наша – мама и нас, пятеро детей, а также тетя и ее четверо детей.

В августе 1942 г. раскаты взрывов стали раздаваться близ посёлка. Начались ежедневные налеты немецких самолётов. Бесконечные взрывы бомб, выстрелы, разрывы снарядов наводили дикий, необузданный страх. Чтобы хоть как-то спрятаться от бомбежек, женщины, старики, дети рыли окопы. Холодный окоп, накрытый досками и присыпанный землей, защищал от пуль и осколков снарядов, но не мог уберечь от всепоглощающего страха.

Были разрушены жилые дома, взорваны вокзал и железнодорожные пути, горел элеватор, в котором хранилось зерно.

Воду носили из речки, печь топили дровами и кизяком. За печью следили тщательно, чтобы поддерживать огонь. Помню, как как-то соседский мальчик пришел за горящими углями. После этого он не появлялся. И только после войны я узнала, что в тот день он попал под бомбежку и погиб.

Ночью дома не освещались, очень редко зажигалась или керосиновая лампа, или самодельная лампа, сделанная из отстрелянной гильзы от снаряда.

У нас была корова, но потом ее зарезали: приближалась зима, запасов сена не было, да и немцы угоняли скот в Германию. Мясо засолили и спрятали, это помогло выжить зимой, а зима в тот год выдалась очень суровой. Кроме того мы пекли лепешки. В муку добавляли макуху – переработанные семечки подсолнуха.

Оккупировав посёлок полностью, фашистские захватчики хозяевами вселялись в дома. В нашем доме тоже поселились немецкие солдаты. Жизнь поселка замерла, основной целью людей было сохранить детей и выжить самим.

На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941 г. воевал мой отец – Файзулин Шакир Зейнуллаевич, ушли на фронт защищать Родину с оружием в руках и мужа его трех сестер.

Редко приходили солдатские треугольники. До оккупации Зимовников фашистами от папы мы получили всего два письма. Мы ждали, а мама раскрывала письмо от папы и молча, со слезами на глазах, читала, потом рассказывала нам. Переписывались они на арабском языке. Ровная кружевная вязь была понятна только им двоим. Арабский язык они освоили еще до войны. Перед сном мама читала молитву, а мы повторяли за ней. Мы ждали, верили в то, что папа вернется, когда закончится война.

Потом, после освобождения поселка, письма приходили регулярно. О чем писал папа, я не помню, но эти солдатские треугольники приносили много радости в нашу семью.

Через наш поселок проходили немецкие части, которые шли на Сталинград. Но, потерпев поражение на Мамаевом Кургане, озлобленные немецкие войска вынуждены были отступить. Снова начались активные бои. Грохотали «катюши», но это уже наши солдаты очищали от врага родные города и сёла. Люди теперь уже без боязни выходили на улицы. Дети стали играть во дворах. Все ощущали свободу, но чувство пережитого страха всё ещё владело ими.

В те страшные годы я была мала, но хорошо помню, как первым взрывом выбило все стекла из окон нашего дома, как мы мерзли в нетопленной комнате, как вкусно пахли свежевыпеченные лепешки из макухи, которые были большой редкостью. 70 лет прошло с той войны, но я до сих пор боюсь грозových раскатов и всполохов молний, они напоминают мне те страшные дни моего военного детства.

Люди постепенно стали поднимать свои хозяйства, работать в полях, восстанавливать разрушенные города и сёла. Почти наравне с взрослыми работали и дети. Радостная весть о Победе разлетелась по поселку.

Папа! Это был прекрасной души человек, скромный, спокойный, добрый, заботливый. Все прекрасные человеческие черты были заложены в нем. Помню, как каждый день мы выходили на вокзал встречать эшелоны с возвращающимися с войны победителями. Перед прибытием поезда встречающих на перроне бывало очень много. Весна наливалась своей красотой,

она вселяла радость, надежду на мирную жизнь, народ ликовал. Солдаты пели, плясали, радуясь возвращению, и тут же были слышны истошные звуки рыдающих женщин, которым никогда уже не суждено было дожидаться своих мужей, отцов, сыновей. Поезд уходил на Сталинград, оставляя на каждой станции вернувшихся с фронта солдат. В июне 1945 г. возвратился и наш папа. Слезы счастья текли по щекам. Четыре года его не было с нами. Мы вновь привыкали к нему.

Служил папа в гвардейском саперном батальоне минером. В боях он был ранен несколько раз, контужен. За боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды, а также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Ему была объявлена благодарность приказом Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина от 23 апреля 1945 г. за прорыв обороны немцев восточного Берлина и вступление в Берлин, 2 мая 1945 г. – за взятие Берлина. В приказе говорилось: «Боевому товарищу Файзулину Ш.З. За честную службу на благо нашей Родины объявляю Вам благодарность. Вы прошли большой тяжелый путь по дорогам войны. Немало суровых испытаний выпало на Вашу долю.

На Вашу долю выпала высокая честь добить врага в центре его звериного логова и водрузить над Берлином знамя Победы».

Все папины награды и благодарности военных лет бережно хранятся у моего брата Анвара Файзулина, который живет в г. Волгограде. А орден Красной Звезды внук Саша хранит на красном бархате, под стеклом, как символ мужества и памяти о своем дедушке, о котором он так много знает по воспоминаниям родных.

Война не дала возможности старшим братьям и сёстрам получить среднее образование, они окончили по 4 класса.

С первых дней после возвращения с войны папа работал заведующим подсобным хозяйством Зимовниковского райпотребсоюза. Опыт его работы пропагандировался через плакаты по Ростовской области. Здоровье было подорвано, раны давали знать о себе. Папа умер в 1964 г. в возрасте 64 лет. По его просьбе папу похоронили на его родине, в городе-герое Волгограде.

1 сентября 1945 г. я пошла в 1 класс. Папа, по возвращении с войны привез мне несколько красивых тетрадок, тогда как старшие брат и сестры писали на старых газетах. Все первоклассники в тот год были переростками, мне самой на тот момент было 9 лет. Старшеклассники оканчивали среднюю школу в солдатской форме.

После окончания средней школы в 1955 г. я поступила в Астраханский библиотечный техникум. По его окончании в 1957 г. 20 девушек были направлены в Дагестан. По этому поводу папа очень переживал, потому что для нас Дагестан был неизвестным краем. Мы и не знали, что есть такая нация ногайцы. Но видимо судьба моя распорядилась так, что я навсегда обрела здесь, в Дагестане, свою вторую родину.

По прибытию в Махачкалу министерство культуры направило меня в Ногайский (Караногайский) район, в аул Уйсалган. Я стала работать в сельской библиотеке, затем меня выбрали секретарем сельской комсомольской организации. Мы, комсомольцы, ходили на ферму, мыли бидоны под молоко, убирали за коровами, складывали сено в скирды. Весной 1958 г. мы приняли активное участие в проведении фестиваля молодежи, который проходил в селении Терекли-Мектеб, заняли призовые места, получили грамоты.

Через год я поехала домой в отпуск и должна была поставить родителей в известность, что выхожу замуж. Разговор об этом с родителями шел через старшую сестру. Показала им фото Абубекера, он им понравился. Сестра передала мне слова папы: если он мусульманин, и вы сможете жить, так, как мы живем с мамой – я согласен. Слова папы для меня остались на всю жизнь как наказ, они запали мне в душу. Семейная жизнь сложилась: вырастили детей, внуков, растет правнук.

Итак, в том же 1958 г. я вышла замуж и переехала к мужу в аул Кумли, где стала работать в сельской библиотеке. В 1962 г. мужа, работника школы, перевели в районный центр Терекли-Мектеб, а меня назначили инспектором отдела культуры Караногайского района. В 1964 г. я была назначена на должность заведующей общим отделом Ногайского РК ВЛКСМ, с 1966 по 1972 гг. работала заведующей партийной библиотеки Ногайского РК КПСС, а в 1972 г. возглавила сектор партийного учета Ногайского райкома партии. Окончила Ростовскую межобластную высшую партийную школу (1974 – 1979 гг.). В 1978 г. была выдвинута на должность секретаря Ногайского исполнительного комитета. Награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Дагестана от 24 февраля 1986 г., чем очень горжусь. В 1989 году – депутат Ногайского районного совета народных депутатов 20-го созыва. В 1990 г. была избрана заместителем председателя Ногайского районного совета народных депутатов. Ушла на пенсию в 1992 г.

*Материал предоставлен Агаспаровой Г.А.,
библиотека МКОУ «Терекли-Мектебская СОШ имени А.Ш. Джанибекова»,
с. Терекли-Мектеб, Ногайский район*

Посерьезневшие лица детей, напряженная тишина...

Воспоминания Махатилова Магомеда,
директора Согратлинской средней школы

Быстро облетела весь аул весть о вероломном нападении гитлеровского «вермахта» на нашу Родину. И вот – пришкольная площадь. Посерьезневшие лица детей, напряженная тишина изменили обычный вид площади, с её веселой беговней, со звонкими голосами и смехом детей. Начался митинг, который возник стихийно.

Вскоре многие из нас ушли в армию. Ушли старших классов, воспитанные нами в духе патриотизма и преданности социалистическому Отечеству, изъявили желание добровольно отправиться в армию. Среди первых добровольцев у нас были: Магомедов Халит, Инчилов Гаджи, Улов Гаджи-Магомед, Улов Абдурахман, Черкесов Магомед-Шафи и другие.

Наши воспитанники заслужили в боях добрую славу. Бывший ученик 8-го класса Согратлинской школы лейтенант Урдашев Кура-Магомед, посланный в разведку, был окружен врагами, уничтожил около десятка фашистов и погиб смертью храбрых. Ему была посвящена специальная корреспонденция во фронтовой газете, перепечатанная республиканской газетой «Дагестанская правда». Бывший воспитанник школы Гамзатов Газимагомед командовал пулеметным подразделением, храбро дрался с врагами и погиб на поле боя, о чем написали в «Дагестанской правде» (от 24 мая 1944 года) его боевые товарищи. Майор беспощадно громил врагов и отдал свою жизнь, защищая свободу Родины. Учитель нашей школы Мусавев Шафи прошел славный боевой путь от солдата до майора, начальника штаба одной из воинских частей, и героически погиб в боях. Бывший завуч учебной частью Величко К.Ф. совершил боевой путь от предгорий Кавказа до Германии, и в настоящее время является кадровым офицером Советской армии.

Все перечисленные и многие другие воспитанники школы неоднократно награждались орденами и медалями Советского Союза. Не менее 240 воспитанников нашей школы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, 38 человек из них получили офицерские звания.

В 1942 г., когда враг рвался к жизненно-важным центрам страны, готовился штурмовать Кавказский хребет, по Дагестану пронесся грозный

ключ – «Не пропусти врага в наши горы!». Следуя этому благородному зову, десятки учащихся нашей школы добровольно отправились на сооружение оборонительных рубежей. За образцовое выполнение заданий командования на оборонительном строительстве, ученица восьмиклассница Касумова Хадижат была награждена Почетной грамотой обкома ВЛКСМ, а многие ученики получили медаль «За оборону Кавказа».

В течение всей войны между учениками нашей школы и фронтовиками поддерживались оживленная переписка, которая не прерывалась в самые трудные минуты. Учащиеся рассказывали в письмах о своих успехах в учебе и труде, о трудовых подвигах колхозников. Письма фронтовиков были полны бодрости, уверенности в победе. Особенно содержательной и интересной была переписка школьников с капитаном Варисовым Магомедом, с майором Мусаевым Шафи, со старшим лейтенантом Убайдатовым Саид-Магомедом и Дибировым Магомедом.

В годы войны школе не хватало самого необходимого. Мы находили выход из положения. Чернила, например, изготавливали сами, мел учителя нашли в горах. Ремонтировать школу помогали родители школьников, как например, Кадыров Али, Хабибов Хабиб, Дагалов Абдулла и другие, которые несколько раз делали это бесплатно. В связи с уходом многих учителей в армию, старшие ученики, продолжая ещё учиться сами, стали преподавать в начальных классах. Помню, как удачно работали Махатилев Магомед-Гаджи, Агаева Патимат, Алиева Патимат, которым оказывали помощь опытные учителя Муртазалиев Магомед-Гаджи, Марусич Е.П., Уварова Н.М. и другие. В то же время мы приняли в школу троих учителей из числа эвакуированных. При содействии партийной организации и сельсовета дирекция школы смогла устроить им бесплатное жилище, снабдить топливом и продуктами питания.

В 1942-43 учебном году мы открыли при школе комнату для приготовления уроков, так как некоторым из ребят было очень трудно заниматься дома. Старшеклассники Магомедов Халит и Хачалов Абдулмеджид охотно помогали отстающим ученикам младших классов.

В 1942 г., по указанию райкома партии, дирекция школы мобилизовала всех учащихся на сбор лекарственных растений. Ребята взялись за это с энтузиазмом. Они собрали более 250 кг шиповника, высушили его на школьном чердаке и сдали заготовительным организациям. При сборе растений возникло соревнование.

По примеру колхозников, учителя и учащиеся отправили на фронт десятки посылок с лекарственными растениями, табаком, папиросами,

продуктами питания, теплой одеждой. Большое участие в сборе средств принимали молодые учителя Шамхалов Шамхал, Алиева Патимат, Агаева Патимат, Шамхалова Хабибат: в случае надобности, они посещали родителей школьников, объясняя, зачем и для чего собираются деньги или продукты. С тех пор организация посылок воинам приобрела у нас традиционный характер, и наши школьники ежегодно ко дню Советской Армии посылают подарки в какую-либо из воинских частей.

В военные годы мы старались устраивать встречи школьников с фронтовиками. В начале 1945 г. к нам приехал в отпуск бывший учитель нашей школы К.Ф. Величко. Он пришел в школу и на собрании учителей и учащихся долго и красочно рассказывал о том, как героически сражались защитники нашей Родины, а также о том, какие картины зверств и разрушений находили они в очищенных от фашистских захватчиков районах. Рассказ бывшего учителя произвел на ребят глубокое впечатление и вызвал у них подъем патриотизма.

Во время войны мы организовали при школе интернат для пятидесяти детей фронтовиков и для остро нуждающихся. Таким образом, школа предупредила отсев учащихся, повысила успеваемость, сплотила дружный детский коллектив.

Среди пионеров и школьников зародилось тогда тимуровское движение. Инициатором его был учитель Нурмагомед Абигасанов. Это было очень хорошее с воспитательной точки зрения начинание. Мне запомнились такие усердные тимуровцы, как Патах Патахов, Али Гаджиев и некоторые другие школьники. Тимуровская команда помогала семьям инвалидов, проявляя о них заботу.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1962. С. 461 – 465.

Скрабе Владимир Августинович
уроженец г. Буйнакск.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Скрабе Владимир Августинович – сын известных педагогов Скрабе Августина Петровича и Скрабе Натальи Ивановны. Родился 9 июня 1918 г. в г. Темир-Хан-Шуре. В 1936 г. окончил Дагестанский педагогический институт им. С. Стальского. С 1936 по 1939 гг. преподавал химию и биологию в Буйнакской средней школе № 1 и Даргинском педагогическом училище. 20 сентября 1939 г. был призван на срочную службу в ряды Красной армии. Погиб на фронте 2 апреля 1942 г.

3-е - повеление
на "Натас" на Буйнакск 4/11-42
моя дорогая родина! 17
Здравствуй!
Пишу из верхов моря.
Получил от вас письма
и посылку. Спасибо, большое
за неё. Рады буйнакцы
вашего сына, за вас
и за наши новости
рады, со своей стороны.
Будем ли вы мои и мои
вспоминать.
Смотрю по карте болотный
отряд профессора моего сына.
Здоров, у вас буду себя без вас.
С любовью и любовью
по чужим странам и танцам, выполняю
Лена вы.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Место для штампа Ваш Сем Командир взвода
(муж, сын, брат, военное звание)
Скрабе Владимир Августинович
(фамилия, имя и отчество)
Уроженец Дарга с Буйнакск Чкал
(область, район, деревня или село)
Буйнакск Чкал д. 133

боя за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив
храбрость и мужество, был убит вражескими
(месяц, число, год)
вражеского збрания Вакурова 1942 года
(убит, ранен и умер от ран)
прозвен убит и сгорел в сарае при взрыве
(место похорон)
д. Кошуряк в Буйнакске Чкал

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 220 1941 г. и пост. СНК СССР № 2269 1940 г.).

Командир Военный комиссар

Извещение о гибели В. Скрабе. Апрель 1942 г.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Письмо В. Скрабе из Латвии. Март 1942 г. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Предвестник страшной беды

Силина (Миловидова) Валентина Николаевна,
родилась в 1928 г. в г. Махачкале

Миловидова В.Н. 1950

Семья у нас была большая. Во время голода, из г. Саратов родители переехали в Махачкалу. Здесь и остались. Накануне войны наша семья жила в общем дворе. Насколько я помню, все были разной национальностей. Жили мы бедно, но весело. Бывало, по вечерам во дворе устраивали танцы под патефон.

И вот нашу мирную жизнь прервала страшная беда – война!

Как сейчас помню, в тот день мы с мамой были на рынке и, вдруг, услышали, как по громкоговорителю, висевшему на столбе, объявили о начале войны. Это было как гром среди ясного неба.

Казалось, все вокруг померкло, а солнце стало светить как-то совсем по-другому... Люди стали куда-то бежать, многие плакали. В тот день, в день объявления войны, на одной из улиц города упал каменный балкон, погибло несколько человек. Как будто предвестник страшной беды...

На фронт ушли мой двоюродный брат Петр (он был военврачом), муж двоюродной сестры Павел. Я помню, что мы получали от них письма. Поначалу это были оптимистичные послания. Они писали о близкой победе. Но потом характер писем

Работники Махачкалинского горторга сдают теплые вещи в подарок фронтовикам (1942 - 1943 гг.). Фото Ю.Т. Шевелева. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

В пионерском лагере. Анапа. 1939 г.

миться, варили рыбные головы. На путях стояли цистерны с патокой. К ним выстраивались огромные очереди. В свободной продаже был сахар, но это было очень дорого. Это могли купить только те, у кого были деньги. Взрослые все время были заняты на работе, а нас, детей, отправляли за продуктами. Тогда были большие очереди, поэтому приходилось стоять сутками.

Отец охранял склад с топливными баками, а мы с матерью рыли окопы где-то в пригороде, точно не помню где именно.

В начале войны нам было не до игрушек и игр. Но позже стали праздновать Новый год, ставить елку. Елку наряжали, как могли, старыми игрушками, грецкими орехами в фольге, фигурками, вырезанными из бумаги. И под Новый год загадывали желание, чтобы поскорее закончилась война.

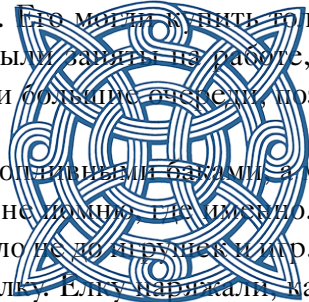
Школы были переполнены из-за беженцев, в классах занималось по 50 человек. Тогда в городе было много беженцев, особенно, евреев. В школе нас кормили: в день выдавали один пирожок (с курагой). Но, несмотря ни на что, школа работала по программе. Книги, тетради, ручки – все было. Книги читали в основном довоенные. Пионерская организация помогала в проведении работ в помощь фронту. На фронт отправляли посылки собранные учениками, клали туда рукавицы, носки, махорку, кисеты. Пионерская и комсомольская организации привлекали нас к сбору колосков на полях и винограда в виноградниках, рытью траншей и окопов в парках. Помню, как ездили в госпиталь и выступали перед ранеными солдатами.

изменился, воюющие родственники все чаще стали писать о тяжелой затяжной войне.

А мы столкнулись с реалиями суровых военных лет.

Помню, как в городском саду стреляли зенитки, а в море, недалеко от пляжа, упала бомба.

Хлеба было мало, его получали по карточкам. Работающим выдавали по 500 г. Чтобы прокормить

Учащиеся 8-го класса женской школы № 6. Май 1946 г.

Насколько я помню, в школе № 14 на улице Маркова располагался госпиталь. К середине войны госпитали были во многих зданиях школ и институтов.

Тогда на столбах висели радиорепродукторы. Горожане собирались возле них и слушали сводки Совин-

формбюро. Еще радио было у тети, многие родственники, соседи, знакомые собирались у нее, чтобы узнать о новостях с фронта.

В нашем дворе жила мама Героя Советского Союза Валентина Эмирова. Он был для нас, детей, настоящим героем.

Как-то ночью я сидела за учебниками, готовила географию. И вдруг, неожиданно, заговорило радио – Победа! Я выскочила из дома и стала будить соседей. Разом, проснувшиеся соседки стали суетливо накрывать стол во дворе. А мы, дети, побежали в город на танцплощадку, там уже танцевали... Все пели, плакали. К утру весь город наполнился людьми. Радость была без границ!

После войны не все сразу вернулись домой, многие еще продолжали служить. Люди много работали, потом отменили карточки.

Когда я окончила школу, то поступила в Женский пединститут, с третьего курса перевелась в общий пединститут. Потом по распределению поехала в Сергокалинский район в с. Мюрего, где в местной школе преподавала историю и русский язык. Проработала там я два года. Потом вернулась в Махачкалу и в последующие годы работала в Институте физики и типографии Дагестанского филиала АН СССР.

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Мы мечтали о хлебе

Минхаджева Насият Серкеровна, родилась в 1927 г.

Военные воспоминания не сотрут никакие годы из памяти тех, кто видел, ощущал этот страх и ужас на себе. Они отстаивали честь страны, они подарили нам свободу, они подарили нам жизнь. Мы должны быть вечно благодарны им за такую заслугу перед Родиной.

Наша гостья сегодня расскажет о тяготах тех лет.

– Расскажите немного о себе. Сколько лет Вам было, когда началась война?

– Зовут меня Насият Минхаджева. Я родилась в селении, которое находится среди высоких гор. Закончила 9 классов, потом мой папа забрал нас в Махачкалу. Здесь я окончила техникум и работала 40 лет старшей медсестрой. Война началась, когда мне было 5 лет.

– Кто из членов Вашей семьи принимал участие в Великой Отечественной войне?

– Первым уехал на фронт папа – Серкер Минхаджев, потом дядя.

– Скажите, что навсегда отложилось у Вас в памяти о военном времени? Как Вы и сельчане помогали приблизить День Победы?

– Когда началась война, всю работу выполняли женщины: пахали, севали. Были очень трудные годы. Одевались плохо. Очень тяжело было с питанием, особенно с хлебом. Те запасы, которые держала мам, быстро закончились, так как никто не ожидал, что война продлится долгих четыре года. Также не было спичек, поэтому старались сохранить огонь. Засыпали золой, чтоб горело утра, но не всегда удавалось его сохранить. Когда огонь потухал, выходили на крыльцо и смотрели, у кого из дымохода идет дым, и просили у них спички. Из-за нехватки хлеба ели травы (крапива, дикий лук, пастушья сумка). Была картошка, но все равно хотелось хлеба.

Целыми днями работали, а ночью собирались в артели, вязали носки для фронта. Мне тогда было 6 – 7 лет, и я, чтобы выполнить мамин план, вязала с ней. Нам хотелось принести хоть маленькую, но пользу для солдат. Женщины даже рыли окопы. Однажды, соседка встала и сказала на лезгинском: «Вставайте, женщины, нам не будет покоя, пока не уничтожим врага». В то время было много русских переселенцев, и одна из них попросила перевести, что она сказала. Вернулась эта женщина с войны с медалью.

Переселенцам тоже не хватало хлеба, они приходили по 10 – 15 человек просить его у нас. Хлеба у нас не было, и мы делились с ними картошкой.

– Те, кто уехал воевать, писали Вам письма?

– Да, папа писал, мы всегда получали вести о нем. Он был контужен, ранен, но главное – вернулся домой. С дядей связь сразу потерялась, он пропал без вести, и по сей день мы не знаем, где он похоронен.

– Что бы Вам хотелось пожелать читателям газеты «Молодежь Дагестана»?

– Сейчас, проходя по улице, я часто вижу пакеты с хлебом. Мне больно смотреть, как люди выбрасывают его, они не понимают, каким трудом его получают. Сейчас мы все живем в достатке, но я никогда не выкидываю хлеб, делаю из него сухарики. Желаю всем, чтобы никто больше не видел войну. Жили в здравии, спокойствии и ценили то, что у вас мирное небо над головой.

Беседа с Минхаджевой Н. вела ученица 11 «б» класса школы № 34 г. Махачкалы Диана Амирахмедова. Опубликовано: «Молодежь Дагестана» 2014.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Подарки женщин-горянок Дагестана фронтовикам
(Миллион пар перчаток и носков)
Февраль 1945 г.

Далеко в горах, как в каменной чаше, лежит лезгинский аул Хив. Отсюда через ущелье везут к побережью Каспия продукцию горных животноводов: шерсть, брынзу, мясо, масло и дагестанские ковры – результат кропотливого труда горянок-ковровщиц.

По горным дорогам везут на арбах и другие грузы. Это подарки фронтовикам. Огромные пачки шерстяных носков с затейливым узором. Эти носки вяжут горянки в свободное от работы в колхозах время.

Не было в дни войны вечера, который бы уделили отдыху жена фронтовика Гюльзаде Аликберова, мать фронтовика Перихан Алиева и пионерка Сувар Везирова. Втроем они связали 3200 пар носков.

Пример горянок-ковровщиц Хива, которые первыми начали вязать носки для фронтовиков, нашел отклик во всех аулах Дагестана.

В дни войны женщины республики связали в подарок воинам миллион пар перчаток и носков.

«Дагестан своим фронтовикам», январь – февраль 1945 г. Открытое письмо № 11.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С. 704.

Я мечтала о красивом платье

Мирзаева Патимат Омаровна,
родилась в 1934 г. в с. Гергебиль Гүнибского района

Когда началась война, я была мала, поэтому первые годы войны я помню смутно. Но фронт ушел мой двоюродный брат Гамзат Алиев. С войны он так и не вернулся. Не получили от него ни одной весточки, только похоронка пришла.

Мне запомнилось, как мы, дети, помогали взрослым: прибирались в доме, носили воду, наводили порядок во дворе. У нас не было огорода, поэтому негде было сажать овощи. Спасались тем, что на участке в поле выращивали и собирали кукурузу. Была в нашем хозяйстве одна корова.

В нашем селе, в частном доме М.Д. Абдулмуминова, работал медпункт.

Став школьницей, я стала получать в школе чурек из кукурузной муки и суп из размолотой кукурузы. У нас не было тетрадей, поэтому писали мы на обрывках бумаги, книг практически не было. Готовиться к урокам было сложно, тем более что даже в те дома, где было электричество, его подавали с перебоями. Керосиновые лампы не разрешалось зажигать в темное время суток. Когда в 1944 г. в одну из комнат нашего дома провели электричество, то нас предупредили, чтобы ночью мы не включали свет. Чернила изготавливали из разных красок, в том числе, используемые для покраски одежды. Иногда нам выдавали химические карандаши, которыми, посплюнявив, мы писали вместо чернил. Учителями работали в основном русские педагоги, а директором школы был калмык. Хорошо помню учительницу русского языка Нину Федоровну и учителя физкультуры Гасан-Гусейна из с. Могол.

Из школы нас отправляли собирать шиповник, лекарственные травы. Мы также сушили курагу. Все это сдавали государству, в помощь воюющей с вероломным врагом Красной армии. Этим я вносила свой маленький детский вклад в победу над фашисткой Германией. В школе учителя нам рассказывали о герое-подводнике Магомед Гаджиеве. Я очень гордилась тем, что он был настоящим горцем, представителем аварского народа.

Об игрушках, как и о праздниках, мы даже и не думали. Но, будучи девочкой, я мечтала о хороших нарядах, о красивом платье. Как мне хотелось посещать концерты, театры!

Мой брат, Омаров Магомед, был одним из организаторов кружка художественной самодеятельности. Так вот, участники этого кружка, в том

числе и я, дважды за годы войны выступали с концертами в селе Гуниб. Чтобы добраться до Гуниба, до гидроэлектростанции мы шли от Гергебиля пешком, а до самого Гуниба нас уже довозили на лошадях. После войны, в 1948 и 1950 г. наш коллектив становился победителем фестиваля в Гунибе.

Мне было без малого 11 лет, когда закончилась война. Помню, какая была радость в селе, как люди плакали от счастья и вывешивали красные флаги. Те, у кого не было красного отреза, выносили и выставляли в окна одеяла и подушки красного цвета. Любой материал, лоскут, отрез ткани красного цвета служил в те дни флагом, символом Победы.

Помню, как возвращались с фронта наши родственники. Саидов Гамза и Шахбандиров Шахбандибир дошли до Берлина и вернулись с победой. Вернулся с фронта и наш учитель физкультуры Эрбулиев Шарабудин. Какая эта была радость не только для всех селчан.

В 1948 г. меня приняли в комсомол на год раньше положенного, может быть, потому, что я очень хотела стать комсомолкой и настоятельно об этом просила. В 1950 г. окончила 7 классов школы, на дальше образование так и не продолжила. В 1954 г. я вышла замуж, более 15 лет проработала санитаркой в Центральной районной больнице, затем в поселке при Гергебильской ГЭС работала за магом, воспитательницей в детском саду «Нур», кассиром во дворце культуры. На сегодняшний день нахожусь на заслуженном отдыхе. Здоровье не позволяет выходить в люди, общаться с молодежью. Но, хотя я и прикована к постели, духом не падаю. И пока сердце бьется в груди, хочу быть полезной для людей, для общества.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

*Буйнакск. Памятник Герою Советского Союза М. Гаджиеву. 1966 г. Фотоальбом № 78. Л. 11.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Работали все – от малых детей до стариков

Моллаева (Алипкачева) Халжат Бийсолтановна,
родилась в 1937 г. в селении Бабаюрт Бабаюртовского района

В Бабаюрте наша семья жила до начала войны. Семья у нас была небольшая: отец, мать и четверо детей. Я была третьим ребенком. Семья была дружная, веселая. К старшему брату Шихсолтану часто приходили друзья. В нашем доме не смолкал смех. У нас был просторный двор, дом. Недалеко от дома располагался большой (конечно, по сельским меркам) парк. Мы там с удовольствием играли. Это было хорошее время.

Начало войны я помню смутно. Но вот что мне особенно запомнилось. В Бабаюрте мы жили возле военкомата. Так вот в какие-то дни около нашего дома в большом количестве стали появляться люди, телеги, машины. Особенно много было мужчин. Запомнились мне заплаканные женщины. Многие останавливались у нас, подводы оставляли в нашем дворе. Я не понимала, почему у нас так много гостей. Помню, как мать целый день кормила их, пекла хлеб, готовила чай. Оказалось, что это были проводы на войну.

Потом настала наша очередь. Мы проводили на фронт отца, а затем и старшего брата – весельчака Шихсолтана (он был 1924 г.р.). Остались мы с матерью трое. Старшей сестре было 8 – 9 лет, мне – 4 года, младшему брату – 1,5. Тогда-то мы и почувствовали, что война – это страшно. Дома стало тоскливо. Мать уходила на работу, а мы, дети, оставались одни. Нас уже не пускали играть в парк, там шли военные занятия: молодых ребят обучали военному делу.

Отец писал редко, а брат, наоборот, часто. Потом отец перестал писать. Брат воевал на Кавказском фронте¹. Однажды он даже ненадолго приехал в отпуск после ранения в 1943 г. в самом начале 1944 г. он вновь отправился на фронт. Приходили письма, в которых он рассказывал, как он и его боевые товарищи защищают Родину. В своем последнем письме он описывал бои за «Сапун-гору»², рассказывая, что сражение было настолько напряженным, что пули «поливали» землю, будто дождь. С этим письмом

1 Кавказский фронт был образован 30 декабря 1941 г. на базе Закавказского фронта. 28 января 1942 г. Кавказский фронт был разделен на Крымский фронт и Закавказский военный округ.

2 Штурм Сапун-горы (ключевой позиции на подступах к Севастополю) – был предпринят 7 мая 1944 г. и вошел в завершающий этап операции советских войск по освобождению Севастополя. Это было самое кровопролитное сражение в боях за Крымский полуостров. Здесь, на склонах господствующей высоты завязалась продолжительная рукопашная схватка, которая шла более девяти часов.

переписка с братом прекратилась. Больше от него мы не получили ни одной весточки. Я прочла его письма, когда уже стала взрослой. Как я теперь жалею, что не смогла найти его могилу!

Жить стало еще труднее. Вскоре после начала войны мы, по совету отца, переехали в селение Геметюбе Бабаюртовского района. Мать и старшая сестра целыми днями работали в колхозе, выращивали зерно. Я и мои сверстники летом ходили собирать кукурузу. Был у нас приусадебный участок. Сажали там кукурузу и тыкву. Больше ничего в нашем хозяйстве не было: ни скота, ни птицы. Весной собирали зелень для приготовления еды. Воду брали из канавы, печь топили бурьяном, белье стирали золой, дом освещали керосиновыми лампами.

Сколько бы, кто бы и как не работал, оплаты за труд в сегодняшнем понимании не было. Тогда считали трудодни. Каждый жил, как мог. Но работали все – от малых детей до стариков. Мы тоже выходили в поле: летом собирали колоски, а весной помогали сажать кукурузу. Нам давали палочки с заостренными концами. Старики бросали кукурузные зернышки на подготовленную землю, а мы острыми концами этих палочек тыкали по зернам, чтобы вдавить их в землю. Мы взрослым помогали во всем: поледи, как могли, огороды, собирали пшеничные, ячменные колоски. При этом иногда утаивали горсточку зерна и кормились этим. В те годы мы всегда были голодные, холодные. Как сейчас помню, с марта месяца по октябрь ходили босые, полуодетые.

Взрослых в селе было очень мало: несколько стариков, женщины, подростки и 2 – 3 тракториста. Даже подростков тогда часто причисляли ко взрослым.

Я в те годы ещё не училась. Школа то работала, то нет. Поступила в первый класс уже после войны, в 1945 г. Ни учебников, ни тетрадей не было. В одном классе занимались несколько классов. Помещения не было, ютились в частных домах. До войны у нас в селе была прекрасная школа. Во время войны растащили двери, окна, доски, кирпичи, таким образом, разобрали школу. С тех пор у нас в селе не было настоящей школы. Ютились и учились дети в жилых домах.

Я очень хорошо помню своего первого учителя Баймурзу Яхьяевича. Не знаю, как он умудрялся обучать нас при отсутствии элементарных школьных принадлежностей, остром дефиците учебной литературы, но мы научились и читать, и писать. Уже во 2 – 3 классах у нас была учительница русского языка Таиса Григорьевна.

Газет мы не читали, разве что иногда попадались районные газеты, и тогда, кто умел, читал их вслух. Радио у нас в селе не было, мы даже не зна-

ли, что это такое. Не было у нас и медпункта. Помню, как я очень сильно заболела тифом. Тогда много людей умерли от этой болезни, она «косила» целые семьи. Но я выжила.

Мы с тоской вспоминали жизнь до войны, когда можно было поесть досыта, и еды хватало всем, когда рядом были отец и старший брат, когда мы беззаботно играли и резвились... В военную пору времени на игры почти не оставалось. Не было у нас и игрушек. Правда, мы их сами мастерили: из тряпок делали мячики и куколок, из глины лепили фигурки животных. Мы были лишены таких детских радостей, как Новый год, новогодняя елка...

Были в нашем селе эвакуированные. Несколько русских семей приехало из оккупированных немцами территорий. Местные жители очень уважительно относились к ним. Эвакуированные наравне с нами работали на полях, фермах. К нам прибыли и жители близлежащих сел, хуторов – Мужукай, Люксембург и др.

Как-то утром я проснулась от непривычных звуков, где-то неподалеку играла музыка, слышались весёлые голоса. Я быстро встала, оделась. Шум нарастал буквально с каждой минутой. Я хотела спросить у мамы, что происходит, но ее дома не оказалось. Тогда я босая, неумытая, побежала на этот гул в центр села. Там, на сельской площади – люди. Молодежь, подростки радуются. Старики танцуют и кричат: «Победа!», «Устюлюк!» («Успех!»), «Биз уждук!» («Мы победили!»). Наш сельский старик-гармонист залихватски, совсем по-молодому, играет на своей гармонии. Как давно я не видела и не слышала ничего подобного! Я тут же присоединилась к этой всеобщей радости: мы танцевали, кричали, пели, что умели. И ждали... Ждали, что вот-вот вернутся наши отцы, братья.

Но, увы! С фронта вернулись далеко не все. Я, как будто это было вчера, помню, как наши сельчане возвращались домой. Среди них был и наш родственник. Их встречали всем селом. И я тоже бывала там. Но не суждено было нам испытать радость от встречи с самыми близкими нам людьми – отцом и братом. Так и остались они на полях сражений... У нас в центре села есть памятник солдатам, которые не вернулись с фронта. Там – список погибших за Родину солдат – наших односельчан. Надо помнить имена этих героев. Это нужно нам, живым...

После войны какое-то время тоже жилось трудно. Но люди усердно работали, помогали друг другу. Стали заводить по одной корове, по десятку кур, обустроивали огороды. Колхоз тоже стал выдавать зерно за трудодни. Помню, как к нам в село стали привозить фильмы о войне. И я увидела

войну с другой, неизвестной для меня стороны, со стороны боевых сражений, с той стороны, с какой ее знали и видели до своих последних дней мои отец и брат.

У нас в селе была начальная школа. После 4 класса многие наши дети продолжали обучение в райцентре – Бабаюрте. И я вместе с ними. Сестра не могла дальше учиться, она заботилась о нас с братом. Я окончила среднюю школу в Бабаюрте 1955 г. Поступила в педучилище в г. Хасавюрте. Окончила, работала учительницей начальных классов до 1993 г. С 1993 г. являюсь пенсионеркой. Часто своим детям, внукам, школьникам при встречах я рассказываю о том суровом времени. И не устаю повторять: в это жестокое время мы не очерствели, не ожесточились, а научились еще сильнее любить людей, любить Родину, любить жизнь.

*Материал предоставлен Амангуловой Р.С.,
отряд ТОКСа Бабаюртовского района РД., Геметюбинская СОШ*

На целый день два кусочка селедки и два кусочка хлеба на двоих...

Мудрова Галина Филипповна, родилась в 1940 г. в г. Махачкале

Я была старшей дочерью в молодой семье Мудровых Филиппа и Пелагеи. Моя младшая сестра родилась в 1942 г., после того, как отец был призван на фронт.

Я была совсем маленькой, когда началась война, поэтому не помню ее начала. Не помню я и своего отца, который погиб в битве за Кавказ, недалеко от г. Грозного¹.

Мать осталась одна со мной на руках. Потом родилась сестренка. Жилось нам тогда, по рассказам мамы, очень трудно. Мне хорошо запомнилась бомбардировка то ли морского порта, то ли железнодорожного вок-

¹ Битва за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) – крупная оборонительно-наступательная операция советской армии против вооруженных сил нацистской Германии, Румынии, Словакии против СССР во время Великой Отечественной войны за контроль над Кавказом. Сражение делится на два этапа: наступление немецких войск (25 июля – 31 декабря 1942 г.) и контрнаступление советских войск (1 января – 9 октября 1943 г.). В итоге, в ходе первого этапа наступления (25 июля – 19 августа) немецким войскам удалось захватить большую часть Кубани и Северного Кавказа. Советские войска смогли организовать сопротивление противнику на подступах к Туапсе. После поражения под Сталинградом немецкие войска были вынуждены отступить из-за угрозы окружения. В ходе второго этапа сражения на Кавказе были полностью освобождены Калмыкия, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ростовская область, Ставропольский край, Черкесская, Карачаевская и Адыгейская автономные области. Под контроль советского правительства были возвращены нефтяные промыслы Майкопа, а также важнейшие сельскохозяйственные районы страны.

Мудрова Галина с подругами по медучилищу

в ведро. Ведро мазута на рынке стоило 500 рублей, столько же стоила буханка хлеба. Таким образом, мама обменивала мазут на хлеб.

Когда сестра немного подросла, мама устроилась на работу в Махачкалинский порт на должность грузчицы-сдатчицы грузов на складе. Работала она много. Мы с сестренкой оставались дома одни. Сидели в комнате, играли друг с другом. Мама на стульчике клала два кусочка селедки и два кусочка хлеба. Это был наш «паек» на целый день.

Жили мы прямо напротив железнодорожного вокзала, на улице, которая сегодня носит имя нашего прославленного земляка Эмирова², в доме № 11. Дети представляли собой по обе стороны длинный общий коридор и отдельные комнаты у семей. Мы играли в куклы. Конечно, скорее

зала Махачкалы. По-видимому, все-таки бомбили порт, но так как он был расположен недалеко от вокзала, то тогда мы не понимали, куда нацелен удар с воздуха. Летели осколки камней, раздавались крики, что бомбят и что надо бежать в подвал. Это было самое яркое и вместе с тем самое страшное мое воспоминание о событиях военных лет.

Пока сестра была совсем маленькой, мама не работала и, чтобы прокормить нас, она ходила вдоль железнодорожных путей от вокзала до станции Махачкала-1 с ведром в руках и железной банкой от консервов. Банкой мама зачерпывала мазут из маленьких лужиц, которые оставались на месте остановки поездов. Тщательно и

аккуратно она собирала этот мазут

² Валентин Аллахаирович Эмиров (1914 – 1942 гг.) – капитан Красной Армии, командир 926-го истребительного авиационного полка 219-й бомбардировочной авиационной дивизии 4-й воздушной армии Закавказского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.). За время боевых действий (к сентябрю 1942 г.) совершил 170 боевых вылетов, в воздушных боях лично сбил 7 самолётов противника. 10 сентября 1942 г., сопровождая бомбардировщики в районе г. Моздок в паре с другим истребителем, вступил в бой с 6-ю истребителями противника, сбил один из них, но и сам был подбит. Будучи не в силах продолжать бой, ценой своей жизни, своим горящим самолётом протаранил ещё один самолет врага. После войны останки лётчика-истребителя были перезахоронены в столице Дагестана г. Махачкале.

Мудрова Галина 1960 г.

всего, это было некое подобие кукол, которые нам делала мама из полотенца и лоскутов. Вот и все наши игрушки! В садик мы не ходили. Уже после войны я пошла в школу № 3. Она была женской, и, по-моему, после 5 класса ее объединили с мужской. Я закончила уже школу под номером 18. Только располагалась не там, где сейчас, а тоже недалеко от вокзала.

Я помню и трудные послевоенные годы, когда продукты получали по карточкам, в том числе и хлеб. Приходилось стоять в длинной очереди с карточками, от которых продавщица отрезала по карточке за день. Я платила 5 рублей и получала небольшой кусок хлеба. Помню, как однажды обманом некая мошенница выманила у меня карточки. Она сказала, что принесет мне хлеб. Я, маленькая девочка, поверила взрослой тете. И все ждала... А потом поняла, что она не придет. Как же горько я плакала, стоя на улице и боясь идти домой.

Что же я скажу маме!?! Ведь карточки были на целый месяц, а то, что случилось, означало, что наша семья лишалась хлеба на все это время.

После окончания 9-го класса я поступила в медицинское училище, стала медсестрой. Отработала несколько лет в высокогорном районе, вышла замуж, вернулась в Махачкалу. Я проработала медсестрой в детской поликлинике до самой пенсии, воспитала двух сыновей.

Вспоминая то трудное военное и послевоенное время, сегодня понимаю, насколько это были тяжелые годы. До сих пор я помню радость от пряника, присыпанного сахаром, который я, растягивая удовольствие, долго ела, откусывая по маленькому кусочку, и бережно хранила под подушкой.

*Материал предоставлен Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Я помню Махачкалу во время войны...

Мунчаев Рауф Магомедович,
родился в 1928 г. в г. Закаталы Азербайджанской АССР

...**В**нашей семье было пятеро детей, я самый старший, за мной еще три брата и сестра...

В 1935 г., будучи семилетним мальчиком, я пошел учиться в Закатальскую среднюю русскую школу. В городе были также азербайджанская и армянская средняя школы. В годы войны все три школы были объединены в одну Закатальскую среднюю интернациональную школу с тремя секторами. Это была единственная в Союзе интернациональная школа. Когда закончилась война, школы вновь разъединили.

В последнее время я часто задумываюсь о своем детстве. Закаталы – это, по сути, глухой уголок, который очень далеко отстоит от железной дороги, и до которого было очень трудно добраться. Несмотря на это, туда

Рауф Мунчаев с дядей Ибрагимом

Махачкала в годы Великой Отечественной войны Амбразуры в кинотеатре «Темп» ныне «Дружба».

© Музей истории города Махачкалы, Махачкала, 2015

приехали из далекой России разные специалисты, в том числе учителя, которые дали нам хорошее образование. Рабочий костяк города составляли русские. Я всегда думал над тем, кто же нас учил? Всю мою жизнь, скажу без ложной скромности, все поражаюсь моей грамотности – это заслуга школьных

учителей. В начальных классах нас обучала учительница из Москвы – Зоя Алексеевна Заславская. Затем, с пятого по десятый класс нас вела учитель русского языка и литературы Нина Николаевна Харикова, которая еще до революции окончила московскую женскую гимназию. Она с мужем – инженером-пищевиком из Москвы – отправилась в Закаталы и прожила там всю жизнь. Как же она нас учила! Она была влюблена в русскую литературу и настойчиво пробуждала любовь к ней у своих учеников. Я, как и некоторые другие, наизусть знал целые отрывки из известных произведений. Как-то на экзамене я процитировал отрывок произведения «Слово о полку Игореве», разбор которого мне попался, чем и удивил экзаменаторов. Помню, в одном из сочинений на вольную тему в десятом классе, в слове «восстановление» написал одну букву «с». Причем, в тексте это слово встречалось несколько раз, и везде я написал его правильно, лишь в одном месте допустил ошибку. Нина Николаевна такое мне за это устроила в учительской! Никогда не забуду!

Вообще, весь город Закаталы жил одной большой семьей. Мы вместе радовались, вместе переживали. Помню, во время войны, когда приходило сообщение о том, что кто-то погиб на фронте, весь городок собирался в доме, где произошла потеря.

По окончании школы я поехал в Махачкалу – в Дагестанский педагогический институт им. Сулеймана Стальского, в котором провел все четыре

года. В 1945 г. учебный год начался не 1-го, а 17-го сентября. И на первых же занятиях я сразу понял, что со мной, 17-летним юношей, на курсе учатся ребята, прошедшие всю войну...

Я помню Махачкалу во время войны, где оказался случайно в 1943 г. Помню мешки с песком, сложенные стеной на ул. Буйнакской, для защиты от налетов немецкой авиации. Эта стена производила жуткое впечатление. Тогда Махачкала была одним из последних рубежей на пути немцев к кавказской нефти в Баку.

И запомнилась мне Махачкала моих студенческих послевоенных лет. Я жил в доме моего дяди, Мунчаева Ибрагима Гусейновича, одного из ведущих энергетиков Дагестана. Он мне очень помог, оказал хорошее влияние на меня, и я чту его память не меньше памяти отца. Помню, что на Буйнакской, на этой очень небольшой улице, вечером собирался весь город. Здесь можно было увидеть и первого секретаря обкома ВЛКСМ, и самых простых людей.

Люди, несмотря на лишения, трудности, были намного жизнерадостнее, чем сейчас. Я вспоминаю, например, студента Каспарова, который учился со мной в институте. Однажды я встретил его на улице в весьма приподнятом настроении. На мой вопрос, почему он так весел, Миша, потирая руки, ответил, что ему удалось с утра наесться хлебом на 20 копеек, и теперь у него в распоряжении еще це-е-е-елых 80 копеек на весь день!

Отец моего однокурсника Мурада Мурадова (он был из с. Ахты) привез с войны трофейный проигрыватель. Мы часто слушали в институте музыку, танцевали. Жизнь вокруг была наполнена трудностями, переживаниями, но мы оставались оптимистами и старались хорошо учиться...

*Опубликовано: Рауф Мунчаев:
Большой путь от аспиранта до директора. Интервью // Мавраевъ.
Культурно-исторический журнал. 2014. № 4(5). С. 18 – 20*

Гудели паровозы и гудок консервного завода: Победа!

Муташев Кураш Муташевич,
родился в 1936 г. в с. Кара-Сув-Отар Хасавюртовского района
Дагестанской АССР

Наше село накануне войны представляло собой небольшой населенный пункт. Дома в нем были саманные, состояли в основном из 2 – 3-х комнат. Помню, что только у одного из домов была черепичная крыша, остальные были покрыты соломой с глиной. В селе были ясли, начальная школа и клуб. Был у нас и колхоз, в котором выращивали хлопок, пшеницу, кукурузу. У колхоза была машина – полупторка¹. Отец мой работал бригадиром. Иногда колхоз ничего не платил, люди еще оставались должны колхозу. В 1940 г. наш колхоз собрал большой урожай зерна, и моего отца отправили на ВДНХ² в Москву как передовика производства. Это было осенью, после уборки.

Семья у нас была небольшая: дед, бабушка, отец, мать и я. Уже в годы войны, в мае 1942 г. родилась сестра.

Из нашего села на фронт ушли 17 человек. Отца призвали в армию в январе 1942 г. Он служил в разведке, был радистом. Отец присылал с фронта письма – «треугольники». Помню, что как-то он вложил в такой «треугольник» фотографию – на ней отец был весь в бинтах: грудь, голова. А потом мы получили известие, что отец пропал без вести в марте 1943 г.

¹ Полупторка (ГАЗ-АА) – грузовой автомобиль Нижегородского, позже Горьковского автозавода, грузоподъемностью 1,5 т (1500 кг). Изначально представлял собой лицензионную копию американского грузовика Форд модели АА образца 1930 г., но впоследствии был неоднократно модернизирован. На период Великой Отечественной войны приходится самая яркая страница биографии «полупторки». Она была адаптирована к работе в зимних условиях, имела хорошую проходимость, несложную конструкцию и отличалась высокой надежностью, что упрощало ее эксплуатацию и обслуживание.

² ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства. Открытие выставки 1 августа 1939 г. (тогда она называлась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка – ВСХВ) стало общегосударственным событием. Выставка представляла собой целый выставочный город площадью в 136 гектаров, на которых размещалось 250 различных строений, каскад прудов, парки, опытные участки. ВСХВ была закрыта 1 июля 1941 г., вскоре после начала Великой Отечественной войны, а ее экспозицию и библиотеку эвакуировали в Челябинск.

Мы ждали новостей с фронта, а узнавали их по радио-ретранслятору, который висел у клуба и работал в определенные часы. Мать трудилась в колхозе, она была дояркой, а я с больной бабушкой оставался дома.

14 марта 1944 г. нас выселили в с. Османюрт. Переселялись, как могли, до места назначения добирались на двухколесной арбе. Через месяц нас из Османюрта переселили в с. Симсир, так как в Османюрт заселились кяхулаевцы, в с. Байрамаул – альбуригентцы, в с. Бамматюрт – таркинцы. Наши земли закрепили за Ахвахским районом. А уже позже, в 1958 г. в наше село заселились аварцы из с. Даттаха Курчалоевского района.

В школу я пошел в Османюрте, когда мне исполнилось 8 лет. Проучился там 4 года. Учителя были в основном кумыки, но были и русские. Например, математику преподавала учительница Ольга (отчество и фамилию не помню). Моя первая учительница – Маросужат Абдулкадырова. В Боташе историю у нас вел Абдулатип Саидов, математику – Нажмудин Дагиров, историю – Абдулкадир Тулпаров, родной язык – Салах Тулпаров, физкультуру – Алихан Вагидов.

На занятия мы ходили с холщовыми сумками. Учебники давали в школе, а ручки и тетради мы покупали сами. В классе было человек 15 – 17. Много было кяхулаевских ребят.

В хозяйстве у нас были буйволы, бараны, куры. Выращивали тыкву, кукурузу. Колхоз помогал, выделял зерно. Ели хлеб, кукурузный хинкал, суп-лапшу. Печь топили дровами. За водой приходилось ходить километра за 3 – к Тереку, воду набирали и для еды, и для питья. Стирали белье и купались хозяйственным мылом. Его покупали на рынке в селе Аксай. Аксай был довольно крупным населенным пунктом. Там даже больница была. На аксаевском рынке приобретали керосин для лампы. Носили сшитые дома рубахи, штаны. Зимой надевали кустарные ботинки из кожи крупного рогатого скота, а так, если повезет, обувь покупали.

Помню, как мы с дедом отправились на рынок продавать барана. Дед взял с собой ружье и, как оказалось, не зря. По дороге встретили бандитов, они говорили на чеченском языке, хотели забрать у нас барана. Но дед выстрелил из ружья, напугал их.

Вспоминают и игры. Как-то мама сшила мне тряпичный мяч – мы его «гоняли». Играли в альчики, в «дандирей».

В детстве я мечтал окончить училище в Гудермесе и стать машинистом паровоза.

В годы войны в нашем селе, в Кара-Сув-Отаре, стояли резервисты из Азербайджана. Они рыли окопы. Месяца три, весной и летом. Нас же тогда

переселили в Камыш-кутан – под предлогом приближения линии фронта.

В годы войны в Османюрте была мечеть, туда ходили только взрослые. Отмечали и Курбан-байрам, и Ураза-байрам. Раздавали орехи, яйца.

Об окончании войны мы узнали в школе по радио. Паровозы гудели, гудел и заводской гудок консервного завода в Хасавюрте. Этот торжественный гул был слышен очень далеко.

В послевоенные годы я продолжал учиться: в 5 – 6 классах – в Боташюрте, в 7 – в Османюрте. 8 класс закончил в интернате, в Аксае. Поступил в торгово-кооперативную школу в Буйнакске, закончил ее в 1955 г. Практику проходил в с. Хучни. Затем меня послали работать завмагом в Хажимажарт. Это был магазин смешанных товаров: в нем торговали ситцем, конфетами, яйцами, сахаром. Проработал я завмагом 11 месяцев. В 1957 г. меня призвали в армию. Тогда я уже был женат. Служил я в Казахстане, на Байконуре, писарем в штабе и получал хорошее денежное довольствие. На заработанные деньги построил дом в Боташюрте.

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

И Я ОТНОШУСЬ К ДЕТЯМ Сороковых

Набиюлаев Сайпудин Набиюлаевич,
родился в 1942 г. в с. Инхело Ботлихского района
Дагестанской АССР¹

К началу Великой Отечественной войны в нашем селе насчитывалось менее 100 хозяйств. Отец мой, Кайтилаев Набиюла, был для своего времени достаточно грамотным человеком, работал председателем колхоза им. М. Горького, секретарем, а затем председателем сельсовета.

Отца призвали в армию в январе 1942 г. Сохранилось письмо от него, написанное 7 мая 1942 г. А через полтора года наша мать, Сайпудинова Патимат, получила похоронку. В 1949 г. мать умерла, и, полностью осиротев, остались мы, дети: я, брат Магомедкерим, 1936 г. р., и сестра Загра, 1939 г.р.

Оставшиеся в селе после ухода основной части мужчин взрослые, в основном, конечно, это были женщины, старики и дети – трудились в родном

¹ В настоящее время С.Н. Набиюлаев является директором Инхеловской средней общеобразовательной школы.

колхозе, все делали во имя достижения Победы. Помню, как наш односельчанин, Магомед Кебедов, внес в фонд обороны 1000 рублей, за что получил благодарность от верховного главнокомандующего И.В. Сталина...

Женщины выпаривали соль из источников, которые находились сразу за селом. Чтобы обменять её на кукурузу, рожь, ячмень, керосин, ходили не только в соседние дагестанские села, но и в Чечню... Мужчины, кто имел бронь, работали лесосплавщиками. Журналист М. Гасангусейнов писал: «Из поколения в поколение передается в с. Инхело мастерство управлять лесом на горных реках. Кто хоть раз не испытывал себя на непроходимых горных склонах, не спускался по веревке в кипящую водяную лаву, чтоб разрушить на реке громаду бревен, образующих затор, тот не достоин уважения. Таков суровый закон суровых дагестанских гор».

В конце 1940-х годов, когда мы учились в школе, не хватало учебников и тетрадей, писали карандашом. Уже в эти годы в нашу школу на работу стали отправлять русских учителей. Они приезжали к нам, чтоб обучить нас, сельских детей, грамоте. Это были истинные носители передовой культуры, настоящие патриоты и интернационалисты. Среди них учительница начальных классов Корниенко Раиса Григорьевна, учительница русского языка и литературы Соколова Инна Ивановна, учитель арифметики – Кузоро Иван Евдокимович, учителя биологии, химии, истории, географии –

Ученики школы с. Инхело с учителем математики Кузоро И.Е. Крайний слева в верхнем ряду Набиюлаев С. 1954 г.

*Ученики школы с. Инхело с учительницей русского языка и литературы Соколовой И.И.
Крайний слева в верхнем ряду Набиюлаев С. 1958 г.*

Воронцова З.С., Даниленко Л.С., Посошкова А.И., Воробьева М.Г., и многие-многие другие.

Помню учительницу первую мою – Соколову Инну Ивановну. У неё был особый дар, особое мастерство в преподавании русской литературы в духе патриотизма и интернационализма. Однажды, когда я у доски наизусть прочитал стихотворение «А Родина у нас одна» и закончил так:

«Ведь страна на земле,
Как травинка на поле,
а родина – только одна»,

она сказала: – «Да, дети, а Родина у нас одна, у всех только одна!». «Она говорила и говорила, а мы, разинув рты, замороженно смотрели на неё и слушали о том, какое это ёмкое слово «Родина», что её нужно беречь, как зеницу ока, какой большой ценой отстояли мы свободу Родины, сколько ее сыновей и дочерей отдали жизнь за нее. Она научила нас петь на русском языке песни «С чего начинается Родина?», «Широка страна моя родная», «Москва майская», «Дагестан» и др.

Это была удивительно человечная, добросовестная женщина, желавшая всем окружающим добра и света.

Иногда она приглашала нас, учеников, к себе, часто рассказывала о своей малой родине, о родителях, друзьях, читала нам сказки. При свете керосиновой лампы мы допоздна слушали её, делали с ней уроки, пили чай с печеньем. Тогда это было большой редкостью.

Она часто водила нас на экскурсии по местам трудовой и боевой славы, в лес, знакомила нас с названиями трав, птиц на русском языке.

Как сейчас помню и никогда не забуду, как Анна Ивановна купила нам на свои деньги красные галстуки к 1-му мая. Помню, что она ходила по домам и обучала русскому языку ребятишек жителей села, особенно женщин.

Безгранична наша благодарность русским учителям, которые отдали свои лучшие годы нам, горским детям, обучили нас и вывели в люди».¹

Низкий поклон Вам, дорогие русские учителя!

Время быстротечно. К сожалению, сейчас мало осталось тех, кто мог бы рассказать, что услышал от стариков, и чему свидетелем был сам. Ведь обо всём не узнаешь, так как «Иных уж нет, а те – далече»...

instituteofhistory.ru Город ревел, гудел, было жутко...

Устинов Назар, родился в 1929 г. в Махачкале

Помню, во время войны, когда объявляли тревогу, все фабрики и заводы, где были сирены, их включали. Город ревел, гудел, было жутко уже от этого рева, все торопились укрыться в дворовых или уличных убежищах или окопах. По ночам прожекторы прочесывали черное небо, стремясь поймать лучом вражеский самолет, а там уже в депо должна была вступить зенитка. Но все равно две или три бомбы на нефтебазу сбросили...

Об окончании войны мы узнали поздним вечером, в окно постучали и прокричали: «ПО-БЕ-ДА!». Мы выскочили из дома, а мимо уже бежали на площадь люди. Пели, смеялись, кто-то и плакал от радости. Ну и началась мирная жизнь.

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 218 – 219

¹ Учитель, перед именем твоим... / Авторы-составители: Алиева П.Б., Измаилов Г.М. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. С. 120.

Самыми счастливыми бывали дни, когда мы наедались досыта

Неженская (Бабакина) Мария Алексеевна,
родилась в 1931 г. в с. Безопасное Труновского района
Ставропольского края

В 1937 г. наша семья из-за голода, вызванного засухой, вынуждена была перебраться в с. Раздолье Кизлярского округа (ныне – Тарумовский район). Там мы и встретили начало войны. Наша семья была очень бедной. Всю одежду и постельные принадлежности приходилось менять на хлеб, пшеницу и кукурузу. В селе освещения не было, помещение освещали лампадами, делали фитиль из ткани, лампады заправляли растительным маслом. Печь топили коровьим кизяком, дровами. Спичек не было. Чтобы затопить печку, выбивали кремнем искру и разводили огонь. Если что, за «жаром» (горящим углем) ходили к соседям. Дрова возили из леса. У нас не было ни лошади, ни осла, поэтому в сани запрягали собак. Воду для купания грели в чугунах в печке. Купались в больших кадках. Зимой спали на печке, застеленной мешковиной.

Семья была большой: отец, мать и 4 дочери. Бабушек и дедушек к тому времени у нас в живых не осталось. Отец, Бабакин Алексей Иванович, 1909 г.р., был ездовым в колхозе, возил пшеницу в Кизляр. В одну из таких поездок он не доехал до дома. Их бригаду остановили возле с. Карабаглы и забрали на фронт. Это случилось 18 июля 1941 г. Больше отца не видела. Он прислал одно-единственное письмо с фронта 30 августа 1941 г. Отец писал: «Стоим под Гомелем, ждем, когда нас пошлют в бой».

Мать, Бабакина Анна Федоровна, 1907 г.р., в войну работала в садоводческом звене в колхозе.

Когда началась война, село охватила паника. Человек на лошади объезжал село и объявлял, что началась война. Мужчин всем селом провожали на фронт до Степанова моста, накрывали на улице столы, желали им, чтобы они вернулись с фронта.

На фронте из наших родственников воевали отец, дядя – Бабакин Федор Иванович и двоюродный брат – Бабакин Иван Петрович. С войны их моих родных никто не вернулся.

Хозяйство наше было небольшим: 1 корова и несколько кур. По плану в год надо было сдать для фронта 150 яиц, 150 л молока или 3 л топленого

масла. Мы носили уголь (древесный) в с. Коктюбей и меняли его на рыбу. В Коктюбее леса не было, одни камыши. Там жители печь топили камышом.

Ели лебеду, акацию. В огороде сажали кукурузу. Рыба здорово выручала. Ели макуху (спрессованный жмых от семечек). Белье стирали травой – поташом. Эту сухую траву косили, жгли, а из полученной золы делали мыльный порошок, клали его в тряпочку, завязывали узелком и, намыливая им белье, стирали. Воду носили с реки Средней, что текла в 2 км от села. Зимой для купания и стирки топили снег.

Школа в нашем селе не переставала работать. Дети ходили на занятия в калошах, а в сумочках носили чернильницы. Ходили, в чем придется. Платья старших перешивали для младших, перелицовывали. Помню, что как-то мать распоролa перину, чтобы сшить нам, своим дочерям, платья, и покрасила их мареной. «Портфели» шили из старых юбок или платьев.

Здание школы было камышовым. В нем – четыре классных помещения и учительская. Учились в две смены. В классе было 20 – 25 детей разных возрастов. Некоторым приходилось бросать занятия из-за того, что нечего было надеть. Учебники были не у всех. Одна книга – на несколько человек. Я книг не читала. Не было времени, потому что приходилось работать. Зато очень любила вязать и с удовольствием вязала для фронта варежки, шарфы.

Я хорошо запомнила свою первую учительницу Марию Всеволодовну. Преподавали в нашей школе родную речь, арифметику, географию и историю.

В школе нас не кормили. Дети на перемене бегали в сады, где работали родители. Там для рабочих варили обед, а дети выскребали котлы, стуча по ним деревянными ложками.

Играли камушками «осёлчиками» в конторку, классики, в мяч. Мячи делали из тряпок. Помню, как мы отмечали Новый год. Из рощи приносили ветку терна и украшали ее ватой, шерстью. Это была наша елка.

Я мечтала дожидаться окончания войны, наесться досыта и выспаться. Самыми счастливыми были нас, детей, дни, когда военным везли продукты на фронт, останавливались у нас на ночевку и кормили нас вволю.

В 1942 г. я окончила 4 класса и пошла трудиться в садик. Работать я стала в 11 лет нянечкой в яслях. Там было 12 детей от 1,5 месяцев до 3 лет. Я таскала воду для кухни, чтобы помочь повару, перегоняла (сепарировала) молоко.

Мама вместе с другими женщинами работала под Кочубеем. Женщины копали канаву для полива полей. Работали допоздна, поэтому приходилось ночевать прямо там. А дети оставались в садике. Кроме этого женщины

работали в садах, огородах, сеяли, косили и пахали на быках и лошадях. Старики помогали.

Эвакуированных в нашем селе было много. Больше всего – семей из Ленинграда, которых поселили в сельском клубе. Они работали наравне со всеми: выращивали и собирали хлопок, рис. К ним все относились с сочувствием. Две семьи так и остались у нас, в Раздолье, а остальные после войны вернулись домой.

Об окончании войны мы узнали по радио. На столбе в центре села работал радио-рупор. Все собирались, поздравляли друг друга с Победой и продолжали ждать своих отцов и других родных.

После войны жизнь стала постепенно налаживаться, стали собирать колхоз: из дома вели кто корову, кто козу, кто куру, кто барашка.

Я после войны мечтала быть профессором, да стала дояркой. Вышла замуж в с. Калиновку, работала достойно. За многолетний добросовестный труд была отмечена различными наградами – медалями в связи юбилеем Победы (1995, 2005, 2010 гг.), званиями «Ветеран труда» и «Ветеран Великой Отечественной войны» (труженик тыла)¹, Знаком «Победитель социалистического соревнования» (1976 г.), почетными грамотами и др.

Материал предоставлен Степовой Оксаной.

Немцы, которые с нами...²

22 октября 1941 г. Государственным комитетом обороны было принято совершенно секретное постановление «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР». В соответствии с ним в недельный срок – с 25 по 30 октября 1941 г. – из Дагестана в казахские степи по железной дороге и морским путем до Красноводска было выселено 4000 человек немецкого населения...

Ныне немногие, наверное, помнят, что до войны в Дагестане, а именно в Бабаюртовском районе, в нескольких селениях жило немецкое население.

¹ Звание «Ветеран ВОВ» (труженик тыла), согласно ст.2 п.4 ФЗ №5 «О ветеранах» от 12.01.1995 г. предоставляется: лицам, проработавшим в тылу в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР; лицам, награжденным орденами или медалями СССР за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны.

² Наида Хамамова – корреспондент газеты «Елдаш», автор статей «Немцы, которых мы потеряли» и «Немцы, которые с нами». В январе 2007 г. в редакцию газеты пришло письмо из Германии. Автор послания – Гильда Тельке – попросила сотрудников редакции написать о немцах, которые жили и живут в Бабаюртовском районе. Н. Хамамова по заданию редакции побывала в селах Бабаюртовского района Республики Дагестан, где с конца XIX в. проживали представители этого народа, по крупицам собрала о них сведения. Большую помощь в сборе материала корреспонденту газеты оказал бывший сотрудник Бабаюртовского РОВД М.М. Адильханов. Н. Хамамова встретилась с теми, кто и сегодня живет на дагестанской земле, и поведала читателям о том, как сложилась судьба немцев-дагестанцев.

ние. Но это так, вот их названия: Люксембург, Львовские номера, Бабаюрт и Татаюрт. Я побывала там, собирая сведения об истории, житье-бытье, совместной жизни немцев и кумыков на этой благодатной земле.

...Немцы были трудолюбивым и прогрессивным народом, жили с местными в мире и дружбе, делясь с ними своими навыками и перенимая их опыт. Старожилы с горечью вспоминают, как больно им было видеть обезлюдевшие населенные пункты и дома своих добрых соседей. Но лишь самим, наверное, немцам известна та боль расставания, когда они навсегда покидали края, ставшие для них уже родными...

...Ныне в селении Люксембург живут лишь две немецкие семьи. Одна из них – муж и жена Эдмунд Эдуардович Найман и Лидия Мартиновна Трайбер. Э. Найман родился в 1927 г. в селении Люксембург... Лидия Мартиновна того же года рождения и из этого же селения... В те годы в Люксембурге жило несколько немецких семей. Работали они в колхозах, а до колхозов каждый работал в своем хозяйстве, обрабатывали землю, сеяли пшеницу. В этот период Люксембург был большим населённым пунктом. Там была большая немецкая школа, где уроки проходили на немецком языке. Лидия Мартиновна начала изучать русский язык с 3-го класса. Так они жили до 1941 года. А в октябре 1941 г. их выселили. До Махачкалы на одной повозке ехали три семьи, а оттуда – на барже по морю – их отправили в Красноводск. Затем их развезли по колхозам в казахских степях, где они начали работать на фермах. Там они были под постоянным контролем. После войны такого контроля, не было.

Лидия Мартиновна в 1964 г. вышла замуж за Эдмунда Эдуардовича. Л. Трайбер в 1966 г. приехала обратно в Дагестан, в Бабаюртовский район, в селение Люксембург. Там жили их родственники, которых приютила местная семья, пока они не купили себе дом... Дочь Лидии Мартиновны Эмилия вышла замуж за односельчанина Пашу Пашаева. Имеет 3-х детей, приняла ислам 4 года тому назад. На данный момент семья Найман занимается своим хозяйством.

Из воспоминаний Лидии Мартиновны: «Сама я по религии – лютеранка. В нашем селе была церковь, но при советской власти её снесли. А нашу священную книгу нам пришлось закопать под абрикосовым деревом».

Немало немцев жило и в селении Татаюрт. К сегодняшнему дню там остались лишь семьи Александра Отговича Гислера, Владимира Робертовича Вайбле и Сергея Иогановича Прахта... Встретилась я с Сергеем Иогановичем Прахтом и его матерью (русская). От них я узнала о главе семьи Иоганне Иогановиче Прахте, который после поменял свое имя на Ивана Ивановича.

И.И. Прахт родился в 1937 г. в селении Георгиевка Подлесновского района Саратовской области. Их семью во время войны высели на Алтай, в Павловский край, село Озерное, откуда родителей забрали в трудовую армию. Старшая сестра Нина сдала детей в детдом. Во время переезда один из сыновей умер. Отец умер в трудовой армии в Архангельской области. Его сын, Иоганн Иоганович Прахт, окончив 2 класса, начал помогать семье, потому что мать уже была больна. Когда она вернулась из трудовой армии, забрала детей обратно к себе. На Алтае он работал бригадиром тракторной бригады. С женой познакомился там же, когда та поехала погостить к родственникам. Они поженились в марте 1961 г., спустя пять лет, приехали в родное село жены Татаюрт. Там он работал агрономом в совхозе «Татаюртовский». У них четверо детей... Младший сын Сергей живет в родительском доме, где 27 лет тому назад умер глава семьи Иоганн Иоганович Прахт. Сергей участвует в Алтанинских событиях. Работы в селении нет, так они и живут, каждый обрабатывает свой кусочек земли...

...Вот так бок о бок и живут дагестанцы-кумыки, дагестанцы-немцы, живут в мире и дружбе, вместе со всеми друтими, но оставаясь самими собой. Всего-то, чего и нужно всем людям любой национальности.

Опубликовано: Н. Хамамиева. Немцы-кумыки с нами. «Ёлдаш» («Времена»).
8 июня 2007 г. Материал предоставлен Аджимурадовым А., Дагестанский государственный технический университет

instituteofhistory.ru **Конец детства**

Ниналалов Ахмедхан Ибрагимович,
родился в 1934 г. в с. Кубачи Дахадаевского района
Дагестанской АССР

Память человека хранит очень многое, но со временем замечаешь, что те события, которые происходили в детстве, с годами вырисовываются все ярче и четче, а дела последних лет сливаются в один сплошной поток. Память играет с нами, и я уверен, что она сохраняет эти детские воспоминания и одновременно их искажает, выделяя из них самые интересные и трансформируя их в то, что удобно чему-то подсознательному, которое является истинным хозяином души и разума ничего не подозревающего человека...

Мама родила десятерых детей, в момент смерти отца в живых оставалось семь: Али (1920 г.р.), Аманулла (1922 г.р.), Абдусалам (1924 г.р.), Марьян (1927 г.р.), Абдулжалил (1930г.р.), Муме (1932 г.р.) и я, Ахмедхан (1934 г.р.). Восьмым ребенком, который не увидел своего отца, был Ибрагим (1936 г.р.). Трудно представить положение матери, которой нужно было воспитывать и содержать сытыми, одетыми и чистыми восьмерых детей без какой либо существенной посторонней помощи... Каждого ждала своя судьба. Двое умерли в младенчестве, один брат пропал без вести в Великую Отечественную войну, другой прошел всю войну и закончил ее в Берлине. Одна из сестер умерла, будучи уже прапрабабушкой, другая всю свою любовь отдала племянникам и племянницам, трое всю жизнь преподавали – один в школе в Кубачи, двое, в том числе я, в ВУЗах Махачкалы...

Ахмедхан Ниналалов с другом

Несмотря на то, что мы росли без отца, и было очень нелегко жить на то, что зарабатывала непосильным трудом одна мама, мы были детьми, и умели жить, ни на что не жалуясь, успевая и играть, и заниматься какими-то детскими шалостями. Но в один из дней наше детство кончилось. Началась война.

Начало войны

Как во сне, помню сообщение по радио о нападении фашистской Германии на СССР. Это было воскресенье, 22 июня 1941 года. Мне было 7 лет. Началась Великая Отечественная война, которая продолжалась до мая 1945 года. Для нас это был тяжёлый период борьбы, борьбы за выживание.

В то время у кубачинцев не было натурального хозяйства: ни приусадебных участков, ни скотины. Всё село жило ювелирным промыслом. Мать моя, как и взрослые других семей, начала обменивать ковры, медную посуду, фарфор и фаянс на продукты питания. Были случаи, когда дорогие

персидские ковры меняли на мерку пшеницы. Хорошо помню, как однажды мама уехала за продуктами на два дня по её расчётам, и оставила нам пятерым по одному клубню картофеля, величиной чуть больше куриного яйца, на каждый день. Естественно, мы голодали.

От недостатка средств и недоедания люди начали болеть. Особенно тяжело было в 1941 и в начале 1942 гг., когда от голода стали умирать люди. С наступлением весны появлялись ростки крапивы и других съедобных растений, и голод кое-как можно было утолять, сделав из них кашу, добавляя к ней горсть муки. Съедобная зелень как-то выручала нас. Из такой каши мать делала чуду с тонкой корочкой из теста. Для Ибрагима из теста мать лепила маленькую лепёшку. Ибрагим был болезненный, хилый, дышал с хрипотой. Все мы берегли его – он носил имя нашего покойного отца.

В 1941 – 1942 гг., наряду с некоторыми кубачинцами, мы стали сажать табак, научились его обрабатывать и доводить до кондиции. Мать отвозила его в Дербент, где меняла на хлеб и на керосин, который тащила на себе в трехлитровых бутылках. Осенью 1942 г. в лесу между Маджалисом и Мамедкалой группу сельчан, в том числе и маму, ограбили бандиты. В те годы в лесах Дагестана орудовали банды из числа дезертиров. В другую поездку в Маджалис машина, в кузове которой ехали сельчане, внезапно тронулась с места без предупреждения, мать выпала из машины и разбила себе голову. На лбу между бровями был пробит череп. В течение нескольких месяцев лечили рану. На этом месте у мамы образовался шрам, который сохранился на всю жизнь.

В начале 1942 г. при кубачинской артели создали отдел по вязке тёплых носков – джурабов, для бойцов Красной Армии, куда устроились мать и сестра Марьян. За работу получали какое-то довольствие. В конце 1942 г. при кубачинской неполной средней школе организовали ФЗО (школу фабрично-заводского обучения), куда зачислили меня и сестру Муме, как школьников. За это мы стали получать ежемесячно по 9 кг пшеницы, американский яичный порошок, повидло. Это было большое подспорье в семье. А денежное пособие мы отдавали для постройки танковой колонны.

Когда фашисты наступали на Кавказ, в окрестностях Кубачи население рыло окопы, траншеи, ходы сообщения, готовило укрепления. На горе «вышка» было уже когда-то построено оборонительное сооружение и прокопан окоп от вершины до колодца, находящегося посередине между новым и старым Кубачи. Нам говорили, что это было сделано в период войны с Надир-Шахом.

Беда не приходит одна

С 1942 г. мы стали обрабатывать выделенный нам участок земли и, кроме табака, сажать картофель. Урожай картофеля иногда бывал настолько обильным, что часть его мы продавали. На маленьком участке как-то мы посеяли рожь. Она выросла почти двухметровой высоты, с крупными колосьями, а когда рожь созрела, мы отделили зёрна от соломы, помололи их, и мать испекла из этой муки хлеба. Никогда в жизни я не ел такого вкусного хлеба с сыром!

Говорят, что беда не приходит одна. В середине 1942 г. в Кубачах началась эпидемия сыпного тифа. В столь тяжёлое время для страны, когда немецкие войска находились под Сталинградом, Советское правительство нашло возможность открыть больницу, закрыть школу, объявить карантин и изолировать всех больных. В нижней части аула растопили баню и организовали санитарную обработку всех семей вместе с одеждой. Всё же брат Абдужалил заболел тифом и пролежал в больнице более месяца. Когда он выписался из больницы, то был настолько худ и слаб, что не мог ходить, словно новорождённый. В течение последующих двух месяцев Абдужалил учился ходить заново. К сожалению, за время эпидемии в Кубачах умерло немало людей.

Женщины на своих плечах относили зерно в Сулевкент, расположенный в глубоком ущелье, где протекает река Уллу-Чай с множеством мельниц, для помола. Иногда женщинам приходилось ночевать на мельнице, часто в мельницу врывались бандиты из дезертиров, отнимали у беззащитных женщин зерно, издевались над ними. Случалось и такое, когда в мельнице оказывалось несколько женщин, они давали достойный отпор бандитам, которые еле уносили ноги.

Перелом в войне

В феврале или в начале марта 1943 г., я точно не помню, перед школой собрали митинг, куда пришли почти все жители аула. На митинге выступил секретарь партийной организации с речью, в которой он сообщил о разгроме немецких войск под Сталинградом и грандиозной победе Красной армии. Я задал вопрос, продолжается ли ещё наступление Красной армии? И, к нашей общей радости, услышал утвердительный ответ.

С середины 1943 г. мы уже не голодали. Как правило, на обед мать пекла круглый, плоский, похожий на чурек хлеб, разрезала на равные шесть кусков по количеству членов семьи. Здесь возникала проблема: Муме брала свой кусок, взвешивала на руках и говорила, что её кусок меньше моего

куска. Тогда я говорил: «Давай поменяемся». На это она тоже не соглашалась. Только мать могла её успокоить.

После знаменитой Курской битвы (танковой, как ее назвали впоследствии), где фашистские войска потерпели сокрушительное поражение, освобождение каждого города столица нашей Родины Москва отмечала праздничным салютом. А у нас в ауле это отмечали песнями и танцами.

Помню, как в 1944 г. переселяли жителей аулов Шири, Сулевкент, Амузги, Кала-Корейш на территорию Чечни после выселения чеченцев в степь Южной Сибири и Северного Казахстана. Я помню, как на арбах, запряжённых волами, жители этих аулов с нехитрым скарбом, который успели захватить с собой, уезжали через Кубачи, образовав целый обоз. Дело было ранней весной, дети были укутаны в тряпье.

Как тяжело было слышать в начале войны голос знаменитого диктора радио Левитана, когда он сообщал об отступлении Красной армии и захвате фашистскими войсками наших городов и деревень. А когда началось наступление наших войск по всему фронту, мы с нетерпением ожидали выступлений Левитана. Приятно было услышать известие об очередном освобождении нашей территории, наших городов и деревень. И, наконец, 9 мая 1945 г. Левитан по радио сообщил о полной капитуляции немецких войск и победе Советского Союза над фашистской Германией. С тех пор 9 мая в СССР, а затем после распада СССР – в России, отмечается как один из важных праздников.

Старший брат Али

Самый старший брат Али после окончания народно-хозяйственного института в Баку в 1941 г. проработал три недели по направлению в Азербайджане, и добровольцем записался на фронт. Заработанные им за эти три недели деньги он переслал маме. Учебу перед отправкой на войну он проходил в поселке Альят-Пристань. Судя по его письмам, там была страшная грязь, не просто налипавшая на сапоги, но и засасывавшая ноги так, что их трудно было вытягивать из нее. Али с самого детства был физически слаб, и я думаю, что его могли и комиссовать, но он старался справляться наравне со всеми. Остальное, судя по его письмам, было хорошо: и питание, и обмундирование, и обстановка в учебной части.

Тетя Хадижат, жена нашего дяди Закарьи, несколько раз навещала Али, привозила гостинцы, теплую одежду. В конце 1941 г. его отправили на фронт в Западную группу войск, в сторону Киева. От него пришло всего несколько писем на кубачинском языке латинским алфавитом, как его учи-

ли в школе. В последнем письме было написано, что он ранен в обе ноги, и его посадили в санитарный поезд, который шел на восток, в далекий тыл.

Видимо, поезд разбомбили, и мой брат Али там погиб, потому что больше никаких вестей от него не было. Через какое-то время маме пришло известие о том, что Али пропал без вести. Помню, как в дом вошел дядя Магомед и сразу со слезами сказал:

– Нет нашего Али.

Это было большое горе для нас всех. Причитания мамы, потерявшей самого старшего сына, ее первую надежду, я запомнил навсегда. Но долгие годы мы надеялись, что это ошибка, что появится о нем известие, что он где-то жив и не может к нам прислать, и даже написать нам. Во сне он часто возвращался к нам в голову.

– Мама, я жив!

И мы до самого последнего времени верили, что он жив.

Но надо было устраивать поминки. И маме пришлось расстаться со скудными запасами продуктов, зарезать единственную корову, и организовать поминки.

В 1942 г. нам прислали из Баку посылку от дяди Закарьи с его одеждой. Мама пошла в райцентр и получить эту одежду. И мы, младшие донашивали одежду пропавшего без вести старшего брата.

Старший брат Абдусалам

В начале 1942 г. Абдусалам с группой ребят выехал из Баку в Подмоскowie на работу на военном заводе. Им было там очень тяжело работать, особенно не хватало питания, их кормили остатками мерзлой картошки, которую невозможно было есть. Как-то он прислал нам маленькую фотографию, а как по ней маме и мне узнала.

– Это не мой сын! – настолько он был изможден и измучен.

Эта же группа ребят в полном составе ушла с завода на фронт. Их не хотели отпускать, поэтому они просто сбежали оттуда и ушли воевать. Абдусалама приняли в войска связи, и он прошел в этих войсках всю войну. Абдусалам был участником сражения на Курской дуге, воевал в Кёнигсберском котле. Окончил войну он без единой царапины.

После войны перестали приходить письма от Абдусалама. Мы все страшно волновались: война окончилась, что с ним могло случиться? Почему он не пишет? Почему не едет домой?

Как-то к нам домой пришел заниматься мой одноклассник Закарья Юзбашев. Возле нашего окошка на ветку присела прилетевшая, откуда ни возьмись, сорока и вдруг оглушительно крикнула. Я обрадовался:

– Это к письму, – сказал я. В это же время в дверь зашел сосед Име с кувшином для воды. Я начал наливать ему воду из большого мучьала, и тут он выскользнул у меня из рук. Вся вода вылилась на пол. Закарья засмеялся:

– Вот это твое письмо? Ну и письмо!

Одна из родственниц нас мучила расспросами:

– Ну, где, где он? Где ваш Салам? Он еще живой? Точно живой? Вы уверены?

Оказалось, что Салам лежал в госпитале с какой-то болезнью пальцев руки и не мог писать писем. Когда, наконец, мы получили его письмо, это был самый большой праздник для всей семьи.

Абдусалам вернулся домой в конце 1946 г. и устроился на Бакинский ювелирный завод.

Он прожил хорошую и долгую жизнь. Его не стало 10 мая 2005 года, когда ему было 82 года. Абдусалам дождался Дня Победы – дня 60-летия той самой Великой Победы над фашизмом, и тихо ушел от нас на следующий день.

Праздник 9 мая

Кубачинский праздник весны, который всегда отмечался 9 мая, стал для нас двойным праздником – и праздником Великой Победы. К празднику 9 мая в Кубачи съезжаются односельчане со всей России, а также из ближнего зарубежья. Ежегодно в Кубачах этот праздник отмечают грандиозно. В этот день рано утром практически все жители аула в нарядных одеждах отправляются к источнику, который у нас называют «улелла шин», то есть «вода от дурного глаза». «Глазной» источник расположен в живописном месте на расстоянии примерно трёх километров от аула, ближе к аулу Амузги. Вода вытекает из небольшого ключа, над ним сооружен небольшой каменный шалаш.

Женщины одеты в изумительные, вышитые золотом, подшитые бахромой из золотых ниток накидки (казы) из белоснежного материала маркизет. Молодые девушки берут с собой кувшины для воды оригинальной формы. Молодые люди берут оружие, у кого какое есть, музыкальные инструменты – чугур, гармонь. По дороге в определённом месте останавливаются, собираются в круг, поют и танцуют. Подойдя к источнику, пьют воду, умываются, а девушки наполняют кувшины водой. И все, кто взял собой посуду, наполняют ее этой водой.

У родника организуется большой майдан и пикник, где и пьют, и едят, поют и танцуют. К вечеру все возвращаются в аул, музыка по дороге не

смолкает ни на минуту. В этот день молодые неженатые люди знакомятся с девушками и выбирают себе невест.

Детские приключения и шалости

Война шла, было очень тяжело, но мы все же оставались детьми, и детские приключения не обходили нас, точнее, наша жизнь не обходилась без приключений. Историй было множество, расскажу те, которые остались в памяти.

Однажды весной в воскресенье был организован поход нашего класса на ближайшую гору Хьайдешла мудалже. По пути много колодцев, сооружённых для источников ключевой воды. Чтобы показать, что я не боюсь холодной воды, и это дело для меня привычное, я облил себя, потного, этой студеной водой. Но эта проделка не прошла для меня бесследно. Я заболел воспалением лёгких и долгие полтора месяца пролежал больным дома и принимал соответствующие процедуры.

Часто я лазал по стене трёхэтажного дома, где под балконом голуби уютно свивали свои гнёзда. Помню, как я любовался голубиными яйцами, брал их, тёпленькие, в руки и аккуратно клал на место. Потом в этих гнёздах появлялись крохотные птенцы и, когда я брал в руки крохотные трепещущие создания, то они раскрывали свои, как мне казалось, огромные клювы, требуя пищи. Приятно вспомнить, что у меня и в мыслях не было того, что можно разорять эти голубиные гнёзда.

Во время перерыва между школьными занятиями я на спор на руках танцевал лезгинку и мог сделать три оборота вокруг школы. На турнике мог подтягиваться отдельно на правой и на левой руке, делать ряд сложных упражнений, крутить «солнце». В зимнее время мы, детвора, любили играть в снежки, кататься с горки на санках. Чтобы похвастаться перед девочками и показать, какой я смелый, по снежной поляне босиком бегом поднимался на соседнюю гору – Гялилла мудалже.

Борьба и синяки

В то время в Кубачах были две школы, в нижней части – начальная, в верхней части – неполная средняя. После окончания четырёх классов ученики начальной школы переводились для продолжения учёбы в неполную среднюю школу. Как-то раз, Ильянов Гаджихмед, старшеклассник, спросил меня, могу ли я побороть Тыкаева Абдулкадыра, переведённого из начальной школы в пятый класс в верхнюю школу. Я, естественно, его ещё не знал, и вызвал бороться со мной. Во время борьбы лопнул шнурок,

поддерживающий его штаны. Я помню, как плакал Абдулкадыр, пытаюсь обеими руками поддержать сползающие брюки, а в это время подстрекателя Гаджихахеда и следа простыл. Впоследствии мы с Абдулкадыром работали в артели «Художник» граверами. Абдулкадыр был физически слабым, я его опекал и не давал в обиду никому.

Еще одна история произошла в период, когда на базе пятого класса в Кубачах открыли ФЗО (школа фабрично-заводского обучения). Мы, пятиклассники, стали учащимися ФЗО, и нас определили на положенное довольствие. В то время из аула Ашты переехала в Кубачи семья Ахмедовых, Глава этой семьи Маннаба до этого работала учительницей младших классов неполной средней школы в Аштах. Она была главой семьи, так как ее муж Ахмед погиб на фронте. Маннаба стала работать снабженцем ФЗО. Сын Маннабы Мажид, мой ровесник, также стал учащимся ФЗО. Тот же Ильясов Гаджихахмед позвал меня к себе и сказал:

– Я думаю, что Мажид сильнее тебя, и он может поколотить тебя. Чтобы доказать, что это не так, и чтобы я поверил в это, ты должен поставить его под глазом синяк.

А Мажид был выше меня ростом, и худым как жердь. Я не стал долго думать и поставил ему синяк под правым глазом, потом решил, что его лицо стало несимметричным, и поставил синяк и под вторым глазом. Мажид ходил с этими синяками и к приезду его матери из Дербента, куда она была направлена в командировку, эти синяки не исчезли. Естественно, она узнала, кто поставил синяки под глазами ее сыну, схватила меня за грудки и собиралась разделаться со мной. Это увидел Мирза Машаннаев, муж моей тётки Хадижат, который позже, в 1959 году, стал моим тестем. Он встал между мной и Маннабой, оттолкнул ее и сказал, что и Ахмедхана есть кому защитить. Так закончилась эпопея с синяками.

Пройти через стойбище

Это случилось в конце мая – в период, когда перегоняли отары овец с зимнего на летнее пастбище. Трасса, по которой перегоняли овец, проходила через Кубачи, и кубачинцы, взрослые и молодые, в праздничной одежде, собирались в местечке Хьяциже, чтобы посмотреть на занимательное зрелище – перегон овец. Отара овец во главе крупным козлом с большими переплетёнными рогами в сопровождении собак-волкодавов шествовала по трассе. За козлом двигалось полчище овец-маток с ягнятами. Стоял невообразимый гомон – бляение ягнят и овец-маток. Нам разрешили ловить и брать в руки ягнят, что нам, детям, доставляло большую радость.

В один из таких дней мы, пацаны, решили пройти через стойбище чабанов. На стойбище была свора крупных и страшных собак. Более смелыми оказались Ибрагимов Рабадан и я. В руках у нас были палки, с помощью которых мы надеялись отгонять собак. Помню, когда мы приблизились к стойбищу чабанов, свора свирепых собак набросилась на нас. Я помню, как я размахивал палкой, и как собаки вырвали её у меня из рук. Тогда я «дал стрекача» по крутому склону, и собаки с лаем погнались за мной. Говорят, что собаки по крутому склону бегать не могут. Оказалось, что всё это враньё, собаки также стремительно бегают и по крутому склону. В какой-то момент я упал и кубарём покатился вниз.

Вдруг меня что-то остановило, и, когда я открыл глаза, то увидел, что меня держат и смотрят на меня с полураскрытыми пастями, с которых на меня течет слюна, несколько собак. Получается, что они спасли меня от падения в пропасть. Когда подбежавшие чабаны отогнали собак и стали осматривать меня, то не было предела их удивлению. На мне не оказалось ни единой царапины!

*Материал предоставлен Ниналаловым С.А.,
Издательский дом «Мавраевъ»*

Весть о начале войны потрясла всех

Нурмагомедов Хайрула,
родился в 1929 г. в с. Лологонитль Ахвахского района
Дагестанской АССР

У нас была большая семья: родители, бабушка и восемь детей. Начало войны я помню не очень хорошо, хотя и было мне тогда двенадцать лет. Но запомнил, что весть о начале войны потрясла всех. Растерянность, испуг, слезы... Как быть дальше, что ждет впереди?..

Из моих родных на фронт ушли брат Насрудин Нурмагомедов, двоюродные братья Пахрудин Хабибов и Ахбердилава Сайпудинов. Помню, как от них приходили фронтовые «треугольники». В письмах они сообщали о своем местонахождении, о военных действиях.

Положение в селе было довольно сложное. Многие из мужчин ушли на фронт, и вся работа легла на плечи женщин и детей. Люди голодали. Были случаи, что от голода умирали.

Чтобы выжить, приходилось много работать. У сельчан были огороды, где сажали картофель, бобовые. Домашней скотины было мало. За скот нужно было отдавать налоги: мясо, сыр, творог, масло и т.д. Муку для выпечки хлеба делали из сушеного шиповника и картофаля. Удоловий для стирки не было, да и самой одежды было мало. Одежду умершим отдавали тем, кто особенно нуждался. Дома отапливали дровами и кизяком, а освещали керосиновыми лампами. К керосину относились очень бережливо. По ночам окна закрывали ставнями, чтобы огней населенного пункта не было видно с самолета.

Взрослые работали в колхозе. Мой отец был председателем колхоза, а мать – колхозницей. Я, как мальчик, помогал по хозяйству: косил, собирал сено, урожай, вскапывал огород и помогал пахать поля, ухаживал за скотом.

Четыре месяца мы учились в хуторской школе, а после – в Тадмагитлинской семилетней школе в соседнем селе. В годы войны в школе работали учителя Джабраил Ибрагимов, Халим Исмаилов, Абдул Сайидов, Асарул Хаидов.

Школьные принадлежности отсутствовали. Мы сжигали рожи и сами делали чернила. Писали в книгах, между строк. Библиотеки в нашей маленькой школе не было. Но зато помню, что работала комсомольская организация, и нас готовили к службе в армии. Особенно активным был наш

с. Лологонитль, современный вид

военрук Шамсудин Газимагомедов – участник войны.

Помню, как в школе мы изучали латинский язык. Я мечтал учиться, мечтал выучиться, получить образование, научиться говорить на русском языке...

Конечно, играть у нас, детей военных лет, времени не было. Но когда находилось свободное время, мы все же придумывали какие-то игры, сами делали игрушки, а военрук Шамсудин обучал нас военному мастерству.

Радио в нашем селе не было, а новости мы узнавали из газет «Большевик», «Красное знамя». «Истина». Все они выходили на аварском языке. В соседнем селе Тадмагитль был госпиталь, а в Карате – больница. В нашем селе был один фельдшер – Хайбула. В годы войны свирепствовали инфекционные заболевания. Многие погибали от этих болезней. Не обошли они и Хайбулу. Он заболел и вскоре умер.

Конечно, воспоминания о тех суровых годах – не лучшие воспоминания в моей жизни. Людям приходилось переживать и голод, и холод, и страх потерять родных и близких. Те, кто воевали на фронтах Великой Отечественной, не щадя своего здоровья и своей жизни, были для меня героями. Героями были и те женщины, подростки, которые, взяв на себя все тяжелую мужскую работу, совершили трудовой подвиг во имя Победы...

Наши сельчане, колхозники помогали фронту, чем могли: собирали

Двухэтажный дом с террасой

Камин в доме

Треножка для каминной плиты, на которой жарили лепешки и зерно

Амбар для хранения зерна

деньги, шиповник, отправляли молочные и другие продукты питания, шерсть.

Об окончании войны мы узнали из райцентра Карата. Помню, как на следующий день после этого известия как раз над нашим селом пролетели десять самолетов. Они летели красиво – в один ряд. Это был день всеобщей радости. Дети веселились, суетились, а взрослые плакали от счастья, что окончилась наконец страшная война, и от горечи, что не все с фронта вернутся домой...

Жизнь после войны наладилась не сразу, сохранялась проблема голода.

Я после окончания Тадмагитлинской семилетней школы был отправлен в Буйнакский интернат горцев, там окончил 10 классов, овладел русским языком. Стал работать в семилетней школе, отслужил четыре года в армии, снова работал в школе. Желание продолжить образование привело меня в медицинский колледж, после окончания, которого вернулся в родной Лологанитль, где 40 лет проработал заведующим медицинским пунктом.

Сейчас я на пенсии.

*Материал предоставлен Абдулхалимовым А.Г. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Я родом из войны

**Нухкадиева Айшат Муртузалиевна,
родилась в 1940 г. в с. Санчи Кайтагского района
Дагестанской АССР**

Начало войны я, конечно, не помню. Но по данным «Книги памяти» знаю, что моего отца, Муртузалиева Нухкади, призвали в армию райвоенкоматом в 1943 г. Ни отца, ни мать я не помню. Моя тетя, Муртузалиева Написат, рассказывала, что получила письмо с фронта, в котором отец писал, что воевал в коннице, после одного из боев был ранен. А позже родным пришло извещение, что отец пропал без вести.

*Нухкадиева А. Март 1952 г. фото из личного архива
Каймаразова Г.Ш.*

В возрасте пяти лет я попала в Санчинский детский дом № 13...

И годы войны, и первые послевоенные годы в детдоме, впрочем, как и во всей стране, были очень трудными. Но мы выжили. В мои первые «детдомовские» годы еды было мало, комнаты холодные, печка одна, да и та дымилась, потому что дрова были сырые. Мы, дети, спали на деревянных кроватях из стропил. Я и мой младший брат Шахнаваз (тогда ему было три года) спали вдвоем в одной такой кровати. Было тесно и холодно. Братишка сильно простудился, заболел и через два месяца умер.

Как я помню, нас было около 150 детей из разных сел и районов. Многие дети болели чахоткой, воспалением легких, малярией. Для больных был открыт изолятор в селе, рядом с детским домом. Вокруг изолятора все было увешано сохнувшим бельем: марлями, занавесками, накидками, косынками. Я помню медсестру Гаджигерееву Герепмес, которая приносила еду из кухни, давала лекарства и ухаживала за больными.

Мне было от роду всего пять лет,
Когда земле предали мою мать,
И перестал с тех пор небесный свет
Меня любить, меня обогревать.

Абдурахман-Хаджи, дедушка Нухкадиевой А., с учениками. Первый в районе совершил хадж и открыл школу по изучению Корана. 1931 г. Фото из личного архива Нухкадиевой А.

*В столовой во время обеда. Санчинский детский дом № 13. Фотоальбом № 49. Л. 4.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*На кухне Санчинского детского дома № 13. Фотоальбом № 49. Л. 9.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Во время дежурства. Санчинский детский дом № 13. Фотоальбом № 49. Л. 8. ©
ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Спальня девочек. Санчинский детский дом № 13. Фотоальбом № 49. Л. 3. © ЦГАРД,
Махачкала, 2015*

Стал детский дом мне матерью с отцом,
Там были дети – как и я сироты.
Мы поровну делили в нем
И горе, и радость, и невзгоды.

А жизнь идет. Теперь
Есть у меня очаг и дом, и дети.
Молю Аллаха, вовек не отнимать
Родную маму у детей на свете.

У нас в детдоме была «железная дисциплина»: подъем, зарядка, линейка, учеба и трудовые занятия. Все это проходило в пионерской комнате, в музыкальном зале и в рабочей комнате. Нас обучали и воспитывали прекрасные педагоги, которые навсегда останутся в моей памяти, и я всю свою жизнь буду им благодарна. Это Воробьева Вера Гавриловна, Тамара Михайловна, Луиза Павловна, Александра Романовна, Зоя Александровна. В детском доме работали Каймаразов Гани (ныне профессор, заслуженный деятель науки РФ и РД), Шерипов Иманзагид, Акаев Мургуз, Гасанов Магандали, Алхилова Маяхалум.

Здесь, в детском доме, мы чувствовали себя, как в родном доме, и жили как родные братья и сестры.

Много лет прошло с тех пор,
Как простилась я с тобой.
Греть меня не перестаешь,
Ты, детдом, как дом родной.

Заменял ты, детский дом,
Мне родителей, друзей.
Не забуду я тебя
До скончания моих дней.

Об окончании войны воспитанники детского дома узнали по радио. Собрались в пионерской комнате, устроили концерт, обнимались, пели песни, восхваляли вождя, товарища И.В. Сталина.

После войны жизнь постепенно налаживалась. В нашем детском доме по-прежнему сохранялись строгий порядок, ответственное и порядочное отношение к учебе, педагогам, воспитанникам и, конечно, к труду. Во время каникул наша школьная бригада помогала колхозу им. Мичурина с.

Санчи. Мы собирали колоски на полях, яблоки в санчинских садах, чистили кукурузу.

Сегодня у меня прекрасная большая семья: шестеро детей – Азизовы Кади, Идрис, Магомед, Зумруд, Айзанат, Загидат. Все они получили хорошее образование, обзавелись семьями, работают.

Но мне хочется все чаще вспоминать тех, кто хоть как-то был причастен к делу воспитания детей-сирот, тех, кому я искренне благодарна.

Как-то, уже будучи зрелой, я на клумбе в саду к своему удивлению увидела под слоем снега желтый цветок – розу, которая не согнулась, не сломалась, а в своем цвету держалась стойко, когда все вокруг высохло и замерзло. И, сравнивая свою жизнь с этим цветком, я написала такие строки:

Среди травы, среди колючек,
Склонивши скромно свой бутон,
Растет один цветочек желтый,
Для всех явился чудом он.

Порою видела я слезы
На тонких лепестках цветка.
О чем же он так горько плакал?
О чем его печаль-тоска?

Как видно, было одиноко
Ему среди трав, где нет цветов.
Найти мечтал родную душу
И с нею слиться был готов.

Его судьба с моею схожа,
Росла и я совсем одна.
В печальном доме-интернате
Любови ближних лишена.

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Надо же, какой маленький, а какой образованный!

Ахмедов Ахмед Гичиханович,
родился в 1937 г. в с. Санчи Кайтагского района
Дагестанской АССР

В 1943 г. в моем родном селе Санчи открылся детский дом № 13. Здесь жили, воспитывались и учились дети-сироты, дети инвалидов войны, фронтовиков из Кайтагского, Дахадаевского, Сергокалинского, Каякентского районов. В детском доме воспитателями работали не только кайтагские педагоги, но и русские воспитательницы. В силу этих обстоятельств воспитанники детского дома довольно неплохо владели русским языком. Местное же население в быту в основном общалось на даргинском и кумыкском языках, а свободное владение русским языком считалось верхом образованности. Старики на годекане, услышав, как детдомовские дети свободно говорят на русском языке, с восхищением восклицали: «Смотри, какой маленький, а уже какой образованный!»

Материал предоставлен Ахмедовой Г.А., Дагестанский государственный университет.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Обращение колхозников и колхозниц колхоза им. С. Стальского Касумкентского района «Ко всем колхозникам и колхозницам Дагестана об организации для осиротевших детей фронтовиков колхозных детских домов, яслей и детских площадок»

14 июля 1943 г.

Одобрить обращение колхозников и колхозниц колхоза им. С. Стальского Касумкентского района ко всем колхозникам Дагестана об организации для детей фронтовиков колхозных детских домов, яслей и детплощадок.

Обязать горкомы, райкомы ВКП (б) и первичные колхозные организации поддержать инициативу колхозников колхоза им. С. Стальского, обсудив их обращение на общих собраниях колхозников.

Предложить редакторам республиканских, районных газет и Даградиокомитету широко осветить в печати и по радио инициативу колхозников колхоза им. С. Стальского в деле оказания помощи детям фронтовиков.

Секретарь Обкома А. Алиев.
ЦГА РД. Ф.1-п. Оп. 24. Д. 15. Л. 51. Подлинник.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д. Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 446.

Сеять жито даже в день смерти...

Дети войны. Сколько их было, оторванных от родных мест и школьных занятий, вынужденных скитаться с матерями по всей России в поисках куска хлеба и убежища от вражеских снарядов. Сколько их, с достоинством нёсших наравне со взрослыми на своих хрупких плечах все ужасы военного лихолетья.

Сироты войны

К таким людям относится и мой дедушка Али Омаров. Родился он в 1930 году в селе Гапшима Акушинского района, в семье крестьянина Омара, «богатыря-великана», как прозвали его в народе. Дедушка рано лишился мамы. Она ушла в мир иной, оставив на руках мужа двух детей: четырёхлетнего Али (моего дедушку) и двухлетнюю Патимат.

В конце 1940 г. в соседнем доме осиротели двое детей (отец ушёл на фронт, а мать умерла от чахотки). Четырёхлетнюю Айшат и двухгодовалого Алихана приютил мой прадед Омар, потому что он был единственным их родственником в селе. Прадед забрал детей к себе домой. Односельчане уговаривали его отдать их в детский приют, но прадед и слушать не хотел, говорил: «В них наша родственная кровь. Никому не отдам!»

Вскоре прадед женился на бедной женщине из соседнего села. Она с первых же дней боролась за счастье круглых сирот, старалась, чтобы дети не чувствовали себя обездоленными.

Косили сено, вязали носки

Началась война. Бедная горянка осталась одна с четырьмя чужими детьми.

Перед отъездом на фронт прадед Омар собрал свою семью и дал наказ: «Смотри, Аминат, береги детей. А вы, дети, берегите маму. Не оставляйте наш огород не сеянным, неухоженным. Вам будет легче жить, если буде-

те работать на земле. Старайтесь сеять жито – даже в день смерти». Эти слова навсегда запали в душу дедушки, ведь теперь он был старший из мужчин в семье. Ему тогда было всего одиннадцать лет.

Аминат старалась не показывать своего горя, научила детей косить сено, пахать на быках, сеять ячмень и пшеницу. Долгими зимними ночами учила девочек вязать, рукодельничать. Особенно старалась сестра дедушки Патимат, ведь ей уже было девять лет. Она взяла себе в ученицы младшую Айшат.

Мать всегда говорила: «Доченьки мои, вяжите аккуратно. Ваш отец на фронте будет гордиться вами, солдатам скажет, что это его доченьки связали шерстяные носки». Как старались девочки после таких слов матери, ведь теперь отец не замёрзнет в их тёплых носках и варежках. И товарищи по оружию похвалят горских девочек. (На фронт они отправили 38 пар носков и 43 пары варежек из шерсти.)

До единого зёрнышка

Жизнь в селе была тяжёлой. Не осталось взрослого мужского населения, кроме однорукого бригадира колхоза Алигаджи.

Аминат с детьми целыми днями работала летом на колхозных полях. Пахали, сеяли, убирали колхозное добро – всё делалось руками женщин и детей.

Дети собирали колосья после уборки на полях, старались, чтобы на земле не оставалось ни единого зёрнышка, чтобы не досталось их матерям от бригадира. Он всегда кричал на женщин, если замечал зёрнышки на земле: «Семенной фонд! Семенной фонд!» Молотили вручную: женщины приносили снопы, а дети их палками отбивали!

Дед мой и Алихан старательно били палками каждый сноп, чтобы в колосьях не осталось даже несозревшего зёрнышка. Ведь за их хороший труд бригадир и женщины всегда хвалили их мать.

Зёрна на то время были самым ценным продуктом. Зимой во всех семьях несколько раз ворошили в сараях солому в надежде найти забытые зёрнышки. Особенно боялись грызунов, если они заводились в домах. (Дед сегодня шутит, что его счастье унесено мышами, имея в виду тот случай, когда в первые годы войны мыши съели весь семейный запас семян ячменя, который мама оставила в сарае для посева).

Воры!

В один из дней 13-летний Али заходит в сарай перепроверить работу

Алихана – всю ли солому чисто перебрал, не оставил ли под ней зёрен. Это было августовское утро 1943 года. И вдруг слышит голоса женщин и детский плач. Он подходит поближе и сквозь щели видит: в сарае три женщины с детьми.

Вихрем ворвался дедушка в дом: «Мама, какие-то женщины воруют у нас в сарае, наверное, ищут зерно. У них дети».

Мать догадалась, в чём дело, и пошла с соседкой в сарай (он находился на самом краю села).

Оказалось, это были две украинские и одна белорусская семьи-беженцы. Шесть месяцев жили они в доме деда. Их забрали домой, накормили, умыли детей. Затем их отправили в Махачкалу. Так сказал бригадир.

В ноябре археологические этнографические раскопки на равнине. Нужна была мужская помощь для ирригации. По дороге шакалы, волки, иногда и дезертиры нападали на овец.

Бригадир заходит в дом Омаровых. Подходит к матери и говорит: «Знаю, Аминат, тебе нелегко. Но нам без твоего Али не обойтись. Нужны надёжные мужчины». Затем, кладя руку на плечо Али, продолжает: «Уверен, ты, Али, не подведёшь. Ты справишься. Больше никому. Не могу же я вернуть мужчин с фронта. Нет мужчин».

Мать зарыдала, но делать было нечего – начала собирать сына в дорогу: сшила из сукна торбу (сумку с ремнём через плечо), положила туда домашний сыр и две лепёшки.

Взял мой дед в руки ярлыгу¹, и началась его долгая-долгая чабанская жизнь. Не расставался он с этим пастушьим посохом до 2007 года. Летом – на альпийских лугах, зимой – на отгонных пастбищах, на равнине.

Живите долго и счастливо!

В начале осени 1943 года Али получил известие, что мать тяжело больна и хочет видеть его. Али в это время находился с отарой в степях Кизлярского района. Это более 500 километров от дома.

За два дня добрался он до матери – помогли со смиренной лошадей чабаны соседнего колхоза.

Умиравшая мать просила: «Сын мой, ты был послушным у меня всегда. Послушай и на этот раз. Я умираю. Пусть Айшат будет тебе женой». Затем позвала к себе Айшат: «Родимая моя, я благословляю вас. Живите долго и счастливо!».

¹ Ярлыга – длинная палка с железным крючком, которой пастухи ловят овец.

Вот так двое рано осиротевших молодых людей, воспитанных чужой женщиной в одной семье в годы войны, создали свою, новую семью.

Через год дедушку призвали в армию. Честно отдав долг Родине, он вернулся домой в 1952 г. Опять в руках у него появилась чабанская ярлыга.

Переехала семья в село Выше-Таловка Кизлярского района. Коренные русские и удмурты с радостью приняли трудовую семью деда в колхоз имени Чкалова.

Сегодня у них большая семья. Вырастили трёх сыновей и пять дочерей, внучек и внуков – 23, есть и правнуки. Они большие труженики. В хозяйстве много коров, уток, кур, большой огород.

Недавно, когда дед работал в огороде, я сказал ему, что пора отдохнуть, ведь годы уже не те, он с улыбкой повторил в который раз слова своего отца: «Надо сеять жито – даже в день смерти!»

Да, надо, дед. И мне бы жить так.

*Султан Омаров, 11 кл., Вышеталовская СОШ, Кизлярский район,
литературный кружок «Вдохновение».*

Материал предоставлен редакцией газеты «Орленок-Дагестан»

Два куска хинка – в дорогу на войну

Омаров Магомед-Тайгиб,
родился в 1930 г. в с. Гергебиль Гунибского района
Дагестанской АССР

Вто время в Гергебеле имелся садоводческий колхоз, который считался богатым, потому что в нем насчитывалось 500 коров, 1000 овец и коз. Работал в селе и консервный завод. Поэтому колхоз считался богатым. На трудодни давали деньги и кукурузу.

Семья наша была небольшая: родители и я. До войны люди жили хорошо. Но вот внезапно началась война. Это было огромное горе для народа.

На фронте воевали два моих двоюродных брата. Один участвовал в Сталинградской битве, другой служил во Владивостоке. Участник Сталинградской битвы впоследствии рассказывал, что их воинские части три месяца находились в окружении. Три кольца окружения были у наших, три – у немцев. Вражеские самолеты прилетали с продуктами и бросали их немцам, а наши самолеты сбрасывали своим. Случалось, что их посылки попадали к нашим, а наши – к немцам. Он рассказывал, что от голода люди

ели, все, что удавалось поймать: кошку, собаку, крысу... И если первое время было страшно, то потом страха уже не было.

Военные годы были очень тяжелые. Если даже в хозяйстве не было скота, каждая семья обязана была сдавать 46 кг мяса, кожу, масло; если даже не было кур – яйца; а если не было овец, надо было сдавать овечьи шкуры. Я помню также, что люди в военные годы сильно голодали, ели, что попало: даже мясо мертвых животных, картофельные очистки.

Время было суровое. Бывало, что сразу после женитьбы молодого супруга отправляли на фронт, а с оставшейся дома жены взимали налог за бездетность в размере 30 рублей. Я помню, что много людей умирало в селе от голода, случалось, что в день по два – три человека. Чтобы их похоронить, из школы отправляли старшеклассников.

Мой отец не воевал, но он был участником «трудового фронта», копал противотанковые рвы. В те годы сельчан отправляли и на рыбные промыслы, куда я тоже ездил со старшими.

В то суровое время строго относились к учебе. Того, кто учился хорошо, переводили в следующий класс, тех, кто учился плохо оставляли на второй год. У окончившего десять классов в те годы, на мой взгляд, уровень знаний был выше, чем у некоторых современных выпускников института. Тетрадей не было, правда, имелись книги по разным предметам. Работали пионерская и комсомольская организации, школьная библиотека. Была также ученическая производственная бригада. Моими учителями являлись Зейнаб из с. Кикунь, Пати из с. Салга, Наталья Павловна, Надежда, Женья, Хадижат и Омар из с. Чох, Ахмед из с. Дарада-Мурада и т.д. В школе и после уроков мы играли в разные игры. Тогда все мечтали о скорейшем окончании войны. Героями для нас были Герои Советского Союза Магомед Гаджиев, Саадула Алиев, Эльмурза Джумагулов, Ахмедхан Султан, Юсуп Акаев и др. Мы, дети, старались помочь фронту, чем могли. Например, обходили села для сбора теплых носков фронтовикам. Я помню, что в селе работало радио – в школе и других общественных местах висели репродукторы. Взрослые читали газету «Красное знамя».

Конечно, в нашем селе не было военных действий. Но на постое были солдаты, кавалеристы. Я не могу забыть, как солдат подошел выпить воду из крана. Я спросил: «Куда вас отправляют?». Он отрывисто ответил, что на войну. Тогда я пошел домой, тайком от мачехи взял два хинка, которые не всегда доставались мне самому, и отдал этому солдату. Он очень сильно этому обрадовался.

Кто возвращался с фронта домой, рассказывали, что мало кто надеялся

вернуться живым. Когда люди узнали о Победе, их радость была безгранична. В 1946 – 1947 гг. также был голод. Тогда еще действовала карточная система. Карточки давали служащим, на них полагалось 400 граммов хлеба в сутки. Кому они не полагались, те зарабатывали по-разному, как могли.

В 1951 г. я был призван в армию, служил в г. Мурманске, на флоте. После демобилизации работал в банке, затем окончил техникум в Дербенте. В дальнейшем работал бухгалтером в колхозе, 25 лет – заведовал фермой в совхозе. Награжден шестью орденами, в том числе, орденом Ленина. Сейчас на пенсии.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.
Перевод с аварского Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Помогали знания и воспитание, полученные в школе

Омаров С.М., директор средней школы № 1 им. В.И. Ленина
г. Махачкалы¹

*Омаров С.М.
Фото из личного архива
Каймарзова Г.Ш.*

Наша школа... в предвоенные годы занимала одно из первых мест в республике по учебно-воспитательной работе.

Великая Отечественная война вызвала серьезные изменения в работе школы. Когда здания 5-й, 7-й и 14-й школ были заняты под госпитали, все они разместились у нас. Нам пришлось свернуть кабинеты и занять их под классы, превратить в классы помещения библиотеки, пионерской комнаты, буфетной – буфет вынесли в коридор. В коридорах же велись дополнительные занятия с отстающими учениками, здесь стояли шкафы, парты, доски. Все было уплотнено до предела.

При слиянии школ некоторые товарищи высказывали сомнения в том, сговорятся ли между собой директора, найдут ли они общий

¹ Омаров Саид Магомедович был директором махачкалинской школы № 1 в 1935 – 1944 гг.

язык, будет ли возможность обеспечить единую линию в педагогической работе. Я лично был убежден, что все обойдется хорошо... Так оно и было. На протяжении военных лет я не помню никаких конфликтов, склок или сплетен. Учителя были охвачены патриотическим порывом, все свои силы они отдавали воспитанию детей, организации помощи фронту и вовлечению школьников в общественно-полезный труд.

Занятия велись в три смены. С утра до 10 – 11 часов ночи школа была переполнена учащимися и гудела, как улей. После учебных занятий проводились внеклассные мероприятия. Уроки и перемены пришлось сократить, поэтому учителя не всегда успевали проверять знания школьников и выставлять оценки в журналах; почти ежедневно им приходилось задерживать часть детей после уроков, продолжая опрос в коридорах. В том конце коридора, куда выходит кабинет директора, с раннего утра до позднего вечера шли занятия с отдельными группами учащихся, здесь висели карты и другие учебные пособия, чтобы дети могли подготовиться к урокам.

Очень часто нас отвлекали тогда на различные общегородские и оборонительные работы; количество часов, отведенное на прохождение учебных программ, приходилось сокращать. И, несмотря на это, учебные планы к концу года почти всегда выполнялись. Учителя работали напря-

Здание школы № 1 г. Махачкалы. Фото Лысенко Ю.М.

женно, многие занимались с учащимися дополнительно. Больше всего приходилось работать преподавателям русского языка и математики. Для детей, получавших переэкзаменовку на осень, мы создавали репетиторские группы, которые работали в летние каникулы. Это была большая помощь; как правило, большинство таких детей ликвидировало пробелы в знаниях и переводились в следующий класс. В условиях войны, когда отцы сражались на фронте, а матери работали на производстве, постоянную помощь детям мы, учителя, считали своим патриотическим долгом.

Известно, что дисциплина учащихся всегда занимала центральное место и является одной из самых сложных проблем воспитания. И все же в годы войны, несмотря на большую перегрузку школы учащимися, дисциплина детей была отличная. Ещё вчерашние озорники, доставлявшие учителям немало хлопот в стрессовой обстановке тех лет становились неузнаваемо серьезными и ответственными.

На уроках и во внеклассной работе мы всячески воспитывали у детей любовь к Родине, и ненависть к оккупационным фашистам. Мы настойчиво добивались, чтобы дети свою любовь к Родине выражали конкретными делами. Была ли эта помощь госпиталям, участие в строительстве оборонительных сооружений или сбор средств на боевые машины для Красной Армии – всё это было куда важнее в нашей работе, чем тысячи самых красивых и вдохновенных слов. О некоторых таких конкретных делах мне и хочется рассказать.

Для помощи госпиталям и фронту в школе была создана шефская комиссия. В неё вошли учительницы А.А. Александрова, Л.В. Астафьева и другие. Комиссия организовала сбор посуды для нужд госпиталей, теплых вещей для фронта, подарков для бойцов. Всякое задание подобного рода выполнялось быстро, каждому хотелось собрать как можно больше вещей. В классах стояли тогда ящики-копилки, куда каждый ребенок мог опустить

Мемориальная доска на здании гимназии №1 г. Махачкалы. Фото Лысенко Ю.М.

все, что он хотел: деньги, конфеты и т.д. За неделю набиралось много всякого добра, и мы готовили подарки для раненых. В этой работе активное участие принимали матери учащихся Саенко и Эльсон.

Когда в Махачкалу стали прибывать первые раненные, наши комсомольцы и старшеклассники организовали бригады-десятки для переноса раненых из вагонов; группа родителей стирала для раненых бельё.

Школа шефствовала над отдельными палатами госпиталей, размещённых в гостинице, в здании школы № 14, в механическом техникуме. В дни больших праздников: 23 февраля, 1 Мая, 7 Ноября, Новый год – дети ходили к своим подшефным с поздравлениями, носили папиросы, табак, бумагу, девочки к этим датам вышивали кисеты, дарили носовые платки. Всю эту подготовку обычно возглавляли классные руководители, они же вместе с детьми ходили в подшефные палаты.

В обычные, непраздничные дни школьники тоже ходили к раненым небольшими группами, чаще ходили девочки. По просьбе раненых они писали письма, читали им газеты, выполняли и другие мелкие поручения. Не гнушались и черной работой. Так, в одной из палат девочки 5 – 6-х классов во главе с пионервожатой Галей Здоровец сделали генеральную уборку палаты: почистили более 20 кроватей, протерли панели, вымыли горячей водой полы. Нужно было видеть, как горячо благодарили их раненые! Девочки-шефы приносили в палаты цветы, вышивали салфетки для тумбочек, старались сделать свои палаты как можно уютнее, соревновались на «лучшую палату». В каждой подшефной палате школьники выпускали «Боевые листки».

В школе была также бригада культурного обслуживания госпиталей. Туда входили декламаторы, певцы, музыканты, танцоры, струнный оркестр под руководством ученика Зайцева. Этот прекрасный организатор и талантливый музыкант потом ушел на фронт и погиб в первом же бою. Помню, как хорошо декламировал Отарик Махарадзе, большим успехом пользовалась наша школьная певица – ученица Далгат. Деятельное участие в концертной бригаде принимала Сусанна Кондрашова, бывшая ученица школы, работавшая у нас библиотекарем. Она была душой концертных выступлений.

Огромным успехом пользовался и наш школьный духовой оркестр, которым руководил замечательный энтузиаст Илья Дмитриевич Сиротин. Выступления оркестра доставляли большую радость как бойцам, так и учащимся, ни одно серьезное мероприятие не проводилось в школе без участия оркестра. Оркестр помог нам сплотить хороший детский коллек-

тив. Наиболее активными оркестрантами были тогда Булима Д. (затем – инженер), Бурлаков Н., Токарев А. (затем – агрономы), Юдилович Н. и Тепенгольц Б. (погибли на фронте), Халидов Ш. и Калентьев А. (стали финансовыми работниками), Домрачев (впоследствии – преподаватель военного училища), Арсланов А. (после войны – руководитель художественной самодеятельности), Доветов М. (научный работник), Куликов (врач-хирург), Левченко Ю. (начальник клуба в воинской части), Кормасов М. (офицер милиции).

Почти у каждого оркестранта было своё окружение из малышей, которым тоже хотелось быть в оркестре. На первых порах они были как бы ассистентами и очень гордились, если им поручали поднести ноты или инструмент. Впоследствии многие из них играли в оркестре. Илья Дмитриевич был чутким педагогом и воспитателем, пользовался искренней любовью детей; он тоже был мобилизован в армию.

По неполным данным, наши дети посетили местные госпитали 462 раза, при этом всякий раз с какими-нибудь подарками, приготовленными школой. Для госпиталей было собрано разной посуды 623 предмета, 1949 книг. Выступления детей очень нравились бойцам.

Были у нас и тимуровские команды. Они взяли на себя благородную задачу – заботу о детях-сиротах и семьях фронтовиков. Тимуровцы собирали деньги и вещи, помогали ухаживать за детьми, выполняли различные домашние работы. Мы тогда взяли на учёт все такие семьи в своём районе. Каждый классный руководитель с пионервожатым выявляли, в какой именно помощи нуждается та или иная семья, давали задания звеньевым, звенья через свои тимуровские команды брались за дело, а потом о своей работе отчитывались в классе.

Когда в школе проводился сбор средств в фонд обороны, деньги сдавались в банк ежедневно. Учителя и учащиеся приносили деньги, сдавали золотые вещи, облигации государственных займов, а некоторые отчисляли в фонд обороны полумесечную заработную плату. Помогали мы и многим нашим ученикам, оказавшимся в тяжелом материальном положении, пять учительниц нашей школы усыновили детей-сирот.

Чем могли, помогали и эвакуированным, эти люди нуждались во всем. Помню, как осенью 1941 г. на станцию прибыл эшелон эвакуированных детей, потерявших родителей. Было уже холодно, а дети были разуты и раздеты. По всем кассам был передан призыв – помочь детям. В тот же день школьники принесли из дому детскую обувь и одежду. Все это было сдано в Городской комитет комсомола. Все мы помогали одеть и обуть

эвакуировавшихся с Украины учителей, наши учителя дежурили на эвакуационных пунктах, помогали регистрировать эвакуированных.

Летом 1942 г. библиотекарь С.В. Кондрашова и секретарь Г.С. Котенко (обе они окончили нашу школу) участвовали в ночной охране складов, расположенных далеко в поле; фронт был близко, нести охрану было небезопасно, но девушки оставались на этом посту довольно длительное время.

Много труда было вложено в устройство щелей-укрытий в самой школе. Каменистый грунт, утрамбованный десятками школьников, копать было очень трудно, но работали все ревностно. Потом, в 1945 г., почти столько же труда вложили, чтобы снова выровнять площадку, сделать её пригодной для занятий спортом.

В течение 1941, 1942, 1943 гг. работники школы отпусками не пользовались, летом и в выходные дни зимой вместе с рабочими и служащими города строили оборонительные укрепления на подступах к Махачкале, часто работали вместе с учащимися старших классов и в рабочие дни: первая смена – после окончания уроков, вторая – до начала занятий. Все работали ломом и лопатой, начиная от директора, кончая ночным сторожем. Летом часть учителей работала на кирпичном заводе, в разное время – разгружали зерно в Махачкалинском порту, в помощь военному вели канцелярскую работу. Зимой школа в полном составе выходила не раз на расчистку канала им. Октябрьской революции.

Работали мы и в пригородных колхозах. Уже в 1941 г. бригада из учащихся старших классов во главе с преподавателями А.А. Медведевым и Г.В. Шичалиным помогали колхозникам бывшего Кумторкалинского района в обмолоте хлеба. Школьники с большой охотой работали там, хотя условия там были тяжелыми.

В 1942 и 1943 гг. бригады школьников во главе с учителями ходили на прополку и уборку овощей в с. Тарки. Можно было видеть, как сотни детей собирались рано утром на школьной площадке и вместе с учителями во главе с директором организовано выходили в поле. Бывало, школьники приходили на работу раньше колхозников, и мне не раз приходилось будить председателя Таркинского колхоза Магомедова.

Летом 1943 г. наши дети работали на прополке овощей в пригородном хозяйстве Госторга, там же спали в сараях на соломе, питались в рабочей столовой. Работали хорошо, хотя случалось иногда, что вместе с сорняками срезали и культурное растение. Многие ведь впервые держали тяпку в руках и впервые видели, как выращивают овощи на больших площадях.

Чтобы подбодрить детей, поднять их настроение, школа часто устраивала музыкальные вечера. Отношение детей к работе было исключительно серьезное, случаев невыхода на работу без уважительных причин не было. Этой работой руководили учительница истории Ю.С. Тунтуньянц и завуч школы М.П. Пушкарева.

Комсомольцы и пионеры школы оказали большую помощь освобожденным районам в возобновлении учебных занятий в школах. Они собирали и отправляли в эти районы учебники, тетради, ручки и карандаши, наглядные пособия. Много учебников и учебных пособий выделили мы из фондов школы, получив за это немало благодарностей.

Первостепенное значение мы придавали правильной постановке физического воспитания детей. Любовь к спорту прививалась через различные секции по физической культуре, работавшие в школе.

Как директор школы, я не могу забыть заслуг энергичного, всегда жизнерадостного физрука школы Я.Т. Яковенко. Он пользовался заслуженной любовью школьников, был всегда в их окружении, часто и надолго задерживаясь после уроков. Очень повезло и в назначении другого физрука В.С. Ястржембского. Он всегда был образцом строгой дисциплины и пунктуальности; четким планированием, продуманной организацией, привлечением актива старшекласников он привил школьникам любовь к занятиям.

Почти все дни, за исключением малышей, были вовлечены в различные кружки. Походы, игры, соревнования стали любимыми занятиями детей.

В школе были введены даже ночные дежурства подразделений старших учащихся. Мальчикам особенно нравилось быть в охране, нести ответственность за школьное здание.

Советская Армия всегда была предметом горячей любви школьников, день Советской Армии 23-го февраля отмечался в школе особенно весело и празднично. В это время В.С. Ястржембский был уже в армии, к нам в школу назначили физруком молодого товарища, демобилизованного из армии после ранения. Дети решили поздравить с праздником нашего нового преподавателя. 23-го февраля все собрались в коридоре, пригласили его и преподнесли подарок. Все было просто, но казалось, будто преподносят подарок всей армии. Все были взволнованы.

Школьники проявляли глубокий и живой интерес к событиям на фронте. Там сражались их отцы, либо братья, на фронт ушло немало учителей и учеников старших классов. Учителя Борис Дмитриевич Ковалевский, Иван Иванович Лосяков и другие отдали жизнь за родины. Храбро

сражался преподаватель В.С. Ястржембский. На работу в госпитали ушли школьницы А.В. Шевченко, Е.М. Синицына, вскоре уехали на фронт.

Девятиклассники Серин Анатолий, Гуляницкий Павел, Сперанский Владимир и Ахундов Гарун были первыми нашими добровольцами на фронт. Все четверо были активными общественниками, а главное – лучшими футболистами школы, поэтому особенно популярными. О них говорила вся школа – от большого до маленького. Позднее уходили на фронт и другие, но эта четверка пользовалась особым вниманием и любовью. Многие потом провожали в армию. Кто-то бил пули, кто-то был ранен, кто-то погиб на фронте. Иванова Владимир, Мухаммедов Нариман, Славянов Владимир, поэт Полянский Юра, – юноши очень способные. Погибли многие, но желание защищать Родину было настолько велико, что на смену погибшим шли другие.

Ушли добровольно на фронт самые авторитетные в школьном коллективе девушки-комсомолки: секретарь комитета ВЛКСМ и замечательная физкультурница Зина Ярковая, известная школьная общественница Инна Ястржембская, активистка литературного кружка Нина Протасова.

Особой гордостью школы являются Герои Советского Союза – наши воспитанники: Валентин Омиров, Александр Ситковский и Шатиель Абрамов. Они показали исключительное мужество и бесстрашие в борьбе с врагом.

Школа была тесно связана с фронтом. К каждому празднику все классы отправляли посылки и письма бойцам, на которые, как правило, приходил ответ. Бойцы писали о своих успехах и требовали от школьников хорошо учиться. Письмами зачитывались в классах, и всегда они производили сильное впечатление.

В годы войны мы проводили беседы и лекции о героях Отечественной войны, ученики писали сочинения на патриотические темы, организовывали выставки с показом достижений нашей армии, встречи с бойцами и командирами, посещали воинские части и госпитали, оказывали помощь фронту, собирали металлолом, бутылки, трудились на полях колхозов и проводили много другой интересной и полезной работы. Только за первые три года войны работало в сельском хозяйстве 812 школьников, участвовало в воскресниках – 1193, в строительстве оборонительных укреплений – 1442; школьники собрали 1200 килограммов золы для удобрения полей, 1405 килограммов металлолома, 4850 бутылок, 180 килограммов обтирочного материала для транспорта.

Дети вносили деньги в фонд обороны страны: на строительство бронепоездов, танков, самолетов, на авиазавено «Пионер Дагестана», на стро-

ительство вагона-прачечной, на восстановление разрушенных городов, и помощь семьям фронтовиков, на подарки бойцам и раненым, на оказание помощи детям фронтовиков. Всего нашими школьниками было собрано 68324 рубля, облигаций государственного военного займа приобретено детьми почти на 10 тыс. рублей.

Теплых вещей для фронтовиков было собрано 223, для партизан – 551, сделано школьниками кисетов, носовых платков – 3700, послано много посылок. Бойцы действующей армии Юго-Западного фронта, получившие одну из таких посылок, писали: «Дорогие ребята! Посылку, сделанную вашими заботливыми руками, получили, ваше письмо решили послать в редакцию фронтовой газеты, чтобы все бойцы и командиры нашего участка фронта читали его. Пряники, консервы, рыба и все другое из вашей посылки оказалось очень вкусным. Мы полны решимости в самый короткий срок изгнать немецко-фашистских захватчиков с советской земли и обеспечить навсегда счастливое детство наших родных советских ребят.

Давайте, ребята, договоримся: вы будете учиться отлично, не будете иметь ни одного нарушения дисциплины, будете на улице, дома, в школе вести себя отлично, как подобает молодым советским патриотам, а мы будем бить и гнать наших врагов с нашей земли, не щадя своей крови и жизни. Бойцы и командиры роты связи 1183 СП. 1-го февраля 1942 года».

В годы войны крепла дружба школьников, более сердечными стали отношения к школе и учителям. Большой любовью, благодарностью школе проникнуты письма фронтовиков, воспитанников школы.

Вот письмо командира Евгения Малевича: «Здравствуйте, Саид Магомедович! Это пишет Вам бывший ученик (нарушитель порядка) Малевич. Я сейчас нахожусь на фронте, сражаюсь с ненавистными фашистами. Мне присвоено звание гвардии лейтенанта, исполняю обязанности начальника штаба одного подразделения, а до вчерашнего дня был командиром пулеметчиков. В моей работе большую помощь оказывают мне знания и воспитание, полученные в школе. Спасибо Вам и всем учителям... До скорой встречи в родной Махачкале. 13-го апреля 1943 года».

А это письмо бывшего секретаря школьной комсомольской организации Зины Ярковой: «Здравствуйте, дорогой Саид Магомедович!... За это время многое я увидела, многому научилась и теперь уже совсем иначе смотрю на жизнь... Теперь мы деремся, деремся жестоко с кровавым врагом. В ноябре месяце, когда коварный враг подкрался к городу, который нам пришлось защищать, мы оставались до последнего момента на своем посту, выполняя боевые задания. Здесь же, Саид Магомедович, по боевой

характеристике меня приняли в кандидаты партии. Теперь я коммунистка. В комсомол я вступила, будучи у вас в школе, а здесь на фронте – в партию. Большое спасибо за подготовку, которую дала мне школа. Её сейчас я проверила...».

Комсомольцу Августу Блоку, сражавшемуся на фронте, дорога была честь воспитавшей его комсомольской организации, и он писал: «Я очень интересуюсь, как идут дела в школе, как живут и работают комсомольцы. Ведь я вышел из вашей среды, недавно был среди вас. Все ли комсомольцы работают так, как требует обстановка?».

Август – страстный разведчик. Пионерам он дает наказ: «Овладевайте делом разведки. Это дело требует храбрых, инициативных, находчивых людей, отличной физической закалки. Разведчик должен уметь хорошо стрелять, как снайпер, плавать, как утка, уметь все делать. У разведчика должен быть зоркий глаз...».

Особенно много таких писем и телеграмм получали мы в традиционный праздник школы – день рождения В.И. Ленина. Так, Инна Ястржембская писала из действующей армии: «Разрешите поздравить весь коллектив школы с традиционным днем... У меня в этот день будет тоже большой праздник: я буду принимать военную присягу. С красноармейским приветом. Инна».

А вот что писала бывшая школьная поэтесса Таня Сидоренко¹. «С далекого фронта Отечественной войны шлю горячий привет дорогой школе, учителям и товарищам и поздравляю с традиционным днем 22 апреля. С особенным теплом вспоминаю сейчас школу. Обязательно, когда кончится война, приеду в родной город к дорогой школе. Ведь каждая царапина на парте дорога, и хочется снова погладить её рукой. До свидания, дорогие товарищи. Так хочется, чтобы все были вместе, живы, здоровы, хорошо работали. Овладевайте знаниями...».

О традиционном дне помнили и учителя. Вот письмо педагога-фронтовика: «Шлю свой боевой привет и поздравляю Вас всех с традиционным днем школы. Уже скоро год, как я покинул школу, но ни на минуту не забываю я её и душой всегда был и буду с вами. Прошу вас, черкните несколько строчек, как вы провели свой праздник. Ваше письмо будет для меня лучшим подарком... Ваш В. Ястржембский»...

Бывало и так, что в школу неожиданно приходили наши фронтовики. Какие это были радостные, сердечные встречи! Никогда не забыть, с каким восторгом встретили дети своего бывшего педагога В.С. Ястржембского, а потом Зину Ярковую, Инну Ястржембскую, Павла Гуляницкого,

¹ Добровольно ушла на фронт.

Яшу Либина, Васю Калентьева, Володю Сперанского и многих других. Встречи превращались в настоящий праздник, укрепляли веру в победу...

Прошло много лет после окончания войны, но и до сих пор я не забываю той большой помощи, какую оказывали мне комсомольская, пионерская и ученическая организации в моей трудной работе. Мне хочется ещё и ещё раз сказать: «Спасибо вам, дорогие мои ученики!»

Характерно, что закон о всеобщем обязательном обучении детей осуществлялся тогда с гораздо большей настойчивостью, чем в мирное время. Учителя, как никогда раньше, старались сделать школу вторым домом для детей, целиком отдавались работе, заглушая свое личное горе. А горя в нашем коллективе было немало. Учительницы Киселева, Гончарова, Сигарева, потеряли мужей, Славянова В.Ф., Барановская З.А., Ковалевская А.И. – сыновей, а Кузнецова П.П. – двух сыновей, у меня на фронте погиб брат. Остальные жили в тревоге за судьбу близких.

Учителя-коммунисты А. Некусова, М. Медведева, А.Александрова, К. Замятина и другие показывали всегда пример организованности и дисциплины, во всех начинаниях играли ведущую роль. Полный порядок в учебной работе обеспечивался завучами школы – заслуженными учительницами ДАССР Н.В. Петровой, М.П. Пушкаревой. Они всегда находили время и для индивидуальной работы с детьми, и для встреч с родителями.

Хочется отметить ещё один важный факт – это самообслуживание. Дети сами ежедневно убирали классы, по субботам мыли полы и панели. С большим успехом выполнялись все эти работы и тогда, как школа наша стала мужской.

Летом школьники и учителя сами ремонтировали школу: красили парты, панели, двери, окна, многие бригады, организованные по классам, сами доставали необходимые для ремонта материалы и ремонтировали свои классы. Школьники возили, пилили и кололи дрова.

В работе школы немалую роль играли библиотекарь О.А. Медведева, М.А. Шепелев (завхоз), А.В. Анисимова (секретарь).

Нельзя не отметить технический персонал, который честно трудился, несмотря на тяжелые условия жизни. Уборщицы Мария Никодимовна, Галина Даниловна, ночной сторож М. Халилов и другие безотказно шли на любую работу.

Хорошо работал в те годы родительский комитет. Отдельных членов родительского комитета можно было видеть в школе почти ежедневно. Это Дейтер Г.Н., Саенко Е. и другие. Шефство над госпиталями осуществлялось при их живейшем участии.

Работал я в школе до войны, работал и после войны, не прерываю связи со школой и в настоящее время. И скажу откровенно, – работа в школе в период Великой Отечественной войны принесла мне несравненно большее удовлетворение, чем, что бы то ни было.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1962. С. 443 – 454.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Постановление Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР и Бюро обкома ВКП (б) о проведении воскресника в фонд детям фронтовиков

19 августа 1944 г.

1. Принять предложение обкома ВЛКСМ о проведении 20/VIII и 10/IX 1944 г. «Дня школьника» – воскресники на предприятиях, в учреждениях и колхозах.

Выработанную в эти дни продукцию, заработанные средства и трудодни обратить в фонд помощи школьникам и детям фронтовиков.

Предложить секретарям райкомов, горкомов ВКП (б) оказать помощь комсомольским организациям в проведении воскресников.

Секретарь обкома А. Алиев

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 26. Д. 12. Л. 263. Подлинник.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д., Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 472.

Письмо школьников школы № 1 г. Махачкалы бойцам Красной армии

Октябрь 1943 г.¹

Дорогие бойцы и командиры нашей доблестной армии!

Поздравляем вас с наступающим праздником Великого Октября и желаем вам поскорее разбить немецкую гадину. Бейте немцев, как били их до сих пор, и возвращайтесь домой с победой. Недавно для нас была большая радость; мы узнали, что наш земляк, дагестанец Гаджиев, первый Герой Советского Союза, награжден орденом Ленина и медалью «Золотая звезда».

¹ Датировано по сопутствующим документам.

Один мальчик нашего класса Вагибов Сталь сочинил стихотворение, посвященное героям Дагестана. Мы, учащиеся, горим желанием быть похожими на вас, наши славные защитники-герои. Мы не можем принять участие в боях и с оружием в руках защищать родину, но всеми силами стараемся облегчить тяжелое положение нашей родины. Летом, когда мы были в пятом классе, и нас считали маленькими, мы добровольно работали на полевых работах. Теперь мы принимаем участие в оборонных работах по школе.

Наша школа взяла шефство над одним из госпиталей нашего города, и наш класс включился в эту работу. Мы собираем подарки бойцам и раненым. Второй год у нас существует комитет, где мы откладываем наши сбережения на укрепление обороны. В новом учебном году, несмотря на военную обстановку, мы обеспечим вам мужественные бойцы, хорошо учиться и еще больше помогать вам, наши дорогие старшие товарищи...

По поручению 6-го класса «А», С. Вагабов, Тунтуньянц.

...Посылаем вам стихотворение Вагабова...

instituteofhistory.ru

В Дагестане учился Гаджиев Магомед.

На фронте одержал он ряд блистательных побед.

Теперь он Советского Союза Герой.

Бьется на фронте с фашистской ордой.

Есть у нас Герои и другие,
Снайперы, артиллеристы боевые.
Есть такие, как снайпер Алиев.
Есть такие, как боец Муртузалиев.

Все они бьются на фронтах войны,
Воюют они так же, как и все бойцы.
Все они герои Советской страны,
Мы хотим, чтобы были такими же Вы.
Ученик 6-го класса «А» Вагабов Сталь.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5412. Л. 83 – 84. Подлинник.

Письмо бойцов Карельского фронта труженикам Дагестана
27 марта 1942 г.

Рабочим, служащим, учащимся, колхозникам и колхозницам Дагестана наш красноармейский фронтовой привет и большое спасибо за те скромные подарки, которые вы послали нам. Это еще раз докажет всему миру,

что фронт и тыл неразрывны, что народы Советского Союза любят свою родную Красную армию, которая громит фашистские банды, принося опять радостную, счастливую жизнь народам, которые временно истязались фашистскими коричневыми людоедами.

...Мы заверяем вас, дорогие товарищи, работайте спокойно во всех видах промышленности, а мы, здесь, на фронте, приложим все силы, все умение, чтобы быстрее уничтожить гитлеровскую грабь-армию.

Наша связь в любых условиях будет работать как часовой механизм, этим самым ускорится наша победа, наша счастливая, радостная жизнь. Уничтожим всех немецких захватчиков, пробравшихся на нашу территорию в качестве оккупантов.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!..

Пять подписей.

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5412. Л. 207. Подлинник.

*Дагестанская делегация в гостях у подшефной 91-й Мелитопольской дивизии.
декабрь 1944 г. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

91-я Краснознаменная Мелитопольская дивизия была сформирована 5 декабря 1941 г. в Дагестане (Северокавказский военный округ) в районе городов Махачкала и Буйнакс. Свое наименование дивизия получила в ознаменование победы в боях за освобождение г. Мелитополя. По национальному составу дивизия была многонациональной. Почти пять процентов ее численного состава приходилось на представителей Дагестана. Из Махачкалы в ряды дивизии влились около 150 человек. Среди дагестанцев в составе дивизии сражались старший лейтенант М. Баймурзаев, майоры М. Качалов¹, Г. Ибрагимов, капитан Дерабкин, старший лейтенант М. Дадашев (татский поэт), Яржемский, Г. Османов, старший сержанты Леташев, Стоиченко, снайперы Г. Бе-

¹ Ему народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса посвятил песню «Магомед Качалов».

Калинин Николай Васильевич, командир 91-й Мелитопольской Краснознаменной дивизии с 22 июля 1942 г. по 14 июля 1943 г. © ЦГАРД, Махачкала, 2015.

91-я Мелитопольская Краснознаменная дивизия. Джамбеков, Старостин, Яцемерский, Умаханов, Амиржуев, Ибрагимов. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

К трехлетней годовщине формирования 91-й Мелитопольской дивизии, подшефной Дагестану. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

лов, Пугачев, Бадрутдинов, Зинченко, наводчик Ф. Набиев, медицинские работники Евдоки Куценко, Ума Зайналбекова, воины Келебеев, С. Дибиров, Я. Бекбулатов, А.М. Гафуров, И.И. Абусаламов, И.И. Пильганчук, А. Батыров, М. Абакаров, А. Хазбуллаев и многие другие. 91-я стрелковая Краснознаменная мелитопольская дивизия прошла славный путь от Сталинграда до Балтийского моря. (Али-Магомед Бабаев. Подвиги защитников в памяти навсегда (91-я подшефная Дагестану стрелковая дивизия в боевых действиях под Сталинградом). Махачкалинские известия. 2008. 11 января).

8-го декабря 1944 года. Махачкала.

Секретарь республиканской комиссии по организации подарков РМКА тов. ШИШИГОВИИ Б.П., бухр. Мирзоева А.Д., зав. складом Сеидова В.И. и секретарь городской комиссии тов. Старостина составили акт на отправку в 91-й подшефную Мелитопольскую дивизию юбилейных подарков:

1. Орех	2286 кг.	40. Портсиг. посол.	6
2. Сухари	1460 кг.	41. " - сереб.	12
3. Дядь	260 шт.	42. Замгалк	18
4. Масло топл.	420 кг.	43. Дундл.кост.	16
5. Мед	28	44. Трубки-курит.	7
6. Носки	1088	45. Дундл.разн.	400
7. Варежки	736	46. Зубные щетки	301
8. Шляпки носов.	78	47. Расчески	200
9. Кисетов	408	48. Игло	12
10. Табак	347,5	49. Почт. окр.	2000
11. Сир	2241	50. Конвертов	300
12. Мягко-сух.	537	51. Нарочешей	150
13. Вилки	3792	52. Вилочков	212
14. Чашки	426	53. Бювар-блочногов	15
15. Бинь	6180,5	54. Бюварки-писем	16.000
16. Шпатель	270	55. Курит.бумег.	10.000
17. Велые бязев.	10	56. Иглоки	110
18. " иракское	15	57. Спичек	500
19. Консер	7297 шт.	58. Ложки столов.	550
20. Сухари	1037 шт.	59. Бурки кавказск.	35
21. Мяг. носки	1536	60. Пуговиц	870
22. Печенье	1222	61. Крем для оратья	6 шт.
23. Дюбески	1642	62. Иглаки	600 к.
24. Курн	329	63. Ворочники	25 шт.
25. Чурек	105	64. Чай	15 шт.
26. Дюблочки	4700	65. Саленья	15 шт.
27. Крупа	56		
28. Сух. фрукты	1441		
29. Конфект	100		
30. Гельди	1315		
31. Сахарос	1345		
32. Одеяло	15		
33. Рубашки	283		
34. Постычки	500		
35. Пояса-кавказские	11		
36. Шампанское	1		
37. Шамгалки кавказск.	√26		
38. Шаля сереб. посол.	1		
39. Дюблочки посол.	1		
40.			

КОМПЬЮТЕР: ШИШИГОВИИ
 Старостина
 Сеидова
 Мирзоева

Акт республиканской комиссии на отправку в 91-ю Мелитопольскую подшефную дивизию юбилейных подарков. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Гергемильцы помогали фронту, чем могли

Омарова Айшат Магомедовна,
родилась в 1922 г. в с. Гергемиль Гунибского
(ныне – Гергемильского) района ДАССР

В нашем селении в 1930-е гг. был создан колхоз им. Орджоникидзе, и практически все взрослое население Гергемили работало в колхозе. Каждому хозяйству разрешали содержать только по одной корове. Если их было больше, то скотину отбирали или штрафовали хозяев.

В нашей семье были родители, бабушки с дедушками и четверо детей: три сестры и брат.

Когда началась война, утром к нам домой пришли сотрудники канцелярии сельского совета и попросили родителей, чтобы разбудили меня. Я была секретарем комсомольской организации и первой комсомолкой в селе. Они сообщили нам о нападении Германии на СССР и о начале войны. Я сразу же созвала комсомольское собрание, выбрала и закрепила за каждой колхозной бригадой по одному представителю из комсомольской организации, чтобы они известили сельчан о трагическом событии. На годекане¹, у дома сельчан Гусейновых, было установлено радио, у которого дежурили по очереди комсомолцы, закрепленные за бригадами. Те в свою очередь собирали членов бригады и рассказывали им о последних военных событиях.

Я была почтовым агентом (почтальоном) и разносила письма – весточки с фронта. Письма были треугольные, а письма, сообщавшие о гибели солдата (похоронки) были отмечены черными полосками.

Какая была жизнь в годы войны? Сказать, трудная, это ничего не сказать. В колхозе работали в основном старики, женщины и дети. Для вспашки земли не хватало быков, для посева – семян. Многие поля пришлось забросить. Выращивали только кукурузу и фасоль. Из кукурузы (кукурузной муки) пекли хлеб, варили кашу, готовили хинкал. Колхозникам выделялись участки земли под огороды, но если они не вырабатывали сто трудодней², участки отбирали. У некоторых в хозяйствах была домашняя птица. Дома отапливали дровами и кизяком.

¹ Годекан – центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода.

² «Трудодень» – это единица учета труда колхозников, предусматривающая как норму дневной выработки, так и качество работы, применявшаяся в 1930 – 1966 гг.; служила основой распределения доходов. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

В военные годы одиноким и нуждающимся жителям села оказывали помощь «тимуровцы»¹. Они помогали при прополке земельных участков, их поливе, присматривали за скотом, носили из речки воду, так как вода в домах была далеко не у всех. Еще в 1930-е гг. в село был проведен водопровод по проекту строителя Калачева Анатолия Григорьевича. В его строительстве Калачеву А.Г. помогал житель села Али Азизов. Изначально воду провели к годекану (годекан авал) и к месту в селе, которое называется гьуцІдахъ авал.

В селе работал медпункт. Располагался он в доме раскулаченного Абдурахима Дибира.

У нас в селе работала семилетняя школа. Здание школы имело такую плоскую крышу, которую приходилось постоянно уплотнять и обновлять. Часто эту работу выполняли старшеклассники. В школе дети занимались добродня, и родители приходили в школу за девочками, потому что боялись, что их могут похитить парни. В классах за партами шли занятия по родному языку, русскому языку, арифметике. Были у нас и уроки физической культуры. Во время этих занятий и девочки, и мальчики играли в подвижные игры: прыжки, бег, занятия на турнике. В школе детей кормили, а для родителей отличников выдавались продукты. Так поощряли прилежных учеников. Все учебники были на аварском языке, кроме учебника русского языка. В годы войны не хватало обычных тетрадей, поэтому писали «простым» карандашом, чтобы можно было стереть написанное и снова использовать бумагу для письма.

Газеты мы читали, но в то время из газет я помню только газету «Гуниб». В школе работала библиотека. Помню я и то, как распределяла учебники по классам (это было поручение комсомольской организации). Девочкам же, зачастую, родители запрещали читать книги, считая, что они «попусту тратят время».

У нашей семьи был двухэтажный дом, в котором на втором этаже всегда жили приезжие учителя и служащие. В их числе была Гасанова Хадижат, которая внесла большой вклад в развитие школьного образования в Гергebile. Родом Хадижат была из села Чох. Окончив педрабфак², она

1 «Тимуровцы» – члены общественного объединения по помощи нуждающимся, активисты пионерской и комсомольской организации.

2 Педрабфак – педагогический рабочий факультет. Рабочие факультеты – специальные курсы для подготовки в кратчайшие сроки представителей рабочих и крестьян к поступлению в высшую школу. Первый рабфак был открыт в Советской России в 1919 г. рабфаки пользовались большой популярностью среди горской молодежи. Рабфаковцы получали стипендию, а нередко в счет стипендии – продукты питания, одежду, обувь и т.д. Крестьянская молодежь при поступлении на рабфак пользовалась льготами в отношении общеобразовательной подготовки, производственного стажа и др. К середине 1930-х гг., благодаря развитию системы общего и специального образования в СССР необходимость в рабфаках стала отпадать, и они были упразднены.

приехала работать в нашу школу. Кстати, она стала одной из первых учительниц-дагестанок, удостоенных званий «Заслуженный учитель ДАССР» и «Заслуженный учитель РСФСР» за вклад в школьное обучение девочек Гергебиля и в воспитание детей-сирот в школе-интернате³. Она помогала мне в учебе, во многом благодаря ей я стала комсомолкой. Мне, как лидеру комсомольской организации, в числе первых в селе провели в дом радио. Сначала оно было установлено у годекана, возле дома Гусейновых, а потом – в пункте милиции.

Главная моя мечта в те годы, как и всех советских людей, – это скорейшее окончание войны. Мне также очень хотелось работать на хорошей работе, помогать и приносить людям пользу. Для меня героем на тот момент был И.В. Сталин. Когда о нем говорили по радио, все, стоя, аплодировали. Настоящим героем для меня был и Азизов Али, который провел воду к годекану.

Гергебильцы помогали фронту, чем могли, отправляя посылки с одеждой, лекарственными травами, продуктами (кукуруза, фасоль). В фонд обороны отдавали домашние ковры и туруты⁴.

Об окончании войны мне сообщила русская учительница Вера Александровна. На годекане собралось много людей. Все слушали радио. Потом направились в клуб и там провели собрание. Как секретарю комсомольской организации мне дали слово. Я начала свое выступление со слов: «Хириял гьалмагъзаби жакъа нильецы гъаб рохалилаб къо кЮодо гъабизе ккола» («Дорогие товарищи, мы сегодня собрались здесь в ознаменование славного дня Победы»). Звучала музыка, люди допоздна не расходились по домам. Помню радостные дни, когда сельчане возвращались с войны. После войны гергебильцам тоже нужно было многое восстанавливать, в первую очередь заброшенные участки полей. Как не хватало в это время крепких мужских рабочих рук, быков и многого-многого!

После окончания семилетней школы я работала в детском саду воспитателем, затем – заведующей детсадом, в школьной библиотеке. В разные годы была инструктором райкома КПСС Гунибского района, возглавляла женотдел, окончила годичные партийные курсы в г. Буйнакске и двухгодичные в г. Махачкале. Я трудилась всю свою жизнь...

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

³ Гасанова Хадиджат Шамсудиновна – учительница школы-интерната Гергебильской ГЭС. Звание «Заслуженный учитель школы РСФСР» получила 18 августа 1960 г. До нее этого звания была удостоена учительница-дагестанка Локалова Х.М. (1957 г.), а в тот же год – педагоги Сулейманова А.Ш., Гасанова П.Б., Кадиева П., Гаджиева Х.Ш., Казбекова Д.С.

⁴ Турут – разновидность дагестанского тонкого самотканого ковра.

Война прошла по нашим судьбам

Османов Ахмед Ибрагимович,¹

родился 1 апреля 1935 г. на хуторе Шава Бабаюртовского района

Великая Отечественная война – слова, до боли знакомые всем в нашей стране. Ещё остались в живых ветераны – очевидцы военных событий. Но есть ещё одна категория людей, которые помнят эту страшную войну, – те, кто во время войны были детьми. И по их судьбам война прошла тяжелой поступью. Об этом периоде жизни большинства из них можно смело сказать «украденное детство». Воспоминания детей, также как и воспоминания участников боевых действий, взрослых тружеников тыла, являются ценным историческим источником, позволяющим полнее

охарактеризовать исторические события тех лет, быт военного времени.

Мое детство также пришлось на годы войны. На начало войны мы жили в Бабаюрте. Уже 11 декабря 1941 г. мой отец, Ибрагим Османов, был призван в армию. В моей памяти запечатлелось, что это был пасмурный день. Перед своим отъездом он стоял передо мной, смотрел на меня долгим прощальным взглядом и ничего не говорил... Он не обнял и даже не прикоснулся ко мне (это тогда не было принято между мужчинами) и ушел... Ушел на войну, с которой ему не суждено было вернуться. Можно сказать, я его почти и не помню, а знаю только по фотографиям.

Мы с матерью остались одни. Я не сразу осознал, что наша жизнь резко изменилась. Однако она сама дала почувствовать это. После ухода отца на фронт мы переехали на другую квартиру, подальше от центра Бабаюрта, почти на окраину села. Видимо, за эту квартиру надо было платить меньше.

По мере приближения немецкой армии к Дагестану, многим семьям фронтовиков пришлось переезжать в более глухие места Бабаюртовского района. Вначале мы с помощью наших родственников добрались до села Геме-тубе в десяти километрах от Бабаюрта. Там нас разместили в боль-

¹ В настоящее время А.И. Османов – доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук.

шом и, как мне казалось, высоком здании, построенном для ремонта комбайнов машинно-тракторной станцией (МТС). Мы там пробыли совсем недолго, может быть, дней десять. Немцы продвигались быстро, и летом 1942 г. они были уже в Караногайском районе.

Мы вновь собрались в путь. Нас на небольшой арбе, где разместились не только мы, но и все наше нехитрое имущество, старший дядя моей матери, Вахид, повез в небольшой хутор, расположенный недалеко от Геме-тюбе. Назывался он Чаландар-отар («отселок»). Домов там было еще меньше, чем в Геме-тюбе. Они так незаметно расположились за рекой и камышами, что издали даже не были видны. Туда приехали семьи беженцев и из других мест, даже из Махачкалы. Мы жили в каком-то доме. Люди надеялись, что в такую глухомань немецкая армия не доберется. Из Хасавюрта приехала туда и моя «вторая мама», жена дяди, в семье которого я жил во младенчестве.

До моего рождения в нашей семье умерли трое младенцев. По давнему обычаю, в таких случаях для спасения новорожденного ребенка его передавали, а точнее «воровали», конечно, с согласия родителей, в другую семью. Жена маминого старшего брата, чтобы обмануть судьбу «украли» меня у моей матери, и какое-то время я воспитывался в их семье и семьях других родственников. Не знаю, по этой причине или по какой другой, я выжил. Мы настолько сблизились, что моя «вторая мама» Умуханум заботилась обо мне и тогда, когда я стал взрослым.

Осенью, когда начались школьные занятия, меня вместе с другими детьми посадили в какую-то арбу и отправили в школу, хотя я отказывался. Почему-то я этот случай хорошо запомнил... С первого класса нас уже приучали к труду. Мы ходили на уборку сорняков на посевах хлопка, который в те годы выращивали и в Дагестане. За такой работой дети как-то забывали, что идет война. Но она сама напоминала о себе. В один из дней, будучи в школе, мы услышали какой-то гул. Мы, дети, стали выглядывать в окна и вдруг в небе, прямо над школой, увидели два неизвестно откуда взявшихся самолета, – советский и немецкий. Были слышны звуки перестрелки. Мы, конечно, болели за советского летчика, но наблюдать эту картину нам удалось недолго. Самолеты исчезли из зоны нашей видимости, и мы так и не узнали, чем закончился этот бой. Тогда-то мы и почувствовали, что война действительно где-то рядом, и идет она не на жизнь, а на смерть. Это был настоящий урок войны.

Были и другие эпизоды военной действительности. Так, к нам в Чаландар приезжал отцовский родственник Бозигит, воевавший на фронте. Его

семья, отец и сестры жили в Хасавюрте, но в то время тоже переехали в Чаландар. Он был одет в красивую летнюю офицерскую форму. Его гимнастерку украшали ордена. Мы, дети, любовались им. Но он был с нами недолго, уехал на фронт и там погиб. Впоследствии, когда мы жили в Хасавюрте, я сдружился с его сыном. Кажется, еще там, в Чаландаре, мать получила на свое имя извещение, в котором сообщалось, что ее муж, мой отец, Османов Ибрагим, «пропал без вести в мае 1942 года в районе города Керчь Крымской АССР».

Подробности мы узнали после войны от нашего родственника Джуная, которого война однажды свела с отцом. Их части готовили к наступлению на Керчь. Солдат посадили на плавучие средства, мобилизованные у гражданского населения. Отец и родственник оказались на разных плавсредствах. Наступление началось ночью. Пролив освещался зажигательными бомбами, которые сбрасывали немецкие самолеты. Многие плавсредства были потоплены, трудно было подсчитать потери. Вода в проливе, по рассказу Джуная, стала красной от крови погибших и раненых. Мало кто добрался до другого берега. Сам Джунай получил 27 ран, но, доплыв до берега, остался жив. Там, на том берегу, он попал в плен. После своего освобождения наступающими частями Красной Армии Джунай был арестован и отсидел в тюрьме, из которой вышел в 50-е годы. Тогда-то он и рассказал нам о моем отце.

В Чаландаре мы оставались недолго. Старшая сестра матери Вагидат, жившая в соседнем селении Герменчик, узнав о смерти мужа своей сестры, не могла оставить ее одну со своим горем, договорилась, чтобы мы переехали к ней, и послала за нами своего сына Басира.

У тети Вагидат было четыре сына. Ее муж, Гебек Бийболатов, как и мой отец, погиб на фронте. Тетя работала в колхозе. В годы войны в колхозах работали в основном женщины и дети. Ее старший сын Абдулмеджид, хотя и был школьного возраста, тоже работал в колхозе, чтобы помочь матери. Он был возчиком грузов на конной арбе. В колхозе были и верблюды. Абдулмеджид одно время работал возчиком на арбе, в которую запрягали верблюдов. Они были спокойными животными, но если их раздражить, могли оплевать все лицо. Поэтому Абдулмеджиду больше по душе были кони.

Приглашая нас к себе, тетя взваливала на свои плечи еще дополнительную ношу – заботу о нас. У нас с матерью не было средств, чтобы содержать себя, не говоря уже о помощи тете и ее детям. Весь наш скарб разместился в небольшой одноконной бричке, запряженной молодым теленком, на

которой за нами приехал мой двоюродный брат. Мы втроем сели в бричку поверх наших домашних вещей и тронулись в путь.

До Герменчика не было и десяти километров, поэтому доехали мы быстро. Тетя разместила нас в своем доме, который состоял из двух комнат и прихожей. Большинство домов в селении были построены по такому же плану. Крыши домов покрывались камышом и сверху обмазывались глиной, замешанной с соломой. Полы тоже были глиняные, окна небольшие. Летом в таких домах бывало прохладно, а зимой – тепло.

Мы, дети, (а нас вместе с моими двоюродными братьями уже было пятеро) ложились спать вместе в комнате на полу, покрытом каким-нибудь ковриком. Укрывались одним, а если не хватало на пятерых, то – двумя одеялами. А летом можно было и вовсе не укрываться. В любом случае, нам было тепло и хорошо. Условия нашей жизни сближали нас, братьев. Тем более, мы ходили в одну школу, расположенную неподалеку, в самом большом здании села, построенном до революции для мечети. Удивительно, в те времена, когда не только закрывали мечети, но и разрушали их, здесь, в Герменчике, очень разумно использовали ее здание и даже сохранили высоченный минарет, вносящий архитектурное разнообразие в спокойный колорит села.

После Чаландара, как будто специально скрывшегося от людских глаз разросшимся вокруг села густым камышом, Герменчик казался мне небольшим городом. Рядом с минаретом был колодезь с чистой питьевой водой, казавшейся особенно вкусной после мутной, даже после отстаивания, речной воды, которую мы пили в Чаландаре. Утром и вечером сюда, по воду, приходили девушки с большими красивыми кувшинами (акчалыки), в которые они набирали воду. Мы, как зачарованные, наблюдали за стройными красавицами, которые, вскинув на плечо акчалыки с водой, несли их домой.

Мои интересы больше были связаны со школой, учебой, но как-то получалось, что я оказывался участником общественно значимых событий. До сих пор я сам не знаю, как оказался на собрании молодежи села призывного возраста, которое проводилось весной 1943 г. в колхозном клубе. Зал был полон молодыми людьми. В президиуме собрания, на сцене, сидели двое-трое мужчин. Один, в военной форме, кажется, приехал из Бабаюртовского райвоенкомата. Он объяснил, для чего проводится собрание, рассказал о положении на фронте и призвал собравшихся записываться добровольцами на фронт. Зал молчал. Выступавший несколько раз переспрашивал, кто хочет записаться в Красную Армию. Но ответа не было

– все отмалчивались. Тогда он спустился со сцены вниз, стал ходить по рядам и задавать тот же вопрос лично каждому из них. Но теперь уже никто не мог отмолчаться, и юноши давали согласие. Собрание закончилось тем, что все они записались добровольцами. Подобные собрания молодежи призывного возраста проводились, видимо, и в других селениях района и республики, ведь добровольно на фронт ушло немало юношей Дагестана. Многие из них так и не вернулись домой.

В годы войны отдельные народы пережили и другие тяжелые события. Свидетелем одного из них, столь памятного для меня, оказался и я, будучи еще мальчишкой. Это случилось в яркий, белоснежный день, 23 февраля 1944 г., когда мы жили в Герменчике. Дети катались на санях возле нашего дома. Детей было много, кругом слышался радостный детский смех. Неожиданно по улице, мимо нас, стали с шумом проезжать новенькие американские грузовые автомашины. Кузова их были покрыты брезентом, но сзади машины были открыты, и было видно, что они полны сидящих людей. Куда они ехали? Зачем? Мы этого не знали. Вдруг в одной из машин я увидел моего дядю, маминого брата. Он стал махать мне рукой, и я побежал за машиной, но догнать так и не смог...

Потом нам стало известно, что на машинах везли чеченцев, в том числе близких родственников матери из с. Мужукай Бабаюртовского района. Их выселяли в Киргизию. Вся эта операция, коснувшаяся многих людей, была тщательно разработана заранее и проведена за один день. Не выселяли лишь женщин, которые были замужем за кумыками. Тогда не только мы, дети, но и взрослые не понимали и не знали, зачем выселяют чеченцев. Сегодня все полнее вскрываются масштабы содеянного против чеченского и других народов¹.

После выселения чеченцев мы недолго оставались в Герменчике. В Хасавюрте был дом, построенный в предвоенные годы моим дядей Магомедом. Там жила его жена Умуханум, моя «мама», как я ее по-прежнему называл. Она настойчиво приглашала нас жить там, поскольку этот дом пустовал, после того, как она вышла замуж и жила со вторым

¹ В ходе депортации чеченцев в 1944 г. из Дагестана было переселено около 10 тысяч семей. В подавляющем большинстве это были колхозники из основных зерновых районов (Хасавюртовского, Бабаюртовского). Так, в Хасавюртовском районе, по данным 1942 г., чеченское население в колхозах составляло 46 %. Резкое сокращение колхозников произошло и в Бабаюртовском районе. К 1945 г. в этом районе осталось 1725 хозяйств вместо 3170 в 1940 г., а число трудоспособных колхозников уменьшилось на 64 %. Значительное уменьшение колхозников здесь также произошло в результате переселения чеченских семей.

На места выселенных чеченцев переселялись колхозники-горцы, которые не сразу сумели освоить новые земли. Время их переселения было выбрано неудачно. Март, апрель, да и май – месяцы крайне неудачные для акклиматизации. Эпидемия малярии поразила почти всех переселившихся с гор людей, а скот – различные эпизоотии. (Каймарзов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Махачкала: Дагестанское государственное книжное издательство. 1963. С. 195 – 196).

мужем Мухтаром Абдурахмановым. Мать долго не раздумывала, и мы выехали туда.

Я и раньше бывал в Хасавюрте, но теперь, по приезду, я поступил учиться в кумыкскую школу имени С. Орджоникидзе, расположенную на главной улице города, недалеко от русской православной церкви. Кроме школьных занятий у меня появились и другие интересы в городе. Вместе с ребятами мы ходили смотреть матчи городской футбольной команды. Вход на городской стадион, где проходили футбольные матчи, был свободный.

Летом вечерами мы бегали смотреть кинофильмы, демонстрировавшиеся на летней площадке кинотеатра «Спартак», который находился неподалеку от нашего дома. Мы заходили во двор соседнего с кинотеатром дома и, поднявшись на кирпичи, жадно, с интересом смотрели фильмы. Ходить в сам кинотеатр я не мог, денег на это у меня не бывало.

В Хасавюрте мы встретили Победу. А уже после войны в моей жизни произошло еще одно важное событие – в 1947 г. я окончил 4-й класс кумыкской школы. Однако дальше учиться здесь я не мог. Из-за нашего тяжелого материального положения мы переехали в Бабаюрт, – а затем поближе к местам моего рождения, в селение Мужукай. Летом я работал в колхозе, был соломоскидальщиком на комбайне. Летом 1947 г. из Киргизии в Дагестан приехал выселенный туда наш родственник Джалалутдин Пашаев. Брат матери, Магомедсалим Асултанов, попросил его, чтобы он привез в Киргизию нас с матерью. Так мы уехали в Киргизию, где и прожили вплоть до 1953 г.

*Опубликовано: Османов А.И. От берегов Терека и далее.
Воспоминания историка. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН,
АЛЕФ, 2013. С.12-21*

А память хранит эти годы

Пенькова (Лысенко) Анастасия Ивановна,

родилась в 1926 г. в ст. Александрийской Кизлярского округа

Казачья станица Александрийская расположена на берегу рукава Терек – реке Старый Терек, в 42,5 км от г. Кизляр. Основана она была как преградное укрепление на левом берегу р. Терек в 1825 г. В просторечье станицу называли – Копайская или Копай. Станица эта имеет славное героическое прошлое: терские казаки охраняли рубежи родины, участвовали в военных походах и компаниях страны. После революции 1917 г. часть казаков поддержала советскую власть, другая оказала сопротивление новой власти. В 1919 г. на станицу было совершено нападение банд. После установления советской власти в станице было организовано три колхоза, работала школа (перед войной семилетка), действовала церковь. Основным населением станицы были казаки.

Семья наша была по сельским меркам небольшая: отец, мать, я и две младшие сестренки Татьяна и Ираида. У мамы было семеро детей, но осталось нас трое, остальные умерли еще маленькими от болезней. Семья наша была не совсем обычная. Моя мама – Софья Яковлевна Пенькова, в девичестве Бердникова, была дочерью состоятельного (по тем временам) казака, моего дедушки, Бердникова Якова Алексеевича, от его первой жены, которая умерла. Дед женился во второй раз, и в семье почти каждый год рождалось по ребенку. Старшая дочь стала им нянькой. В возрасте 15-ти лет она упала с крыши дома и навсегда осталась инвалидом, повредив позвоночник. Из-за этого она долго не могла выйти замуж. Мой отец, Пеньков Иван Прокофьевич, попал в станицу, бежав из Поволжья в голодные 1920-е годы. Он был батраком у брата моего деда, работал за еду, был молод, силен, красив, но беден. Тогда, дед предложил ему жениться на своей дочери, которая была старше его на десять лет, пообещав дать лошадь, корову и дом в качестве приданного: так они и поженились. Но счастливой их семейную жизнь назвать было нельзя. Отец, имея хорошую память, работал в колхозе учетчиком, был главным добытчиком семьи, но семья все равно жила бедно. Мы, дети, тянулись к патриархальной семье деда по матери, которая была более зажиточной.

Я училась в школе и перед войной окончила семилетку. Школа работала и в годы войны, в ней учились сестры. В 1939-40 учебном году многие

Ученики 7го класса Александрьевской школы. 1941 г.

учителя-мужчины были призваны на военную службу, а когда началась война, ушли на фронт и остальные. Сложили свои головы Иван Андреевич Северенко (он окончил Александрьевскую школу и работал в ней), Павел Игнатьевич Сокол, ушедший на фронт добровольцем, служивший в составе кавалерийского эскадрона, и Григорий Александрович Писарев.

Все военные годы проработали вместе четыре учительницы: Марцвеладзе Серафима Афанасьевна, Бобракова (Никулина) Варвара Федоровна, Нестерова (Краморева) Анна Алексеевна и Герасименко (Иващенко) Зоя Акимовна. После войны, трое из них, стали работать в других школах, а Никулина В.Ф. продолжила работать здесь. Она родилась и выросла в станице Александрьевской, окончила школу, получила педагогическое образование в г. Кизляре и с 1940 г. началась ее педагогическая деятельность в Александрьевской школе. В 1944 г. директором школы был назначен Михаил Петрович Бабкин.

Еще до войны наш учитель немецкого языка говорил нам, чтобы мы учили немецкий язык, так как с Германией будет война. Но нам казалось это невозможным. А учитель оказался прав, и я всю жизнь вспоминала его слова.

Группа телефонисток. г. Кизляр. 12 апреля 1944 г. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

День начала войны я не помню, но помню, как всей станицей мы провожали кавалерийский эскадрон, сформированный из казаков-станичников. Они ехали по центральной улице и были так красивы в казачьей форме на лошадях... Но ни один из них не вернулся домой. Они погибли в начале войны, их направили против танков — что они могли сделать против танков? Всем их было очень жаль.

Отца тоже призвали на фронт. Мама плакала, переживала. Призвали на фронт и других родственников. Отец попал в плен в районе Керчи, в Крыму, и часть войны провел в Германии. Мама из-за этого очень переживала. Как-то одна женщина назвала его предателем. Тогда мать пешком пошла в военкомат Кизляра для того, чтобы узнать о его судьбе.

Жили в войну мы очень тяжело, дедушку к тому времени «раскулачили», лишив его дома и хозяйства, после чего он умер. Мама не могла работать в колхозе, так как у нее была большая семья. С осени 1941 г. пошла работать в колхоз, пахала на быках. Очень было тяжело, а за работу практически ничего не платили. Мы стали голодать. Собирали горсточку зерна кукурузы, мололи на ручной мельничке, пекли из кукурузной муки лепешки и ели. Мы обменяли на зерно все, что было приличного в доме. Варили суп из лебеды, крапивы и другой травы. Собирали фрукты-падаллицу, дичку-грушу, варили. Хозяйства у нас уже не было, потому что, когда

отец вступил в колхоз, он отдал туда корову, лошадь. Земля в нашей станице солонцовая, глинистая, не плодородная, поэтому от огорода пользы большой не было.

Осенью 1941 г. я с другими девочками и мальчиками Кизлярского округа трудилась на строительстве стратегически важной железной дороги «Кизляр-Астрахань», рыла противотанковые окопы под Гудермесом. Работали девочки, плохо одетые, разутые, полуголодные на разгрузке песка для железнодорожных насыпей, перелопачивая огромные массы песка простыми лопатами, а мальчики-подростки, несмотря на юный возраст, выполняли взрослую мужицкую работу – укладывали рельсы и шпалы. Жили в сырых, холодных землянках и мечтали лишь о том, чтобы выспаться и высушить одежду. Но все осознавали ту ответственность, которая легла на наши плечи.

Так как мне уже было 14 лет, я считалась большой. Во время войны, таких, как я, забирали на работу на уральские военные заводы. Наша родственница из сельского совета сообщила вечером маме, что утром придут за мной для отправки на Урал. Мать боялась меня туда отпускать и рано, часа в 4 утра, проводила меня на побережье Каспийского моря, в рыбацкий поселок к родственникам. Когда в 6 утра пришли за мной, то меня дома уже не было. Я проработала на море несколько месяцев подсобной рабочей в рыболовецкой бригаде, а потом вернулась в станицу, к маме и младшим сестрам. Жилось им совсем плохо, закончились продукты, они голодали, в доме практически ничего не осталось, они начали пухнуть от голода, мама почти не вставала. Это ужасная картина: видеть, как умирает твоя мать. В колхоз идти работать было бесполезно, на трудодни ничего не давали. Я узнала, что нужны рабочие на рыбозаводе на озере Ачиколь, который находился в километрах 15 – 17 от станицы. Директором там была Балабина, строгая, но справедливая женщина, она и приняла меня на работу. Самым главным в этом было то, что нам разрешали брать домой икру, молоки, небольшую рыбку. Благодаря этому мои родные остались живыми. Мама варила уху, жарила «икряники» – оладьи из икры, которые потом очень надоели моим сестренкам, но другой еды у нас не было. На работу, я и другие подростки ходили пешком, работа была тяжелой: в сырости мы чистили, солили рыбу, которая затем направлялась на фронт. Уже после окончания войны меня за хорошую работу наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

На работе нам рассказывали о последних новостях на фронте, читали газеты. Радио тоже было в колхозной конторе. Так как я была в семье

старшей, то мне некогда было играть, да и игрушек у нас не было: у младших – щепочки, дощечки. Мечталось нам, чтобы скорее закончилась война, чтобы отдохнуть, поесть белого хлеба, выпить чай с сахаром.

Об окончании войны мы узнали, когда возвращались домой с работы с рыбозавода с другими девушками. Кто-то выбежал нам навстречу с криками «Победа, победа!». Все стали кричать, обниматься, смеяться, но вдруг одна из нас – Шура стала горько плакать и кричать, что «вот все радуются, а отец мой погиб и никогда не увидит всего этого». Тогда все стали плакать, вспоминая погибших. Так что радость от победы смешалась с горечью потерь.

Так как мой отец был в плену, после окончания войны, его отправили в лагерь уже в СССР, в Сибирь. Он пробыл там два или три года, после этого вернулся домой. Правда, в семью он уже не вернулся, так как встретил в Сибири другую женщину, с ней он и создал новую семью. Он пробыл несколько дней в станице с нами, а затем уехал, стал жить в Хасавюртовском районе.

Жизнь и после войны оставалась очень тяжелой: зарплата была низкой, денег не хватало, было много займов. Средняя сестра Татьяна, прибавив себе год, записалась на учебу в ФЗУ г. Грозного, так как училище предоставляло одежду, питание, проживание. Потом она стала работать на заводе. Я продолжала трудиться на рыбозаводе вплоть до 1950 г. Жизнь налаживалась, но все равно было очень трудно. Так как после школы я пошла работать, профессиональное образование не получила. В 1950 г. я вышла замуж, родились дети – сын и дочь. Работала в колхозе, затем – на Каргалинском гидроузле. С 1979 г. вышла на пенсию.

*Материал предоставлен Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОТЕЛОК

Моему дедушке Николаю Григорьевичу Радченко 1 октября исполнилось 80 лет. Детство у дедушки было трудным. Когда ему шёл седьмой год, началась Великая Отечественная война. Его отец сразу же ушёл на войну с фашистами. Родом он был из-под Киева, там и теперь живут наши родственники.

Началось трудное, голодное детство. В годы войны дедушка учился в школе. В 1944 г. семья получила похоронку. Отец дедушки погиб под селом Берёзовка близ Полтавы. Позже юные следопыты с Берёзовки отыщут захоронения павших солдат, перенесут их останки на площадь в селе, установят обелиск, а семье дедушки сообщат о месте захоронения отца и пришлют фотографию памятника, где написано его имя.

Дедушке не пришлось учиться дальше. Его мама и старшая сестра работали в колхозе. Рабочих рук не хватало. Поэтому работать пошли двенадцатилетние мальчишки. Дедушка и его друг пахали землю на быках. Работали они вдвоём: один садился на спину быка, другой держал ручки плуга. Мальчишки часто перевыполняли норму, и на их плуг прикрепляли красный флажок. Затем косили сено. Дедушка свозил сено к скирде на лошади. Косили и скирдовали (складывали) женщины. Часто работали и ночью. В одну из ночей дедушка заснул на лошади, упал, сильно ударился и заплакал, хотел уйти домой, но женщины пожалели его и попросили остаться, так как работать было некому.

Закончилась война. Не многие калиновцы вернулись домой. Дедушка по-прежнему работал на колхозных полях. Там для колхозников готовили обед. Часть своей порции дедушка оставлял в котелке. А вечером относил еду младшей сестре и брату, которые с нетерпением ждали его.

Подросткового мальчика послали работать чабаном, пасти колхозную отару. Вскоре он ушёл в армию, а отслужив, вернулся в Калиновку, окончил курсы трактористов и шоферов. Долго работал на молоководе. Много тонн молока перевёз он с колхозной фермы на маслозавод в Тарумовке. Дедушка трудился более 50 лет. Он ветеран труда. Теперь мой дедушка на пенсии, но продолжает трудиться дома.

Когда я подрасту, стану служить в спецназе, чтобы бороться с нацистами на родине прапрадедушки.

Дмитрий Радченко, 6 кл., Калиновская СОШ, Тарумовский район.

Опубликовано: газета «Орленок-Дагестан». 2015. Вып. 2.

Отец вернулся почти через пять лет после Победы

Орехова (Развина) Тамара Николаевна
родилась в 1939 г. в г. Махачкала

Когда началась война, мне было два года, старшему брату – 14 лет, среднему брату – 11 лет. Отец в 1941 г. был призван на фронт и мы остались с мамой. Она купила небольшую квартирку на углу улиц Первомайской № 16 и М. Горького. В домике полы были глиняные, мама их очень часто подмазывала. В потолок был вбит крюк, на который вешали керосиновую лампу, а вот за керосином приходилось стоять в очереди 3 – 4 часа. В одном дворе жило 20 человек. Хозяйство велось на 5 семей. Так как жили мы очень бедно,

мама купила поросенка, и кормили мы его всем двором. А к новому году его резали, делили на всех сало, мясо, а еще мама делала колбасу. Для поросенка, мы дети двора, рвали лебеду и другую траву. Ходили на рынок, который находился на площади им. Сталина (ныне – Ленина), собирали на рынке гниловатый картофель, порченные яблоки и др., обрезали их – хорошую часть ели сами, а ту, что похуже, несли поросенку. Огорода у нас, к сожалению, не было, поэтому с питанием было плохо.

Мама наша работала нянечкой в Центральной больнице, иногда она нам говорила, чтобы мы пришли после полдника за кефиром. Нет, не подумайте, что она наливала нам кефир, ворую его у больных. Она рукой обтирала ведро, из которого наливали кефир, и вот эти остатки она собирала в кружки и давала нам. А мы и этому были рады. Помню, с подружкой гуляли по улице и договаривались, кто найдет огрызок и еще, что съестное – делить честно пополам. Другая подруга собирала рыбки головы, которые выбрасывали с рыбозавода и их постоянно грызла. Ближе к концу войны моих старших братьев взяли учениками на завод «Металлист», расположенный на углу улиц Дахадаева и Первомайской, и нам стало жить полегче.

Дом отапливали печью, а так как топлива было мало, то мама подрядилась убирать за коровой у одних соседей, за это вместо платы ей разрешали за-

бирать навоз. Мы, дети, собирали на рынке солому, а на Бондарном заводе – стружки, опилки. Затем все это месили и лепили лепешки – «кизяки», сушили на крыше сарая, складывали в сарай, а зимой они горели, как уголь.

Стирать и купаться в теплое время мы ходили к водяной скважине, которая находилась в конце улицы Дахадаева. Рядом качали нефть, недалеко от нефтекачки и находилась эта скважина с горячей водой. Там стирали, сушили на кустиках вещи, а летом купались, одевали чуть подсохшие вещи и шли домой. Одежды у нас было мало, вечно ходили в обносках, кто что отдаст, то и носили.

В годы войны, да и после мы играли в игры во дворе: клёк, жмурки, садовник. Летом купались прямо в лужах на улице. Зимой на улице катались, играли в снежки. Изрубили и на дрова. Но Новый год встречали всегда. Как могли, украшали простые ветки или еловые. Для этого собирали обертки от конфет, клали в них песок или глину, заворачивали и вешали за ниточки на ёлку. Если были орехи, то их тоже заворачивали в блестящую бумагу и вешали. В деревне считали, что так отгонят злых духов. И не пошудились (смеется).

Так как наш отец был неграмотным, то писем он нам не писал. Он прошел всю войну до Берлина, и там его сильно контузило, ранило в спину и голову, была повреждена правая нога, он потерял память, попал в госпиталь. А нам прислали после войны бумаги о том, что он пропал без вести. Я помню, как все мы плакали, горевали, что остались сиротами. Однако спустя почти пять лет после окончания войны, 30 декабря 1949 г., к нам домой пришли два милиционера и привели мужчину в немецких больших сапогах и какой-то страшной шапке с нашивкой в руках. Спрашивают, живет ли наша семья здесь. Увидев отца, мама потеряла сознание. Потом она расписалась в каких-то бумагах, и сопровождающие ушли. Мама мне говорит: «Тамара, это твой папа». А я отвечаю: «Наш папа пропал без вести». Ведь мне было уже 10 лет, и отца я не помнила. Оказалось, что все это время он находился на лечении в госпитале в Берлине, но был без документов, и смог вернуться к нам только тогда, когда стал вспоминать, кто он и откуда. В качестве гостинца он в металлической коробочке привез мне немного леденцов и несколько сухарей из черного хлеба. Когда он потихоньку пришел в себя, то устроился рабочим в магазин «Горпищеторга», а потом стал рабочим сельскохозяйственного гаража на углу улиц Ирчи Казака и Дахадаева. В то время пенсии инвалидам войны не платили.

Хочу рассказать и о своей тете (маминой сестре). Она 60 лет прожила в Ленинграде. Пережила все: голод и блокаду. Когда тетиного мужа призвали на фронт, у них был маленький ребенок. Жизнь в блокаду была такая

страшная, что малышка умерла от голода и холода. Когда люди вошли в квартиру, тетя сидела на полу опухшая от голода, а на руках у нее была уже мертвая годовалая дочка. Тетю спасли, а девочку похоронили, а где, она так и не узнала. Тетя прожила долгую жизнь, мы много раз ездили к ней и вместе ходили на Пискаревское кладбище, чтить память умерших в блокаде ленинградцев. Тети, которую мы очень любили, уже нет, но память о ней с нами.

В школу № 13 я пошла в 1947 г., когда мне исполнилось 8 лет. Портфеля у меня не было, мама сшила сумку, к ней пришила карманы для «Азбуки». Писали чернилами, зимой, пока доходили до школы, а на дорогу уходило 20 – 30 минут, чернила замерзали. В конце недели у нас проводили «линейки», на которых говорили о школьных новостях и об успеваемости.

В школе я занималась гимнастикой и фехтованием, но выезжать на соревнования у нас не получалось, так как не было средств. Хоть в школе была библиотека, книг на всех не хватало, и мы ходили в читальный зал библиотеки имени Пушкина на улице Ленина.

Учителей я помню хорошо. По русскому языку была Любовь Денисовна, по математике – Солдатова, которую все боялись, по ботанике – Васи-

Угол ул. Первомайской и Горького г. Махачкала. 1950 г, Наша воняйка в которой купались

лий Иванович, которого все любили за то, что он не ставил двойки, по географии – Богдасарова Галина Ивановна (самая любимая моя учительница). В своем классе я всегда была старостой и сидела за первой партой. В школе работало радио, по которому сообщали некоторые новости, в том числе и о тех, кто нарушал дисциплину.

Помню, когда в 1953 г. умер И.В. Сталин, то в школе отменили занятия. Многие учащиеся сильно плакали, даже кареты «Скорой помощи» забрали нескольких школьников, упавших в обморок.

Я помню, как мы все ходили на похороны Героя Советского Союза, летчика Валентина Эмирова. В. Эмиров был для меня героем, который сражался за наше детство, за нашу жизнь. Собралось много людей, и на кладбище я провалилась в могилу – сильно испугалась.

Развина Тамара с подругой Раей. 1950 г.

Маленькие жители Махачкалы. 1950 г.

Родителям мы помогали постоянно. Когда повзрослели мои братья, они окончили курсы шоферов. Летом привозили глину, мы заливали ее водой, месили ногами, добавляли солому и делали саманные кирпичи. Деревянный станок для кирпичей сделал нам отец. Когда они высыхали, мама продавала их по 10 копеек за штуку. На эти деньги она покупала нам мороженое. И все были довольны.

Заведующим отделением Центральной больницы, где работала моя мама, был профессор Подварко¹. Он, видя наше бедственное положение, предложил маме, чтобы я после школы приходила к ним домой нянчить его внучку (мне тогда было 10 лет). За это меня кормили и покупали кое-что из вещей. Я была этому очень рада.

После 7 класса, я не продолжила учебу, хотя и училась хорошо. Так как жили мы очень скромно, одна из соседок попросила свою подругу, которая заведовала ателье, взять меня ученицей, чтобы я смогла получать хоть небольшую, но зарплату.

*Орехов Константин
Петрович*

Жизнь после войны налаживалась очень медленно, но люди верили в чудо. В 1957 г. я вышла замуж, с мужем прожили вместе 51 год. Я потеряла трех сыновей, в живых осталась одна дочь. У меня трое внуков, три внучки, два правнука и правнучка. Сейчас я на пенсии, помогаю воспитывать детей.

Орехов Юрий Константинович, мой муж, тоже «ребёнок» войны, он родился в 1929 г. в станице Крымская (ныне город Крымск Краснодарского края). Жил там с мамой Валентиной и папой Константином. В 1941 г. Константин Петрович и его брат Владимир были призваны на фронт, оба пропали без вести. Семья, состоящая из мамы и троих детей, осталась в станице. Там находился военный завод, и мальчишки, несмотря на возраст – 14, 13, 12 лет, работали там. Без сил валились в углу цеха от усталости.

За эту станицу шли жаркие бои, советские войска бились до последнего, не хотели сдавать стратегически важный пункт, но устоять не смогли. Муж рассказывал о лужах крови в станице – такие бои шли, такие потери

¹ Подварко Алексей Григорьевич – профессор Дагестанского медицинского института, главный инфекционист, эпидемиолог ЭГ (эвакогоспитали) Дагестана, в годы Великой Отечественной войны участвовал в работе института консультантов и госпитального совета при Наркомздраве ДАССР. (электронный ресурс: <http://www.dgma.ru/academy/history/> . Дата обращения 5 февраля 2015).

Фашистов прогнали

были. Немцы все же заняли станицу, согнали местное население, проверяли их, на его глазах немцы расстреляли двух мальчишек, которые, чего-то испугались, видимо, крика немцев, и дернулись в сторону. Мама же с младшими детьми выжила, и вот, когда станицу освободили от немцев², она с детьми и оставшимся скарбом шла к своему дому, вернее к тому, что от него осталось, их, скорее всего, сфотографировал военный корреспондент. На фото, младший брат Жора идет первым, мой Юра идет босиком – вторым, позади – их мама. В Махачкалу они переехали в 1948 г.

Мы об этом и не знали, и вот, как-то, уже через много лет после войны, я с детьми и рабочим коллективом выехала в туристическую поездку в Кабардино-Балкарию. Заехали мы на Аллею Славы, и вот там моя дочка увидела огромную фотографию и кричит: «Бабушка, бабушка!». Действительно, она! Потом это фото печатали и в журнале, нам даже прислали этот журнал. Опубликовали эту фотографию и в книге маршала Советского Союза А.А. Гречко, в которой он писал о боях под Крымской. Вот такая история.

*Материал предоставлен Лысенко Ю.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

² Бои за станицу длились с 29 апреля по 4 мая 1943г. 4 мая в результате тяжелейших боев станица Крымская была освобождена. Большинство зданий разрушены и разграблены, но были дома, где сохранились люди. Они были очень рады приходу Красной Армии.

До того, как пришла беда...

Расулов Муса Гаджимагомедович,
родился в 1932 г. в с. Мехельта Гумбетовского района
Дагестанской АССР

История села Мехельта, в котором я родился и вырос, учился говорить и получил знания в школе, насчитывает более 1500 лет. Официально Гумбетовский район, райцентром которого и является Мехельта, был образован в 1929 г. Район расположен северо-западе Дагестана на высоте 1500 м над уровнем моря. Это район сельскохозяйственного направления, население которого издавна занималось животноводством, полеводством и садоводством.

До войны в районе Мехельта было 4 – 5 зданий городского типа, где размещались государственные учреждения, в то время как сегодня число таких строений приближается к нулю, и большинство их было построено после землетрясения 1976 г.

Мое село Мехельта считается одним из крупных сел Дагестана, раньше здесь насчитывалось более тысячи хозяйств. В селе до войны был большой базар, как сейчас в г. Хасавюрте. Сюда приезжали торговцы и покупатели из Анди, Гагатли, Риквали, сел Хунзахского, Унцукульского районов и Чечни. Привозили для продажи продукты питания, одежду, обувь, коров, овец, коз. Широк был развита торговля.

Побывавший в 1830 г. на Кавказе российский военачальник генерал-лейтенант барон Розен писал царю, что мехельтинцы – мужественные, доброжелательные, заботливые, трудолюбивые, очень веселые, честные люди.

У мехельтинцев самое большое количество земли в районе (так было до войны, так есть и сейчас), обильная растительность в горах, удобные для косябы пастбища. Наши предки говорили, что на мехельтинских горах паслось более 100 тыс. овец, 5 – 6 тыс. голов крупного рогатого скота, принадлежащих не только сельчанам, но и жителям окрестных сел.

До войны наша семья считалась большой, многодетной. Отец – Расул Гаджимагомедов, 1900 г. р., малограмотный, работал аробщиком в райПО, затем начальником охраны в госбанке в Мехельта. Мать – Курбанова Бика, 1910 г. р. – дочь Курбана Чаландарова, долгожителя села (прожил 112 лет). Дедушка Курбан в своей жизни не знал что такое лекарства, никогда не болел; никогда не употреблял овощи, фрукты, их просто в селе не выращивали, он их не видел, не пробовал. Основная его еда – мясо, хинкал, творог, сметана, сыворотка, курдюк, молоко. Жил все время на хуторе, ухаживал за своим скотом. До конца своих дней сохранил ясность ума, хорошо видел, слышал.

У моих родителей до начала войны было пятеро детей – 4 сына и дочь. После войны родились еще 3 девочки, одна из них после умерла. Нас осталось семеро: 4 сына и 3 дочки. Я, Расулов Муса Гаджимагомедович, самый старший, 1932 г. р.

До войны мама нигде не работала. А когда началась война, она поступила на работу уборщицей в школу – ради талонов на хлеб. Там мама проработала до конца войны.

Ей приходилось очень трудно – воспитывать 5 детей, кормить их, одевать, ухаживать за домашним скотом. Да еще работа в школе, скажу вам, нелегкая работа. Она должна была с утра наколоть дрова, развести огонь в печах в классах, в учительской, подсобных помещениях, прибрать в 4 – 5 классах: подмести, вытереть пыль с парт, почистить классные доски. И до конца всех уроков она дежурила по школе, давала звонки на перемену и на урок.

Я, ученик начальных классов, каждое утро, вместе с мамой ходил ей помогать. Вставали затемно. Я мечтал о том времени, когда можно было бы вдоволь поспать, поваляться в постели.

Я помогал маме протирать пыль с парт, заносить колотые дрова в помещения со двора школы, иногда подметал, особенно под партами, делал все что мог, лишь бы помочь маме, облегчить ее труд.

Быть может, тяжелая жизнь во время войны способствовала тому, что она скоропостижно скончалась в возрасте 49 лет, оставив семерых детей. Это было очень трудное время...

*Материал предоставлен Абдулаевой М.,
Дагестанский институт повышения квалификации педагогических кадров.*

Мы были желанными гостями в госпиталях

Расулова Аминат Камильевна¹,
родилась в 1938 г. в г. Махачкала

На начало войны мне было всего 3,5 года. Семья наша состояла из бабушки, родителей, и нас, детей: меня, сестры и брата, еще одна сестренка умерла в годовалом возрасте. На фронте воевал мой дядя Шамсутдин, родной брат мамы. Он был ранен, вернулся с войны, весь в орденах. Дядя рассказывал нам о своих фронтовых дорогах, о том, через какие кровопролитные бои порой приходилось идти к Победе. Но, помню, как ему порой было тяжело вспоминать об этом.

Начало войны я, конечно, не помню, но запомнила, как бомбили город. Мы жили около моря, в районе нынешней филармонии. Там часто были слышны звуки от разрывов бомб, которые сбрасывали пролетающие мимо самолеты фашистов.

В годы войны питались мы очень скромно, ели макуху², это что-то вроде сухарей, жареную и вареную картошку.

Взрослые работали на заводах, фабриках, женщины постарше – зачистую уборщицами. В те годы никто не ленился.

Во время войны мы, девочки, играли в «прятки» – одна из нас, которая «водила», подойдя к стене, закрывала глаза, а остальные в это время прятались в сарае и под лестницами. Потом та девочка, которая «водит», должна была нас отыскать. Если она зазеваается, то мы могли «застучаться» у стены. Если «ведущая» никого не находила, то ей приходилось начинать все сначала. А если удача была на ее стороне, то ее сменяла другая девочка. Игрушек тогда было очень мало, в основном, куклы, сделанные своими руками или руками старших из каких-то тряпок. Мечтали мы о том, чтобы война закончилась поскорее.

Для меня героем был мой родной дядя, прошедший войну. И для всех нас героями были участники Великой Отечественной войны.

Помню то, ни с чем несравнимое ощущение радости, от известия, что войне пришел конец.

Мне хотелось бы особо отметить, что в военные и послевоенные годы люди жили как одна семья, делились, чем могли, поддерживали друг друга, никто никогда не спрашивал, кто какой национальности.

¹ Ныне – преподаватель факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета.

² Макуха – жмых семян масличных растений (подсолнечника, конопли, мака и др.).

В 1945 г. я пошла в 1-й класс школы № 13 г. Махачкала. Школа работала, занятия шли регулярно, работала и школьная библиотека. Занятия проводились грамотными, ответственными преподавателями. Запомнилось мне, как мы, будучи школьниками, ходили в госпиталь, который располагался в здании гостиницы «Дагестан». Там мы читали стихи, танцевали, разыгрывали сценки. Раненные солдаты хлопали нам и радовались, когда мы их навещали.

В 1956 г. я закончила школу. Поступила на факультет иностранных языков Дагестанского госуниверситета. Это послевоенное время тоже было нелегким, но и оно запомнилось мне как время сплоченности, сочувствия друг к другу, всеобщей поддержки. Все были уверены, самое страшное – война – позади. А впереди нас ждала мирная, светлая, спокойная жизнь. Незабываемыми для меня остались мои студенческие годы. Каждую субботу у нас в университете проводили вечера отдыха. Помню, как на третьем курсе мы взяли шефство над парнем-сиротой Иса-Гаджи, у которого были больные легкие. Мы посещали его, заботились о нем, даже обратились к министру здравоохранения, чтобы его направили в Москву на операцию. К сожалению, помочь ему не успели.

*Здание гостиницы Дагестан, где в годы войны располагался госпиталь. г. Махачкала.
Фото Лысенко Ю.М.*

В уже мирной жизни для меня самым настоящим героем был наш преподаватель, декан, заведующий кафедрой факультета иностранных языков – Гунаев Закариджа Султанович. Каждый год, 9 мая, я организовывала студентов, и мы навещали Закриджу Султановича. Он прошел всю войну, служил в разведке. Всегда подтянутый, очень выдержанный, скромный, этот замечательный педагог был примером не только для нас, преподавателей, но и для студентов. Сегодня его нет с нами, но мы навсегда сохраним в своих сердцах память о нем и обо всех тех, кто в те страшные военные годы все сделали для того, чтобы мы жили в мире.

*Материал предоставлен Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Молодая вдова

Расулова Халимат,
родилась в 1923 г. в с. Гергебиль Гүнибского района
Дагестанской АССР

Я была совсем молодая, когда вышла замуж. После начала войны муж ушёл на фронт, оставив меня с трехмесячным сыном. У него совсем не было времени на сборы. Он пас лошадей, когда узнал, что должен явиться в районный военкомат. Муж забежал домой, чтобы проститься со мной. Больше я его не видела. На войну ушли также племянник и двоюродный брат. Мы получали от них письма.

Время было суровое, а дисциплина очень жёсткая. Не разрешалось включать свет. Кто нарушал запрет и включал освещение, того штрафовали. Со временем становилось все тяжелее и тяжелее. Буквально всё было в дефиците. Еды было мало, ели отруби, толокно, суп из крапивы. Правда, у меня была корова. И это было просто спасением для меня и моего маленького сынишки. Собирали щепки и ими топили печь. Родители болели, и работа в колхозе была на мне. Все взрослое население тогда работало в колхозе. Мы выращивали фрукты и сдавали их на консервный завод.

В годы войны в селе не было ни радио, ни газет. Под медпункт была отведена всего лишь одна комната, возможности оказать мало-мальски полноценную медицинскую помощь не было. Многие больные, не дождавшись такой помощи, умирали. Я мечтала об окончании войны, о скорейшем возвращении мужа.

Наша семья помогала фронту, как могла. Помню, как мы сдали в фонд обороны 50 кг мяса, 50 яиц, две штуки кожи крупного рогатого скота. Кроме того, каждый месяц с нас взимали по 20 – 30 рублей.

В 1942 г. умер отец, и в ночь, когда проводили поминальный обряд, пришла другая горестная весть – о смерти моего мужа. Никто из моих родных так и не вернулся с войны.

Я узнала об окончании войны вечером, когда сельчане собрались на показ фильма. Все плакали.

В мирное время я шесть лет являлась депутатом сельсовета, два года членом районного комитета партии, двадцать лет проработала звеньевой в колхозе. У меня единственный сын, четверо внуков. Сейчас я на пенсии.

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Перевод с аварского – Амирханова М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Пшеничная мука была редкостью в доме

Рашидов Ахмед Магомедович, родился в 1942 г.
в селении Ансалта¹ Ботлихского района Дагестанской АССР

Наша семья состояла из пяти человек: отец – Магомаев Абдурашид, служащий НКВД Ботлихского района, мать – Исаханова Зубайдат, 1911 г.р., колхозница колхоза им. Кирова, брат Магомед, сестра Халимат и я. Из моих родственников на фронт ушел добровольцем мой дядя, брат матери, Исаханов Омардибир Юсупович, 1921 г.р., который в феврале 1944 г. пропал без вести.

Помню, что жизнь в годы войны и послевоенный период была тяжелая, еды не хватало. Из-за бедности и скудности пищи голодали и часто болели. Из кукурузной муки выпекали лепешки или варили хинкал, которые ели с соленым сыром, запивая сывороткой или компотом из сушеной кураги или груш. Моя мать заваривала чай из листьев айвового дерева, которое

¹ Ансалта – село, расположенное в северо-западной части Дагестан, в 180 км от г. Махачкалы и в 9 км от районного центра Ботлих, на высоте 1173 м над уровнем моря. С запада село граничит с Чеченской республикой. Образовано с. Ансалта декретом ВЦИК от 20 января 1921 г. как населенный пункт в составе Технуальского участка Андийского округа. В 1936 г. в селении был образован колхоз им Кирова. В 1941 г. в селе проживало более трех тысяч человек. Из с. Ансалта на фронт ушли 145 человек, 83 из них не вернулись с полей сражения.

росло в огороде соседа. Пшеничная мука была редкостью в доме, а мяса мы практически не видели и, соответственно, не ели.

Нашу семью спасало то, что отец служил в органах НКВД и получал небольшой продуктовый паек¹, а мать держала корову, которую вырастила из теленка, подаренного бабушкой. Был у нас и ишак, на нем возили дрова из леса, сено, навоз на земельный участок, кукурузу с участка. Чтобы их содержать моей матери приходилось заниматься тяжелым, изнурительным трудом. На зиму она заготавливала корм, дрова и кизяки для топки, все это грузила на ишака, а сама шла рядом и несла на спине большую связку дров или копну сена.

В углу самой большой комнаты, в которой и готовили, и ели, и спали, располагался очаг, топившийся дровами и кизяком на время приготовления пищи. Потом (уже после войны) появилась печка из тонкого металла с чугунной плитой. Спали мы на топчане с матрасами, заполненными сеном, соломой или листьями из кукурузных початков. Помню, что у нас не было даже зеркала.

Электричества у нас тогда тоже не было. Для освещения помещения пользовались маленьким гончарным сосудом, заполненным растопленным животным жиром. Туда же вставляли скрученный из мягкой ткани фитиль, предварительно пропитанный жиром, и зажигали. Позже появилась керосиновая лампа. Раз в месяц в село привозили керосин на арбе в бочках, который продавался населению. На площади стояла длинная очередь женщин и детей с разнообразными емкостями для керосина. Керосин использовали для приготовления пищи на керосинках и освещения помещения. Электричество в селе появилось в конце пятидесятых годов. Тогда на речке Ансалтинка была построена маленькая электростанция, которая вырабатывала электричество для жилых домов. Тогда же в домах сельчан появились лампочки, получившие название «Абдулгъанил чирахъ», по имени обслуживавшего эту станцию сельчанина.

Редко у кого тогда было нательное белье, кафтан или пальто. Верхняя одежда шилась в основном из крашеной бязи, зимой же все ходили в ватных фуфайках², сшитых местными портнихами. Местные рукодельницы обувь шили из голенищ кирзовых сапог с подошвами из толстой резины. Чтобы купить одежду и учебники мне приходилось рыть ямы для фундамента под строительство домов в местности «Талъарагал».

¹ Пак – это набор продуктов, который предназначен для питания военнослужащих, а также гражданских людей в условиях, когда нет никакой возможности самостоятельно готовить горячую пищу. Как правило, такой рацион рассчитан на одного человека.

² Фуфайка – стёганая ватная куртка.

В годы войны жители села активно участвовали в сборе денежных средств для фронта: производства танков, авиационной техники, продуктов питания для фронтовиков. Бурзиев Нурмагомед во время войны изыскал возможность выделить 8 тысяч рублей от коллектива, которым руководил, и одну тысячу рублей от себя лично в фонд помощи фронтовикам, за что получил благодарность от обкома ВКП (б) и Совнаркома ДАССР. В фонд обороны женщины и дети собирали теплые вещи, вязали из шерсти свитера, телогрейки, носки, перчатки. Стариков, женщин и подростков привлекали к непосильному труду в колхозе, на работы по рытью окопов, сооружению оборонительных рубежей. Ежегодно сельчане выполняли планы поставки сельхозпродукции государству, приближая победу своим неустанным трудом.

В целях привлечения в колхозное производство как можно большего количества людей использовались и принудительные меры.

Так, 13 апреля 1942 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», в соответствии с которым каждый член сельхозартели должен был выработать в год не менее 100 трудодней. Для подростков от 12 до 16 лет устанавливался обязательный минимум – не менее 50 трудодней. За невыработку минимума трудодней по неуважительным причинам трудоспособные колхозники привлекались к суду и наказывались исправительными трудовыми работами в колхозе на срок до шести месяцев с удержанием из зарплаты до 15% в пользу колхоза. В послевоенный восстановительный период учащаяся молодежь вместе со старшими также выполняли непосильную для их возраста работу, помогая дедам, матерям, сестрам.

Вместе с матерями «дети войны» испытали на себе лишения и тяготы военного времени и послевоенного восстановительного периода: голод, холод, нищету, разруху, потерю родных и близких людей. В годы войны резко возросло количество детей-сирот в селении, возникла необходимость создания детского дома для них. Открытие детского дома в селе было спасением для этой категории детей в то время. Проживали в нем не только дети из Ансалты, но и из близлежащих населенных пунктов.

С 1937 по 1953 г. в селе функционировала семилетняя школа, построенная в 1937 г. под руководством его первого директора Алидибирова Башира. В 1950 г. я пошел в подготовительный класс школы. В школе были созданы пионерская и комсомольская организации. Питание в школе в то время не было организовано. В годы войны и в первые послевоенные годы учителями в школе работали братья Шахбановы Пахрудин и Тагир,

Исмаилов Исмаил, Аминов Магомедхабиб и Сайпудинов Долгат из Ансалты, Раджабдибиров Магомед из Ботлиха, Гитинов Магомед, Дибиров Асадула, Мутайламов Абдулхаким из Хелетури, Шамсудинов Магомед, Ибрагимов Ибрагимгаджи, Шуайпов Ахмеднаби из Шодрода. Они учили нас азбуке, читать и писать, давали уроки по родному языку, арифметике, истории, географии.

С благодарностью мы вспоминаем русских учителей, которые в тяжелые пятидесятые годы приехали учить нас русскому языку: Галину Алексеевну Богомолу (русский язык и литература), Валентину Ивановну Смирнову (биология и химия) и других. Они были для нас примером для подражания, принесли в отдаленное, далекое от цивилизации село русский язык и богатую русскую культуру, искренне любили и жалели нас, главное, без устали учили и воспитывали нас. Особую благодарность и уважение заслужила Валентина Ивановна Смирнова, благородный, полный душевной доброты человек. Она на свои средства заказывала справочники для поступающих в высшие учебные заведения и, не жалея своего свободного времени, проводила с нами дополнительные занятия по подготовке к поступлению в институты, давала ценные и мудрые жизненные советы.

Медпункта в нашем селе не было, он размещался в райцентре с. Ботлих, куда приходилось больным идти пешком, преодолевая расстояние в 9 км. Детских игрушек тогда не было. Мальчишки из глины лепили разные фигурки животных, машины, ими и играли. Из коллективных игр популярными были игры с мячом. Существовала еще игра, называемая «Жежо ч1вай». Берется деревянный брусок длиной в 15 – 20 см, заточенный с обоих концов как карандаш, и палка длиной в 60 – 70 см. Брусок кладется на землю, а палкой бьют по одному из заточенных концов бруска, от чего он подпрыгивает. Уловив момент, когда брусок крутится в воздухе, бьют по нему палкой с размаху, чтобы тот улетел как можно дальше. Существовали и другие игры. Эти игры сейчас позабыты.

В те годы дети, да и не только дети, мечтали о сытной еде и нормальной одежде. Героями для нас были сельчане, вернувшиеся с войны с орденами и медалями на груди. Их уважали, старались подражать, избирали или назначали на руководящие должности в сельском Совете, колхозе, партийной организации, школе.

Моя судьба сложилась следующим образом: в 1961 г. я окончил среднюю школу в родном селе и был призван на военную службу в ряды Советской армии в группе советских войск в Германской Демократической Республике, где прослужил более трех лет. После демобилизации в ноябре 1964 г.

*Архитский детский дом Хивского района.
Летняя столовая. Фотоальбом № 36. Л. 1.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Андалальский детский дом. спальня для девочек. 1950 г. Фотоальбом № 35. Л. 15.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Андалальский детский дом.
Вещевой склад 1950 г.
Фотоальбом № 35. Л. 18.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Игра в городки.
Избербаишский школьный
детский дом № 6. 1947 г.
Фотоальбом № 44. Л. 23.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

*Андалальский детский дом. Коридор. 1950 г. Фотоальбом
№ 35. _ Л. 16. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

поступил на работу инспектором отдела соцобеспечения Ботлихского района. Одновременно, без отрыва от работы, учился в Армавирском юридическом техникуме, который окончил в 1969 г. В 1970 г. был награжден медалью «За доблестный труд». С 1975 по 1999 гг. работал в ведомстве социального обеспечения республики, имею звание «Заслуженный работник социального обеспечения РСФСР». В 1999 г. вышел на пенсию по инвалидности. В 2004 г. был приглашен на работу в исполком Махачкалинского местного отделения партии «Единая Россия». Женат, из 6 наших детей остались две дочери, радуют нас и два внука. Написал книгу о родном селе «Ансалта: прошлое и настоящее».

Покидая родные места...

Саадулаев Б.,
родился в 1935 г. в с. Кульзеб Чародинского района
Дагестанской АССР

В марте 1944 г. наши села Кульзеб и Шугнубо Чародинского района постигло несчастье. В числе других сел района жители наших сел были переселены в Грозненскую область (то это Чечено-Ингушская АССР). Веками мы мирно жили с соседями, имели с ними родственные, гостевые и экономические связи. Наряду с селами Мухутль, Магар, Ценеб, Хурух, Уни, Мугурухъ, Кчраб, Багитубе наши села образовали укратльское общество.

Трудный вопрос: почему несчастье с высылкой ранней холодной весной 1944 г. в Чечню выпало на долю жителей наших сел? До конца Великой Отечественной войны оставался еще год и четыре месяца. Бои продолжались, наши войска шли вперед, на запад, и восставшие ничего не знали о переселении родственников и односельчан из родных мест.

В конце февраля до Чародинского района дошли слухи, что чеченцы, ингуши и некоторые другие народы Северного Кавказа депортированы в Среднюю Азию. Мы не владели никакой конкретной информацией, за исключением кратких газетных сообщений. После выселения жителей республики ЧИАССР в далекую Среднюю Азию и Сибирь, большинство сел обезлюдели, и было принято решение переселить в опустевшие населенные пункты горцев Дагестана¹.

¹ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» в состав Дагестанской АССР были включены следу-

Почему именно наши села попали в разряд «высокогорных и малоземельных», а люди – «бедных», мне до сих пор непонятно. Села Кульзеб и Щугинуб, расположенные в 2 – 3-х км от районного центра Цуриб, на левой стороне от речки Кара-Койсу, объединились в колхоз им. К. Маркса еще в 1936 г. После образования колхоза, вплоть до описываемых событий, оба села имели 570 га пахотной земли и 780 га пастбищ. В Кизляре и Бабаюрте находились кутаны для мелкого и крупного рогатого скота, а в селе – молочные фермы. Села были обеспечены водой, имели хутора. Даже в годы войны, когда более 70 мужчин воевали на фронтах Великой Отечественной, старики и женщины обрабатывали земли и выращивали зерно, картошку. До переселения колхоз имел 7000 голов мелкого, 2000 голов крупного рогатого скота. На трудодни колхозники получали пшеницу, голый ячмень, масло, сыр, мясо. У многих были добротные каменные двухэтажные дома. Наряду с мужчинами, освобожденными от военной службы по состоянию здоровья, и женщинами, в колхозе работали дети и подростки: Алиев Камалудин, Абдурахманов Гаджи, Магомедов Абдул-кудус и многие другие.

За два дня до отправки в дальний путь в Чечню в Кульзебе состоялось совместное собрание жителей обоих сел. Они обсуждали решение Обкома партии и Совета народных комиссаров Дагестанской АССР. Все выступившие на собрании говорили, что не хотят переселяться в чужую Чечню. Они сказали, что ждут конца войны и возвращения с войны своих отцов, братьев, сыновей, мужей. Говорили, что села превратятся в руины, что не хотят бросать могилы своих предков и желают быть похороненными рядом со своими отцами и дедами.

Но пришлось исполнять решение властей и жителей наших сел обязали подготовиться в путь с 8 – 10 кг провианта на человека.

В 10 часов утра все должны были собраться на площади районного центра Цуриба, включая стариков и детей, больных и немощных, и отправиться в тяжелую и опасную дорогу.

Идти предстояло пешком. Тогда в горах не было не только машин, но и дорог. Колхозные подводы находились на кутанах. Холодный весенний вечер переселенцы провели на площади райцентра Цуриб. Чиновники проверяли, уточняли списки переселенцев, выясняли, все ли на месте, не

ющие районы ЧИАССР: Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский в существовавших границах, а также Курчалоевский и Шароевский районы (за исключением северо-западной части этих районов) и восточная часть Гудермесского района. На этой территории было образовано четыре района Андалалский, Веденский, Ритлябский и Шурагатский. Была увеличена площадь Ботлихского и Цумадинского районов ДАССР. В эти районы согласно постановлениям СНК СССР от 9 и 11 марта 1944 г. СНК ДАССР обязан был до 15 апреля 1944 г. переселить 6300 хозяйств колхозников из горных малоземельных районов ДАССР.

спрятался ли кто-нибудь. Рано утром представители власти разбудили переселенцев. Некоторые жители Цуриба не спали до утра, плакали, а утром со слезами прощались с нашими людьми. От Цуриба до Буйнакскa сотни километров дороги проходили по горным дорогам, отвесным скалам, перевалам и по рекам с мостами и без них. До Буйнакскa под открытым холодным небом ночевали в трех местах: Чохской Коммуне, в горах Шиншилин, на перешейке у реки Купа.

Каждый день переселенцы проходили от силы 40 – 45 км. На пути следования многие заболели. Трое стариков умерло в дороге, их похоронили в Чохской Коммуне, с. Гергебиль, с. Аймаки. Люди были одеты в фуфайки, шубы, на ногах – чабанские чарыки, галоши. Ели холодный хлеб с сыром и толокно. Пока дошли до Буйнакскa, забыли, что такое горячая пища. Население придорожных сел провожало переселенцев слезами.

В Буйнакске нас разместили в Доме культуры и в других госучреждениях, где мы провели трое суток. Здания не были приспособлены для ночевки: везде пыль, грязь, помещения не отапливались. И здесь, в городе, люди только чай выпили. Через трое суток переселенцев повели пешком через весь город на вокзал.

На путях стоял товарный поезд темного цвета. В таких поездах сейчас осенью и весной возят скот. Вагоны были грязные. На вокзале сопровождающие объявили: «Сейчас мы сядем в вагоны и поедем до Хасавюрта. Детям надо вести себя тихо и осторожно». Многие, особенно дети, еще никогда не видели поезда и радовались тому, что доведется прокатиться. Ребята обрадовались, что увидят далекий Хасавюрт.

Примерно в 17 часов по местному времени поезд с переселенцами тронулся с вокзала г. Буйнакскa. Люди, никогда не ездившие, удивлялись, что поезда ходят по ночам. Когда город остался позади, поезд набрал скорость. Старики охали от страха, а молодые веселились.

Поезд надолго задержался на станции Шамхал, только утром приехал на Хасавюртовский вокзал. Там, в Хасавюрте, людям показали за путями, на северной стороне от железнодорожной станции, сараи для проживания. В этих сараях переселенцы провели более пяти суток. В жилище было грязно, там не только людям, но и скоту худо было бы находиться. Люди мерзли, болели. За все время несколько раз в солдатских котлах привозили жидкий суп. Рядом с сараем стояли большие корзины, где хранилась кукуруза. Дети жарили эту кукурузу и ели, отчего у них вздувались животы. На пятые сутки подали несколько подвод, запряженных быками. На подводы посадили стариков, детей и больных, а здоровые пошли пешком. Весеннюю холодную речку Аскай люди переходили вброд, причем в 6 – 7

местах. Через двое суток переселенцы, наконец, добрались до места назначения. Кульзебцев и шугинубцев посели в с. Верхний Саясан, позже переименованный в Кульзеб. В Нижнем Саясане, на берегу р. Аксай расположился районный центр Ритлябского района.

В первый же день прибытия на место скончалась женщина – Нурова Урузмуг. В первый год после переселения умерло 97 стариков, женщин, детей. Люди умирали от разных болезней – малярии, дизентерии и т.п. Из наших двух сел, насчитывающих 135 хозяйств, 47 хозяйств и даже целые тухумы прекратили свое существование. В первые годы не успевали хоронить людей, а хоронить приходилось трем мужчинам: Яхьяеву Ибрагиму, Саадуле, Алиеву Шапи.

После переселения на новое место жители сохранили свой колхоз им. К. Маркса. Впоследствии он стал одним из лучших в районе. Здесь была построена животноводческая ферма на 600 голов крупного рогатого скота, мельница, единственная в районе гидроэлектростанция, которая обеспечила энергией село и районный центр Ритляб.

Шли годы. В Чечне мы прожили 14 лет. Все эти годы здесь, в Чечне, дагестанцы проживали в Андалальском, Ритлябском, Веденском, Шурагатском районах.

В Ритлябском районе проживали горцы из разных районов Дагестана. Из Чародинского района в Ритлябском районе жили переселенцы из сел Кульзеб, Щугинуб, Гоаб, Гидиб, Моксоб, Чилдаб, Чанаб; из Хунзахского – Чандогпъ, Ках, Арадерих, Мочох; из Унцукульского – Бетли, Цатаних, Колоб; из Цунтинского – Гун, Тлядал, Белти, Рахъята. Все хорошо знали друг друга, жили в дружбе и согласии. В Ритлябском районе работала одна-единственная средняя школа в райцентре. После окончания в своих селах семилетней школы учащиеся 8 – 10 классов продолжали учебу в Ритлябской средней школе. Моими одноклассниками были поэт Гунашев Магомед (с. Цатаних), академик Камилов Ибрагимхан (с. Гуниб, с. Кутлаб), Сурхай (с. Чондотль), Абдулатипов Хайбула (с. Чондотль). В Ритлябе среднюю школу окончили и поэт Омар-Гаджи Шахтаманов (с. Моксоб), Набиев Мухамедхалик (с. Цатаних), братья Расуловы Идрис и Кебед (с. Бетли), Раджабов Магомед и Дибиров Магомед (с. Тлядала) и многие другие.

Мы были очень дружны. Я часто вспоминаю своих друзей, с которыми учился в одной школе. После окончания Ритлябской школы в 1953 г. я работал в райкоме. В 1957 г., после восстановления ЧИАССР, чеченцы вернулись на свою историческую родину, и нам предлагали жить совместно с ними. Но осенью 1957 г. жители наших сел вернулись в родной Дагестан.

Наши старики долго искали место для основания нового села и нашли его около железнодорожного разъезда Пельтиевск, на равнине Кизилюртовского района. Возвращаться в горы, в Чародинский район, в прежние села Кульзеб и Щугинуб не было смысла: дороги и мосты к селам были стерты с лица земли, дома разрушены, камни разобраны соседями. За короткое время кульзебцы отстроили новый поселок, поменяв место жительства во второй раз, познав всю горечь лишений и тягот, связанных не только с войной, но и с переселением, осуществленным не по собственной воле...

*Материал предоставлен Б. Саадулаевым, Кульзебская СОШ,
Махантовым Р.Р. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Я похожа на отца, который не вернулся с войны

**Сагидова Разият Умалатовна,
родилась в 1941 г. в с. Нижнее Лабко Левашинского района
Дагестанской АССР**

Яродилась после того, как забрали на войну моего отца. Мать получила похоронку; отец так и не узнал о моем рождении. Вот так и росла я, без отца, без братьев и сестер. Мама рассказывала, что с отцом на фронте, во время боев на Украине, встретился наш земляк по имени Магомед из с. Кавка-Махи Акушинского района. На войне он был тяжело ранен в ноги и демобилизован. Когда вернулся домой, то разыскал мою мать и поведал ей об отце.

Меня воспитала мама. Были, правда, бабушки и дедушки со стороны отца и со стороны матери. Мама и я жили с ее родителями, а к родителям отца мы ходили в гости. Помню, как увидит меня бабушка Патимат, мать отца, так сразу начинает плакать и причитать, как я похожа на своего отца, ее сына.

Ой, какое трудное это было время! Мама Саният с утра до вечера работала на колхозных полях. Пропалывала и рыхлила картошку, вручную убирала пшеницу, овес, ухаживала за колхозным скотом. Во всех основных полевых работах тогда использовали быков. Их запрягали в арбу, на арбах возили в поля навоз для удобрения почвы, на быках пахали. На личном огороде мама сажала картошку, морковь, сеяла пшеницу. Недалеко от на-

шего села были три мельницы, там мама молола овес, горох, пшеницу и рожь. Из этой получившейся массы она выпекала хлеб. Вернее, в селе были три женщины, которые пекли хлеб. Чаще всего именно к ним обращались сельчане. У бабушки была корова, поэтому делали молочный суп. Мыла у нас не было, и, когда мама стирала, добавляла в воду белую глину. Дом освещали керосиновой лампой. Керосин был в дефиците, поэтому частенько дедушка ругал за расточительность и тушил лампу.

Я не помню в ту пору молодых людей. В селе в основном были старики и дети. Дети тогда работали наравне со взрослыми. Когда женщины убрали пшеницу, то дети следом собирали колоски. Я помню своего дядю, который на арбе возил снопы, сульбу, и т.д. Ему было лет 12 – 13. Когда я немного выросла, то слышала от дедушки рассказы о дедушкиных быках.

Помню такой случай. Кажется, это был 1945-й или 1946-й год. В селе был пустой дом, без рам и дверей. Там жили беженцы, по рассказам нашей учительницы, с Украины – мужчина и женщина. Как-то бабушка налила в глиняный кувшинчик молоко и отравила меня к ним, чтобы я передала молоко. Не знаю почему, но я их боялась. Стою я напротив дома и жду. В дверном проеме показалась женщина. Я ей говорю по-даргински, что моя бабушка передала вам молоко и протягиваю кувшинчик с молоком. Она мне – по-русски: «Иди сюда». Я быстро ставлю кувшинчик на землю и отбегаю подальше. Стою, смотрю. Женщина взяла кувшинчик, зашла в дом и вернулась с пустой посудой. Протягивает мне, а я опять отбегаю... Они долго жили у нас. Люди помогали им, кто чем мог.

Или другой случай. Запомнился мне русский беженец на костылях. Оборванный, без обуви, без головного убора. Бабушка дала ему дедушкины брюки, сапожки, был тощител и вечно голодный. Дала ему обувь из гелячьей кожи (кабцла дабри). Я помню его слова: «Война нет!».

У нас в селе была начальная школа, в которой работала учительница Рабаданова из с. Мекеги. У нее у самой было семиклассное образование, и она обучала грамоте маленьких детей. Вот такое тогда было время, не хватало учителей в школах, особенно в небольших селах. Медпункта в нашем селе не было, а был он в соседнем селении Верхнее Лабко. Там работала медсестра Вера. Она жила с русскими девушками-учительницами. Когда мы продолжили обучение в семилетней школе с. Верхнее Лабко, то у нас вела занятия русская учительница Татьяна Ивановна. Как мы ее любили! До сих пор помню ее белую пуховую шапочку – такой необычный головной убор для горной местности Дагестана. Почти все учителя у нас тогда

были русские: географию преподавал Иван Осипович, математику – Нина Ивановна, историю – Наталья Петровна. Правда, как это ни удивительно, русский язык у нас вела учительница-дагестанка (лачка) Зиза Мирзаевна.

Помню, что, когда кончилась война, с фронта вернулся мой дядя (двоюродный брат моей мамы) с изувеченными руками. Мы с мамой ходили его проведать. Запомнились его рассказы об ужасах войны, и особенно врезалось в память, как в тяжелые моменты им приходилось есть мясо павших лошадей.

После окончания семи классов я поступила в Буйнакское женское педучилище (1956 г.), потом – университет. Проработала учительницей 17 лет, после этого 23 года – секретарем в администрации сельского совета. В настоящее время работаю в Карлабкинской сельской библиотеке.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Семье воина – всенародная забота

(о месячнике помощи семьям фронтовиков в Дагестане)

Февраль 1945 г.

В Дагестане с огромным подъемом прошел месячник помощи семьям фронтовиков. Вот только часть того, что сделано за время месячника:

Комсомольцы аула Леваша отремонтировали семьям фронтовиков 64 квартиры. С осени они заготовили и завезли для семей фронтовиков 582 кубометра дров. В фонд помощи семьям фронтовиков комсомольцы собрали 800 пудов зерна, 250 пудов картофеля и овощей, 30 пудов масла и брынзы.

Колхозники Докузпаринского района организовали для детей фронтовиков детдом, детясли и интернат. Для семей фронтовиков засеяно по району 35 гектаров пшеницы и ячменя.

Полностью ликвидирована бескоровность и безовечность среди семей военнослужащих с. Чох. Колхоз им. Сталина продал им по государственным ценам 155 голов скота и заготовил 180 тонн сена. Колхозник колхоза им. Кирова Хасавюртовского района И.А. Кудла внес в фонд помощи семьям фронтовиков из своих личных сбережений 15 тыс. рублей.

Отец двух фронтовиков, председатель колхоза им. Калинина Акушинского района Мурад Муртузалиев внес в фонд помощи семьям фронтовиков 10 тыс. рублей деньгами, две овцы и два пуда зерна. Председатель сельсовета аула Кака-Махи т. Магомедова Пираз за свой счет приобрела для трех детей фронтовиков одежду и обувь на зиму.

За месяц в Дагестане в фонд помощи семьям фронтовиков собрано 8 млн. рублей деньгами, 114 тыс. пудов зерна, большое количество мяса, масла, сыра и отчислено 42 тыс. трудодней.

«Дагестан своим фронтовикам», январь – февраль 1945 г. Открытое письмо № 11.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С.703 – 704

Мы не были похожи на детей...

**Саидова Аминат Давудмагомедовна,
родилась в 1935 г. в с. Бацада Гунибского района
Дагестанской АССР**

Отец мой был пастухом, а мать работала в колхозе, возглавляла звено, была передовой работницей, красавицей. В семье у нас было трое детей: я, брат семи лет и младший братишка, которому едва исполнилось 3 – 4 месяца. Я помню, как отец, уходя на войну, попрощался с нами, как он нагнулся к люльке и поцеловал спящего мальчика. На сборы председатель сельсовета Хава времени практически не дала.

То, что началась война, я толком не понимала до тех пор, пока отца не забрали на фронт. Помню, что в селе слышны были звуки канонады, взрывы, в небе летали самолеты. Сельчане говорили, что с белыми крестами – это фашистские. Все женщины проклинали, тех, кто начал войну, плакали, молились за наших отцов, братьев, сыновей. Но и тогда у меня не было полного осознания того, что война, которая идет где-то далеко, убьёт нашего отца, что он не вернётся. Действительно, из 7 пастухов, ушедших на фронт, не вернулся только наш отец. А один из сельчан вернулся так, будто он вовсе и не в армии служил, а приехал с базара из Баку. Он обеспечил весь свой род одеждой, да такой, которой мы никогда видеть не видели, и другими вещами. К нему сельчане шли как в магазин. Помню, как моя мама пошла к нему, чтобы спросить его об отце. Она хотела узнать, где они расстались и как, потому что призывались вместе. Но он так ничего толком и не ответил, мне кажется, врал, что не знает. Моя мама купила у

него кастрюлю из толстого алюминия, всю жизнь мы пользовались ею и никогда не забывали, у кого купили...

Весточку от отца мы получили одну-единственную... Письмо читали всем родом. Кто, что понял, передавали другим. Вот и всё. Потом получили похоронку.

Тогда в нашем селе, как и в ближайших селах, не было ни электричества, ни радио. Дома освещались керосиновыми лампами со стеклами, а старушки освещали комнаты самодельными «шайт-анчирахами». По улицам передвигались при свете кизяков или лучинок, которые делали из соснового дерева.

В большом дефиците тогда были соль, керосин, мыло. Чтобы их привезти в село, в город Буйнакск отправляли арбы. Почти 20 дней они бывали в дороге. Иногда их грабили в ХаркIаси, так как возчиками были женщины или старики. То, что привозили, продавали за день, распределяли по хозяйствам, кому сколько положено. А мыла вообще не было. Мы делали так. Собирали из печки золу от кизяков, клали в большое сито, трамбовали и наливали туда воду. Наутро в тазике образовывалась жидкость темного цвета. Этой жидкостью мы мыли голову, купались и стирали свои платья. Простыней не было, пользовались циновками, бурками. Но в селе тогда у нас была очень хорошая баня. В месяц раз из Гуниба приезжала медсестра Муслимат и купала нас дегтярным мылом (с утра мальчиков, после обеда девочек).

Жизнь во время войны, конечно, была тяжелой. Нам-то казалось, что она всегда такая была, потому, что мы не были похожи на детей: я была как маленькая мама. Всё, что делала мама, я тоже делала. Иногда мне слезы казались потом, а пот – слезами, особенно когда я таскала на спине целый мешок с сырой травой и шла вверх или вниз (ведь у нас – одни горы).

Многие ели крапиву. Ее косили, варили и ели. Лично я не голодала, даже не понимала, почему едят только зелень. Зато трудились мы теперь уже не только для себя, но и для папы, для фронта. У нас была корова, козы, куры, участок земли. Со всем этим должны были справляться мы: дети, я. Когда набиралось 10 яиц, я несла на склад – для фронта, для папы. Масло растапливали – масло папе, а что внизу оставалось – нам. Изжарим муки, с этим делали горо и ели. Я не помню ни одного случая, чтобы братья просили сварить им яйцо. Так свято верили, что мы это посылаем отцу. Кроме работы в личном хозяйстве, у нас были и другие (общественные) обязанности: собирали колосья, сортировали картошку (хорошую – в армию).

Мы помогали маме во всем. Мы ее жалели. Мы видели, как она рано утром, не отдохнувшая, не выспавшаяся, шла собирать звено. Шли они на работу на хутор пешком 10 – 15 км, весь световой день работали: пропалывали кукурузу, собирали урожай, молотили. А вечером с травой или хворостом на спине те же 10 – 15 км обратно, по крутым, как лестница, дорогам домой. Платье на спине мама латала по нескольку раз. От горячего пота оно гнило. Весь день она не ела (на обед лишь – горо, молоко, «тех-жар» – мука).

В нашем селе жила одна полная, рыжая женщина-украинка – Мария. Когда и как она появилась, я не помню. Сельчане говорили, что всю её семью фашисты сожгли, а она спаслась. Мария выполняла очень тяжелую работу, таскала на спине мешки с картошкой за еду и жилье. Когда и куда она потом уехала, я тоже не помню.

У нас в селе была семилетняя школа. В одном классе учились дети разного возраста. Учителя были в основном наши же выпускники седьмого класса. Позже приехали русские: Володя – физик, Тоня – географ. Мы так и обращались к ним. Мы их не понимали, они нас. Переводила одна девочка, которая училась и жила в Буйнакске. Звали ее Написат. Учебников не было вообще. Учитель откуда-то что-то читал, а потом нам переводила Написат. Тетрадей, ручек, чернил тоже не было. Писали в книжках (между строк) чернилами, которые мы делали из сажи или кукурузной чаги (черной). Писать-то что-то писали, но на следующий день страницы были черные, без букв.

Библиотека тоже была при школе. Но туда мы заходили только погреться. Пока училась, я помню одну книгу, вроде про телёнка, кажется, «Белолобий». Газет я не видела. Но почему-то мужчины (старики на годекане) рассказывали, будто бы читал кто-то о событиях в стране. Помню, говорили «Наша победа».

Многие в нашем селе были неграмотные. Я помню, как с фонарем в руках, мама шла в избу-читальню учиться грамоте. Она читала и писала, а некоторые буквы писала по-латински (Атинат).

В нашем селе был медпункт. Медсестра Тамара проверяла наши головы, руки, которые были все в ранах от тяжелой работы. До самой смерти она приезжала в наше село. Сельчане ее очень уважали, и именем Тамары были названы несколько женщин в нашем селе.

Ни в какие игры мы не играли. Если не считать того, что на уроке физкультуры бегали вокруг школы, играли в «третий – лишний».

Победе мы все были очень рады: плакали от радости, друг друга поздравляли, желали, чтобы наши мужчины вернулись. Героем для меня,

нашей семьи, конечно же, был наш отец. Ведь он за Родину отдал жизнь! А мечты были у всех одинаковые: чтобы вернулись те, кто служил, воевал.

Помню, как Тоня нас повела на природу и стала спрашивать, кем мы хотим быть. Я всегда говорила – дояркой. Хотя, кроме меня из нашего класса никто очно институт не закончил. В 1963 г. я окончила с отличием пединститут и поехала работать в школу.

Правда, не заработала я ни званий никаких, ни разряда. Добавив хочу ещё. Во-первых, кроме 7 рублей отцовской пенсии, которые мы получали до 18 лет, мы ничего от государства не видели. Во-вторых, у нас в селении во время войны были 4 дезертира. Они выкапывали картошку, собирали колосья пшеницы и не только с колхозных полей. Воровали у нас всё, что плохо лежит. И каким-то образом они стали участниками войны, кажется, даже какие-то льготы получали. Как же такое возможно!

У железной дороги...

Салихов Салих Тумалаевич,
родился в 1933 г. в поселке Шамхал

Мы жили на железнодорожном разъезде «20-я будка». В нашей семье было пятеро детей. О начале войны я узнал из разговоров родителей и других взрослых. На фронт ушли два дяди – братья матери. От них довольно часто приходили письма, но о чем они были, я не помню. Отца на фронт не брали, так как работа на железной дороге имела важное значение, почти что приравнивалась к военной службе, и железнодорожников, как правило, на фронт не отправляли.

В годы войны железнодорожникам по талонам выдавались продовольственные пайки, им полагалось по 400–700 грамм хлеба. Но еды не хватало, так как приходилось помогать родственникам, соседям. Поэтому родители, так же, как и все, сеяли милосердие, кумиром. Помню, что в те годы был специальный магазин для работников железной дороги, в котором выдавали продукты по талонам (карточкам). В 1947 г. карточная система была отменена, продукты стали продаваться свободно. Но первое время возле магазинов случались беспорядки, можно было даже без хлеба остаться – не всегда хватало всем. Тогда же, сильно пожелав отпуск, я ушел.

До войны в нашем хозяйстве имелось две лошади, которых забрали на нужды фронта в начале войны. Во время войны в домашних хозяйствах держали коров баранов, но за это надо было платить налоги.

Геодезический знак на здании вокзала

Здание железнодорожного вокзала, построенное в 1897 г.

Ни электричества, ни газа в «20-й будке» не было, дом приходилось освещать керосиновой лампой, а печь топить дровами и углем который выдавали железнодорожникам. Дети помогали взрослым, как могли: пасли скот, сеяли, собирали кукурузу. Отец работал на железной дороге, а мать занималась домашним хозяйством и детьми, которые были мал мала меньше.

Железнодорожный мост. п. Шамхал

Я учился в школе-интернате для детей железнодорожников в г. Махачкала. Это был интернат № 13. В школе нам выдавали все учебные принадлежности – ручки, книги, тетради и т.д. В интернате были пионеры, комсомольцы. Я вспоминаю свою первую учительницу, Скворцову Надежду Васильевну, и директора – Николая Ильича Чинённого, демобилизованного фронтовика, который преподавал математику. Все учителя в школе были русские. У нас в интернате работало радио, была возможность читать газеты. Я хорошо запомнил «Дагестанскую правду».

В интернате в свободное от учёбы время играли в лапту, футбол, в прятки. Игрушек у нас никаких не было. Зато я хорошо помню, как каждый год 31 декабря в интернате отмечали Новый год: ставили елку и украшали ее игрушками.

В поселке Шамхал в маленьком домике был медицинский пункт. Там работал фельдшер – один на весь поселок.

В Дагестане тогда было много эвакуированных из разных областей, оккупированных фашистами. Только в самой «20-й будке» жили 3 – 4 эвакуированные семьи.

Об окончании войны мы, дети, узнали от воспитательницы. День Победы объявили выходным, и нас отправили домой к родителям. Это был знаменательный день всеобщей радости. Я помню, как возвращались родственники с войны. Правда, вернулись не все: на полях сражений так и остался один из маминых братьев.

После войны я окончил 7 классов, поступил в Буйнакский промышленный техникум. С первого курса меня забрали в армию на 4 года. После окончания срока службы я работал в совхозе трактористом, а потом стал работать крановщиком.

*Материал предоставлен Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Читать письма было некому – всех грамотных забрали на фронт

Сефербеков Ибрагим Абдуллаевич,
родился в 1936 г. в с. Чувек Хивского района
Дагестанской АССР

Сефербеков И.

На начало войны мне было 5 лет, и я мало чего помню. Селение наше было небольшое – около 100 хозяйств. Жили небогато. Взрослые работали в колхозе им. 26 Бакинских комиссаров. С началом войны практически всех мужчин селения мобилизовали на фронт, поэтому все основные сельскохозяйственные работы выполняли женщины. Даже хоронили покойников на кладбище женщины.

Ушел добровольцем на фронт и мой отец Абдулла и его два брата – Гаджиумар и Кайитмаз.

В семье нас было пятеро – отец, мать, старшие брат с сестрой и я. Бабушек и дедушек у нас не было, к моему рождению они все умерли.

Во время войны от отца с фронта время от времени приходили письма, но прочесть их было некому – всех грамотных забрали на фронт, и поэтому приходилось ехать в районный центр Хив, чтобы там кто-нибудь из районного партийно-хозяйственного актива прочитал письмо. Они были на русском языке. Письма моего отца не сохранились. Но удивительное дело! Одно из его писем, датированное декабрем 1941 г., адресованное моей матери Ханбиче, было в 2000 г. опубликовано известным дагестанским журналистом Магомедом Бугаевым в его книжке «Фронтовые треугольники»: «Дорогая, помнишь, как мечтали мы с тобой побывать в Москве? Теперь она рядом, всего лишь в нескольких километрах, но это меня не радует сейчас, потому что рядом враг, который рвется к ней, чтобы уничтожить ее. Но этому не бывать. Мы поклялись погибнуть, но не пустить врага в Москву...».¹

¹ Бугаев М. Фронтовые треугольники. Махачкала. 2000. С. 13.

Жилось в годы войны очень тяжело. Взрослые с утра и до вечера работали в колхозе. Было голодно. Ели хлеб из кукурузы, ячменя, проса, ржаной хлеб, а также жмых подсолнуха. Большим подспорьем в еде были съедобные травы (крапива, пастушья сумка и др.), дикие груши и яблоки. Лакомством для детей было жареные зерна ячменя и проса («гъувцу к1уриц1»). Если у нас дома бывала мука, то мать готовила нам хинкал. Варила мучную («хюян аш», «хапа»), овсяную, перловую, пшеничную каши. Как вдова фронтовика наша мать по талонам получала также и буханки хлеба в районном центре. Они весили один килограмм. Правление колхоза выделило ей также дойную корову, и поэтому нам жилось сравнительно легче, чем другим семьям. Нам выделяли также обувь и одежду, дрова.

В годы войны от голода и болезней в селении умерло много людей. Все хозяйственные работы в колхозе выполняли женщины: они сеяли рожь, пшеницу, картошку. Вязали для фронтовиков шерстяные носки – джурабы.¹

Мыла в годы войны не было, поэтому вещи стирали золой. Освещались дома керосиновыми лампами.

В 1943 г. я пошел в 1-й класс Чувекской начальной школы. Школа располагалась в доме раскулаченного и сосланного в Сибирь нашего сельчанина – Мазагая Мазагаева. Помню своих первых учителей – Сейфуллу Казимагомедова и Агарагима Рамазанова. Педагогического образования у них не было: они закончили по 7 классов и им разрешили учить нас грамоте на родном языке. В 5-й класс я вместе со старшим братом Тагиром ходил в соседнее село – Кандик, где была семилетняя школа, а 8-й класс я закончил в районном центре – Хиве, который находился в 7 километрах от нашего села.

В Кандике, нас с братом, как детей погибшего фронтовика, определили в школу-интернат, где мы питались днем в обеденное время, а спать уходили к себе в родное село: ночного пребывания в интернате не предусматривалось. Интернат располагался в доме у раскулаченного жителя с. Кандик – Рамазанова Гаджикутая. Школа располагалась в отдельном строении. В

¹ Дагестанские джурабы были известны не только в Дагестане, но и на всем Кавказе, в Центральной Азии, Пакистане и даже в Европе. Умение вязать эти чудесные носки передавалось от матери к дочери. Вязали их из натуральной шерсти, делался круглый носочек и тщательно вывязывалась пятка. Иногда к ним подшивалась кожаная подошва и их носили вместо валенок. Мужские носки выполнялись в одном цвете, либо украшались простым узором. Узор преследовал не столько декоративные цели, сколько обережные. Джурабы носились дольше обычных вязаных носков, меньше протирались и обладали выраженным согревающим эффектом. Так вот, такие джурабы отправлялись на фронт и становились «теплым» подарком для воинов Красной Армии. В обращении колхозников сельхозартели им. Сталина с. Чох Гунибского района от 13 сентября 1941 г. говорилось: «...Женщины-горянки! Домашние хозяйки, работницы! Шейте башлыки, вяжите джурабы, перчатки, свитера, носки. Пусть вещи, к которым прикасались ваши пальцы, согреют бойцов. Пусть наши доблестные бойцы, одетые нашими заботливыми руками, согретье великой любовью народа, в прах разобьют поганые фашистские орды!...» (Новое дело. 2012. 12 мая. № 18 (1057)).

начальной школе все занятия велись на родном языке, а в Кандике и Хиве – на русском языке. Учебников не было. Писали на чем придется (на полях старых газет и хозяйственных книг) карандашами или чернильными ручками с металлическими перьями. Чернила готовили сами из особых растений («швяршвул»). Библиотеки в школе не было. Ходили в школу босыми, а в зимнее время на ноги надевали чарыки («шаламар»). В годы войны и, особенно в послевоенное время, нам преподавали русские учителя из Воронежа и Саратова. Помню супругов-учителей из Кабардино-Балкарии – Володю и его жену. Они преподавали нам русский язык.

Радиоточка в селении была установлена перед сельским советом, по радио передавали вести с фронта. Газет я не помню. Медпункта в нашем селе не было. За медицинской помощью при серьезных заболеваниях сельчане ездили в районный центр.

Конечно, не было у нас и времени для игр. Мы, дети, помогали по хозяйству. Собирали колоски, оставшиеся после жатвы на поле. Если было свободное время, играли в камешки, а зимой катались на деревянных санках.

*Воспитанники и воспитатели Архитского детского дома Хивского района.
Фотоальбом № 36. Л. 13. © ЦГАРД, Махачкала, 2015*

Мечтали в основном о том, чтобы поскорей закончилась война, и был мир, чтобы родные с фронта вернулись живыми. Героем для меня и моего старшего брата был наш отец – снайпер Абдулла Сефербеков, уничтоживший 110 вражеских солдат и награжденный двумя орденами Красного Знамени.

В годы войны в нашем селении жили эвакуированные из центральных областей России и Украины. Их разместили в помещении колхозного склада. Это были женщины, дети и старики. Некоторые из пожилых мужчин были инвалидами на костылях. Эти инвалиды (они были с Украины) считали виновным во всех бедах Сталина, а один из них даже порвал его портрет, который висел в помещении, где их поселили.

Хотя нам самим жилось очень тяжело, мы делились продуктами с беженцами. Помню, как мой старший брат Тагир постоянно делился кусками чурека с русским мальчиком, с которым он подружился, а наша мать посылала меня с кувшином молока для беженцев. К беженцам относились с сочувствием. Они жили и в соседних селениях, и в райцентре. С улучшением положения дел на фронте, беженцы вернулись к себе на родину.

Самым ярким и очень горьким воспоминанием моей жизни в годы войны было получение «похоронки» на моего отца. Один из работников сельсовета сообщил об этом моей матери и нам детям. Это было в марте 1943 г. Тогда мне исполнилось 7 лет, и я, узнав о гибели отца, старался не плакать, хотя мне было страшно и тяжело.

Другим ярким воспоминанием была весть о Победе, которую нам сообщил наш односельчанин – бригадир Бейбала. Мы радовались, ликовали и мечтали о сытой и мирной жизни после войны.

На войне, под Витебском, погиб и брат моего отца – Гаджиумар. Лишь один из трех братьев – Кайитмаз – вернулся живым, он был комиссован с фронта в связи с тяжелым ранением. Ему дали инвалидность 1-ой группы и он всю жизнь проходил с костылем. Умер Кайитмаз в начале 1990-х годов. В нашем селении не вернулись с войны около половины призванных на фронт мужчин.

В послевоенное время после окончания 8 классов правление колхоза направило меня на учебу в школу механизации, окончив которую, я в 1955 г. был призван в армию. Служил в Белоруссии в танковых войсках, был механиком-водителем танка. После окончания службы вернулся в родное село. Вскоре после женитьбы я переехал в г. Каспийск, где и живу по настоящее время.

*Материал предоставлен Сефербековым Р.И.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

Постановление Бюро Дагестанского обкома ВКП (б)
о патриотическом почине колхозников Хивского района
15 сентября 1943 г.

Колхозники и колхозницы Хивского района, воодушевленные повышенными трудовыми успехами Красной Армии, приступили к сбору подарков фронтовикам и предложили начать сбор подарков во всех районах.

Придавая большое политическое значение патриотическому почину колхозников и колхозниц Хивского района, бюро ВКП (б) постановляет:

1. Одобрить почин колхозников Хивского района и их предложение об организации эшелона подарков доблестным освободителям Украины.

2. Обязать секретарей ГК и РК ВКП (б):

а) обсудить предложение колхозников Хивского района на собраниях колхозников, рабочих, служащих и провести широкую массово-разъяснительную работу по организации сбора подарков для освободителей Украины;

б) начать сбор подарков, средств в колхозах, на предприятиях, в учреждениях для организации эшелонов подарков фронтовикам;

в) приступить к приему сданных колхозниками в фонд подарков продуктов сельского хозяйства и сдаче их на хранение в Заготскот, Маслопром, Райпотребсоюз, Заготзерно и другие заготовительные организации, организовать учет и хранение поступивших подарков;

г) организовать коллективные письма фронтовикам от колхозников, предприятий, учреждений и от трудящихся.

3. Поручить Заготзерно – тов. Салахутдинову, Дагсоюз – тов. Кухмазову организовать прием на местных заготовительных пунктах сельхозпродуктов, сдаваемых в фонд подарков Красной Армии, их учет и хранение.

4. Поручить тов. Агабабову и Даградиокомитету (тов. Темирханову) провести радиоперекличку секретарей горкомов, райкомов ВКП (б) и районных комиссий по вопросу сбора подарков и организации эшелона.

5. Поручить тт. Пискунову (Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП (б), Назаревичу (НИИИЯЛ), Трунову (Даградиокомитет) к 20 сентября составить проект письма от трудящихся Дагестана освободителям Украины.

6. Обязать редакции республиканских, районных газет, Даградиокомитет широко разъяснить патриотический почин колхозников и колхозниц Хивского района, систематически освещать ход сбора подарков,

организации эшелона, популяризовать патриотов-колхозников, внесших подарки фронтовикам.

7. Разъяснить ГК и РК ВКП (б), что сбор подарков, продуктов, средств должен проводиться строго в добровольном порядке.

8. Установить пятидневную отчетность горкомов и райкомов ВКП (б) перед обкомом ВКП (б) о ходе поступления продуктов и средств в фонд подарков Красной Армии (1, 5, 10, 15, 20, 25 число каждого месяца).

9. Руководство по сбору подарков возложить на республиканскую комиссию, городские и районные комиссии по сбору теплых вещей и подарков Красной Армии.

Обком ВКП (б) уверен, что патриотический почин колхозников Хивского района будет широко поддержан всеми трудящимися Дагестана и в ответ на новые победы Красной Армии трудящиеся республики дадут фронтовикам эшелон подарков.

Секретарь обкома

А. Алиев

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 24. Д. 15. Л. 304, 305. Подлинник.

Опубликовано: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д., Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 464 – 465.

Приходилось много работать и рассчитывать на свои силы

Сулейманов Сагим Ильясович,
родился в 1929 г. в с. Турчи Лакского района
Дагестанской АССР

Наше село располагалось в горах и насчитывало около 120 хозяйств. В Турчи был колхоз им. Казбекова. Основным занятием колхозников было животноводство, разводили скот.

К началу войны наша семья состояла из четырех человек. Отец и брат находились на заработках в Средней Азии в г. Андижан. Тогда многие наши сельчане ездили туда подработать. Отец был хорошим лудильщиком, а брат ему помогал. Когда началась война, отца почти сразу призвали в действующую армию, а вскоре и брат ушел на фронт добровольцем. Я

помню, что мы получали от них письма, и довольно часто. Отец воевал на Ленинградском фронте, а брат – на Калининградском. Отец был, как говорится, мастером на все руки, и в армии он занимался сапожным делом, был сапожным мастером в своем подразделении. Отец дослужился до звания старшины, а брат – до звания старшего лейтенанта. Помню, что в своих письмах они наставляли нас с сестрой, чтобы мы слушали маму, помогали ей во всем, смотрели за хозяйством.

О том, что началась война, мы – мама, сестра и я – узнали от сельчан (радио у нас тогда не было).

С началом войны наша жизнь изменилась. Приходилось много работать и рассчитывать только на себя, на свои силы. Мама работала в колхозе, а мы со старшей сестрой учились в школе.

В нашем селе была начальная школа, а в селе Чукна – семилетняя. Когда мы учились в начальной школе, то нам привозили горячие завтраки, даже помню, как меня отправляли за буханками хлеба. В старших классах нас уже не кормили. До села Чукна от нашего села было километров 13 – 14. Чтобы успеть на занятия, мы выходили очень рано. Шли пешком. Особенно тяжело нам, детям, давался этот путь в холодное время года. Мы выходили из дома – темно, доходили до Чукна – тоже еще темно. А по дороге – ветер, холод, пурга, а иногда – и вой волков (к счастью, мы с ними ни разу не встретились). В Чукна школа располагалась в бывшем кулацком доме.

Итак, после окончания начальной школы мы продолжили обучение в чукнинской семилетней школе, а потом – в неполной средней школе села Куркли. Чтобы добраться до курклинской школы, приходилось преодолевать путь в 7 – 8 километров. Здание курклинской школы стоит до сих пор. Одноэтажное, крепкое. Раньше там была мечеть. В наши дни, говорят, тоже, только достроили его новым зданием. В Куркли мы уходили на всю учебную неделю. Там останавливались у знакомых, у кунаков. Дома мы заготавливали хлеб и везли его с собой, хватало как раз на неделю.

Любили мы и поиграть. Играли в мяч. Мяч делали из тряпок: тряпки рвали на узкие полоски, туго сматывали, как нитки в клубок, конец тряпки прятали, чтобы «мяч» не распустился во время игры. Очень любили играть в волейбол.

Я помню, что в школе активно работала комсомольская организация, проводились смотры художественной самодеятельности. Я выступал на смотрах – с удовольствием танцевал лезгинку с симпатичной девочкой по имени Сарат. В школе выпускали стенгазету, была своя редколлегия. В

ней освещались, в основном, события школьной жизни. А из печатных изданий помню газету «Новый путь» на лакском языке.

Учились мы с сестрой на отлично, ездили на школьные олимпиады в Кунди, Цудахар. Школьные олимпиады нам нравились, они проходили в занимательной игровой форме.

Школу мы окончили с похвальными грамотами. Я запомнил свих школьных учителей: Зайдилав Зайдиев, учитель математики в курклинской школе, Бадрутдин, Пага-бутта (их фамилий я не помню). Последний – родственник известного дагестанского журналиста Магомеда Бутаева¹ – преподавал Конституцию СССР. Помню учителя ботаники Далгата Хизриева, учительницу русского языка Гулизар Умариеву.

После окончания педагогических курсов в Кумухе сестра стала работать в школе учительницей, а я в семье. Отец работал в колхозе, а мать семье, работал конюхом.

Хозяйство у нас было небольшое: одна корова, один бык, куры. Был в отдалении приусадебный участок, где мы сеяли пшеницу. Урожай пшеницы хватало до весны. Чтобы купить продукты, мы ездили за 25 километров на Цудахарский рынок. Мы возили туда одеяла, ткани, которые сохранились у нас еще с довоенного времени (когда отец и брат присылали посылки из Средней Азии), обменивали их на продукты питания, хлеб. Дома готовили хинкал, чаще всего из кукурузной муки. Особого разнообразия в питании, конечно, не было.

С одеждой было очень трудно, особенно в теплой. Плохо в селе было и с медицинским обслуживанием – не было ни больницы, ни медпункта. Лечились, в основном, народными средствами.

Печь топили реже дровами, чаще кизяком. От скота в хлеву оставался навоз, его перед зимой выносили на крышу, раскатывали по ней, а когда он высыхал, резали на куски и делали кизяк. Потом его складывали на крыше в кучки, а по мере необходимости сбали топили им печь. Я помню, что как-то уже после нашего переселения в 1944 г., я с барантой кочевал в горах, приходил в наше опустевшее село, находил на крыше этот кизяк, заготовленный матерью, топил им печь, чтобы отогреться, часть забирал с собой для разжигания костра.

Комнаты в доме мы освещали керосиновой лампой. Помню, как в селе приезжали торговцы, мы у них покупали керосин. Керосин мож-

¹ Бутаев Магомед Джалалутинович – участник Великой Отечественной войны, видный ученый, известный специалист в области истории и теории журналистики и печати, а также литературы и культуры народов Кавказа, доктор исторических наук, профессор, автор книги «Куркли смеется» – своеобразной копилки народной мудрости и юмора горцев. (электронный ресурс: <http://www.interdag.ru/people/43/Butaev-Magomed-Dzhalalutinovich>. Дата обращения 21 января 2015 г.).

но было купить по дороге в Цудахар в Вицхинском участке², где был магазин. Как-то я стоял там очереди. Я тогда был подростком лет 14-ти. Очередь была очень большая, меня чуть-чуть не задавили. За 10 километров мы ходили за мукой. Рассказывали, что в некоторых населенных пунктах, в том числе и в Вицхинском участке, раздавалась помощь по ленд-лизу. Говорили о какой-то одежде

Ахтынский детский дом № 1. Клуб. Фотоальбом № 37. Л. 9. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

(юбки, кофты, брюки, рубашки, обувь), которую распределяли между нуждающимися по спискам. Но мы в их числе не оказались.

Мы с сестрой, хоть и работали, но и помогали матери по хозяйству: возили навоз, носили воду для приготовления еды, для стирки. Нам повезло в том плане, что у нас в доме было мыло. Его еще до войны прислали из Средней Азии отец и брат. Мы его очень берегли. Экономно расходовали и присланные ими сушеные фрукты: виноград, урюк.

После депортации чеченцев в 1944 г. наше село переселили в Ауховский район (ныне Новолакский)³. В момент переселения (а это

² Вицхинский участок – входит в число основных административно-территориальных единиц Кулинского района Дагестанской АССР.

³ В годы Великой Отечественной войны переселение, организованное на добровольных началах, не проводилось. 31 января 1944 г. было принято постановление ГКО о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля во исполнение этого постановления был издан приказ НКВД СССР о переселении чеченцев и ингушей. Всего было депортировано 478479 чеченцев и ингушей и среди них около 30000 дагестанских чеченцев. Менее половины составляли чеченцы-аккинцы из Ауховского района ДАССР, в административно-территориальные границы которого входили 15 аулов и 6 хуторов. После выселения чеченцев и ингушей, 7 марта 1944 г. был издан Указ Президиума Верховного совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Освободившиеся после выселения народов земли были переданы Грузии, Северной Осетии и Дагестану. Значительная часть территории Чечено-Ингушской АССР вошла в состав вновь организованного Грозненского округа Ставропольского края. На земли, переданные Дагестану, срочно были переселены колхозники малоземельных горных районов республики. Постановление Совнаркома ДАССР от 9 марта 1944 г. предусматривало переселение 5000 хозяйств в бывшие чеченские и ингушские районы, включенные в состав ДАССР, а распоряжение Совнаркома республики от 11 марта 1944 г. – 1300 хозяйств в бывший Ауховский район Дагестанской АССР до 15 апреля 1944 г. А во вторую очередь (до 15 мая) предусматривалось переселение 2800 хозяйств. В 1944 г. к вновь присоединенным шести районам Чечено-Ингушетии, в Новолакский район и ряд селений Хасавюртовского района, откуда были выселены дагестанские чеченцы, было переселено 16000 тысяч хозяйств из горных и высокогорных районов, а также ряда селений Кумторкалинского и махачкалинского районов. Такое оперативное решение проблемы переселения позволило 12 октября и 4 ноября 1944 г. вновь поставить вопрос о переселении дополнительного контингента дагестанцев соответственно 3200 хозяйств и 3210 колхозников. Одновременно были приняты меры по оказанию помощи дагестанским переселенцам (списание недоимок по госпоставкам сельхозпродуктов). Принимаемые государством меры оказывались недостаточными для решения проблем переселенцев. Спешно покинув свои родные очаги весной 1944 г., переселенцы не

происходило очень быстро) я находился на зимних пастбищах, выполнял работу сакбамщика (это тот, кто выносил с поля новорожденных ягнят). В Бабаюртовский район из колхоза на кутан меня отправили для оказания помощи при проведении окотной кампании¹. От приехавших из колхоза пришло известие о переселении.

Условия переселения были очень жесткие. Начали с семей фронтовиков, к числу которых относилась и наша семья. Сначала объявили, что каждой семье для переезда выделяют по подводе. А выделили по одной подводе на две семьи. Погрузили на подводы кое-какие свои пожитки (постельные принадлежности, необходимую посуду, одежду) и продукты, а места сесть самим – не осталось, шли за подводами пешком. Я помогал идти своей больной хромой матери, которая опиралась на меня и на костыль. Так мы шли от нашего села до г. Буйнакск, а потом, до нового места жительства добирались на поезде. Мой брат в эти самые дни получил отпуск на 10 дней и ехал в родное село. Мы встретились с ним в Буйнакске, и он помог нам добраться до места назначения. Там нас встретили пустые унылые дома – видно было, что люди покидали свое жилье в спешке. Разбросанные вещи, страшная, местами буквально непролазная грязь, холод. Да и голодно было тоже. Как норму давали кукурузу в початках – по 200 кг на семью. Но нам надо было начинать новую жизнь. И мы трудились, не покладая рук. Сколько сил было потрачено на благоустройство!

Здесь, на новом месте, мы встретили Победу. В селении собрали сход и объявили об окончании войны. Песни, радость, слезы... А вскоре нас ждала еще одна радость – с фронта вернулся отец...

*Материал предоставлен Каймаразовой Л.Г.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

смогли в лучшие сроки засеять поля, не имели возможности обеспечить необходимый уход за посевами. В результате, как с колхозных полей, так и с приусадебных участков, были получены низкие урожаи, оставившие многих переселенцев без хлеба. К названному выше присоединились и вспышки эпидемических заболеваний. Все это привело к обратному оттоку населения из присоединенных районов. Факты обратного возвращения колхозников имелись в Веденском, Ритлябском, Андалальском, Шурагатском и Новоласком районах. Тогда были приняты дополнительные меры для оказания помощи переселенцам и улучшению их снабжения хлебом. (Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920 – 1995 гг.). Документы и материалы. В 2-х томах. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920 – 1945 гг.). Т. I. Составители: Какагасанов Г.И., Каймаразова Л.Г., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Асильдаров С.Ч. Предисловие (авторы Османов А.И., Какагасанов Г.И.). Махачкала: Издательский дом «Наука плюс». 2006. С. 10 – 12).

¹ Окотная кампания – важный этап работы в овцеводстве, включает в себя подготовку овцематок к ягнению, сам процесс ягнения, уход за овцематками с новорожденными ягнятами, выращивание ягнят.

Беженцев во время войны было очень много

Труба Мария, родилась в конце 1920-х гг. на Украине.

В самом начале 1930-х гг., спасаясь от голода,
семья Марии переехала в Махачкалу

Беженцев во время войны было очень много. Они жили прямо на улице – от самого вокзала вдоль Буйнакского и на улице Пушкина. Мы, дети, ходили на них смотреть. Так жалко их было, особенно стариков и детей, и мы на их фоне казались себе счастливыми и богачами. Да тогда и школы под приют для беженцев занимали. Приходим, например, в свою 3-ю школу, а нам говорят: «Здесь беженцы, идите во 2-ю». А оттуда посылают в 10-ю. В кинотеатре «Комсомолец» разбили госпиталь, и такая радость была, когда от Дворца пионеров нас отправляли с концертом для раненых.

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 164 – 167.

Эвакуированы из Ленинграда

Воспоминания Екатерины Алексеевны Тумановой

— **В**аши дочери Аня и Лида больше недели не проживут, потому что у одной 3-я, у другой 4-я степень истощения, – так сказал врач нашей обессиленной от голода матери.

– Спаси! Надо спасти! Как? Чем? Только в военкомат, ведь получают дети пособие за отчима и отца-фронтовика, решила Мария Васильевна.

– Сегодня пропуска на эвакуацию уже не дают. Вы опоздали, приходите завтра.

– Нет. Мне к военкому. Мне очень нужно к военкому. У меня... – женщина прислонилась к перилам и не могла сдвинуться с места. Ноги подкосились, она опустилась на самую нижнюю ступеньку. Казалось, что еще одна жизнь оборвалась. Но она еще жила. В сознание пришла в кабинете военкома.

– У меня умирают от голода трое детей. Если не усилить питание, то в течение недели их уже не будет. Муж мой сапер на Ленинградском фронте, – и протянула пенсионное удостоверение, единственный документ, подтверждающий сказанное.

– Завтра, я Вам помогу получить право на выезд, а теперь идите домой, отдохните. Как сквозь сон она услышала: «И куда она умирающая с умирающими детьми собирается ехать? Что ждет их впереди. Но помочь надо. Одно слово – мать».

25 марта 1942 г. от улицы Рубинштейна, что в центре Ленинграда, до Финляндского вокзала надо было пройти и довести на санках свой скарб. На санках. Не было у этой женщины никаких пожитков, так как для семьи это уже была вторая эвакуация.

Провожали семью в путь сестры Марии Васильевны. По накатанному снегу не было сил везти почти пустые сани. На одних из них к чемодану была привязана Лида, потому что она ни сидеть, ни лежать, ни ходить не могла. При каждом небольшом крене санок Лида падала. Приходилось все развязывать, так как поднять сани не было ни у кого сил. Из-за этого опаздывали к поезду, начали волноваться. И в момент нервного срыва тётя сказала: «Ну, куда ты везешь этот труп? Пусть Лидочка последние дни доживает у нас». Обе тети оставались в Ленинграде: они не имели пропуска на выезд. А семилетний ребёнок, высохший до такой степени, что личико свело в морщинки, смотрел широко открытыми глазами и не

*Три сестры слева Е.А. Туманова, Анна Алексеевна Беспалова (справа)
Лидия Ивановна Нипенкина (в центре)*

произносил ни слова. Аня и я молча развязывали узлы, снимали все с санок, снова упаковывали их и заливались слезами от жалости и боязни, что Лиду оставят.

А смерть шла по пятам. Умирили люди на улицах, умирали на Финляндском вокзале с правом на выезд по «дороге жизни». Умирали на дороге, не успев дождаться очередного рейса машин. Умирали и в поезде, в котором мы находились до 19 апреля 1942 г.

Товарные вагоны, только несколько семей успели занять нары, – остальные – на полу, на своих вещах. Посередине – «буржуйка», для которой по дороге еще надо дров заготовить.

Холодно, голодно, от станции до станции, раз в день – обед и хлебный паек.

В мечтах, когда же кончатся мучения, пройдут дни и ночи. А эшелон все «опаздывал». Направлялись в Сталинград – опоздали. Сталинград уже бомбили. В городе Прохладном не приняли, началась эвакуация, в Минводах не приняли: началась эвакуация. Последний пункт – Кизляр. Так, 19 апреля 1942 г. город принял целый эшелон ленинградцев. Кизлярское кладбище забрало тех, кого везли прикрытыми простыней или одеялом. Обессиленных людей стали «ставить на ноги»: лечить и кормить в течение 20 дней.

11 мая 1942 г. по пыльным проселочным дорогам на бричках въезжали в станицу Александра Невского пять семей ленинградцев. Нас приняла семья Зайцевых. Сколько тепла и внимания! Лучшие яблоки садов были сорваны для нас в это лето. С какой сердечной добротой ежедневно на наш подоконник чуть свет ставилась тарелочка с блинчиком или яичком.

В своих воспоминаниях Екатерина Алексеевна называет имена всех женщин той военной и послевоенной поры, окруживших вниманием и заботой ленинградцев.

– Сначала я работала в колхозе, сестренки учились в школе. Жажда знаний, стремление получить высшее образование были смыслом жизни. Первой ступенькой к осуществлению мечты стало Кизлярское педучилище, а потом – Грозненский педагогический институт. По-разному сложились судьбы трех сестер. Но одна у них была цель – учить детей. Все стали педагогами, их помнят и любят их ученики.

В 1990-е годы Екатерина Алексеевна уехала из Дагестана. Но память о ней осталась в ее учениках.

Опубликовано: Газета «Рассвет», № 6, 10 февраля 2006 г. С. 4, 13.

Страницу подготовила Д.К. Медведева

Раненых везли со всей страны

Турабова Шевкет, родилась в 1931 г. в г. Дербенте

Турабова Ш.

Мой отец, Расул Аминов, долгое время работал директором небольшой артели имени Буденного, выпускавшей сладости: пряники, леденцы, петушки на палочках и всякие другие сласти. Вкусных петушков мы с моей младшей сестрой Рахилей поели немало. Причем чаще отца их нам приносил его рабочий – грузчик.

В 1938 г., когда умер отец, мне было 7 лет, а сестре 4 года. Поэтому я его помню смутно. Но мама всю жизнь говорила о нем как о лучшем в мире человеке. Вся сложность непростой жизни в то предвоенное время легла на плечи нашей мамы Софии-ханум Фатуллаевой. Если до этого она была домохозяйкой, то теперь она стала рабочей швейной фабрики. Фабрика эта находилась в районе Верхнего рынка, выше старой автостанции, где в то время располагался Тахта-Базар (главный плодово-овощной рынок, куда свозили овощи и фрукты со всего Южного Дагестана). Мама работала на фабрике не покладая рук. А уж когда началась война, дома мы ее видели ближе к ночи. И даже тогда она не оставалась без работы. С фабрики приносила домой два ватных одеяла. И успевала за ночь простегать и их тоже.

В то страшное военное время здание нынешнего завода «Электросигнал»¹ было переоборудовано в военный госпиталь. Раненых везли со всей страны. Вот для них и стегались легкие, но теплые одеяла. Вообще, Дербент превратился в большой госпиталь. Раненых и искалеченных было много. Мы, дети, ходили смотреть на них. Их было жалко. Кроме раненых, было очень много беженцев. У меня тогда появились две подружки, одна русская, другая армянка. Не помню, откуда, но были они издалека. Помню еще, какой бардак начинался, когда объявляли тревогу. Все бежали прятаться в небольшое здание рядом с Верхним рынком (пересечение

¹ Современный дербентский завод «Электросигнал» специализируется на производстве и ремонте техники.

*Дербент. Общий вид города с цитадели Нарын-кала. 1968 г. Фотоальбом № 448. Л. 2
© ЦГАРД, Махачкала, 2015*

улиц Ленина и Сальмана). Мы не понимали, что это учебная тревога. И думали, что немцы уже совсем близко. А выше базара, да и в парке, где сейчас «Чертовое колесо» стоит, были палатки, какие-то будки из фанеры, в которых жили беженцы.

Мы жили во втором магале², квартал 111, в доме 12. С 1-го по 4-й класс я ходила в школу им. Максима Горького (сейчас на ее месте вспомогательная школа №7). Помогать нам с сестрой в учебе у матери времени не было. Я училась сама. Мама очень старалась, чтобы мы ни в чем не нуждались. Она стала печь хлеб в тандыре. Продавала его потом. Не знаю, что было бы с нами, если не мама. Люди голодали, мамалыгу ели. У нас, хоть и не каждый день, мясо было, всегда был хлеб. Ну и я, как чуть постарше

² Магалы (в переводе с арабского – «кварталы») – самый древний городской район Дербента. Магалы находятся прямо под цитаделью «Нарын-Кала», в верхней западной части города и представляют собой кварталы с одноэтажными каменными постройками. Многоквартирных домов здесь нет. Всего магалов – 8. Здесь же находится большая часть городских мечетей. Населяют магалы (как и в древности), в основном, азербайджанцы. (электронный ресурс: <http://nesiditsa.ru/city/derbent> Дата обращения 4 февраля 2015).

стала, начала помогать маме. Помню, на базе «Заготзерно» был сторож, который по ладошке собирал, что оставалось на дне мешков, и продавал потом. Иногда, когда у него собиралось килограмм – два муки, я ходила за ней. А «Заготзерно» далеко было. Так вот, нельзя было с этой мукой попадаться. Я, как милиционером увижу издали, обходила стороной. И за хворостом ходила. Семьи, что поближе к горам жили, в самой верхней части города, его в лесу за крепостью собирали. Ну а я ходила, покупала для печи. Идти долго было. А потом еще две вязанки хвороста тяжелые обратно несешь. Тяжело. А что делать? Война..

В 1954 г. я вышла замуж. Супруг мой Джумшуд Халилович Турабов был очень хорошим человеком. Всю жизнь посвятил сельхознауке, занимался виноградарством. Вырастили и воспитали с мужем пятерых детей. Все стали добропорядочными, честными людьми.

Материал подготовлен Светланой Анохиной.

Опубликован: газета «Молодежь Дагестана». 25 июля 2014 г.

(электронный ресурс:http://md-gazeta.ru/articles/byl_takoy_gorod/shevket_turabova_dotokhozauka_1938_1966 | Дата обращения 2 февраля 2015)

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТ РАССКАЗЫВАЮТ...

*Корреспонденция «О воскресниках и субботниках молодежи республики для пополнения
Фонда Оборона страны»*

8 сентября 1941 г.

С небывалым подъемом прошел воскресник на Двигательстрое. Рабочие тт. Азолин и Давиденко выполнили дневное задание, к 11 часам. Слесари Акимов, Розаренко выполнили в этот день две нормы. Так же работали молодые рабочие Кадыров, Назаренко, Абутаев, Борисов, Карташев. Накануне воскресника на митингах, прошедших по всему Махачкалинскому отделению железной дороги, решили – ударно работать 2 – 3 воскресных дня и заработанные деньги внести на строительство бронепоезда...

Это воскресение ознаменовано большим трудовым подъемом и в колхозах нашей республики. Комсомольцы-колхозники показали образцы стахановского труда на уборке овощей и фруктов, обмолота хлеба. По-хозяйски заготавливали корма, ремонтировали скотные дворы. Только по 16 комсомольским организациям Левашинского района участвовало в комсомольском воскреснике 3350 человек. Ими выработано 2713 трудодней.

Комсомольцы Рутула внесут в Фонд обороны 3530 рублей, заработанные в этот день.

С большим трудовым подъемом прошел в Дербентском районе второй Всесоюзный комсомольский воскресник, посвященный международному юношескому дню¹.

С раннего утра сотни комсомольцев и несоюзной молодежи города и села организовано вышли на воскресник. Основная масса комсомольцев города работала на подготовке железнодорожного узла к зиме и на консервном комбинате имени Горького. Образцы самоотверженного труда показала бригада комсомолки Гариной. Задание по укладке балласта бригада выполнила на 250 процентов. Бригада комсомольца Бугаева, работавшая на замене и укладке шпал, выполнила дневное задание на 270 процентов.

В большинстве селений района, наряду с комсомольцами, в воскреснике приняли участие пожилые работники, колхозники и учителя. Сотни людей работали на уборке овощей, винограда, осенней вспашке и других сельхозработах. Только по шести колхозным комсомольским организациям в воскреснике приняли участие 846 человек, которые выработали 872 трудодня. Учащиеся неполной средней школы селения Рукель на уборке помидоров в колхозе «Сталин-Чиляр» выработали 75 трудодней. Комсомолец Ахмедов выработал два трудодня. Две нормы дал ученик 7 класса Наджафов и ряд других комсомольцев. В колхозе им. Буйнакского в воскреснике участвовало 159 человек, выработали 163 трудодня.

940 участников воскресника в городе дали в Фонд обороны страны 13 тыс. рублей, в два с лишним раза больше, чем за первый воскресник.

А. Литвак.

«Дагестанская правда». 1941. 8 сентября.

Опубликовано: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. С.587 – 588

¹ Международный юношеский день – международный праздник прогрессивной молодежи, проводившийся в 1915 – 1945 гг. Был установлен решением Бернской международной социалистической конференции молодежи в 1915 г.

Кусочек хлеба и конфета ПОД НОВОГОДНЕЙ ЕЛКОЙ

Эмма Андреевна Тыщенко,
урождённая Гладашук, родилась в Чите в 1937 г.
Отец, Гладашук Андрей Федорович, одессит.
Мама, Радионова Агния Федоровна, сибирячка

Тыщенко Э.А.

Мне исполнилось три месяца, когда родители переехали из Читы в Одессу. Начала войны я не помню. Со слов мамы знаю, что отец ушел на фронт в первые дни войны, хотя имел бронь и по работе (был директором кондитерской фабрики), и по возрасту (мужчин его года рождения не брали на фронт в первые дни войны) и он имел право работать в тылу.

Война... Отец добровольцем ушел на фронт... «Береги дочь! А если со мной что-то случится, Радна вас не оставит!» – последние слова, сказанные отцом при прощании. Мама работала в военном госпитале, она была медсестрой. Раненые поступали эшелонами, медицинский персонал не хватало. Мама сутками дежурила, меня мазельскую, клала рядом с кем-нибудь из раненых, а сама работала. Одес-

су оккупировали в первый месяц войны. Госпиталь срочно эвакуировался. Вывозили в первую очередь тяжелораненых, потом – остальных. Когда загрузили последнюю машину, мама побежала за мной, а тут – обстрел! Пока мы выбирались из под бункера, наши уехали. Наступали темны...

Годы оккупации в моей детской памяти не сохранились, только какие-то обрывки. Вот я сижу на подоконнике и плачу, нечего есть, а мама долго не приходит. Зашла соседка, взяла какие-то бумаги, подхватила меня, и мы куда-то пошли. Оказывается, маму забрали в гетто – похожа на еврейку. Соседи выручили. Принесли документы, меня. «Капила русиш. Мать жидан?» – удивился начальник-румын, глядя на меня, потом – на документы, но маму отпустил. Пять раз ее забирали в гетто, грозили уничтожением. И

пять раз выручали соседи. Мама могла бы работать по специальности. Но это было бы, по ее твердому убеждению, изменой Родине. И она перебивалась с хлеба на воду. Ходила в села, копала оставшуюся под снегом картошку, которую мы ели как лакомство, выменивала на макуху. В общем, жили, как все остальные. Однажды она встретила друга отца – кондитера. Он предложил разносить пирожные по ресторанам. Мама взорвалась: «Этих гадов еще пирожными кормишь?!» Он успокоил ее. Что он ей сказал, не знаю, но мама стала разносить пирожные. Оказалось, что этот человек работал в подполье. Мама приносила ему информацию, которую ей передавали в ресторанах. Вскоре у нас в квартире стали появляться какие-то люди. День-два побудут, потом исчезают куда-то. Оказывается, бежавшие военнопленные периодически прятались у нас, потом их переправляли к партизанам. Часто мама брала меня с собой, когда разносила пирожные. Однажды, пока она сдавала товар, меня позвал к столу какой-то военный. Он дал мне конфету и спросил у мамы, где мой отец. Мама, измученная, голодная, исстрадавшаяся, ответила: «На фронте врагов бьет!» Немец покачал головой и сказал: «Нельзя так, фрау. У девочки не будет и мамы. Уходите и больше никому не говорите таких слов». Вспоминаю, как нас согнали на площадь. Там с табличками на груди стояли молодые девушки и юноша. Это были партизаны. Их всенародно казнили. Мама рукой закрыла мне глаза и постаралась уйти оттуда незамеченной.

За одну зиму нас несколько раз обворовали. Самая большая утрата – казанок с кашей. Голод был ужасный. Семьями вымирали. Нам удалось выжить. Все время хотелось есть. И сны виделись о еде. Что могу сказать о хлебе? Во время войны это был самый необходимый продукт.

Хлеб, хлеб, хлеб! Как часто не хватало его человеку..

Климент Тимирязев¹ писал: «Давно замечено, что мы не обращаем внимания на самые замечательные факты только потому, что они слишком обыкновенны. Многим ли действительно приходила в голову мысль, что ломоть хлеба, хорошо испеченного, составляет одно из величайших изобретений человеческого ума». Ароматный, вкусный каравай с подрумяненной корочкой. Но такого хлеба в детстве мы и не видели.

Мое детство пришлось на военные и послевоенные годы. На ребенка по хлебной продовольственной карточке после войны давали 300 г. в сутки. Неработающие взрослые ничего не получали. Мы жили впроголодь, что говорить о ленинградцах...

¹ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843 – 1920) – русский естествоиспытатель, физиолог, основоположник русской и британской научных школ физиологов растений, историк науки.

Потом мама работала на заводе пищевых концентратов. Приду к маме, проберусь в цех, где делают халву, а там работают такие же матери. Кто кусочек халвы сунет в рот, кто семечек насыплет в карманы. Уже жить стало легче. Это я о себе, а маме – ей не легче. Она сутками работала, дома только высыпалась и опять – на работу.

Поскольку Одессу оккупировали в первый месяц войны, мы не получали от папы писем. Как мы пережили эти страшные для всех годы, без дрожи невозможно вспоминать. Голод, холод – такая картина запечатлелась в моем детском мозгу. Да еще жуткий страх. Я не помню, чтобы мы, дети, играли. Мы все время прятались от полицаев. Мы старались не выходить во двор, чтобы не попасть им на глаза. Единственный праздник, который я помню – Новый год. Мы все, и взрослые, и дети, с нетерпением ждем Новый год. Ждем, надеясь на чудо. Действительно, Новый год – праздник волшебный. Это чувство в каждом хранится с того момента, как он начинает себя ощущать, помнить.

И в мирное время, и на войне Новый год связывается с надеждами на лучшее, с чувством того, что вот-вот произойдет чудо и все плохое уйдет. Уже мало кто помнит, какое значение имело празднование Нового года во время Великой Отечественной войны.

Ближе к Новому году я вспоминаю тот далекий, Новый год в 1945 году, первый, сохранившийся в моей памяти. Ощущение праздника было важно и взрослым, и детям – создавалась иллюзия мирной жизни.

Мы с мамой жили в оккупированной фашистами Одессе. О какой елке можно было мечтать, когда в доме куска хлеба не было? Но мы с мамой мечтали, мы готовились к встрече: собирали листовки, которые щедро разбрасывали оккупанты через своих полицаев. К слову сказать, ими были зачастую бандеровцы, отличавшиеся особой жестокостью и свирепостью. Все казни и пытки проводились ими, все поджоги и уничтожения людей на их совести.

Из этих листовок мы вырезали фонарики, фигурки животных, делали цепочки, флажки. Елки не было. Но мама всегда остается мамой. Она находила выход из любого положения. Мама поставила посреди комнаты фикус, который рос у нас в квартире. Мы украсили этот фикус своими самодельными игрушками. А где же было взять Деда Мороза, чтобы поставить под «елочку»? И тут мы с мамой нашли выход. Мне когда-то (перед войной) папа подарил большого пупса. Эту куклу я любила и лелеяла. Сразу же вспоминаю, как однажды, во время облавы, немец, войдя в нашу комнату, взял в руки моего пупса. Я схватила его за ноги, стала плакать и

Мама Тыщенко Э.А. на работе

причитать: «Отдай мою куклу, отдай!». А он отшвырнул меня своим сапогом, а куклу бросил в угол. Вот из этого пунса мы и сделали Деда Мороза, обернув его в белую ткань.

Самый большой сюрприз меня ждал утром. Мама с вечера предложила мне выставить свою туфельку под елку: мол, Дед Мороз принесет мне подарочек и положит его в туфельку. Я долго караулила Деда Мороза, но не укараулила. А утром у меня в туфельке лежали в бумажке кусочек хлеба и конфета. Это был самый дорогой, драгоценный подарок! Самое вкусное лакомство моего голодного военного детства! Вот так мы с мамой встретили 1945 год с большой надеждой на Победу, на то, что скоро увидим мирное небо, что никто никого не будет убивать, и мой папа вернется с войны.

В 1946 г. маму, как опытного фельдшера, направили в Ворохту Ивано-Франковской области, работать в восстанавливаемом противотуберкулезном санатории. Мама не гнушалась никакого труда. Работа медсестры оплачивалась мизерно. Она брала дежурства и белье в стирку, убирала квартиры. Сразу после войны жилья для медицинских сестер в Ворохте не было. В одной комнате жили по несколько семей, в основном это были женщины и дети. В таких условиях разместились и мы с мамой, а кровать

для нас была как квартира. Маму в детстве я не помню празднично отдыхающей, да и вообще-то, она только один раз и отдыхала, когда ее с почетом проводили на пенсию и дали бесплатную путевку в Сочи.

Даже уже когда она не могла много ходить, она все равно находила себе занятие – кормила птиц, разминая им остатки хлеба. Кстати, у нас никогда в доме не бывало лишнего хлеба, он не черствел. Мама так бережно относилась к хлебу, что очень огорчалась, когда вдруг на дороге находила брошенный кусок. Она поднимала его и целовала. Потом крошила его птицам. Она часто повторяла: «В войну такой кусочек был на вес золота. Нельзя бросать хлеб – это кровь и пот человека». Труд других людей она чтит всю жизнь.

*Материал предоставлен Муслимовой Н.Т.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

В школу ходили босиком

Умаев Умай

родился в 1930 г. в с. Темираул Хасавюртовского района
Дагестанской АССР

Наше село к началу войны состояло из нескольких хозяйств. Когда мне было два года, умерла моя мама, поэтому меня воспитывала бабушка по отцу. Когда началась война, на фронт призвали отца, дядю, нескольких соседей. От них приходили письма, но содержания их я не помню.

Жить было нелегко, за работу практически ничего не платили, еды не хватало. Хлеб невозможно было купить, а у кого была возможность, покупали черный хлеб, особым спросом пользовались керосин и свечи.

Мы обрабатывали свой огород, сажали овощи, помню, как собирали кукурузу, которую направляли на фронт. Многих взрослых отправляли на работу на Урал и др. Фронту помогали, кто, чем мог. Например, председатель нашего колхоза сдал деньги на строительство самолета.

Школа работала, и дети ходили на занятия плохо одетые, многие босиком. В школе работало много приезжих учителей, я запомнила математика Сосновского. В селе у нас проживали эвакуированные из Белоруссии, Крыма. Они работали бухгалтерами, учителями. После войны несколько человек осталось с нами, а остальные уехали. Отношения у нас были очень

хорошими. Мы их жалели, ведь судьба у них была тяжелой – они бежали от войны, разрухи, смерти, голода.

В селе был медпункт, в котором работала русская женщина Евдокия Разина.

Из игр помню только «альчики», а из праздников национальные и религиозные «Навруз-Байрам», «Курбан-Байрам», «Ураза-Байрам».

Мечтал я в те годы об образовании, хотелось окончить педагогическое училище и работать учителем.

Самым большим событием для меня стало возвращение отца с фронта. По этому случаю мы устроили небольшой праздник. А самым большим праздником для всех тогда был день Победы. Настроение в тот день невозможно сравнить ни с чем.

После войны каждая семья получила участок земли, на котором стали выращивать кукурузу. Все постепенно налаживалось. Я же после окончания 7-го класса поступил в Хасавюртовское педагогическое училище. Окончил 2 курса. В 1950 г. был призван в армию, служил в г. Севастополь моряком на боевом корабле 5 лет. Учебу продолжить мне не удалось. Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе.

instituteofhistory.ru

*Материал предоставлен Умаевой Г., Омаровой Г.А.,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства,
и Амирхановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

«Взрослые» дети

Моя прабабушка Умарова Муслимат родилась в 1925 г. в с. Ахмедкент Кайтагского района в семье зажиточного крестьянина. В 1935 г. отца моей прабабушки раскулачили и сослали в далёкий Казахстан

Всей семье трудно было привыкать к жизни на чужбине. Там, в Джамбульской области, они работали на свеклозаводе. Прабабушке было всего 10 лет, но ей тоже приходилось работать. Это было время, когда дети рано взрослели. Там жили люди разных национальностей, и все были дружны между собой. У моей прабабушки была подруга по имени Муи. Она была весёлой девочкой и красиво пела аварские песни. Прабабушка

Умарова Муслимат

часто её вспоминает, у неё даже сохранилось фото подружки. Они вместе ходили на работу.

Чаще всего прабабушка рассказывает, как они собирали сахарную свёклу, каким сладким был этот овощ, если его сварить! В один год выдался рекордный урожай свёклы, и девочка получила премию – 800 килограмм сахара. В семье не знали, куда его девать... Сколько они работали, как ухаживали за свёклой, как собирали её, прабабушка может рассказывать долго. За добросовестный труд она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

С тех пор прошло больше полувека, а прабабушка говорит, что ей кажется, будто всё это произошло недавно. Прабабушка Муслимат была самой красивой из всех детей. Да и сейчас она очень красивая. Сохранилось несколько фотографий, снятых в Казахстане. У молодой Муслимат – длинные косы, на голове – шаль. Вся её внешность говорит о доброте, ласке и мягкости характера. Говорят, что я немного похож на неё.

Когда началась Великая Отечественная война, на фронт забрали старшего брата Муслимат – Абдурахмана. Они ждали писем каждый день и молились за него, боялись получить похоронку, плакали вместе с людьми, потерявшими отцов, братьев, мужей. Абдурахман пропал без вести. Прабабушка также потеряла отца, ещё одного брата Гусейни и сестру Асият. Невосполнимые потери! Прабабушка всё время твердит: «Пока мы живы, мы помним, любим их и верим, что все дорогие для нас люди, ушедшие в мир иной, видят нас, они рядом – в мыслях, ощущениях, снах. Я это точно знаю...»

В 1948 г. вместе со своими близкими и родными моя прабабушка вернулась в Дагестан. Когда они возвратились в Ахмедкент, многое изменилось. Прабабушка не узнавала своих сельчан, ведь с тех пор, как она уехала, прошло 13 лет. Семье негде было жить, – у неё всё отобрали. Близкая родственница, тётя Хамис, выделила им одну комнату. Нужно было много сил и терпения, чтобы выстоять на этот раз.

В 1949 г. моя прабабушка вышла замуж, и у них с прадедом родилось пя-

теро детей. Все они получили образование. У прабабушки есть правнуки и правнучки, в том числе и я.

Годы бегут, их не остановишь, но мы можем научиться многому у старшего поколения, пока наши старики рядом с нами. Мы благодарны своей прабабушке за уроки мудрости, она учит нас тому, что надо любить людей и творить добро – маленькое и большое. Она говорит: «Человек смертен, только добро бессмертно. Береги своих родителей, не огорчай их. Не говори о людях плохо и не обижайся. Не завидуй вперёд идущему, а смотри назад, на тех, кто нуждается в тебе».

Прабабушка – мой учитель, мой ангел-хранитель. Я очень люблю свою прабабушку и всегда выполняю её поручения. Будь здорова, моя родная!

Абдуллабек Магомедов, 9 кл, Ахмедкентская СОШ, Кайтагский район.

Опубликовано: Газета «Орленок-Дагестан». 2015. Выпуск № 3

Живу воспоминаниями...

Учурханова (Катаева) Рабият Умаровна,
родилась в 1935 г. в г. Хасавюрте

В те годы это был маленький городок, который весь утопал в зелени садов и полей. В Хасавюрте тогда работали большой консервный завод, кирпичный завод, винзавод, колхоз им. Орджоникидзе, совхоз «Десятилетка», педагогическое и медицинское училища, было много школ.

Отца моего не стало в 1937 г. Он был коммунистом в полном смысле этого слова. Именно благодаря ему мама окончила 7 классов вечерней школы, вступила в партию. А уже в годы войны она окончила годичную и двухгодичную высшую партийную школу в Махачкале. В 1939 г. мама второй раз вышла замуж, и от этого брака в 1940 г. у нее родился сын. Так что на начало войны в нашей семье было двое детей: я и маленький братишка. Отчима в 1940 г. призвали на военную переподготовку, потом началась война. Он так и остался в армии, а в 1941 г. мы получили извещение о том, что он пропал без вести.

Начала войны я не помню. Но хорошо запомнила, как из селения приехал мамин 18-летний брат, которого призвали на фронт. С войны он не вернулся, погиб.

Потом приехала беременная старшая сестра моей мамы. Ее привез муж, которого тоже призвали на фронт. Он сказал, что вместе нам легче

будет пережить войну. Тетин муж также погиб на войне. Без него родился его сын, и в нашей семье стало трое детей.

Ни от маминого брата, ни от тетиного мужа мы не успели получить ни одной весточки.

Мать целыми днями бывала на работе, а тетя – с нами, дома, занималась хозяйством. Я была за няньку, смотрела за двумя братьями. Тогда раздавали продуктовые карточки: на хлеб, сахар, масло. По сколько карточек, я не помню. Надо было рано вставать и занимать очередь за продуктами. Рядом с магазином текла маленькая речушка, в которой часто «барахталась» детвора. Я не могла пройти мимо. Случалось, что я теряла карточки в этой речке, за что мне основательно доставалось дома от тети.

Мама работала в колхозе парторгом, так как все мужчины были на войне. На трудодни получали кукурузу, семечки, масло, фрукты. Кукурузу мололи на ручной мельнице, и тетя три раза в день варила кашу. Было очень вкусно. Фруктов было достаточно (тутовник, черешня, вишня, абрикосы, сливы, орехи, яблоки). Весной в пищу шли крапива, лебеда, черемша, халияр. Семьям выделяли огороды, где сажали кукурузу, фасоль, тыкву, а в огородиках возле домов выращивали лук, помидоры, капусту, картошку.

Дом отапливали дровами и углем. Комнаты освещали керосиновыми лампами. Мыла не было. Стирали и кипятили белье с добавлением древесной золы.

У нас было несколько кур и один петух. Много держать не могли – нечем было кормить. Была одна коза.

В школу я должна была пойти в 1942 г., но война приближалась к нам: немцы взяли Моздок, бомбили Грозный, окрестности Хасавюрта. Мама нас, детей, вместе с тетей отправила в с. Андрей-аул. Она дала нам подводу с ишачком. Как только начиналась бомбежка в Грозном, вся копоть от горящей нефти поднималась вверх, накрывала Хасавюрт, становилось темно. Наша тетя «кидала» нас в подводу, и мы спешили в Хасавюрт. Тетя говорила: «Если умирать, то лучше вместе с мамой».

Город весь был заполнен военными. Мы даже не могли попасть в свой дом, пока мама не возвращалась с работы. Мама ругала тетю, но та делала по-своему, пока у нас не украли ишачка. После этого мы уже остались в городе, и жили в сарае, потому что дом был занят военными. Весь двор перерыли окопами. Было и бомбоубежище, на случай бомбежки. Но вскоре ситуация на фронте изменилась, фашистов погнали назад, и военные ушли из города.

О новостях с фронта мы узнавали по радио. Радио было у нас дома.

В нашем городе жило много эвакуированных. Кое-кого я помню, например, Костенко Ольга, Чигрин Мария и другие. Тетя делилась с ними, чем могла – кухонной утварью, постельными принадлежностями.

Очень неприятные воспоминания остались от депортации чеченцев. В Хасавюрте проживало много чеченцев. Когда шла их высылка, город «гудел». Появилось много военных, большие машины – «студебекеры»¹ и люди... плачущие, с детьми, с узелками... Нашлись и такие, которые грабили, забирали всю посуду, постельное белье, ковры, и тут же продавали. Я помню, что мама запретила тете что-либо покупать из этих вещей, добытых на людском горе, на людских слезах...

В школу я пошла в 1943 г. Это была базовая школа при педучилище. Книг на всех не хватало, и их выдавали на двоих – троих детей. Занимались по очереди. После окончания начальной школы (это было уже в послевоенные годы) я перешла в женскую школу. Как помню, в школе нам давали пирожки с повидлом, правда, не каждый день. Проводили пионерские сборы, готовились к праздникам. Все лето мы, дети, работали: то колоски в поле собирали, то участвовали в сборе фруктов – черешни, абрикосов. А еще устраивались соревнования между классами, и мы ходили по домам и собирали металлолом и макулатуру.

Мы были очень дружны. Может быть потому, что все были одинаково одеты и обуты, все носили школьную форму. Все лето мы бегали босиком, а «обувку» покупали только к школе.

Находили время и для игр. Любили играть в прятки, лапту, «кругового», «третий лишний». Читали мы много. Летом один месяц проводили в пионерских лагерях: то в Карланюрте, то в Эндирей-ауле (Андрей-аул).

В сентябре 1945 г. я по путевке поехала в знаменитый пионерский лагерь «Артек».² Нас, 15 – 20 дагестанских детей, повезла пионервожатая.

1 Студебейкэр (в России устоялось произношение «студебекер» или «студебеккер») – трехосный грузовой автомобиль фирмы Studebaker Corporation, выпускавшийся с 1941 по 1945 гг. Был самым массовым транспортным средством, поставившимся Советскому Союзу по ленд-лизу. Отличался повышенной проходимостью и грузоподъемностью (по сравнению с советскими грузовиками того времени). В СССР во время второй мировой войны были поставлены примерно 100 тысяч автомобилей.

2 «Артек» – международный детский центр в Крыму. В прошлом – самый знаменитый пионерский лагерь СССР и визитная карточка пионеров всей страны. Лагерь получил своё название по месту расположения – в урочище Артек на берегу одноимённой реки. Был основан как лагерь-санаторий для детей, страдающих туберкулёзной интоксикацией, по инициативе председателя Росийского общества Красного Креста З.П. Соловьёва в 1925 г. В годы Великой Отечественной войны, когда Крым был оккупирован фашистскими войсками, лагерь эвакуировали через Москву в Сталинград, а затем в Алтайский посёлок Белокуриха. Там, вместе с ребятами, оказавшимися в начале войны в Крыму, отдыхали и сибирские школьники. Сразу же после освобождения Крыма от оккупантов в апреле 1944 г. началось восстановление «Артека». По приказу члена военсовета 4-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Субботина инженерный батальон провел на территории комплекса восстановительные работы. А уже 4 июня 1944 г. Бюро ЦК ВЛКСМ постановило возобновить работу Всесоюзного пионерского лагеря «Артек». В августе открылась первая послевоенная смена. За последние 5 месяцев 1944 г. в комплексах «Артека» отдохнули 1569 пионеров. В 1945 г. Всесоюзный лагерьный комплекс принял уже более четырех с половиной тысяч ребят, а территория лагеря была увеличена до нынешних размеров (<http://www.izvestia.ru/letters/article3124731>. Дата обращения 26 декабря 2014 г.).

Как ее звали, я уже не помню. В дороге было очень тяжело: тесно, пересадки в Ростове, в Харькове. Всюду царил разруха. «Артек» тоже был полностью разрушен. Часть отрядов жили в палатках. Мы провели в лагере два месяца, учились, купались в Черном море. В «Артеке» было много пленных немцев, они работали на стройке. Перед отъездом нам разрешили сорвать 40 листиков с лавровых кустов.

Во второй половине сороковых в нашей школе появились новые учителя. Мы чувствовали, с каким уважением они относились к нам, детям. Это Мария Максимовна Недзведская из Ленинграда, Косминские Федор Алексеевич и Мария Ивановна из Краснодарского края. Тогда же в наш класс пришла новенькая – Ядвига Доминикова, уроженка Гродно. Ядвига, бывало, приглашала нас к себе в гости слушать фортепианную музыку. У нее дома я впервые увидел рояль на трех ножках. Казалось, время останавливалось, когда из-под изящных пальцев учителя музыки лились чарующие звуки полонеза Огинского,¹ рапсодий Листа.²

В школе учили вышиванию, а Мария Максимовна обучала нас бальным танцам. Мы с удовольствием танцевали под патефон³ кадрили⁴, краковяк⁵, польку⁶, падеспань⁷. Директор школы Жаненко Надежда Николаевна, которая вела у нас русский язык и литературу, приглашала весь наш класс к себе в гости по воскресным дням. Помню, как мы читали вслух «Евгения Онегина». Потом Надежду Николаевну перевели на работу в Махачкалу в Дагестанский обком партии.

Как мы узнали об окончании войны, я помню очень хорошо. Нас утром разбудила тетя, и мы все побежали на площадь, где начался митинг. Наш сосед, дед Лавров, который торговал цветами, в этот день всем раздавал тюльпаны бесплатно.

После мы каждый день бегали с девочками на вокзал встречать тех, кто возвращался с войны. Там с утра до вечера играл духовой оркестр, было много народу. Мама спрашивала: «Ну, кого ты ходишь встречать?» А мне было интересно и радостно встречать всех.

1 Князь Михаил Клеофас Огинский (1765 – 1833 гг.) – польский композитор-любитель, дипломат, политический деятель Речи Посполитой, один из лидеров восстания Костюшко, почетный член Виленского университета, автор знаменитого полонеза «Прощание с Родиной», более известного как «Полонез Огинского».

2 Ференц Лист (1811 – 1886гг.) – венгерский композитор, пианист-виртуоз, педагог, дирижёр, публицист, один из крупнейших представителей музыкального романтизма.

3 Механическое устройство для проигрывания граммофонных пластинок, был сконструирован в виде чемоданчика и переносился в закрытом виде за специальную ручку.

4 Кадриль – французский групповой танец. В России он появился в начале XVIII в. в эпоху преобразований Петра I. Со временем кадриль выделилась в самостоятельный вид народной пляски.

5 Краковяк – национальный польский танец, получивший свое название от города Краков.

6 Полька – один из наиболее популярных национальных чешских танцев.

7 Падеспань – русский парный бальный танец, состоящий из элементов испанского танца.

Переход к мирной жизни был заметен во всем.

У меня остались два ярких воспоминания о школьных походах, организованных в 1950 г. учителем по географии Литовченко. Первый – пешком вдоль реки Сулак до города Буйнакск, туда, где должны были быть построены гидроэлектростанции. А второй – на грузовике, крытом брезентом и с деревянными скамейками, по Военно-Грузинской дороге до города Гори, где родился И.В. Сталин. Посетили Гори, побывали в Тбилиси, ночевали в школах. Эти походы я помню до сих пор.

А в марте 1953 г. умер Сталин. Весь город рыдал, и все думали, что кончилась жизнь на земле...

Но жизнь шла своим чередом. В том же 1953 г. я окончила школу, и мы, 7 девочек из 18 выпускниц, поехали в Махачкалу поступать в медицинский институт. Поступили все семеро. В Махачкале я жила на квартире, училась с удовольствием. У нас были замечательные преподаватели – умные, культурные и интеллигентные. Среди них по патфизиологии – профессор Суппаницкая, по операционной хирургии – профессор Ризваши, по педиатрии – профессор Фридман, по травматологии – профессор Дитман, по анатомии – профессор Беренбаум, по лор-болезням – профессор Никитин, по глазным болезням – профессор Булач, по общей хирургии – профессор Аскерханов, по терапии – профессор Гаджиев.

После окончания мединститута в 1959 г. меня направили работать в с. Костек, в 1960 г. поступила в ординатуру по педиатрии. А в 1961 г. я вышла замуж. Мой муж был участником Великой Отечественной войны. Мы переехали в г. Нальчик, по месту работы мужа. Там, в Кабардино-Балкарии, у нас родилось двое детей. В 1970 г. после выхода на пенсию мужа мы вернулись в Махачкалу. В мае 1971 г. муж умер в возрасте 48-ми лет, и я осталась с двумя детьми 6-ти и 7-ми лет. Было трудно, но я их вырастила, они получили образование. Дочь работает в сельхозакадемии, имеет семью. Сын живет и работает в г. Буйнакске. Сама я до выхода на пенсию работала в 1-й детской поликлинике г. Махачкалы. Сейчас посвятила себя детям, их семьям, внукам. Многие из моих родственников, близких, подруг покинули этот мир. Это, конечно, неизбежно. А я живу воспоминаниями прошлого.

*Материал предоставлен Нагиевой М.К.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Я стал постигать истинный «вкус войны»

Фараджев Владимир Львович, родился в 1932 г. в г. Махачкале

Оглядываясь назад, в свое довоенное детство, я вижу себя избалованным пятилетним упрямым, главное удовольствие для которого – издеваться над собственной бабушкой. Родители мои, люди совсем молодые, были постоянно заняты. Мама училась в Пединституте, а отец, инженер-строитель по профессии, пропадал на бесчисленных стройках. День начинался с того, что бабушка Оля пыталась впихнуть в меня завтрак. Помню, как однажды она ходила с тарелкой, умоляя съесть хоть ложечку. А я ускользал: «Невку-у-сно». Бабушка присела на краешек стула и сказала: «Вот начнется война – все тогда будет вкусно». Не прошло и месяца, как наступил роковой день 21 июня 1941 г. ... Помню застывших у репродуктора родителей, они слушают выступление Молотова. И когда до меня доходит суть происходящего, и я начинаю носиться по квартире и орать во все горло: «Ура! Война, теперь все будет вкусно!».

А потом потянулись бесконечные и унылые дни, когда я стал постигать истинный «вкус войны». Вот когда мне снились пирожки с маком и курагой, которые пеклись до войны в нашем доме, и от которых я тоже по дуруости часто отказывался.

Беженцы прибывали в город непрерывными потоками, заполняли все городские парки, скверы, бульвары. Все стремились в Баку. Говорили, что оттуда можно переправиться через Каспий в Среднюю Азию. Тихая одноэтажная Махачкала с чистенькими и белеными домами и ухоженными садами превратилась в помойку, сточные канавы, прорытые вдоль центральных улиц и по окраинам города, не были рассчитаны на то обилие грязи, которое оставляли после себя беженцы. Поначалу дворники пытались бороться с этой грязью, но потом поняли, что это безнадежно. Однажды к нам в поисках ночлега заглянула незнакомая женщина. Она рассказала, как ей удалось избежать расстрела. Жила она под Моздоком и до прихода немцев не успела уйти из города. Ей – еврейке грозила смерть. Она уже стояла у края рва, куда согнали толпу обреченных. Глаза в глаза видела она своего палача молодого немца за пулеметом, который стрелял по толпе длинными очередями. «Вы представляете, ясные голубые глаза, – говорила она, – И улыбка... Не убийцы, а человека, который делает вам одолжение, убивает и желает счастливого пути... Муж успел меня

столкнуть меня в ров, до того как пулеметная очередь успела скосить нас. Меня спас, а сам погиб...».

Деду моему – Веньямину Мусаханову было 55 лет и на войну его не взяли. Он работал директором тарной базы на юге Махачкалы в районе Бондарного завода. По рангу ему полагался личный транспорт – линейка с облучком, на котором восседал кучер Аким. Запрягал в нее угрюмого мерина Воронка. Я часто увязывался за дедом, чтобы прокатиться, чтобы прокатиться в его экипаже. А уж когда Аким давал мне вожжи, я чувствовал себя на седьмом небе. С 1943 г. по 1947 гг. пока дед работал на тарной базе мы с Акимом были закадычными друзьями. Он был виртуозный матерщинник, но самый главный перл Аким выдал в ночь с 8 на 9 мая 1945 г., когда в 4 утра ввалился в дом деда виновато выпалил: «Вот ерунда получилась, война кончилась!». Эта фраза Акима стала в нашем доме крылатой.

Летом 1946 г. у подножья горы Тарки-Тау был разбит лагерь для военнопленных. Первыми на разведку отправились мы – мальчишки. На пологом склоне стояли палатки и группа мужчин в потрепанных, мышиного цвета мундирах приводила в порядок территорию. Лагерь охраняли молодые красноармейцы, с короткими карабинами. Кто-то из нас прокричал: «Немец, перец, колбаса!». Остальные подхватили, стали кричать, улюлюкать, кто во что горазд. Долговязый фриц, сгребавший мусор, глянул в нашу сторону и дружелюбно поднял руку: «Гитлер, капут!». На обратном пути, едва отойдя от лагеря, мы обнаружили заросли ежевики. Рассосредоточились по лощине и принялись лакомиться. Увлечшись ежевикой, я не сразу заметил, что кто-то тоже обирает этот куст. Сквозь ветки я разглядел серую форму и рыжую бородку и затравленный взгляд. Пленный тоже заметил меня. «Ягода, – старательно произнес немец, – вкусно». Яростный русский мат донесся до моего слуха, по склону скатился красноармеец, щелкнув затвором к рыжебородому и с остервенением ударил его в живот. «Сбежать падла задумал!», – тупые удары сопровождались выкриками. Немец не оправдывался и не сопротивлялся, после каждого удара он пытался выпрямиться в струнку, в какую-то минуту мне показалось, что удары обрушиваются на меня. До этого все было понятно: в мире есть свои, есть чужие, свои – хорошие, чужие – плохие. Но чтобы плохие вызывали сочувствие, а хорошие наводили ужас и страх..

Каждое утро пленных приводили в город мостить дороги, рыть котлованы, перестраивать старый стадион, они перекапывали землю в скверах и парках, где когда-то стояли таборы беженцев, убирали мусор, сажали деревья. Со временем пленные стали активно общаться с горожанами,

особенно с нами – мальчишками. За кусок хлеба можно было выменять открытку с изображением незнакомого немецкого города с готической надписью, за кусочек сахара фотографию храброго офицера со свастикой на рукаве. У всех у нас были уже были рейхсмарки, и металлические пфенниги и латунные пуговицы от мундиров, а кое– у кого железные немецкие кресты...

Опубликовано: Был такой город. Махачкала: Воспоминания. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2013. С. 188 – 191.

Я остался единственным мужчиной в семье

Чопаханов Чопахан Абжамович, родился в 1932 г. в г. Буйнакске

Война, начавшаяся 22 июня 1941 г., на долгие четыре года и три месяца прервала спокойную жизнь нашего народа.

Наша семья на начало войны состояла из шести человек: отец Чопаханов Абжам Юсупович, мать Чопаханова Шамсият Акаевна (они работали в колхозе), две сестры и один брат. Я был младшим сыном в семье.

Я хорошо помню первые дни войны. В Дагестане проходили митинги. Буйнакск бурлил. Многочисленные толпы людей собирались на центральной площади города и выражали готовность идти на фронт, защищать свой народ и Родину. Многие представители мужского населения нашего города отправились на войну. Колхозники, рабочие, учителя, врачи... Так, из нашей больницы воевать с гитлеровскими захватчиками ушли все врачи, остался только один врач...

Мой отец и старший брат, Чопаханов Тавсолтан Абжамович, тоже ушли на фронт. Больше я их не видел.

Жилось трудно. Еды на всех не хватало. Радовались тому, что имели. Мать целыми днями работала в колхозе. Я был единственным мужчиной в доме и чем мог, помогал матери. На мне лежала большая ответственность по хозяйству.

До пятого класса я ходил в нашу единственную школу. Грамоте меня обучала моя первая учительница Шамсият Расуловна. Ни книг, ни газет мы, подростки, не читали, да на это и времени не было – мы в поле пахали. Правда, когда получалось, играли с соседскими мальчишками в игру «чан-курбек». Сами мастерили игрушки. Помню, как я сделал своими руками из дерева кинжал. И хоть игры у нас в основном были военные, мы мечтали о скором окончании этой страшной войны и о том, чтобы вернуться

домой наши родные. Я, конечно, ждал отца и брата, которыми очень гордился. И еще одна мечта была у нас – чтобы еды хватало на всех. И как бы ни было трудно, мы все верили в Победу.

О Победе мы узнали по радио. В центре города, на площади, находился радиорепродуктор, звук из которого был слышен на весь город. Так узнавали о новостях с фронта. И именно так, по радио, теплым майским днем жители нашего города услышали радостную весть о долгожданной Победе!

Уже после войны, по достижении призывного возраста, я пошел в армию. Прослужив пять лет в Хабаровске, вернулся домой, женился на соседской девушке, которой, как-то, набравшись духа, написал письмо о том, что она мне нравится. Стал работать на вахте водителем, подрабатывал ночными дежурствами (охранником). Сегодня я – пенсионер-инвалид. Я очень люблю своих внуков и хочу, чтобы они никогда не испытали, что такое война.

*Материал предоставлен Чопахановым А.А. и Алиевой А.Х.,
Дагестанский государственный технический университет*

Буйнакск. Здание Аварского драматического театра. 1966 г. Фотоальбом № 78. Л. 5. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Основу питания составляла кукурузная мука

Шахбанов Магомед Тагирович,
родился в 1936 г. в с. Гергебиль Гунибского района

Семья наша состояла из семи человек: отец, мать, три брата и две сестры. Родители работали в колхозе. Отец был чабаном, «старшим» на ферме, мать работала в поле, обрабатывала кукурузу, ухаживала за фруктовыми деревьями. Отца призвали на фронт в 1942 г., дважды мы от него получили письма из г. Ростов-на-Дону, а в 1944 г. семью пришла горестная весть, что он пропал без вести.

Трудное у нас было детство. Плохо ели, мало спали, рано выросли. Мы помогали старшим по хозяйству: пасли скот, собирали кукурузу и фрукты. Основу питания составляли кукурузная мука и молоко нашей коровы. Подспорьем в нашем скудном рационе были фрукты: абрикосы, персики, орехи. Хорошо, что в школе нас кормили.

В школу я пошел в 1942 г. Моим первым учителем был Кудеэменов Магомед. Затем нас обучала Гасанова Хадижат (Чохъа Хадижат), родом из села Чох.

Мы, мальчишки, очень любили играть. Расскажу об одной игре. Группа ребят разбивалась на две команды. Одна команда должна была прятаться в одном из кварталов села, а другая – их искать. На следующий день они менялись ролями. Другая игра заключалась в том, что группа мальчиков кидала камни в определенную цель. Тот, кто не попал, должен был перетаскать по порядку остальных на оговоренное расстояние. Были и другие мальчишеские забавы.

Мечтал я в те трудные годы стать учителем. Героем для меня был легендарный имам Шамиль. О нем, о наибе Идрисе Гергебильском, об Абдурахмане Сугъури, о событиях Кавказской войны рассказывал мне мой дядя Шамиль.

Помню, что сельчане помогали фронту, собирая и отправляя в Красную армию посылки с одеждой и сухофруктами. Да, по соседству с нами во дворах Даммар Хусен и Увайси были на постое кавалеристы. Им помогали продуктами.

В селе многие помнят стихотворение, сочинённое моим отцом – Тагировым Шахбаном – на фронте. В нем он рассказал о горе и тяготах войны, поведал о тоске по родной земле, односельчанам.

Я хорошо запомнил, как узнал об окончании войны, осталось в моей памяти навсегда. Гасанова Хадижат (ЧПохъа Хадижат), особенно любимая сельчанами учительница, жила по соседству с нами. Как-то теплым майским днем я вышел на веранду нашего дома и увидел на веранде соседского дома учительницу Хадижат. Она с каким-то удивительным восторгом эмоционально воскликнула во весь голос: «Люди! Война кончилась!». Видимо она услышала эту долгожданную новость по радио (а радио тогда имелось только в домах учителей и служащих), которое было в доме, где она жила.

После войны постепенно окреп наш колхоз, расширилась школа, изменилась экономическая ситуация, улучшилась культурная жизнь людей. Я, окончив в 1953 г. среднюю школу, поступил на физико-математический факультет Дагестанского педагогического института. Вот тут-то и сбылась мечта моего военного детства. Завершив обучение в 1957 г., я стал учителем математики, работал завучем, директором в Гергебильской средней школы. С 1972 г. до ухода на пенсию работал в райкоме партии, в райисполкоме, в районной администрации на различных должностях. Имею почетное звание «Заслуженный работник муниципальной службы Республики Дагестан».

*Материал предоставлен Ибрагимовой З.Б.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

В конце рабочего дня давали одну банку муки

**Шахбанова Умайнат Магомедовна, родилась в 1946 г.
в с. Дылым Казбековского района Дагестанской АССР**

Яродилась после войны, но знаю об этом тяжелом времени по рассказам моих родителей. Я очень бережно отношусь к их воспоминаниям и хочу ими поделиться.

Накануне войны в нашем селе, по рассказам отца, насчитывалось 200 – 300 дворов, были медпункт, начальная школа. В школе тогда преподавали латинский язык.

В нашей семье до войны были отец, мать, дедушка Абулзид Султанмагомедов, бабушка Шахрузат Багавдиновна и трое детей: Авбакар (1935 г.р.), Убайганат (1938 г.р.), Абуталиб (1940 г.р.).

*Абулзидов Магомед Абулзидович,
участник Великой Отечественной
войны*

Отец вспоминал, что о начале войны сообщили по громкоговорителю и всех мужчин вызвали в отдел милиции. Моему отцу было тогда 30 лет, и его призвали в армию в начале войны. Мама осталась одна с тремя детьми. Тяжело ей было справляться с хозяйством. Чтобы топить печь, надо было за дровами идти в лес. Ходить туда приходилось и в снег, и в пургу. Найти нужные ветки, связать их в вязанки и на спине притащить домой в село.

Был у мамы приусадебный участок, где она выращивала кукурузу. Кукурузные зерна она молола на ручной мельнице, а из кукурузной муки лепила и выпекала лепешки. Работала мама и в колхозе им. Кирова. В конце рабочего дня давали банку муки.

Мой отец, Магомед Абулзидов, участвовал в битве под Сталинградом. При переправе через реку Волгу был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в г. Актюбинск, где он находился до 23 марта 1943 г. потом он был демобилизован как непригодный к военной службе. Отец – кавалер Ордена Отечественной войны второй степени.

Мой дядя, брат моей мамы, Гамзатов Расул Эминдадаевич, в годы войны был связным, участвовал в боевых действиях в Мурманской области, погиб при бомбежке. Домой родным он присылал письма. Вот что он написал в одном из них: «Служу связистом. В одном селе нашел мальчика трех лет. Он плакал у тела умершей матери. Я его забрал с собой в часть. Но командир его отправил куда-то. Куда, не знаю. Идут ожесточенные бои. Воюем без сна и отдыха. Скоро война кончится. Я найду этого малыша и привезу его домой, усыновлю». Письмо было адресовано жене Гамзатовой Багинат. Мой дядя погиб, не успев осуществить задуманное. Ему было всего 20 лет...

Мое детство пришлось на послевоенные годы. Я не испытала тягот военных лет, но хорошо помню, как трудились люди, обустроивали свою мирную жизнь. Уже в мирное время я пошла в школу, где меня обучали прекрасные педагоги – Гаджиев Изудин, Вавулина Татьяна Михайловна,

Магомедов Наби Магомедович. Я окончила Дылымскую среднюю школу, поступила в Дагестанский государственный педагогический университет, стала учительницей, вырастила и воспитала шестерых детей. Сейчас работаю воспитательницей в детском саду.

Но навсегда для меня героями останутся те, кто отдал свои жизни за наше мирное будущее, и мой отец, Абулзидов Магомед, прошедший дорогами войны и внесший вклад в достижение Великой Победы. В послевоенные годы он работал председателем сельского совета, председателем правления колхоза им. Кирова в с. Дылым, бригадиром полеводческой бригады. В самые трудные голодные послевоенные годы он был награжден Почетной Грамотой Верховного Совета Дагестанской АССР за перевыполнение плана по доставке хлеба государству.

*Материал предоставлен Шахбановой М.М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

Дом, в котором проживал Абулзидов Магомед до начала войны

Мама плакала и повторяла: «Война, война»

Шихмурзаева Асият, родилась в 1934 г. в с. Качалай
Бабаюртовского района Дагестанской АССР

Вскоре после моего рождения нашу семью переселили в с. Люксембург¹. Село было небольшим, сельчане в основном занимались полеводством. В нашей дружной семье помимо меня и родителей было еще две сестры.

Начало войны запомнилось мне тем, как мама горько плакала и причитала: «Война, война». Ей было, отчего плакать, ведь на фронт ушли два моих дяди Абдулбек и Шарабудин, ее братья. От них приходили редкие письма, в которых они рассказывали о своих боевых товарищах, о трудностях походной жизни.

Жизнь в условиях военного времени была очень непростой. Хозяйство вести было очень тяжело, так как большая часть мужчин была на фронте. Взрослым пришлось участвовать в работе колхоза. Трудились большей частью женщины, старики и дети подростки. Ели в основном каши из кукурузной муки, хлеб – мичары, сажали в огороде кукурузу, которая нас сильно выручала в военную годину. У нас была одна корова, и это было очень большим подспорьем для нас. Дом согревали, разводя в печи огонь и используя при этом высушенную траву, ветки и стебли кукурузы. Все дети, подростки помогали взрослым по хозяйству: собирали на зиму сухие ветки, кизяк. А еще собирали колоски на полях, помогая в уборке урожая колхозу.

Школа в селе работала, я в ней проучилась 2 класса, мою первую учительницу звали Айшат Ибрагимовна. Учебников, конечно, нам не хватало, писали чернилами в тонких тетрадах. Мы играли в подвижные игры, так как игрушек у нас было мало. А мечтали мы – маленькие дети – о том, чтобы быстрее закончилась война и началась мирная достойная жизнь.

День Победы, я помню опять-таки из-за того, что все плакали, кто от радости, кто от радости и горя одновременно. Также сильно радовались и плакали мы, когда с войны вернулся дядя Шарабудин.

После войны тоже было очень трудно жить, но потом постепенно жизнь стала налаживаться. Я вышла замуж в 18 лет, обзавелась семьей, в данный момент нахожусь на пенсии.

*Материал предоставила Амангулова Р.С,
отряд ТОКСа Бабаюртовского района РД*

¹ Село Люксембург Бабаюртовского района образовано на месте немецкой колонии Романовка, основанной в 1900 г. Немцы были выселены из колонии в Дагестан на основании секретного постановления ГКО № 827 «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» от 22 октября 1941 г.

Единство фронта и тыла было прочным, как никогда

Шихсаидов Амри Рзаевич, родился в 1928 г. в г. Дербенте

*Студент 1 курса ЛГУ
А. Шихсаидов 1946 г.*

Селение Касумент – центр одноименного района (ныне – Сулейман-Стальский район Республики Дагестан), один из крупных населенных пунктов Дагестана, расположенный на равнине в междуречье Курахчай – Чирахчай, был известен своими тружениками сельского хозяйства, садоводами и земледельцами. Славился Касумкент и как участник военных и политических событий первой четверти XX в. (антиденикинское восстание, разгром крупного деникинского отряда), и как культурный центр. Основателем селения был некий Касум, потомки которого и поныне живут в Касумкенте. Время основания селения – примерно первая половина XVIII в. (судя по эпитафиям-надписям на надмогильных памятниках, сохранившихся до наших дней).

Средняя школа, что на главной площади селения – самое главное светское образовательное учреждение селения (ныне в Касумкенте три средних школы). Школа гордится своими выпускниками, ставшими замечательными специалистами (преподаватели, руководители колхозов, нефтяники, ученые-профессора вузов, деятели культуры, врачи, партийные, общественные деятели).

Касумкент был одним из главных экономических и культурных центров Южного Дагестана. В базарные дни (воскресенье) сюда прибывали со своими товарами (масло, сушеное мясо, мелкий и крупный рогатый скот, зерно, сыр, изделия ремесленного производства) жители из соседних районов (Агульский, Курахский, Табасаранский). Иногда в Касумкенте устраивались ярмарки.

Сельский клуб был самым посещаемым заведением. Здесь ежедневно шла демонстрация отечественных фильмов («Джувбарс», «Дарико», «Ущелье алмазов», «Петр I», «Александр Невский», «Чапаев».

«Пархоменко», «Свинарка и пастух», «Арсен», «Мы из Кронштадта», «Ленин в октябре», «Ленин в 1918 году»). Это были замечательные отечественные фильмы. Мы – школьники всех классов, смотрели эти патриотические ленты, смотрели неоднократно («Чапаева» по пять раз), наизусть знали многие отрывки текстов, имена артистов у всех были на устах. В сельском клубе ежегодно выступал известный на всю республику «Лезгинский театр», основанный в селении Ахты, с обширным репертуаром («Невеста огня», «Проделки Скопена» и т.д.). А за час до начала спектакля перед входом в клуб играл духовой оркестр театра. Ровно в семь часов вечера начинался спектакль. Артисты (они же музыканты, которые только что играли у входа в клуб) чудодействовали на сцене. Мы почти всех артистов знали по именам, боготворили их.

В клубе часто выступали художественные коллективы района, происходили торжественные собрания по случаю праздников. Тогда радости нашей не было конца. Дело в том, что за час до собрания у входа в здание клуба выступала знаменитая семья Исрафиловых – виртуозных гармонистов. В их руках гармонь не то что играла, а пела и говорила.

При сельском клубе находилась районная библиотека, причем, довольно богатая для того времени. Я и мои друзья были в ней частыми гостями.

В Касумкенте были сосредоточены главные административные учреждения района (райком партии, райисполком, военкомат, райком комсомола, правление колхоза им. III Интернационала), а также библиотека, районная больница, музыкальная школа, регулярно выходила районная газета на лезгинском языке (главный редактор – Саид Алиметов).

Достопримечательностью Касумкента, да и всего Дагестана, был построенный в 1930 г. красивый семнадцати пролетный арочный мост с односторонним движением на реке Чирахчай, названный местным населением «мост Искендера» по имени тогдашнего главы района Алискендера Гасанова Алкадарского, внука Гасана Алкадарского.

Я родился в 1928 г. в городе Дербенте, где работал мой отец Шихсаидов Рза, выпускник I-й мужской Тифлисской гимназии (окончил ее с золотой медалью), военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, в 1921 – 1922 гг. – первый нарком здравоохранения Дагестана, затем – главврач Касумкентской районной больницы, а после – главврач Дербентской больницы и руководитель горздравотдела. После его смерти наша семья (мать – Ханум Шихсадова, братья Аскер, Атем и я) вернулись в Касумкент. Здесь был наш дом, строительство которого началось еще при отце. Здесь мы жили вместе с бабушкой Рейханат, дочерью Гасана Алкадарского, прошед-

шей в 1878 – 1883 гг. в возрасте 7 – 11 лет вместе с ним ссылку в Тамбовской губернии.

Моя мать, дочь Рейханат, после смерти моего отца, устроилась старшей медсестрой в Касумкентскую районную больницу, где проработала несколько десятков лет. За многолетний и добросовестный труд она была отмечена орденом «Знак Почета», редкой в то время правительственной наградой. Мать вынесла за свою жизнь много горя: она потеряла мужа, брата, репрессированного в 1937 г., трех сыновей, один из которых умер в младенчестве, а двое других сыновей и племянник погибли в годы Великой Отечественной войны, защищая Родину. Она была героической, мужественной женщиной, работала, как говорят, не покладая рук, растила своего единственного оставшегося в живых младшего сына, находила утешение в работе, в уходе за больными в больнице, созданной ее мужем. Я нередко видел ее грустной, в слезах, и трудно мне было подобрать слова, чтобы успокоить ее женское, материнское сердце. Как-то я сказал ей: «Мама, почему ты такая грустная? Ты должна гордиться, что вырастила двоих сыновей, которые мужественно сражались за Родину и погибли как герои, один – защищая Ростов под Матвеевым Курганом¹, другой – под станцией Крымской, защищая Кавказ. Ты должна с гордостью носить орден «Знак Почета». В институте, где я работаю, 150 сотрудников трудились много лет, чтобы заслужить эту награду, а ты одна получила ее за свой титанический труд!». Моя мама скончалась в 1984 г. и похоронена в родном селе Касумкент.

О внезапном нападении фашистской Германии мы узнали по радио. Это было днем, воскресным ясным летним днем, кажется, в 12 часов. По радио передавали выступление Председателя Совета Народных Комиссаров Вячеслава Михайловича Молотова, популярного в стране государственного деятеля. Не было никакой паники. На главной площади селения состоялся митинг, где работники райкома партии говорили о вероломном нападении гитлеровцев, о неминуемой победе над коварным врагом. Люди стали очень серьезными, а дети внезапно повзрослели, чувствовалась внутренняя тревога, пришло ощущение того, что наступают трудные дни. Но все были уверены, что наша славная Красная армия обязательно расправится со злейшим врагом.

Но вскоре мы стали осознавать, что в первые дни войны никто не представлял себе всей глубины опасности, нависшей над страной, над

¹ Матвеев Курган – поселок в Ростовской области. Был оккупирован немецко-фашистскими войсками с 17 октября 1941 г. по 17 февраля 1943 г. В начале марта 1942 г. три морские бригады вели кровопролитные бои с немцами за высоты у райцентра. Потери составили более половины личного состава.

мировой цивилизацией вообще. Мы были воспитаны на кинолентах, подобных фильму «Если завтра война», где вражеские танки взлетали в воздух, как щепки, вражеская пехота «драпала» назад с молниеносной скоростью, а бравая музыка сопровождала эти легкие победы над смешным и глупым врагом. Наша военная доктрина настойчиво утверждала, что, если начнется война, то она будет на территории врага, а наша победа станет молниеносной.

Но практика показала: война не кончится так скоро, враг силен, хитер и умен, он основательно подготовился к войне. Несмотря на героическое сопротивление славной Красной армии, фашисты захватывали один город за другим, область за областью и за короткое время оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию, Северный Кавказ до Грозного, осадили Ленинград, вплотную подошли к Сталинграду, нависла опасность над столицей нашей Родины – Москвой. Несмотря на громадные людские и территориальные потери, страна социализма, советский народ верили в Победу. «Все для фронта, все для победы!», «Враг будет разбит, победа будет за нами!» - эти лозунги вдохновляли страну, каждую республику, каждый город, каждое село. Единство фронта и тыла было прочным, как никогда.

Касумкентский райком партии, райисполком, райком комсомола, все хозяйственные организации всю свою деятельность посвятили делу победы, интересам фронта. На следующий день после начала войны десятки молодых людей приходили в военкомат, просили отправить их на защиту Отечества. Мой старший брат Аскер Шихсаидов, учившийся в Махачкалинском механическом техникуме, еще до начала войны был направлен по его просьбе в Севастопольское военно-морское училище (1939 г.). Когда началась война, уже будучи курсантом этого училища, Аскер попросил отправить его на фронт. Командир взвода морской пехоты А. Шихсаидов героически погиб в боях за Матвеев Курган под Ростовом. В мемориальном музее Высшего военно-морского училища в Севастополе имя Аскера Шихсаидова золотыми буквами увековечено на Доске памяти. Начальник училища контр-адмирал И. Смоляк недавно сообщил нам: «По данным Книги памяти Черноморского высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища им. П.С. Нахимова, изданной в Севастополе в 1990 г., лейтенант Шихсаидов А.Р., 1920 г.р. – командир взвода 81 отдельной морской стрелковой бригады пал смертью храбрых 10 марта 1942 г. в бою под Матвеевым Курганом Ростовской области...».

Мой средний брат Шихсаидов Атем, 1931 г.р., после окончания школы в 1939 г. поступил в автодорожный техникум, но впоследствии был исклю-

чен из числа студентов как племянник «врага народа». В 1940 г. в возрасте 19 лет Атем стал учащимся военного училища г. Сумгаит близ Баку. Когда началась война, училище перевели в г. Зестафони в Грузии, где Атем прошел подготовку по специальности «огнеметчик». Получив известие о гибели старшего брата, он 27 апреля 1942 г. написал матери: «Кровь во мне кипела, когда я прочел твои слова о гибели моего брата. Эти слова не забуду никогда. Я буду мстить за моего родного Аскера, погибшего за честь, за свободу, за Родину. А если меня возьмет вражеская пуля, то есть третий брат – он смешит меня...» Письмо Атем завершил словами: «Я сегодня хочу подать заявление командованию, чтобы меня отправили на фронт. Пусть даже я погибну за правое дело, за которое погиб мой брат». Атем участвовал в боях на Севастопольском фронте с февраля 1941 г. у станции Крымской Краснодарского края он был смертельно ранен. Похоронен Атем Шихсайдов в станице Колесниково. Имена обоих моих братьев занесены в «Книгу памяти», изданную в Махачкале.

Первая похоронка, пришедшая в Касумкент с фронта... Это была весть о гибели моего старшего брата Аскера. Письмо поступило в Касумкентский райвоенкомат, и его работники почти неделю не решались сообщить об этом матери. Наконец, похоронку поручили отнести в больницу, где работала мать, одной нашей родственнице. Не знаю, существуют ли такие мистические совпадения, но в этот день меня в первый и в последний раз в жизни выгнали с уроков (уже не помню по какому поводу). Я взял свою сумку и отправился домой. Когда я шел мимо больницы, мне почему-то очень захотелось повидать маму, хотя до этого я никогда не навещал ее на работе. Тут я увидел плачущую мать, а она, заметив меня, протянула мне какую-то бумагу со словами: «Твой брат вернулся...». Я не помню, как мы преодолели расстояние от больницы до дома. Гибельная весть быстро облетела селение, и в течение нескольких дней к нам шли родственники и знакомые из Касумкента и других селений...

Потом похоронки стали приходиться в райвоенкомат все чаще и чаще. Плакали то в одном, то в другом селении района. Мне казалось, что у матерей и родных уже не осталось слез. И еще страшно было думать, что люди могут привыкнуть к этим в пол-листа официальным бумагам. Когда пришло извещение о гибели второго брата, Атема, то нам уже сообщили незамедлительно...

1 Станица Крымская (ныне город Крымск) Краснодарского края была оккупирована немецко-фашистскими войсками с 20 августа 1942 г. по 5 мая 1943 г. Пользуясь временной стабилизацией фронта на центральном участке юго-западного направления и готовясь к новому летнему наступлению в феврале 1943 г., немецко-фашистское командование решило удерживать за собой Кубанский плацдарм и при благоприятных условиях вновь попытаться захватить Кавказ. Станица Крымская, через которую проходили основные железнодорожные и грунтовые пути к Тамани и Новороссийску, была превращена гитлеровцами в мощный узел обороны.

До начала войны мы жили довольно хорошо. Продукты питания можно было купить на рынке, хлебный магазин работал бесперебойно. Сыр, масло, сахар всегда имелись дома. Промышленные товары покупали в основном в городах, но в воскресенье (это был базарный день как районного, так и межрайонного масштаба), их можно было достать на рынке. Все были одеты, обуты. Но с началом войны все изменилось. Появились проблемы с хлебом, маслом, мукой, сахаром, приличной обувью, цены на рынке поднялись, начались трудности со спичками, тогда-то на рынке появились кресало, кремь, трут, при помощи которых можно было развести огонь. Вместо сахара мы узнали таблетки сахарина. Одна такая таблетка на чайник кипятка – и сладкий чай готов! Не хватало соли, в продаже на рынке появились чуреки, изготовленные из муки на «красной» воде. Не хватало обуви, и на рынке стали предлагать «чарьки» («шаламар» по-лезгински).

В Касумкенте действовала карточная система. Карточки на хлеб выдавались всем служащим, учителям, членам их семей, детям участников Великой Отечественной войны, сиротам и тем, кто жил в интернате. В районе появились детские дома. Эти мероприятия сыграли большую роль в борьбе с трудностями военного времени. В Касумкенте за все время войны не было случая, чтобы не выдавали хлеб по карточкам, не было случаев значительной задержки выдачи зарплаты, ни на один день не прекращалась работа школы. Колхозники села, да и всего района, получали зерно по трудодням (после сдачи государству необходимых налогов). В общем, партийные, советские органы, руководители колхозов, все население сделали много не только для помощи фронту, но и в интересах трудящихся на местах, в борьбе с трудностями и лишениями военного времени. Лично я не знаю случая, чтобы в районе кто-нибудь умер от голода. Немалую роль сыграла и исторически, веками сложившаяся в Дагестане традиция противостояния всем трудностям общины-джамаата. Каждая семья готовилась к могущим возникнуть трудностям, и в мирное время готовила достаточные запасы зерна, муки, продуктов животноводства. Таким образом, большую роль сыграла также веками сложившаяся традиция взаимопомощи населения.

Когда началась война, я учился в 6-м классе Касумкентской средней школы. Школа располагалась в большом красивом одноэтажном здании. При школе был интернат для учащихся из дальних селений района. В школу мы ходили с удовольствием. Многие ребята, мои одноклассники, приходили в Касумкент из близлежащих сел, где средняя школа отсутствовала – Юхари-Стала, Орта-Стала. Я не помню, была ли у нас школьная

библиотека, но учебники были у всех (История СССР, История Древнего мира, грамматика русского языка Бархударова¹, учебники по алгебре, геометрии, литературе XIX в., по физике). У нас был дружный, миролюбивый, благовоспитанный коллектив учащихся. Опоздания и пропуски занятий без уважительных причин практически исключались. Шум, разговоры во время занятий были крайне редким явлением – культ учителя прививался с первого класса. Я помню почти всех своих одноклассников, некоторых своих соучеников по школе. Многие из них, окончив школу и продолжив образование, стали замечательными специалистами: Мехтиев Нариман, Оруджев Орудж, Мейланова Фатимат, Шихнабиев Мирза, Мирзакеримов Садык, Мустафаева Пердженханум, Рамазанова Сегерханум, Касумов Ифрат, Казибеков Сейфулла, Мейланова Адиба, Нурмагомедов Магомед. Нурмагомедов М., учитель Юхаристальской средней школы, заслуженный учитель СССР и ДАССР, создал замечательный школьный музей, руководил организованным им отрядом ТОКСа, собрал большое число фронтовых писем, наладил переписку и провел встречи со многими участниками Великой Отечественной войны.

В школе в годы войны со мной учились замечательные русские ребята и девочки – Щедролобов Сергей, Симонов Валентин, Скамбрычая Раиса. По окончании школы, они уехали из Касумкента. Мне не удалось проследить их судьбу. Только Сакк Татьяна, отличница учебы, окончила Дагестанский мединститут, стала известным в республике врачом-рентгенологом.

Мои особые, теплые слова относятся к моим учителям, обладателям знаний, высоких нравственных качеств, врожденным интернационалистам. Это были самые авторитетные, самые благородные, самые нравственно чистые и бескорыстные представители интеллигенции. Многих из них я не помню по именам, потому что в школе мы обращались к ним не по имени и отчеству, а, как было тогда принято, «учитель» или «учительница». Их влияние на нас было огромным, мы любили их за знания и простоту. У нас не было понятия «хороший учитель» или «плохой учитель». Мы знали только слово «Учитель» и все... Это был эталон всего доброго, прекрасного...

В первом и втором классе меня учила моя тетья Шахрузат Султанова, внучка Гасана Алкадарского, выпускница Бакинской женской мусульманской гимназии, учрежденной на средства миллионера Тагиева.

¹ Бархударов Степан Григорьевич – выдающийся советский лингвист, член-корреспондент АН СССР, профессор. «Грамматика русского языка. Учебник для неполной средней и средней школы» под редакцией С.Г. Бархударова и Е.И. Досычевой вышла в свет в 1938 г. Это был первый стабильный учебник русского языка, получивший широкое признание в стране.

Впоследствии она открыла у себя дома школу для девочек, была награждена орденом Ленина. Все ее дети (Аслан, Джалал, Жасмина) впоследствии стали педагогами и работали в средней школе.

В четвертом классе нашим классным руководителем был Буржали-муаллим. Он доверял мне классный журнал, и я отмечал отсутствующих.

Хорошо помню преподавателя русского языка Джарулла Мехтиева, выпускника Горийской гимназии. Это был замечательный учитель, прекрасный знаток русского языка и русской литературы, хороший наставник. Помню, как однажды на уроке (тогда я учился в шестом классе) он прочел нам статью, перепечатанную «Дагестанской правдой», под названием «Таня». Так мы, школьники из горного села, впервые узнали о подвиге и героической гибели отважной комсомолки Зои Космодемьянской.

В 1943 г. в Касумкент из Махачкалы перевели Дагестанский педагогический институт. Для аудиторий вуза стали использовать классные помещения нашей средней школы. Некоторые вузовские преподаватели давали нам уроки. Огромным авторитетом среди учащихся пользовались Мейланов Сиражутдин Джамалутдинович и его жена Патимат Агаларова, которые вели у нас занятия по физике и математике. Частенько мы общались со студентами института, проживавшими в интернате при школе.

Я хорошо помню директоров нашей школы Мирзоева, Абдуллаева, учителей Аминова, Меликова, преподавателя русской литературы в девятом классе Татьяну Тимофеевну, учителя алгебры Пагиева Аркадия Сергеевича. Именно в 7 – 10-м классах особо стала ощущаться тяга к чтению художественной литературы. Тогда мы познакомились с великими произведениями «Война и мир», «Воскресение», «Ревизор», «Что делать?», критическими статьями Белинского и Добролюбова. Из иностранной литературы мне и моему другу Нариману удалось прочесть многие творения А. Дюма и Ф. Купера. Эти книги нам давали в одной семье, эвакуированной из Ленинграда...

Все ждали, что вот-вот объявят об окончании войны

Шихсаидова Рэя Сергеевна,
родилась в 1928 г. в г. Ленинграде

*Студентка 1 курса ЛГУ
Р. Давыдова. 1946 г.*

Накануне войны семья наша состояла из трех человек: мама, Давыдова Ольга Петровна (1902 г.р.), инженер-металлург, отчим, Смирнов Николай Иванович (1903 г.р.), имел среднее техническое образование, и я.

Как началась война, я помню очень хорошо. Это был летний выходной день, 22 июня 1941 года. С утра мама решила поехать со мной «на природу», в лесопарк, который находился неподалеку от того места, где мы жили. Она стала собирать сумку с едой и одежду, а я выбежала во двор и там ждала маму. Время уже приближалось к полудню, а мама все не выходила из дома. Тогда я решила подняться в квартиру, чтобы узнать, что случилось, и почему мама задерживается. Когда я открыла дверь, то увидела, что все слушают радио, а в глазах у них – слезы. Началась война... Поездка наша не состоялась.

Взрослые нашего дома во дворе собрали детей-школьников и стали давать разные поручения. Мы носили песок и воду на чердак дома, заклевали стекла на окнах широкими бумажными полосками на случай, если будут бомбежки.

Родители уходили на работу, на завод, а я оставалась дома. Часто сидела у окна и смотрела, как маскируют военные заводы. На крышах натягивали маскировочные сетки зеленого цвета, сверху на них раскидывали зеленые ветки деревьев, чтобы с воздуха враг не распознал, что это военный объект. В начале сентября 1941 г. город был взят фашистами в блокадное кольцо.

Когда в конце января (27 числа) 1942 г. в блокадном кольце советскими войсками был пробит коридор, началась эвакуация рабочих заводов и их семей. Моих родителей направили на военный завод Сталинграда.

Зима в тот год выдалась морозная, дули сильные ветры. Где-то в конце марта мы доехали до Сталинграда. Прибывших специалистов-ленинградцев разместили в районе, называемом «Сорок домиков». Родители работали на одном из военных заводов. Тогда в городе было еще спокойно. Летом 1942 г. нас, школьников, отправили в г. Камышин, расположенный севернее Сталинграда, на сельскохозяйственные работы.

Там мы работали наравне со взрослыми. Обрабатывали поля, убирали созревший урожай, готовили еду, стирали свою одежду. Но в один из дней пришел приказ вернуть всех нас обратно в Сталинград. Видимо, обстановка стала более напряженной. Возвратившись в город, мы ощутили это на себе. Практически каждую ночь объявлялись воздушные тревоги. Наши крупнокалиберные зенитки, изготавливаемые на одном из заводов, не подпускали фашистские самолеты к городу. Несмотря на участвовавшие массированные налеты по ночам, сбрасывать бомбы им не удавалось. Бомбардировщики разворачивались и улетали обратно.

Как-то надо было купить немного керосина, а продавали его в небольшой будке (что-то вроде магазина), находившейся около военного завода. Было раннее утро. Лето в том году было жаркое, и солнце изрядно припекало. Взяв флягу, я отправилась за керосином. Кроме меня продавца ожидали двое мужчин. Они сидели на камнях, я присела рядом. Молчали... Вдруг мы услышали звук летящего самолета. Мне стало как-то не по себе. Один из сидящих уверенно сказал: «Это наш. Я хорошо знаю гул наших самолетов». Тут, приближаясь к заводу, самолет резко снижился, и я отчетливо увидела на нем зловещий знак – фашистскую свастику. От страха я вскочила и побежала. Второй мужчина стал мне кричать: «Куда ты!? Остановись!». Но я продолжала бежать. Тогда он догнал меня и с силой толкнул. Я упала на землю. В это время послышался звук падающих бомб. Но что удивительно! Взрывов не было! Две бомбы упали за забором завода, а третья – почти рядом с нами.

Оказалось, бомбы действительно не разорвались. А случилось это потому, что начинены они были, как потом рассказывали старшие, всякой трухой, опилками и при ударе о землю просто развалились. Жизни работающих в тот день на заводе людей были спасены, да и наши тоже. После этого много говорили о смелом поступке немецких рабочих, которые изготовили эти бомбы, и об их отношении к этой войне, к Советскому Союзу.

Очень плохо помню, покупали ли мы что-нибудь из продуктов в магазине, кроме хлеба, конечно. Помню, как родителям выдали талоны на соль (капусту, огурцы, помидоры), получали мы их прямо со склада. И еще

помнится, у кого была награда «За трудовое отличие» или «За трудовую доблесть», можно было по коммерческой цене купить буханку белого хлеба. Один раз родители тоже принесли белый хлеб. У моего отчима была эта награда.

Совсем близко от места, где мы жили, начинался яблоневый сад. Он был посажен между сопками, в балках. Детвора и я, в том числе, бегали туда за яблоками, собирали их свободно. В один из таких походов нам преградили дорогу красноармейцы. Мы остановились в недоумении, пытаюсь понять, что произошло. Оказывается, в нашем излюбленном месте теперь стояли зенитки, а около них находились молодые бойцы Красной армии. Увидев растерянные лица мальчишек и девчонок, красноармейцы догадались, чего мы хотели. Тут же они начали набирать яблоки в каски и по цепочке передавать их нам. Мы, недолго думая, стали складывать эти яблоки, кто куда мог: мальчишки – за пазуху, девчонки – в подол платья.

С каждым днем обстановка в городе осложнялась. Это был август 1942 г. Встал вопрос об эвакуации рабочих завода и нашем отъезде. Ежедневно из порта уходили пассажирские пароходы. С билетами было очень сложно. Родителям посчастливилось достать билеты на последний уходящий пароход. Посадка было очень тяжелой. Казалось, что пароход сильно перегружен. Все пароходы до этого отплывали днем, их обстреливали и даже бомбили. Капитан нашего судна принял решение, не дожидаясь рассвета, отбыть ночью, хотя и в ночное время река освещалась немецкими ракетами. Две такие ракеты, одна за другой, были выпущены по ходу маршрута нашего судна. Первая из них осветила реку впереди парохода, а вторая – сзади. Но в поле зрения врага мы, слава Богу, не попали.

К утру мы достигли безопасного места, и дальнейший путь до Камского Устья прошел благополучно. Там нам пришлось сделать пересадку на другой пароход, идущий по р. Каме до местечка Галево, а оттуда – на машине до г. Воткинска Удмуртской АССР. Там также находился военный завод Наркомата вооружения СССР¹.

Родители начали работать на заводе, а я и моя сестра (родная дочь отчима от первого брака, мама которой умерла в блокаду, после чего отчим забрал ее к нам) учились в школе – я в 7-м, а сестра в 10-м классе средней школы № 17 им. Э. Тельмана. В апреле 1944 г. меня приняли в комсомол. Я была членом редколлегии школьной и ответственным редактором классной газеты. Каждый раз перед началом уроков мы пели гимн, потом

¹ Народный комиссариат вооружения – один из центральных органов управления в СССР с января 1939 по 1946 гг., контролировавший оснащение Красной армии практически всеми видами вооружения.

учителя проводили с нами политинформацию. Учащиеся по сообщениям Советского информбюро рассказывали, какие вести за сутки приходили с фронтов. Имен и фамилий учителей я не помню, одноклассников тоже. Запомнила только одну девочку, удмуртку, с которой дружила. Звали ее Маргарита Харалдина.

Книги мы получали в библиотеке. В основном это были учебники и литература по школьной программе, но иногда удавалось читать и внеклассную художественную литературу. Запомнилось мне, как на одну ночь мне как-то дали книгу «Всадник без головы», и я ее всю прочла.

Учились мы во вторую смену. После занятий в школе, а иногда и пораньше, когда под разными предлогами отпрашивались с последнего урока, мы с сестрой бежали к началу спектакля в театр на оперетту. Тогда в Воткинске на гастролях находилась, если я не ошибаюсь, Московская областная оперетта. Других развлечений у нас не было.

Заботы по дому легли на наши плечи. Мы покупали на базаре продукты: картошку, замороженное молоко. Из овощей хорошо помню брюкву («калега» по-удмуртски), репчатый лук. Ведро картошки стоило 500 руб., пол-литровая бутылка кипяченого молока – 70 руб. Конечно, все было достаточно дорого.

Вместе с сестрой мы стирали белье, а белое иногда даже кипятили. Потом на санях (это было зимой) везли полоскать на речку в проруби. Вода была ледяная, руки от холода немели. Пока белье довозили обратно домой, оно превращалось в ледяную глыбу.

Готовить дрова для отопления жилого помещения (обогревали только одну комнату) чаще приходилось мне. Бревна были очень толстые (примерно по 50 – 60 см и больше), да еще и сырые. Распиливать их приходилось прямо на земле, поднять их на козла не было никакой возможности из-за тяжести. Пила у нас была только двуручная, и то мы радовались, что хоть такая есть. Когда мне удавалось отпилить три пня, я считала, что совершила подвиг. Затем колола их на поленья. Одно строгала на лучины, чтобы было легче высушить, а затем поджечь и растопить печку.

Бывали дни, когда заканчивались и еда, и деньги. Тогда нам, детям, надо было что-нибудь придумывать. Бывало, мы с сестрой отправлялись в лес собирать грибы, их было достаточно. К вечеру у нас бывал готов ужин – жареные грибы с луком, вернее, не жареные, а тушеные на воде, потому что масла не было.

Когда становилось совсем туго, особенно зимой, мы отправлялись в соседние деревни, чтобы купить хоть что-то из еды или выменять. Хочу рас-

сказать об одном из таких «походов» в деревню. Денег у нас не было, и мы решили попробовать обменять оставшиеся среди вещей шелковые ленты, кружева и прочие мелочи на любые продукты.

Отправились мы днем, а зимой быстро темнеет. С обменом ничего не получалось, хотя мы заходили в каждый дом. Оставалась еще одна деревня. Это примерно километров семь от города. Мы обошли почти все дома и уже собирались возвращаться домой. И тут хозяйка одного из домов, увидев нас, замерзших, с красными носами, позвала и попросила показать, что у нас есть. Видимо, пожалела нас. Забрав все наши ленты и кружева, она насыпала нам полный рюкзак гороха. Радостные и счастливые, мы отправились домой. Стало уже совсем темно. Когда мы миновали вторую деревню, то на дороге встретили повозку (сани), в санях сидела женщина. Увидев нас, она спросила, как далеко мы идем, и сразу предложила подвезти нас до города.

Вскоре сани выехали на прямую дорогу по направлению к городу. Тут мы заметили, что лошадь ведет себя как-то беспокойно, фырчит, странно бьет копытом. Возница сразу догадалась, что где-то близко находится волк. И действительно, примерно в двухстах метрах от нас на дорогу вышел волк. В темноте мы увидели его сверкающие зеленые глаза. Стало страшно. Возница подстегнула лошадь, чтобы та шла быстрее. Какое-то время волк преследовал нас, но когда мы стали выезжать из леса на открытую дорогу, он остановился, а потом свернул обратно в лес.

Добрая, мудрая женщина не оставила нас, замерзших девочек, в темное время суток одних на дороге и тем самым спасла наши жизни.

А этого гороха нам хватило надолго...

Дирекция завода проявляла постоянную заботу о приезжих специалистах. Питались они в заводской столовой, по талонам. Хоть и редко, но иногда выдавали дополнительные талоны. Тогда родители отдавали их нам. Мы тоже ходили обедать в столовую, правда, старались подойти к концу обеденного перерыва, когда рабочие уже завершали обед. Мы стеснялись появляться в столовой, так как сами на заводе не работали.

Когда совсем нечего было есть, мама приносила на второе блюдо от своего обеда. Мы с сестрой делили его пополам. Позднее дирекция завода, сделав просеки в лесу, обеспечила всех земельными участками под посадку картошки. Земля была песчаная, и урожай получался шикарный! Два – три куста давали ведро картошки. Сажать картошку и собирать урожай стало нашей, детской, заботой, приносившей нам большое удовлетворение и радость.

В свободное от учебы время я также работала в подсобном хозяйстве завода, помогала выполнять любые виды работ. Мы вскапывали и рыхлили землю, сажали картошку и помидоры. Когда поспевали зерновые, работали серпом, вязали снопы, затем складывали их в скирды, сверху укрывали чем-нибудь, на случай дождя. Помню, что меня даже премировали – подарили первую в моей жизни шелковую комбинацию.

Потом пришло время, когда советские войска начали наступление на вражеские позиции по всем фронтам. Эвакуированные в свое время с ленинградских заводов специалисты, в том числе и мы, стали мечтать о возвращении в Ленинград. Новости узнавали, слушая радио. Газет я не помню. Когда пришло известие об освобождении Киева, на улицах у репродукторов царило всеобщее ликование. Летом 1944 г. наша мечта осуществилась, мы вернулись в Ленинград.

Сначала нас поселили на окраине города, в с. Рыбацком, в частном доме одной старушки, правда, у нее мы оставались недолго. Скоро получили жилье от завода, где работали родители.

Наступила весна 1945 г. В первых числах мая, начиная со второго мая, все ждали, что вот-вот объявят об окончании войны. Взрослые, боясь пропустить этот момент, несколько ночей почти не спали. Я тоже не спала. Но, как это обычно бывает, когда толком не спишь и находишься в полудреме, в нужный момент сон все же берет свое. Со мной случилось то же самое: момент об объявлении окончания войны я проспала! Очнулась я от «взрыва» всеобщего ликования окружающих, продолжавшегося еще очень долго. Ведь это была Победа!

Жизнь в Ленинграде стала налаживаться. На Невском проспекте был снова открыт лучший в городе магазин «Елисеевский» (гастроном, коммерческий). Мама купила там 200 грамм сливочного масла, немного конфет и папиросы, которые у нее кто-то украл из кармана. Это было дорого, но без продуктовых карточек. Как-то позже, мамина приятельница взяла меня с собой в этот магазин. Глаза разбегались от увиденного. Она смогла купить нам только одно мороженое на двоих. Стоило оно 70 рублей. Это мороженое было необыкновенно вкусным. Носовой платочек, которым я вытирала рот, мне долго не хотелось стирать, чтобы не исчез этот волшебный запах!

За нашим домом до войны был, кажется, заводской стадион. Его поле жители соседних домов, в том числе и мы, разделили на участки под огороды. У нас было два участка под картошку и один под овощи (свеклу, помидоры, огурцы, редиску, зеленый лук и т.д.). Это нам очень помогало переживать карточный период.

Сестра училась в медицинском институте. А я пошла в 9-й класс средней женской школы № 335 Невского района. Педагогический коллектив в нашей школе был сильный, мы получили хорошие знания. К сожалению, я плохо помню имена преподавателей. Математику нам преподавала строгая Елена Роше, русский язык и литературу добрая Анна Алексеевна, немецкий язык вела весьма придирчивая учительница, остальных вовсе не помню.

Школу я окончила в 1946 г., в том же году поступила в Ленинградский государственный университет им А.А. Жданова на восточный факультет. После окончания университета в 1951 г. вместе с мужем, Амри Рзаевичем Шихсаидовым, приехала в Дагестан. Начала работать в Дагестанском филиале Академии наук СССР, сначала в научной библиотеке, потом заведовала Рукописным фондом Института истории, языка и литературы, а после стала сотрудником сектора истории Дагестана досоветского периода. С 1989 г. нахожусь на пенсии.

От оккупантов мир стонал...

Щебанова Евгения Ивановна,

родилась в 1928 г. в деревне Гнездилово (ныне Железногорский)
Верхнелюбажского района Курской области

Родилась Евгения Ивановна в семье ответственных учителей – дед, отец, две тётки, четверо дядей работали в школе. Семья Щебановых – это мать Елена Афанасьевна, отец Иван Семёнович, сама Евгения, брат и сестра.

Когда началась Великая Отечественная война, Жене было 12 лет. Тогда отец девочки был прикован к постели, у него был абсцесс лёгких. Благодаря усилиям родных, он поправился и ушел на фронт. Служил ее отец на Карело-Финском фронте. Село же, где жила Женя, было оккупировано немцами. Фашисты относились к населению, как к рабам, не различая ни старых, ни молодых.

«Как сейчас помню, – рассказывает Евгения Ивановна, – идут по деревне здоровые, откормленные мужики, грязными сапогами толкают калитки. А мы с ребятами спрятались за сарай и смотрим на них испуганными глазенками: вот, мол, какие они зверюги... Фашисты бесцеремонно вламывались в дома, грабили, отнимали домашнюю скотину, топтали огороды. А если кто-то из жителей пытался сопротивляться – сразу убивали».

В оккупации село находилось два года. Время было тяжелое. Режим террора и грабежей. Деревней управлял немец-комендант, который выбрал

из сельчан полицаев себе в помощь. Уже гораздо позже был выбран староста села, который ввел такую систему, что если у кого-то забирали корову, то все село должно было понемногу заплатить этому сельчанину, чтобы восполнить убыток.

Летом 1943 г. развернулось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны – Курская битва. Страшные бои шли на Орловско-Курской дуге. Немецкая армия осуществляла вторую попытку занять Курскую область, но уже тогда все села, в том числе и Гнездилово, где жила семья Щебановых, эвакуировали в деревню за 5 км, а в их домах был расквартирован штаб советской армии. Во время этого наступления немцев, дети и подростки курских деревень копали траншеи, блиндажи, землянки для советских солдат, среди них была и маленькая Женя.

Евгения Ивановна хранит воспоминание о том дне, когда в их деревню пришел еле живой, весь обожженный, оборванный солдат и сообщил об освобождении. Радости сельчан не было предела!

После освобождения были открыты школы. Евгении тогда было около 16 лет, но пошла она только в 6-й класс. До войны она успела закончить всего пять классов. Окончив семилетку, девушка поступила в педучилище в небольшом городе. В 1948 г. сразу три педагогических училища Курской области отправили своих выпускников на работу в Дагестан. В основном ехали молодые девушки, в том числе и Евгения, которую направили в высокогорный Ахвахский район в селение Ингердах. Евгения работала в начальной школе с. Ингердах, а по субботам пешком приходила в с. Ахвах в гости к другим русским учительницам, там она познакомилась со своим будущим мужем – Рамазаном, который работал в Ахвахской школе. Они поженились в 1951 г., в семье родилось пятеро детей.

В 1959 г. семья переехала в г. Избербаш, Евгения Ивановна работала в школах № 3 и № 1, затем в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей № 7, где и проработала вместе с мужем почти 23 года, выйдя на пенсию в 1989 г. Немало выпускников вспоминают Евгению Ивановну Муслимову с теплотой и благодарностью. Она – «ветеран труда», 41 год трудилась на благо Родины, приложив все свои умения и талант к воспитанию подрастающего поколения. Помимо этого она награждена орденом Материнской славы как мать-героиня. Все дети Рамазана и Евгении стали достойными людьми, у них уже одиннадцать внуков и два правнука.

Опубликовано: Булатова Анастасия. От оккупантов мир стонал... // Р.М. Абдулбасырова, Д.А. Махиев. Учительница первая моя. – Махачкала: ДИНЭМ, 2011. С. 90 – 93.

В Ногайской степи¹

Эсенгельдиева (Толубаева) Инжогбийке Эдильбаевна,
родилась в 1927 г. в с. Нариман Кизлярского округа
(ныне – Ногайский район РД)

Колхоз «Красный скотовод». В годы войны Инжогбийке Эдильбаевна уже работала в колхозе «Красный скотовод». Там же конюхом трудился и ее отец². Возглавлял в те годы конный завод Темир-Солтан Куьнтувганов. Старожил села, Джамалов Алимпаша, вспоминает: «Несмотря на молодость меня, назначили тренером лошадей английской породы. Мы в тяжелые военные годы сумели сохранить табуны лошадей, которые позднее стали резервом для пополнения 4-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А.В. Кириченко. Хотя лошадей было содержать очень трудно, делалось все для сохранения племенного фонда. Люди жили впроголодь, а лошадей старались обеспечивать всем необходимым. Основные тяготы легли на плечи женщин и детей».

С фронта ждали письма каждый день. Бодениязова (Джамалова) Айшат в те годы работала почтальоном. Ей было всего 12 лет. Она разносила письма. Из села Нариман в село Батыр-мурза шла пешком по песку, через буруны³. Она несла в своей сумке радость – весточки от родных, а частенько горестные сообщения – «похоронки» или извещения о том, что чей-то сын, муж, отец или брат пропал без вести на фронтах войны. Айшат переживала вместе с матерями, женами смерть их детей и мужей. Она же первой из семьи узнала о смерти своего брата Шарипа. Такая у нее была работа..

Наравне с мужчинами. Днем и ночью, без выходных трудились женщины Караногайского (ныне – Ногайского) района на полях, рыли противотанковые рвы, траншеи, спасали колхозные стада. Наравне с мужчинами, в самом начале войны подростки и женщины работали на строительстве оборонительных сооружений. «Ехали на подводах, запряженных волами, очень долго, почти неделю, или нам так казалось... Остановились за городом Грозным. Мужчины соорудили шалаши из камыша, в которых мы и

1 Ногайская степь — засушливая безлесая равнина на востоке Северного Кавказа в междуречье Терека и Кумы. Регион расположен на территориях Ставропольского края, северного Дагестана и Чеченской республики. Название происходит от этнонима ногайцы.

2 Эдильбай Толубаев и Ибрагим Баймухаметов, конюхи-стахановцы, участвовали во Всесоюзной выставке работников сельского хозяйства.

3 Буруны – волнообразные песчаные бугры, наносы.

жили. С утра мы выходили на работу – рыли траншеи, чтобы преградить путь немецким танкам. Работа была тяжелая, особенно для женщин, а тем более для молодых девушек. Мужчины копали, а женщины и девушки носили землю в сторону».

Все жили впроголодь. Дети и женщины собирали кумаршик,¹ под него стелили одеяло и собирали зерна. В южной части с. Терекли-Мектеб люди мешками собирали листья репы², которые потом заваривали вместо чая. Ели все, что удавалось раздобыть: отруби, жмых, талкан-просо, туый-пшено, ржаной хлеб, соек-тары. Выращивали тыкву, картофель, держали коров, даже верблюдов. Имелись в хозяйствах волю, домашняя птица. У большинства не было обуви, ходили все больше босиком. Куклы у нас были в основном тряпичные, которые делали сами. А еще брали полотенце, рисовали на нем лицо и заворачивали в разные тряпочки. Лица раскрашивали химическим карандашом. Грифель карандаша смачивали слюной, чтобы рисунок был ярче. Платье шилось из цветных лоскутков. Делали игрушки из всего, что попадалось под руку. Мальчишки выпиливали автоматы и пистолеты из досок, а мячи мастерили из старых тряпок, скручивая их комком и связав веревкой. Игрушки-самоделки мастерили из бумаги, фантиков, разных тряпиц. А мальчишки катали «коляски», которые готовили из маленьких бревнышек. Любили играть свистульками, которые делали из тонких сучков ивы. Летом из глины лепили разные фигурки, сушили их на солнышке. Детской «посудки» у нас не было. Поэтому подбирали разные черепки битой посуды, играли ими, как целой, берегли их, хранили, тщательно мыли. Делали из соломы осликов, козчиков и коровок.

Маленькие праздники. Встречу Нового года в детском доме вспоминает Амангулова (Нурлубаева) Сакинат. «Нам приносили настоящую живую ёлку, украшали её тем, что было под рукой. Это были самодельные игрушки из бумаги, ваты, дерева. Хотя игрушек из магазина не было, но фантазия и бережливость делали свое дело. Поэтому каждую придуманную и сотворенную собственными руками игрушку любили и берегли, как самую дорогую. Игрушка была символом мирной жизни».

Немного о школе. Пол в школе был земляной и его ежедневно мазали глиной. Писали карандашами на полях газет, на обрывках, кусках фанеры. Портфели были тряпичные. В те годы в школе села работали учителя

1 Кумаршик – однолетняя злаковая культура, произрастающая на барханах. Он относится к семейству лебедовых. Семена кумаршика богаты белками, содержат значительное количество жира (более 5%). Его зерна перемалывали на мельнице, из полученной муки пекли хлеб, жарили лепешки. Наряду с пищевыми свойствами он обладает и лечебным действием.

2 В листьях репы много витаминов и минералов, железа, бета-каротина и витамина. Они использовались в народной медицине, а настой из этих листьев помогал при болезнях желудка, горла и десен.

Нурлыбаев Ажимолла, Салимгерей-Апенди, Сагиндигов Амзат (первый директор Наримановской начальной школы), Моллаева Бриллиант, Башиева Базархан.

Когда к нам добралась война. В сентябре 1942 г. шли тяжелые бои под Моздком³. Много бойцов и из нашего района погибло там. В здании нашей сельской школы был организован эвакуационный госпиталь, в который доставляли тяжелораненых бойцов, а как только их состояние улучшалось, то раненых отправляли в города Грозный, Кизляр. Как-то раз привезли сразу 17 раненных солдат: 13 из них были русскими, 2 татарина и 2 ногайца, 1 армянин. Санитарками работали две русские женщины, врач тоже был русским. Недалеко от школы есть братская могила, где к 40-летию Победы был поставлен обелиск всем, кто отдал свои жизни за нас, за нашу мирную жизнь.

В декабре 1942 г. немцы дошли до аула Батыр-Мурза и до нашего села. Немцы останавливались у каждого дома. Они приехали на машинах, некоторые на мотоциклах, были даже велосипедисты. Мы видели у них пулеметы, автоматы. Заметив виноград, они дали нам ведро, объясняя что-то на своем языке, видимо просили нарвать. Немцы очень любили кур, ловили их по всем дворам. Потом они направились в сторону с. Терекли-Мектеб⁴.

Сегодня мы преклоняемся перед боевым и трудовым подвигом наших старших родственников. Моей бабушке 87 лет. У нее 11 детей, 28 внуков, 21 правнук. Она – ветеран труда, мать-героиня. Несмотря на все жизненные трудности, она осталась очень доброй, ласковой и жизнерадостной. Работала в колхозе, совхозе, вместе с мужем трудилась на кошаре. По сей день, она вяжет носки, шьет одеяла, готовит вкусный ногайский хлеб и чай. У меня самая лучшая бабушка на свете. Я хочу, чтобы бабушка жила долго-долго!

Материал предоставлен Омаровой Г.А., Дагестанский государственный институт народного хозяйства, и Амирхановой М.М., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

3 Моздок-Малгобекская операция (1942) — оборонительная операция Северной группы войск Закавказского фронта в Великой Отечественной войне, проведённая в ходе битвы за Кавказ с 1 по 28 сентября 1942 года с целью отражения наступления немецких войск и срыва попытки их прорыва в нефтяные районы Кавказа. После выхода на рубеж Прохладный, Моздок, Ищерская немецко-фашистское командование намеревалось прорвать оборону советских войск на р. Терек, уничтожить главные силы 9-й армии и развить наступление по долине Алхан-Чурт на Грозный, Махачкала.

4 В декабре 1942 г. (операция «Блау») с. Терекли-Мектеб был занят частями группы армий «А» Вермахта, а через несколько дней освобождён Красной Армией. Это была наиболее восточная точка, до которой дошли немецкие войска на Восточном фронте Второй мировой войны.

Письма с фронта

С началом войны миллионы наших соотечественников оказались в действующей Красной армии. Война разлучила тысячи семей. Одни оказались в тылу, другие – на фронте. ежедневно на фронт шли тысячи писем, открыток, газет... С фронта летели письма-весточки, адресованные родным, близким, друзьям, коллегам... Письма эти написаны в основном бесхитрым языком, простым и понятным каждому.

В стране была создана система военно-полевой почты под началом Центрального управления тыла. Но писем не хватало у военных почтальонов. Не легче было и почтальонам в тылу. Часто разноской писем занимались школьники. Им приходилось сталкиваться и с горем, и с радостью.

Конвертов не хватало. Солдаты приносили и делали треугольники. Отправляли их бесплатно. Треугольник – это обычный лист из тетради, который сначала загибали справа, потом слева направо. Оставшуюся полоску вставляли внутрь треугольника.

Сегодня практически нет музея или архива, где бы не хранились письма фронтовиков. Но, к сожалению, исследователей до них, как правило, «не доходят руки». А ведь это тоже история Великой Отечественной войны глазами ее участников – важный исторический источник. Работа по сбору писем с фронта очень актуальна, ее надо сегодня активно продолжать, так как уходят из жизни хранители солдатских писем.

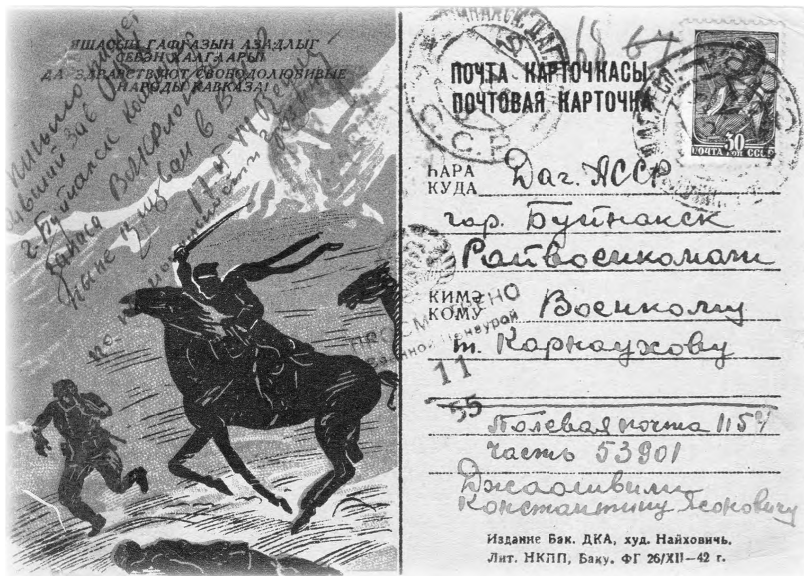
Что объединяет эти письменные свидетельства? Почти все письма начинаются с обращения к родным и близким. Как правило, в письмах встречаются короткие повествования о войне. Часто родным отправляли стихи, фотографии, вырезки из газет, листовки. Часто называли места, где идут бои, в которых участвовали авторы посланий. Почти в каждом письме – строки о боевых товарищах, в том числе о погибших в боях. Многие послания сопровождалась цитатами И.В. Сталина. По этим письмам можно проследить боевой настрой писавших. Есть в письмах и вычеркнутые строки. Это военная цензура, которая проверяла их содержание.

М.Д. Бутаев, известный дагестанский журналист и ученый, участник Великой Отечественной войны, в своей небольшой книжке «Фронтные треугольники» писал: «Солдатские письма. Как ждали их когда-то! Как радовались им, как плакали над ними! Сколько их, таких писем-судеб, писем-трагедий, писем-радости, хранятся в семейных альбомах как память

о живых и павших. Письма, написанные в короткие передышки между боями, письма, прорвавшиеся сквозь шквалы огня, долетевшие из заметенных снегом окопов, блиндажей и партизанских землянок, – документы особого рода. В них – непосредственное ощущение сражений, горечь утрат, жажда победы. В них – история, боль, героизм и слава нашего народа, нашей земли, нашей Родины. Письма эти – наше богатство. А, может, еще точнее: национальное достояние». (Бутаев М.Д. Фронтовые треугольники. Махачкала. 2000. С. 3).

Давно уже переписка близких людей военной поры перестала быть личным делом, а стала историей, историей сопричастности к великим и трагическим событиям Великой Отечественной войны. В Центральном государственном архиве Республике Дагестан хранится большая коллекция фронтовых писем. Сотрудниками главного архивохранилища республики проводится огромная работа по выявлению, хранению и популяризации этого бесценного материала.

За годы бумага старится, но и сегодня эти письма с фронта, обожженные, надорванные, полуистлевшие – важные свидетельства живой истории войны.

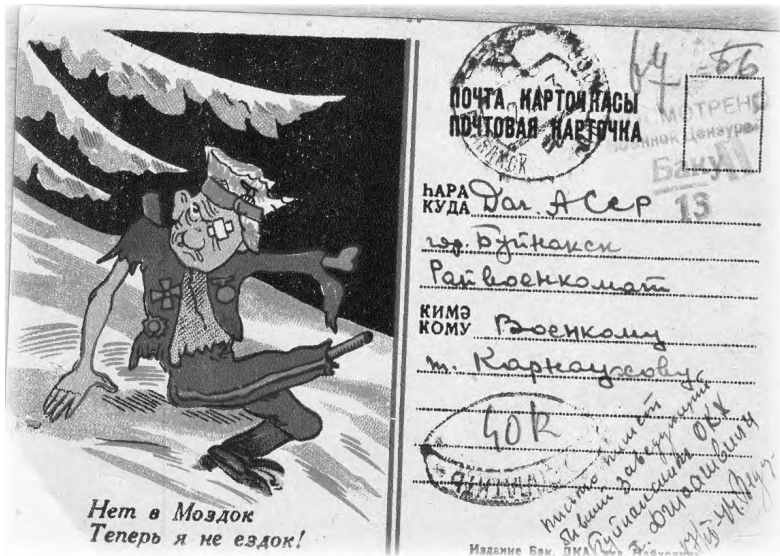
Письмо Джосашивили К.Я. 1. © ЦГАРД, Махачкала, 2015

т. Каркоутов!
 Шлю свои сердечные приветы
 Вам и Вашей работнице,
 и прошу передать привет Г.
 Хилину, В. Вилькину, Д. Ролину.
 Как я Вам писал раньше, у меня
 все очень хорошо, но знаешь, мне
 мне злится, в настоящее время
 приходится в действительности
 обращаться к хорошему, редкому
 знакомому. Но мне разрешено
 ходить в магазин, но беда что я
 мне не получил нового платья,
 может быть Вы получили, что
 пишете на меня, прошу ускорить
 с Переселенкой.
 Прощай, как Вы промен-
 ваете в Букинаре, это хорошо.
 За меня не беспокоиться
 справедливо все, что на меня
 возложено. За смерть мамин
 братьев, сестр. за разоренные
 Катюши, Завозы, Корова, Дядя
 Меришь и меришь годов, друзей.
 До свидания, доброго здоровья
 Дядя

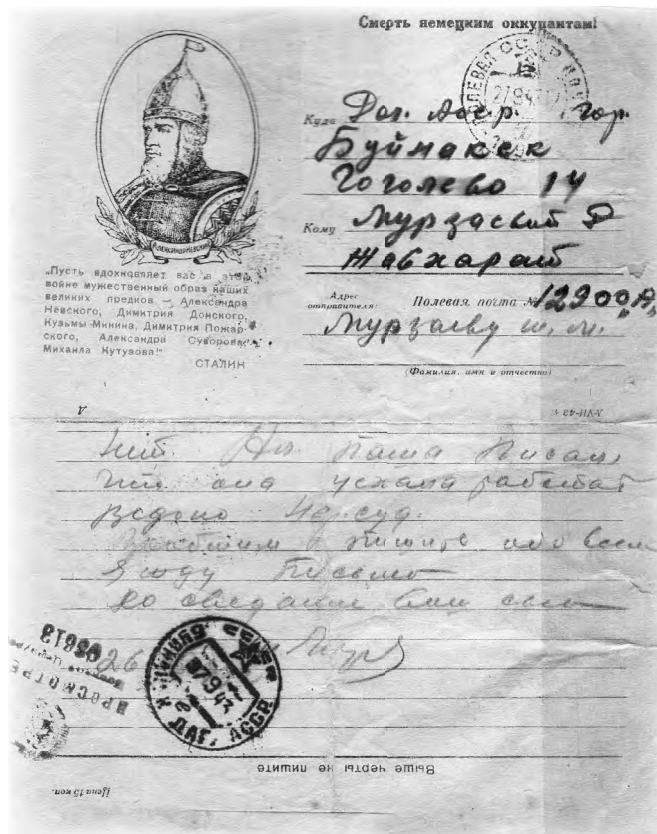
Письмо Джоашвили К.Я. 2
 © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Письмо Якубову 2.
 © ЦГАРД, Махачкала, 2015

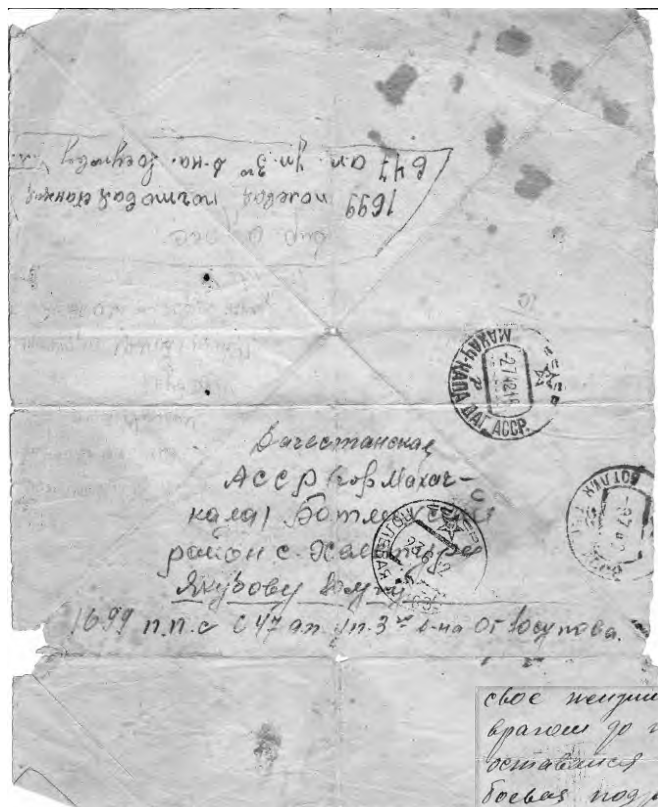
(The text on this page is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan and the condition of the document. It appears to be a handwritten letter, possibly the one mentioned in the caption above.)

Письмо Джоашвили К.Я. 3
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Письмо Мурзаевой Ж.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Письмо Якубову 1
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

свое письмо другу дружит с товарищем
врагем др. и много его приветствием
остаются шибко и зрярова
босва поздрав красной армии.

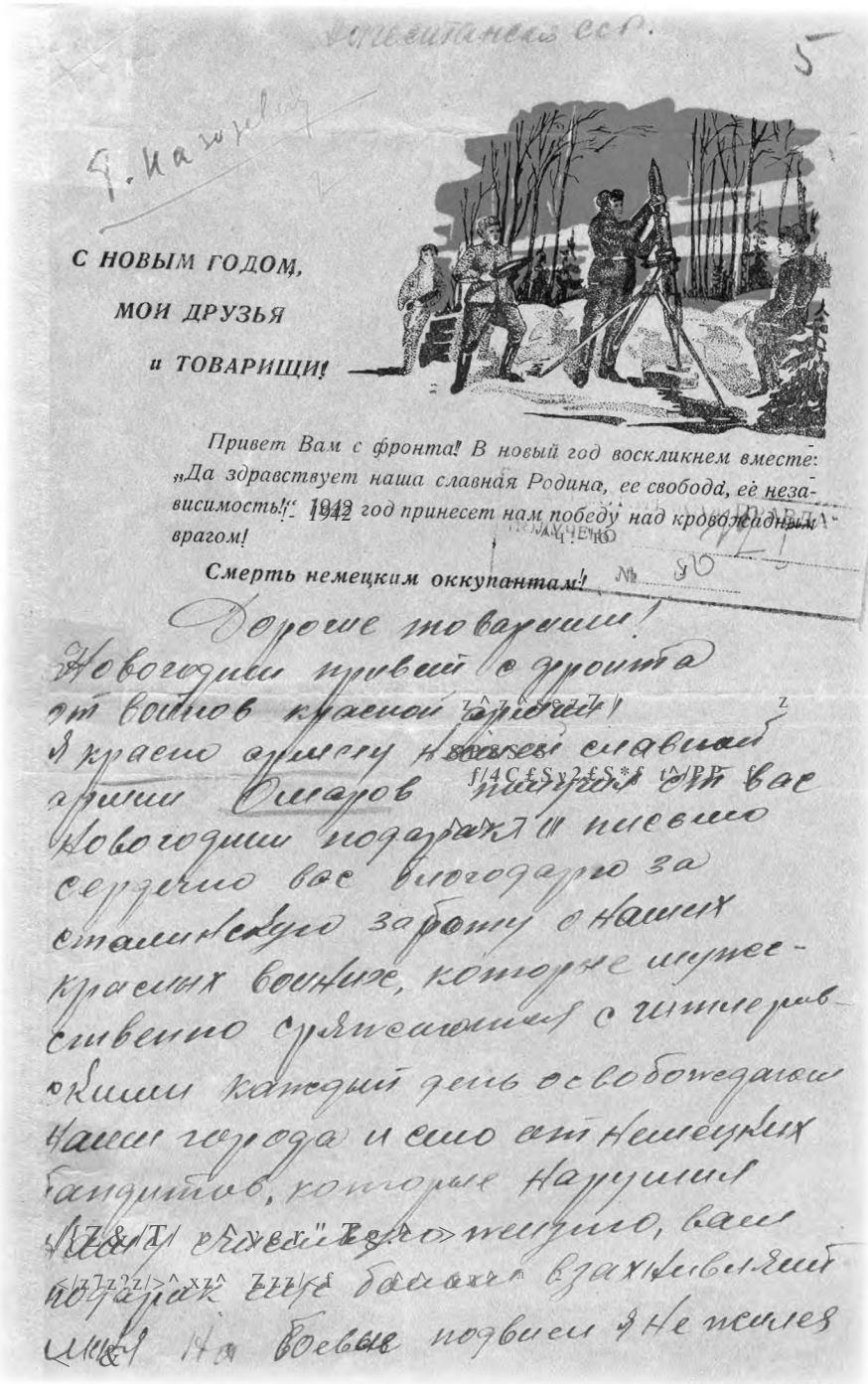
/Омаров.

3-5-1942. 209.

адрес.

Пашева пошта 1436
71. Кашенгалтура
Омарову колхозу

Письмо Омарова К. 2.
© ЦГАРД, Махачкала, 2015

Письмо Омарова К. 1 © ЦГАРД, Махачкала, 2015

Список использованной литературы и источников

1. Абдулбасырова Р.М., Махиев Д.А. Учительница первая моя. – Махачкала: ДИНЭМ, 2011.
2. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920 – 1995 гг.). Документы и материалы. В 2-х томах. Т. I. / Сост.: Какагасанов Г.И., Каймаразова Л.Г., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Асильдаров С.Ч. Махачкала: Издательский дом «Наука плюс», 2006.
3. Акимов К.Х., Алиева С.К. Абдулла Искендеров: жизненный и творческий путь. Махачкала: «Мавел», 2011.
4. Бутаев М.Д. Фронтные треугольники. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000.
5. Был такой город. Махачкала: Воспоминания. Авторы проекта Анохина С.А., Санаева П.О. Махачкала: «Эпоха», 2010.
6. Великая Отечественная война в историческом знании и народной памяти. Материалы региональной научно-практической конференции. (20 – 21 октября 2010 г.). Махачкала: Изд-во «Эпоха», 2010.
7. Великий подвиг советского народа: актуальные проблемы изучения участия народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. Материалы региональной научной конференции, посвященной 68 годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013.
8. Верю в нашу победу. / Сост.: Р.И. Джамбулатова, Д.С. Эмиров. Махачкала, 1986.
9. Гаджиев А.М. Честь имею! Записки дипломата и разведчика. Махачкала: Изд-во: «Юпитер», 2003.
10. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы. / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Сост.: М.Д., Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995.
11. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Воспоминания участников // Махачкала, 1960.
12. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Сост.: Блумфельд О.А., Кичев, М.И., Мелешко А.Г. Махачкала, 1962.
13. Детство, опаленное войной. Искитим, 2010.
14. Законы вольных обществ XVII – XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2007.
15. Интервью. Рауф Мунчаев. Большой путь от аспиранта до директора // Мавраевъ. Культурно-исторический журнал. 2014. № 4(5).
16. Искендеров Г.А. Жемчужина Самура: история и современность Магарамкент-

- ского района. Махачкала: Издательство «Лотос», 2013.
17. Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Махачкала: Дагестанское государственное книжное издательство, 1963.
 18. Каймаразов Г.Ш. Великий подвиг народа // Годы суровых испытаний и народного подвига. Сб. статей. Махачкала, 1995.
 19. Каймаразов Г.Ш. Немеркнувший подвиг народа. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000.
 20. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2007.
 21. Каймаразова Л.Г. Патриотическое и трудовое воспитание школьников в 1941–1945 гг. // Дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции «Немеркнувший подвиг народа», посвященной 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21 апреля 2000 г.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. С. 244–247.
 22. Керимов М.К. Дагестан в Великой Отечественной войне. // Народы Дагестана. 2013. № 2.
 23. Кизляр орденосный. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995.
 24. Ковалева Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
 25. Лысенко Ю.М. Строительство железной дороги Кизляр–Астрахань в 1941–1942 гг.: факты и воспоминания // Великая Отечественная война в историческом знании и народной памяти. Материалы региональной научно-практической конференции. (20 – 21 октября 2010 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
 26. Магомедшерифов Г.М. Дербент – железнодорожный узел на рубежах веков. Очерки истории, воспоминания ветеранов, архивные материалы и статьи. Махачкала: ООО «Центр-полиграф», 2003.
 27. Магомедшерифов Г. На южном стыке РЖД. Очерки из истории и современности махачкалинского региона СКЖД. Дербент, 2015.
 28. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
 29. Магомедов Р.М. Они тоже сражались за Родину // Народы Дагестана. 2015. № 5.
 30. Максимова Э. Дети военной поры. М., 1988.
 31. Муртазалиев О.М. 40 лет ТОКСу. Махачкала, 2011.
 32. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Документы и материалы). – Исправленное и дополненное издание. / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005.
 33. Османов А.И. От берегов Терека и далее. Воспоминания историка. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013.

34. Путерброт А.В. Вести с войны. Очерки. Махачкала, 1967.
35. Самый памятный день войны. Письма-исповеди. М.: Вече, 2010.
36. Эфендиева Д.А. Продовольственное снабжение населения республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции «Немеркнувший подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. 21 апреля 2000 г. Махачкала. 2000.
37. Я вспоминаю: свидетельства детей Великой Отечественной. / Сост.: Хубулова С.А., Хабдиева Л.Ч., Милостивая Н.Ю., Кочиева Е.Х. Владикавказ: ИПО СО-ИГСИ, 2010.

Список информаторов

1. Абакарова Г.Г.	28. Бутгаев. И.
2. Абдулаев М.Д.	29. Гаврилкин В.
3. Абдуллаева А.Ш.	30. Гаджиев А.М.
4. Абдулмеджидов М.М.	31. Гаджиев И.А.
5. Агабалаев Ю.А.	32. Гаирбекова Е.С.
6. Адисова К.А.	33. Гамидова Ш.К.
7. Адуев А.Н.	34. Гарунов Ю.К.
8. Айдиева Х.	35. Гасанбеков Ш.
9. Алиев Б.Г.	36. Гасанова Т.М.
10. Алиева А.Ч.	37. Гафуров Г.
11. Алиев Х.	38. Гитинова Р.
12. Алиева П.Х.	39. Григорьянц Л.С.
13. Ализасева Л.А.	40. Дадаев А.Х.
14. Алиханова М.М.	41. Даибов Д.
15. Амангулов Г.А.	42. Далгатов М.О.
16. Арсланбеков А.И.	43. Даудов Д.М.
17. Асадулаев А.Г.	44. Даудова Х.Д.
18. Асадулаев А.М.	45. Дунайская Л.
19. Асельдеров Ш.	46. Дьяконова Л.
20. Аскеров А.А.	47. Зубаиров М.Г.
21. Ахбердиев Д.Н.	48. Зульпукаров М.Д.
22. Ахмедов С.Х.	49. Ибрагимов И.И.
23. Ахмедов Э.С.	50. Измаилова З.
24. Ахмедова Р.С.	51. Иноземцева М.Г.
25. Багамаев М.А.	52. Исаева П.Г.
26. Батырмурзаева М.А.	53. Искендеров Г.А.
27. Брух Э.	54. Исмаилов Х.И.

55. Каймаразов Г.Ш.
56. Капланова П.
57. Карнаева М.Р.
58. Кебедова П.Г.
59. Кек И.Ф.
60. Кидирниязов С.Н.
61. Климович Л.Н.
62. Койлубаева (Тагланова) М.А.
63. Кудамарова М.А.
64. Кудинов В.П.
65. Кузин В.М.
66. Кузина (Колесниченко) Т.П.
67. Курамагомедов О. М.
68. Курахмаев Д.
69. Курбанов Н.Г.
70. Куценко (Рамалданова) Ж.Г.
71. Лукманова К.С.
72. Лысенко Ф.С.
73. Магомедов А.М.
74. Магомедов М.М.
75. Магомедов Р.М.
76. Магомедов С.М.
77. Магомедова Б.Х.
78. Магомедова В.М.
79. Магомедова Г.А.
80. Магомедова З.М.
81. Магомедова П.Г.
82. Магомедова С.М.
83. Мадаев М.А.
84. Мамаева П.
85. Маркозашвили Н.
86. Матаева Н.Ш.
87. Махатилов М.
88. Миловидова (Силина) В.Н.
89. Минхаджева Н.С.
90. Мирзаева П.О.
91. Моллаева Х.Б.
92. Мудрова Г.Ф.
93. Мунчаев Р.М.
94. Муташев М.К.
95. Набиюлаев С.Н.
96. Омаров А.О.
97. Омаров М.-Т.
98. Омаров С.М.
99. Омаров А.М.
100. Османов А.И.
101. Пенькова А.И.
102. Радченко Н.Г.
103. Развина (Орехова) Т.Н.
104. Расулов М.Г.
105. Расулова А.К.
106. Расулова Х.
107. Рашидов А.М.
108. Саадулаев Б.
109. Сагидова Р.У.
110. Саидова А.Д.
111. Салихов С.Т.
112. Сефербеков И.А.
113. Сулейманов С. И.
114. Труба М.
115. Турабова Ш.
116. Тыщенко Э.А.
117. Умаев У.
118. Умарова М.
119. Учурханова Р.У.
120. Фараджев В.Л.
121. Чопаханов Ч.А.
122. Шахбанов М.Т.
123. Шахбанова У.М.
124. Шихмурзаева А.
125. Шихсаидова Р.С.
126. Щебанова Е. И.
127. Эсенгельдиева (Толубаева) И.Э.

Содержание

Дети и война: 70 лет спустя	3
О войне мы знали по письмам и по беженцам.....	19
Мы не понимали, что такое война.....	22
Мы мечтали о мирной жизни и чистом небе над головой	29
Голодная смерть настигала многих.....	29
Быстрее бы закончилась война.....	31
Кто-то родом из детства. Я – из войны.....	32
Я мечтал о том времени, когда кончится война.....	35
Мы трудились на трудовом фронте	39
И сегодня вспоминаю те годы.....	40
Воспоминания о войне никогда не сотрутся из моей памяти.....	48
Отец зашел домой буквально на часок.....	56
Немало воспитанников нашего детского дома сражалось на фронте.....	59
Если меня разбудить среди ночи, то и тогда я вспомню все до мельчайших подробностей	70
Одна лепешка – маме, вторая – мне, а третья – на завтра	72
Семья у нас была небольшая: мать, отец, семеро детей	74
Отца я запомнил сильным и высоким.....	75
Голодное было время... ..	76
Я хорошо помню вкус макухи	78
Я помню, как летали над городом немецкие самолеты.....	82
Вся колхозная продукция отправлялась на фронт.....	84
Мама закрыла меня собой.....	86
В лихие военные годы	91
Когда закончилась война.....	94
Общее горе объединило людей.....	96
У детей моего возраста не было возможности играть	99
Помогали фронту своей работой.....	102
Трудные дороги войны	103
После бала	105
Казалось, что Хунзах плачет день и ночь	107
Мы мечтали о кусочке свежего хлеба	115
Вспоминаю о наших детях в военные годы	116
Война – это очень страшное слово	120

Сельчане уходили в армию на своих лошадях и в полном обмундировании	122
Война сразу отразилась на школьной жизни.....	124
Вспоминаю детский дом с благодарностью	126
Меня назвали Розой	128
Мы пережили страшную войну	128
Работали вместо ушедших отцов	130
Я часто вспоминаю те трудные годы	133
В селе почти не осталось мужчин.....	135
Задача была одна – выжить!	137
Дети трудились наравне со взрослыми.....	140
Девочка с белыми волосами.....	142
Всю войну я просидела у мамы под станком	144
А завтра была война... ..	145
Порой обходились горсточкой муки.....	148
День был теплым, солнечным.....	151
Смелость – удел сильных духом	154
Война, как смерч, прошла по детским судьбам.....	155
Сидя на коленях у отца, я рассматривала его награды.....	157
Далеко от войны.....	162
В школу бегали босиком.....	167
Это было время напряженной работы	173
Очередь за хлебом занимали	182
с четырех – пяти утра	182
Высоко в горах.....	182
Мне был год, когда началась война	185
Мы все время ощущали чувство голода.....	188
Эхо войны докатилось и до нас.....	196
Мальчишкой он строил бронепоезды в Дагестане	200
Встреча, что не состоялась... ..	203
Мы сильно уставали, но время для игр все же находили.....	206
В ту пору немецкие самолеты летали даже южнее Дербента	208
Девять грамм на всякий случай.....	212
Кровать и сундук – вот и вся наша мебель... ..	214
Каждый делился тем, что у него было	217
Письма с фронта получали редко.....	223
Свою битву за Кавказ мы, бойцы сороковых годов, выиграли... ..	224
С фронта мама получила два «треугольника»	227

Трудное время.....	234
Было трудно, но мы не жаловались.....	236
Мое детство пришлось на трудные военные годы.....	239
Игрушки мы делали сами.....	242
Мы босиком бегали за несколько километров встречать родных.....	243
С фронта писали стихи вместо писем.....	248
Я до сих пор не могу есть кукурузные лепешки.....	252
Над Махачкалой кружили самолеты.....	254
Отец видел меня только на фотографии.....	260
Героем для меня был отец, участник трех войн.....	262
Я хотела верить, что приношу большую пользу.....	263
Тяжело вспоминать эти годы.....	268
Я участвовала в восстановлении Сталинграда.....	271
Когда началась война.....	274
Сохранить детей и выжить самим.....	275
Посерьезневшие лица детей, напряженная тишина.....	280
Предвестник страшной беды.....	284
Мы мечтали о хлебе.....	287
Я мечтала о красивом платье.....	289
Работали все – от малых детей до стариков.....	291
На целый день два кусочка селедки.....	294
и два кусочка хлеба на двоих.....	294
Я помню Махачкалу во время войны.....	297
Гудели паровозы и гудок консервного завода: Победа!.....	300
И я отношусь к детям сороковых.....	302
Город ревел, гудел, было жутко.....	305
Самыми счастливыми бывали дни, когда мы наедались досыта.....	306
Немцы, которые с нами.....	308
Конец детства.....	310
Весть о начале войны потрясла всех.....	319
Я родом из войны.....	322
Надо же, какой маленький, а какой образованный!.....	327
Сеять жито даже в день смерти.....	328
Два куска хинка – в дорогу на войну.....	331
Помогали знания и воспитание, полученные в школе.....	333
Гергебильцы помогли фронту, чем могли.....	349
Война прошла по нашим судьбам.....	352
А память хранит эти годы.....	358

Спасительный котелок	363
Отец вернулся почти через пять лет	364
после Победы	364
До того, как пришла беда...	370
Мы были желанными гостями в госпиталях	372
Молодая вдова	374
Пшеничная мука была редкостью в доме	375
Покидая родные места...	380
Я похожа на отца, который не вернулся с войны	384
Мы не были похожи на детей...	387
У железной дороги.....	390
Читать письма было некому – всех грамотных забрали на фронт.....	393
Приходилось много работать и рассчитывать на свои силы.....	398
Беженцев во время войны было очень много	403
Эвакуированы из Ленинграда	403
Раненых везли со всей страны.....	406
Кусочек хлеба и конфета под новогодней елкой.....	410
В школу ходили босиком	414
«Взрослые» дети	415
Живу воспоминаниями...	417
Я стал постигать истинный «вкус войны»	422
Я остался единственным мужчиной в семье	424
Основу питания составляла кукурузная мука.....	426
В конце рабочего дня давали одну банку муки.....	427
Мама плакала и повторяла: «Война, война»	430
Единство фронта и тыла было прочным, как никогда	431
Все ждали, что вот-вот объявят об окончании войны	439
От оккупантов мир стонал.....	445
В Ногайской степи.....	447
Письма с фронта	450
Список использованной литературы и источников.....	456
Список информаторов	458

instituteofhistory.ru

Научно-популярное издание

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ
Дагестан
1941-1945 гг.

Воспоминания

Редакторы

Л.Г. Каймарзова

Ю.М. Лысенко

Верстка

С.Ш. Раджабова

instituteofhistory.ru

Подписано в печать 00.00.2015.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «CaslonC 540 BT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,41.
Тираж 000 экз. Заказ № И-02/15.

ИД «МавраевЪ»:
РД, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 94, 1-й эт.
Тел.: 8-988-293-63-26;
E-mail: mag-rabadan@yandex.ru
www.mavraev.ru